

МАНАСЫПОВ

ЧИСТИЛЬЩИКИ
ПУСТОШЕЙ

Annotation

Последняя Война уничтожила привычный мир. Уцелевшие в этом хаосе люди пытаются спасти остатки цивилизации и наладить новую жизнь.

В маленьком шахтерском городке, расположенном посреди бескрайних пустошей, поселяется Страх. Каждую ночь Патруль отбивает атаки непонятных созданий, постоянно неся потери. С наступлением сумерек горожане запирают свои жилища, спасаясь от неведомого ужаса. Но почему-то каждую ночь в одном из домов дверь распаивается навстречу неминуемой гибели.

На помощь зовут Чистильщиков — людей, которые очищают города от чудовищ, порождённых Полночной Войной. Только они могут спасти этот Город. Однако с первого же дня Чистильщики понимают, что на сей раз столкнулись с чем-то доселе невиданным и крайне опасным.

-
- - [INTRO](#)
 - [Глава первая: Город, Енот и чистильщики.](#)
 - [Глава вторая: Кэп, Батя, разговоры и пиво.](#)
 - [Глава третья: Лагерь гостей, Медовая, черная кожа в обтяг и хорошее отношение](#)
 - [Глава четвертая: странности, а также Мерлин, Варяг и другие.](#)
 - [Глава пятая: ночь, улицы и страх.](#)
 - [Раньше - рассвет](#)
 - [Глава шестая: утро, лагерь и вопросы](#)
 - [Глава седьмая: те, что живут в степи, первый бой, первые потери](#)
 - [Глава восьмая: немного счастья, начальство и неожиданности](#)
 - [Глава девятая: учиться, учиться и еще раз учиться](#)
 - [Глава десятая: вторая встреча, неожиданности и определенность](#)
 - [Зенит](#)

- [Глава одиннадцатая: вооруженная дипломатия, кто есть кто и новые сложности](#)
 - [Глава двенадцатая: улицы в огне](#)
 - [Глава тринадцатая: раскрытие тайн, будущее скорое и будущее наступившее](#)
 - [Глава четырнадцатая: разведка боем и погружение во мрак](#)
 - [Глава пятнадцатая: те, кто живут во тьме, новая загадка и то, чего не должно быть](#)
 - [Закат](#)
 - [Outro](#)
 - [История мира \(по материалам просветительского отдела КВБ Альянса «Звезда»\)](#)
 - [Чистильщики пустошей: великая степь \(ознакомительная выкладка продолжения\)](#)
 - [«Чистильщики пустошей: первая кровь» \(Хроники Руин, потерянный том\)-1](#)
 - [«Чистильщики пустошей: первая кровь» \(Хроники Руин, потерянный том\)-2](#)
 - [«Чистильщики пустошей: первая кровь» \(Хроники Руин, потерянный том\)-3](#)
 - [«Чистильщики пустошей: первая кровь» \(Хроники Руин, потерянный том\)-4](#)
 - [«Чистильщики пустошей: первая кровь» \(Хроники Руин, потерянный том\)-5](#)
 - ["Чистильщики пустошей: первая кровь" \(Хроники Руин - потерянный том\) - 6](#)
 - ["Чистильщики пустошей: первая кровь" \(Хроники Руин - потерянный том\) - 7](#)
 - ["Чистильщики пустошей: первая кровь" \(Хроники Руин - потерянный том\) - 8](#)
 - [Мэдмакс - 1](#)
 - [Мэдмакс - 2](#)
 - [Мэдмакс - 3](#)
-

Чистильщики пустошей-1: город страха

INTRO

Фонарщик Сивый неторопливо шел по Второй улице. Осень в этом году подобралась к городу намного раньше, чем обычно. Ночью резко понижалась температура, и изо рта небольшими клубами постоянно вырывался пар. Было холодно и неудобно, слегка моросило. А ведь днем жарило иногда так, что куда как некоторым летним дням...

Сбитые каблуки старых башмаков постоянно задевали за выбоины и становящиеся все более широкими трещины асфальта. На спину давила фляга с маслом, пригибая к земле. Прокуренные пальцы крепко сжимали отполированную деревяшку шеста, с помощью которого Сивый вот уже несколько лет зажигал огни в своем районе. Иногда он глубоко закашливался, сотрясаясь всем телом, и тогда к пару добавлялись вылетающие из легких маленькие капли крови. В такие мгновения Сивый останавливался, прислоняясь к ближайшей обшарпанной стене, шумно дышал и вытирал холодный пот, градом катившийся по лбу.

Туберкулез скоро доконает его, это фонарщик знал точно. Если раньше, конечно, не случится чего похуже. А при такой работе ожидать можно чего угодно. В последнее время, по ночам, улицы города не то место, в котором стоит не опасаться за свою жизнь. Это знали все его обитатели и старались лишний раз не высовываться из домов после последнего удара колокола. Хотя это спасало далеко не всегда, ох не всегда...

Сивый сплюнул под ноги густой и вязкой от табака слюной. Будь он моложе и здоровее, так давно бы ушел куда-нибудь на Запад, нанявшись в один из наемных отрядов. Там хоть не так страшно помирать. Уж что-что, а это он знал не понаслышке. Если бы не то ранение, после которого доктора еле смогли спасти ему жизнь, то разве стал бы фонарщиком в этом занюханном городишке, да еще и у самого Фронтيرا? То-то и оно, что хоть завали его золотом, так не согласился бы. А тут умудрился еще и чахотку подхватить. Старость не радость, что и говорить.

Сивый остановился возле очередного металлического столба, увенчанного стеклянным граненым грибком. Крючком на шесте откинул в сторону окошко. Поджег паклю на его конце и поднес к фитилю. Тот затрещал, брызгаясь искрами, чуть зацадил, но вспыхнул. Пламя заметалось из стороны в сторону, становясь то больше, то меньше, но выравнилось и разгорелось, наконец, ярко-желтым. Фонарщик облегченно вздохнул, поправил легкую, оставшуюся еще от старых времен, драгоценную раскладную лестницу. Лезть вверх ему вообще не хотелось. Да и опасно это по нынешним-то временам, торчат на ней над землей. Впереди, там, где улица погружена в темноту, раздались какие-то звуки. Сивый чуть дернулся, рука метнулась в карман затертого пальто, стиснув в ладони револьвер. Он замер, совсем по-стариковски вытянув вперед худую шею и медленно отступая назад.

Жужжание приближалось, становясь все более узнаваемым. Из-за угла старой двухэтажки выбился на асфальт скромный луч света. С приближением странных звуков он становился все более широким и ярким. Фонарщик еле слышно и очень облегченно вздохнул. Он понял, что его так напугало. И виновата в этом только скарденность администрации, экономящей даже на патрулях городской стражи. В отличие от рудничной, на содержание которой денег старались не жалеть. Оно, конечно, понятно. Шахты приносили те самые деньги, за счет которых город до сих пор жил. И охраняли их не в пример лучше, чем большинство городских кварталов. Городским патрульным на ночь выдавались механические фонари-жучки, которые работали от встроенной «динамки», приводимой в действие сжатием ладони. Шумели они не очень сильно, но ночью хватало и этого постоянного жужжания, чтобы заставить поволноваться тех, кто привык быть настороженным. И выдавали идущих по маршруту патрульных с головой. Как сейчас, например.

Луч света окончательно вырулил на улицу и запрыгал вперед, направляясь к нему. Три силуэта дружно топали в сторону Сивого. Большие и угловатые фигуры, и почему-то без обычно торчащих вверх или в сторону длинных стволов. В городе патрули ходили с магазинными винтовками, очень мощными и надежными, несмотря на старость. Правда, при всем при этом – тяжелыми, неудобными и медленно перезаряжающимися.

- Здравствуй, Сивый. – Держащий фонарь сипловатый мужчина перестал нажимать на динамо. Торчащие как у таракана усы воинственно топорщились. И фонарщик знал, что они густого медно-рыжего цвета.

- И тебе не хворать, Ред. А это что у вас, ребят, такое, а?

Фонарщик удивленно посмотрел на висевшие у патрульных поперек груди довольно короткие «машинки» из дерева и стали. Солидный деревянный приклад и ложе, все еще лакированные, ребристый кожух толстого ствола, рожковый магазин, торчавший вниз.

- Да вот, аж сам не верится... - Ред чуть смущенно улыбнулся. – Выдали вот. Пистолеты-пулеметы из закровов мэра, да... чтобы, значит, сподручнее было жителей города защищать. А то сам знаешь, чего здесь творится то.

- Да уж... - Фонарщик снова отхаркнул тягучую слюну. – Ишь, как всполошился наш головастый, благослови его отцы-великомученики до самых печенок. Как машинки?

- Ну, вроде ничего. – Патрульный почесал широкой пятерней в затылке. – Только у некоторых клинит затворы, значитца, вот.

- Клинит? Ну, это ни беда. Давай с утра зайду, мож чего подскажу. Пиво поставите старику, если помогу. Договорились, Ред?

- Договорились, Сивый. – Собеседник расплылся в улыбке, также как и двое его напарников. Фонарщик тайны из прошлого не делал, и если бы не проблемы со здоровьем – быть ему давно в патруле. Раз уж сказал, что поможет, то, значит, сможет помочь с капризничавшей механикой. В Вольных отрядах, что воевали на всех последних войнах, техника и вооружение были подчас куда лучше, чем у некоторых маленьких армий. И обращаться с ними в отрядах учили на совесть.

- Ну ладно, потопали мы дальше. Следующий заход через полчаса, так что ты здесь давай уж поаккуратнее.

- За прошлую ночь вроде как все спокойно было? – Сивый с хрустом почесал щетину на подбородке. – Или просто все спрятать успели?

- Спокойно вроде было, тьфу-тьфу. – Ред быстренько сплюнул через плечо. – Бывай, Сивый, с утра ждем.

Он покачал головой, глядя на то, как они действительно... потопали дальше. Три крепких неуклюжих медведя. Хорошие ребята, даже странно для патрульных.

...Не без греха, конечно, но намного лучше, чем во всех больших городах, которые он посетил в своей прошлой жизни. То, что половина из них неумехи... так это точно. Для поддержания порядка сойдут, недаром же их отбирали по росту с массой, но не больше того. Всерьез биться не смогут, никто не учил. Оружие новое повесили так, как лоточники на себя свои разносы с пирожками натягивают. Случится что – сразу и не смогут ничего сделать, в ремнях запутаются. Да что говорить, городская стража это не пограничники, которым постоянно приходится стрелять или резаться с противником. Да еще с каким, ага...

Сивый двинулся дальше, стараясь хоть немного ускориться. И совсем не замечая, как все это бормочет себе под нос ворчливым стариковским шепотом. Впереди у него еще полторы улицы, которые он не успел обойти до темноты. Врать самому себе было бесполезно, сам виноват. Нечего было торчать в кабаке у Йода, давясь дешевым и кислым привозным пивом. Просто разболелся когда-то в дребезги разможенный сустав, который ему тогда по крупицам собрал отрядный хирург. И именно он, вместе с теми пятью дырками, что наделали в нем гвардейцы Альянса, привел к тому, что сейчас есть. Эхех, старость не радость...

Фонарщик, ворча и вороша бывшее, добрался до того самого угла, откуда вынырнул патруль. Поджег первый из двух фонарей, что торчали здесь. Постоял-подумал и подпалил фитиль и у второго. Тот задергался, задрожал, но, в конце концов, разгорелся. Это очень хорошо, потому что на последнем отрезке у него оставалось всего десять штук. И все совсем недавно собственноручно заправлены маслом под завязку, и шнуры в них новые. А значит - проблем с ними быть не должно.

И на сегодня практически все и можно спокойно дожидаться возвращения стражи и вернуться с ними. Наверняка ребята Реда помогут с лестницей, что тоже неплохо. Добраться бы до своей маленькой квартирki, что под самой крышей добротного каменного дома Йода, залезть под клетчатое шерстяное одеяло. И намазать бедро той мазью, что сделал аптекарский подмастерье в «Линдвурме» на прошлой неделе. Тогда его как раз прихватило, да так, что даже встать на ногу было больно. А после мази – как рукой сняло. Хорошая аптека, хоть и называется глупо и непонятно. Сивый кривовато улыбнулся,

поймав себя на постоянно возникающих мыслях о том, что он неумолимо стареет. И глаза даже стали хуже видеть. Вон, между домами, еще вчера свет фонарей давал возможность увидеть раскрошившиеся кирпичи, а сейчас только тень. Тень?!!

Сивый рванул с плеча драгоценную лесенку, метнув ее в сторону темного пятна, ринувшегося к нему. Она ударилась обо что-то мягкое и тут же полетела в сторону, отброшенная мощным ударом. А за первым пятном выскочило еще два, бросившихся в сторону фонащика.

«Врешь, сука, не возьмешь!!!» - Сивый оскалился как загнанный в угол старый, но еще крепкий дворовый пес. Одним рывком выхватил револьвер, взвел курок, рванул пальцем спуск. Мощное оружие не подвело, и первая тень, уже подобравшаяся почти вплотную, с ревом ушла в сторону, покатилась по земле.

Второй и третий выстрелы тоже легли хорошо, успев отбросить следующую, пригнувшуюся к земле длиннорукую фигуру. Последняя тень метнулась в сторону и сразу обратно, хитрым зигзагом мешая ему прицеливаться. Он отступал, боясь потерять ее из вида. Видел, что подстреленные уже начали шевелиться. В голове лихорадочно билась мысль о том, что Ред с патрулем еще не должны были уйти далеко и должны успеть на выстрелы. Но последняя фигура метнулась совсем близко, так близко, что даже в слабом свете фонарей стали видны темные провалы глаз, бледную морщинистую кожу на морде, шрамы, повсюду испестрившие ее и бешеный оскал торчащих вперед частоколом острых, покрытых блестящей слюной зубов.

Сивый не выдержал, и выпалил в нее оставшимися патронами. Чуть зажмурился, когда в лицо брызнуло горячим и липким. Трясущейся рукой выхватил из-за плеча длинный патрубок, по которому заливал масло в фонари. Мелькнула испуганная мыслишка про то, что мог забыть накачать воздуха в емкость, и ничего не выйдет. Но пальцы второй руки уже торопливо нашарили на поясе старую зажигалку с колесиком, чиркнули им, заставив маленький огонек затрепыхаться на ветру. Двое, что он подстрелил, покачиваясь и порываясь, уже шли к нему. Неуверенно, но неумолимо. Третья тварь не двигалась, раскинувшись на потрескавшемся асфальте. А Реда и парней не то, что не видно - их даже не было слышно. Фонащик вскинул длинную металлическую трубку вперед, быстро открутил краник подачи жидкости и поднес зажигалку к соплу.

Тьма озарилась буйным рыжим светом бьющего из трубки горящего масла. Твари отшатнулись. Сивый успел разглядеть первого: сутулая костлявая тварь, еще одетая в остатки полусгнившей рабочей робы, длинные лапы с суставчатыми пальцами, украшенными когтями. Лицо, которое показалось почему-то знакомым, лицо, ставшее страшной мордой подземного хищника. Сердце в груди забилося еще быстрее, хотя, казалось бы – куда быстрее? Ох, и не ввали старики-старатели, говоря про Подземное лихо, ох не ввали.

Он шагнул вперед, стеганув огненной плетью ту самую тварь, в которой заметил что-то знакомое. Та истошно завизжала, превратившись в движущийся факел. Вторая метнулась в сторону, уходя от поражения импровизированного огнемета. Это было плохо, потому что и масло в металлической фляге может загореться. Да и воздух, который он в нее дома накачивал ручным насосом, скоро должен закончиться. И тогда все – конечный конец.

Сивый торопливо сделал еще шаг, стараясь уловить тот момент, в который можно поймать этого ночного охотника. Ему было очень страшно, но старик, еще три года назад бывший крепким и совсем еще молодым мужчиной, хотел достать тварь. Это бой, его, возможно, последний бой. И он не собирался его проиграть. А значит – вперед Вольный боец, вперед!!! Ты один на один с врагом и помощи нет! «Одни против всех» - вышито на знамени каждого из отрядов, и этот девиз Сивый запомнил навсегда.

Правый бок и руку обожгло горячим, но сначала фонарщик даже не понял того, что случилось. Перестал бить факел, тварь дернулась к нему, целая и невредимая. Правой рукой он хотел достать с поясных ножен старый верный тесак, но руки не был. Из плеча прямо ему в лицо с удивленно выпученными глазами ударило несколько струек крови, и все. А потом Сивого снесло в сторону мощным ударом, шмякнуло о потрескавшуюся стену и выбило, казалось, дух.

Он проморгал других, зашедших со спины, совсем забыл про тыл... и сейчас уже угасающим взглядом видел их, брезгливо отшвырнувших в сторону оторванную трубку со шлангом, жадно принюхивающихся к запаху крови. Твари подходили все ближе настороженно и опасливо. Сивый видел их странно выгнутые в коленях ноги, жадно вбирающие воздух широко вывернутые ноздри и нетерпеливо подергивающиеся узкие губы, за которыми прятались

частоколы зубов. Наверное, что именно перед смертью и в почти полной тьме можно вот так четко видеть то, что убьет тебя. Наверное... а ему хотелось провалиться в забытие, очень хотелось. А вместо этого – пришла только страшная боль...

Когда задержавшийся в подвальном кабачке группа Реда добралась до переулка, то один из патрульных, не выдержав, ушел в дальний угол переулка. Там его долго и мучительно трясло от рвоты. Ред, всхлипнув, присел на корточки рядом с тем, что осталось от неплохого парня, которого все знали как Сивого, и никогда не задумывались над тем – как же его зовут на самом деле? Посмотрел на два тела, лежащих рядом: одно с разможенной головой и второе, почти полностью обугленное, и заплакал. От чего? Может от стыда, а может от страха. Кто же знает?

Глава первая: Город, Енот и чистильщики.

*«...И есть люди, стадо пастыря Небесного
А среди них есть Воины, стоящие наособицу.
Но если кто изрекет: бо возвышаются они над людьми,
То тот да неправ будет, ибо и Воины есть люди,
Но стоящие особо. И не каждый с оружием – есть Воин»
Книга св. Мэдмакса (апокриф)*

Енот маялся в карауле, стоя на вышке у городских ворот. Именно маялся, потому что ненавидел торчать здесь, на верхотуре, продуваемой со всех сторон. Если на любом другом из постов ему было относительно неплохо и уютно, то здесь он изнывал каждую минуту. Да что там – каждую секунду. Ну, скажите, пожалуйста, неужели пограничники пропустят кого к городу, и не предупредят? Так что за смысл торчать на этой треклятой вышке, а... Когда на соседней еще один караульный? Другое дело, что в его смену там неизменно был Рыжий, который сразу засыпал, и которого никто за это не дергал. Ну, конечно, по сроку службы положено. А ему теперь и не вздумай присесть на давно продавленную седушку, что стояла на какой-то пластиковой емкости в углу насеста. Не приведи Мэдмакс, господин старший капрал Штырь увидят это отклонение от устава гарнизонной службы. Тогда пиши-пропало, наряды обеспечены. Эх, гребаная жизнь!

Никто не заставлял идти и наниматься на службу в патруль, ведь так? Ну да, никто не заставлял, кроме нужды и пятерых младших, сидевших на мамкиной шее. Енот тоскливо вздохнул. Подумал еще немного про них и вздохнул еще сильнее. Громко, протяжно и надрывно, с всхлипом, что пробился наружу. Разом вспотевшие ладони вцепились в дерево цевья винтовки, заходившей в них ходуном. Парень скрипнул зубами, заставляя себя не плакать, возвращаясь в тот, оставшийся позади летний день. Всего три месяца назад, всего три месяца...

За холмом у поворота дороги что-то заворчало. И еще, и еще. Не веря собственному слуху Енот схватил старый потерханный бинокль,

висевший на кожаном ремешке, зацепленным за вбитый в борт гвоздь. Поднес к глазам, пытаясь понять то, что только что услышал. Тяжеловозы с углем обычно проходили торговым трактом, не заезжая в город. Фермеры пользовались тягловым транспортом, отправляясь на рынок. Редко-редко, стараясь экономить драгоценное топливо, пригоняли на тракторах громадные телеги с урожаем. Но это должно было случиться только через месяц. Пограничники всегда извещали о собственном приезде, и каждый караульный знал про это. И тогда оставалось только несколько вариантов.

При самом лучшем – неожиданные визитеры из метрополии. В таких случаях всегда начиналась бешеная суeta и растерянность, с последующими раздачами звездюлей различным стрелочникам, попавшим под горячую руку мэра и его заместителей. Караульные в них тоже, бывало, попадали. Как будто заори на пару секунд раньше в эбонитовую трубку телефонного переносного аппарата про «ленточку», едущую по тракту, что-то бы изменилось, ага.

При среднем по паршивости исходе – просто торговый караван, или переселенцы. Караван торговцев мог сулить как нечаянный барыш, так и серьезное наказание за пропущенные грузы из списка запрещенных. Переселенцев же вообще стояло опасаться. Неприятностей они обычно притаскивали целую кучу. От обычных при долгом путешествии вшей до серьезных заболеваний и инфекций. Самыми лучшими из них были триппер или педикулез, если при караване обретался переездной бордель.

Ну а самым поганым вариантом из всех возможных, несомненно, случались либо мародеры, собравшиеся в большую банду, либо... либо Вольные отряды, что почти тоже самое. Во всяком случае, в последнее время. Как говорили, этих наемников потихоньку начали сживать со свету становящиеся все большими новые государства. Так что, мародеры ли, или наемники... как известно всем - хрен редьки не слаще. Ну, или что в лоб, что... понятно, короче.

Енот торопливо навел поцарапанные окуляры на поворот, схватив свободной ладонью красный рычаг ревуна. Костяшки побелели от усилия, вложенного в моментальную готовность дернуть его вниз, оглашая всю площадь у ворот сиреной. Лучше уж дернуть, чем валяться потом с пробитой пулей головой. Это точно. Бинобль чуть трясся, не давая возможности увидеть хоть что-то. Рыжий,

дрыгнувший на соседней вышке не пошевелился, не смотря на то, что рокот из-за холма доносился серьезный. Енот подумал и поднял трубку телефона, нажал на кнопку вызова. Гудок пошел, через пару секунд динамик ожил недовольным голосом господина старшего капрала:

- Ты чего, очумел там от безделья? Сортир давно не чистил?

- Штырь...

- Чего?!! Какой я те Штырь, хореk ты драный!

- Тут за холмом техника какая-то. Правда, господин старший капрал, я не вру.

- ...тебе не поглючило, Енот?

- Нет. Пока не вижу ничего, но слышал. Двигатели там ревели.

- Понял. – Голос Штыря, обычно ленивый и недовольный, стал жестким. Собранным. – Наблюдай. Караул, в ружье!!!

Последнее Енот услышал уже случайно, так как Штырь просто не успел положить трубку. Спустя секунд тридцать лестница заходила ходуном. Юркий и плотно сбитый капрал живо вскарабкался на вышку. Поднял собственный, совсем не старый монокуляр, прищурился, глядя в него, хмыкнул. Покосился на караульного, затихшего рядом, хмыкнул снова. Как показалось Еноту – с уважением.

- Рыжий, паскуда, дрыхнет?

- Угу. – Тот проглотил слюну, поняв, что только что сдал как бы своего напарника.

- Не переживай. – Желваки на скулах Штыря заходили ходуном. – Если что, а видно так и будет, лично ему морду разобью. Совсем зарвался. Не трогай ревун, сам нажму, если понадобится. Опаньки, Енот, а вот и наши гости.

Капрал перегнулся через борт «насеста» вышки, рывкнул вниз, где немедленно забегали остальные караульные. Енот, не обращая на это внимания, прилип глазами к биноклю, понимая, что сейчас решается многое. Из-за холма, вздымая клубы пыли, вынырнула какая-то машина, рванулась к воротам.

Низки и угловатый, кажущийся смазанным корпус. Четыре моста с широкими колесами. Обтекаемая башня с торчащими из нее в небо двумя черными стволами. Енот пока слабо разбирался в оружии, но понял, что это как минимум пулеметы. И не такие как те старые развалины, что стояли по углам городской стены. Скорее, что как

стоявшие у мэрии и здания патруля, длинные крупнокалиберные машины на треногах. Их холили и лелеяли оружейники, а начснаб всегда держал про запас боеприпасы для них. Очень старые и очень серьезные аппараты, которые стоили городу кучу денег. А раз на машине точно такие же, то что? А то, что люди там явно серьезные. Караульный тоскливо вздохнул, попытавшись представить те неприятности, что могут возникнуть у города.

Машина подкатила к мосту, перекинутому через ров. Остановилась, подняв кучу гравия и пыли. Асфальта, неумолимо разрушаемого временем, здесь уже почти не было. Енот, позабыв про опасность, во все глаза пялился на чудной агрегат. Действительно - с восемью широкими дисками рубчатых покрышек, корпусом, покрытым странной, неуловимой взглядом ассиметричной раскраской камуфляжа. Торчащие стволы были разными по внешнему виду, но внушали сильное уважение. Сейчас они неожиданно дрогнули, чуть опустились, развернувшись в сторону ворот. Откуда-то сбоку этого механического монстра с металлическим лязгом откинулся люк, развалившийся на две части. Одна половина поднялась вверх, вторая упала подножкой на землю. Енот, покосившись на капрала, понял, что тот тоже напряжен и ждет того, кто должен появиться из машины.

В придорожную пыль аккуратно опустился, сверкая нестерпимым блеском, ботинок с высокой шнуровкой. Тут же две руки, появившиеся следом, вытолкнули наружу владельца прекрасной обуви. Енот и Штырь дружно и разочарованно выдохнули. Пассажир агрегата оказался невысок, довольно щупл и не выглядел страшным чудовищем, которыми представлялись солдаты Вольных отрядов.

Свободная куртка-штормовка с капюшоном, из грубой материи типа брезента, утянутая в талии шнурами. Такого же, как и куртка, светло-зеленого цвета, брюки, заправленные в те самые, начищенные до состояния зеркала, ботинки. Лицо, весьма немолодое, с седой щетиной по впалым щекам. Крючковатый и хищный, с горбинкой, нос. Правда взгляд из-под нахмуренных бровей даже в бинокль казался пристально-оценивающим и опасным. А из оружия в глаза бросался лишь пистолет в набедренной кобуре. Зато размеры его, пистолета, были просто монструозно большими.

Человек внимательно пробежался глазами по стене, когда-то давно сложенной из солидных блоков армированного бетона. На ров,

растянутые стальные плети «колючки» и матовые плоские нити «мясорезки», две караульные вышки у ворот. Сами ворота, высокие и добротные, из аккуратно подогнанных друг к другу стальных плит. Грубо выглядевший по сравнению с ними треугольник кустарно сделанного барбакана, идущего поверху. Сейчас вход в город был уже закрыт товарищами Енота, которых вовремя заставил пошевелиться капрал. Мужчина чему-то легко улыбнулся и пошел вперед.

Штырь высунулся над бортиком, облокотившись на него. Быстро глянул влево-вправо, стараясь заметить хотя бы что-то подозрительное. Потом чуть перегнулся пониже:

- Кто такой?

Мужчина остановился. Поднял голову, глянув на капрала. Левая бровь чуть нахмурилась в отличие от правой, которая как-то по особенно издевательски приподнялась:

- Это у вас тут так здороваются?

- Чего? – Капрал начал ощутимо злиться. – Я говорю - ты кто такой?

Тот внизу глянул еще более саркастично:

- Я Капитан.

- Какой, за ногу тебя, капитан?

- Это уже следующий вопрос. А кто ты-то такой, военный?

Штырь хмыкнул. То ли удивленно, то ли одобрительно, этого Енот так и не понял:

- Я капрал городской стражи. Так что имею право поинтересоваться, кто ты, и нахрена к нам приперся. За холмом сколько машин?

- Молодец капрал. – Мужчина наклонил голову набок. – Еще шесть. Только не стоит нас опасаться. Мы не воевать с вами приехали, а скорее наоборот.

- Это как так?

- Да вот так. Мне надо к вашему мэру, голове, бургомистру или как там еще. Может, пропустишь? Броневи́к останется здесь. Я не гордый, пешком пройду́сь.

Капрал хохотнул:

- Так тебя наш мэ́р и жде́т. Наверное, с самого утра сидит у окошка, глядит, не наглядится: и где там мой капитан, да? Ну, развеселил, честное слово, ну...

- Весело тебе? – Мужчина косо осклабился. – А ты позвони, скажи, чистильщики приехали. Главный – Капитан. Тогда вдвоем поржем. Ну, капрал, давай звони уже.

Штырь нахмурился, отошел от бортика. По телефону позвонил вниз, коротко бросил несколько фраз для своего помощника. Потом вернулся, и снова перегнулся вниз. Седой все также стоял на одном месте, только достал из металлического портсигара длинную коричневую сигарку и закурил, деловито попыхивая ею и окутываясь сизым дымком. Енот, про которого капрал давно забыл, а мужик внизу вообще не обращал внимания, про себя подумал о том, что такая сигара наверняка совсем нехило стоит. Он видел такие на витрине лавки Фунта, славящейся своей дороговизной и недоступностью для большинства жителей. Фунт торговал в основном товарами, возимыми через моря, доставляемые через Мурман, или с дальнего Юга, и стоили они очень и очень недешево.

- Эй, капитан! – Капрал, судя по всему, решил основательно докопаться до незнакомца. Тот перестал вызывать стопроцентное опасение, а его бронированная машина стояла как памятник. Пулеметы не шевелились и никто больше из нее не выкарабкался. Так что Штырь, может и напрасно, но позволил себе немного расслабиться. – А что вы за чистильщики? Вон теми пылесосами, что из башни твоего тазика с болтами торчат, чего чистите-то?

Капитан абсолютно невозмутимо пропустил мимо ушей явное оскорбление, и чуть помедлив, ответил капралу:

- Тараканов, мокриц, многоножек, к примеру. А у вас, скорее всего, займемся ночными хулиганами. Есть ведь здесь такие, которые по ночам спать вам не дают, да?

Штырь замолчал. Енот с удивлением посмотрел на него, застывшего столбом, с кадыком, лихорадочно ходившим вверх-вниз. Таким своего командира он ни разу не видел. Господин старший капрал был... испуган? Вот этим худым мужиком, дымившим своей выпендрежной самокруткой?!! Ну, дела... и тут до него потихоньку начало доходить.

Чистильщики, санитары, ассенизаторы поселений и пустошей чуть не погибшего и свихнувшегося мира. Люди, которые очищали города от мутантов и чудовищ, порожденных Полночной Войной. Те, про которых в кабаках, напоровшись, рассказывали сказки ветераны

конфликтов, многое повидавшее на своем веку. Наемники, никогда не воевавшие против людей. Официально, во всяком случае. Исследователи заброшенных земель, таскавшие в города-государства, образовавшиеся после заключения Союза, разные диковины и технику. Из тех, что остались со времен, которые были ДО. Про них Еноту доводилось слышать. Ему, также, как и Штырю, стало ясно, что этого седого горлопана, стоявшего под стеной, наверняка и правда могут ждать в мэрии. Потому что, всего три месяца назад:

Енот шел домой после окончания недели службы, рассчитывая на целых два дня выходных. В руках куча свертков из воценой бумаги: кольцо деревенской колбасы, всученное на воротах (пожалела пожилая хуторянка молодого дохлого патрульного, а господин старший капрал своротил свой породистый нос в сторону, дескать много чеснока), с зеленью и яблоками, купленными на рынке (на первую зарплату в патруле, как же он ею гордился), с десятком яиц (настоящих, от собственных кур ефрейтора Чуба, проданных Еноту совсем по дешевке), с двумя свежими кирпичами хлеба (только из печи пекарни патруля). И отдельно несколько мятных пряников с изюмом для двух самых младших, близнецов. Поворот, дом старого коновала Горбача, хибара алкоголиков-дворников Рыжих и...

Группа Реда, выбитая дверь, свертки падают в пыль под ноги, но он этого не заметил. Медленно-медленно прошел вперед, люди расступились, пропуская. Глядели искоса, грустно и жалостливо. Енот зашел, пригнувшись под низкой притолокой, споткнулся обо что-то (деревянный конь близняшек), присмотрелся к дальнему углу, вытянув длинную шею. Мамина тонкая и бледная рука, темно-каштановые пряди, лежащие в засохшей луже. Потом... перед его глазами мелькнул потолок, и сгустилась темнота.

В одну ночь лишиться всех, как же это больно. Как же это страшно. Почему те, кто приходят ночью выбрали именно их дом, который всегда был таким крепким, почему дверь была выбита, но засов цел и стоял сбоку, прислоненный к стене? Кто знает, кто знает...

Он справился. Отплакал свое, переехал в казарму после быстрых огненных похорон шести закрытых гробов. И теперь стоял на вышке, пытаясь цепляться за то, что у него было, и надеясь когда-нибудь отомстить. Кому? Чему? Енот не знал. Было ясно только одно – тем,

кто приходит по ночам. И вот оно, сама судьба решила хотя бы заплатить тем, кто лишил его семьи.

Телефон затрещал, вызывая капрала. Штырь снял трубку, выслушал и приказал открыть калитку у ворот и заводить джип, стоявший возле караулки. Потом перегнулся вниз и, чуть замешкавшись, крикнул командиру чистильщиков:

- Заходите, я тоже спускаюсь. – Повернулся к Еноту. – Я уехал с ними, а ты тут смотри. В оба глаза смотри. Ждать-то их, конечно, ждут, но бдительности – не терять. Понял?

- Так точно, господин старший капрал. – Молодой стражник подтянулся, старательно поедая начальство глазами. – А можно вопрос?

- Потом. И, как сменишься, сходи в лавку. Выпишу записку, получишь бутылку казенной, за наблюдательность. Все, неси службу бодро, и ничем не отвлекаясь, солдат.

Капрал быстро скатился вниз, стараясь успеть раньше, чем седой. Не получилось. Когда Штырь оказался на утоптанной до каменной твердости земле внизу, Капитан уже стоял возле автомобиля. Загрохотав, ворота задвинулись назад. Коротко кивнув, начальник караула ткнул рукой на сиденье возле водителя, а сам запрыгнул сзади. Толстый и уса́тый Таракан, бывший за водителя, нажал на газ, и машина дернулась в сторону одной из основных городских улиц, ведущей как раз на площадь, к зданию мэрии. Штырь смотрел прямо перед собой, не забывая украдкой контролировать седого. Тот сидел спокойно и расслабленно, внимательно посматривая по сторонам.

Капитану было много лет. Не настолько, чтобы чувствовать себя развалиной, но ровно столько, чтобы волосы стали наполовину седыми. То, что оставшаяся половина головы также «соль с перцем», его виной не было. Виной были обстоятельства самой его жизни. Ему довелось увидеть и прочувствовать очень многое из того, что предлагал своим детям свихнувшийся мир, в котором они рождались. Но Кэп никогда не жаловался на это, так как это же его мир. Со всеми своими странностями, особенностями, страхами и маленькой долей хорошего и доброго. Во всяком случае, именно так он и считал, предпочитая не забивать себе голову ненужными рассуждениями и досужими домыслами. Капитан жил так, как ему выпало, и старался

лишь так изменить собственную судьбу, чтобы она не была чересчур жесткой.

Сейчас машина, в которой он ехал, двигалась по улочкам города, где и у него и у ребят наклеывалась работа. Что еще нужно от жизни человеку, который умеет ее делать, как не возможность заработать? Да ничего больше, а команда Кэпа умела делать свою работу очень хорошо. Не зря именно их нашел здешний мэр после того, как жители города начали погибать все чаще и чаще. Ну а для того, чтобы уверенно заняться ею, нужно хорошо изучить те места, где придется заниматься делом.

Конечно, понятно и ясно, что все вокруг куда как внимательнее осмотрят специалисты отряда, но не мешает и самому оглядеться, Мало ли что можно заметить случайно и, казалось бы, невзначай? В том роде занятий, в котором действовал отряд Кэпа, мелочей не бывало. Пропущенные мелкие детали зачастую оплачивались кровью. К ней было не привыкать, вокруг постоянно лились целые потоки этой красной жидкости.

Но жизни его ребят стоили намного дороже, чем жизнь любого жителя этого, либо любого другого поселения. Для него-то, командовавшего отрядом последние десять лет, уж точно. Дороже тех мужчин и женщин, что ждали сейчас за городской стеной, у капитана нет никого. И потому нужно думать и рассчитывать все действия, которые нужно будет применять здесь, где ночью жители тряслись от страха внутри своих домов и ни за что не выходили на улицы собственного города. Запах этого самого страха висел в воздухе. Скорее даже и не страха, а животного, не человеческого ужаса. Капитан смотрел по сторонам, и впитывал его в себя. Мало прохожих, и нет играющих детей. Совсем нет. И это днем.

А город не такой уж и маленький, каким пытался казаться со стороны. По неподтвержденным данным, что Кэп читал в отчетах аналитиков (а как их сейчас подтвердишь?), число жителей измерялось не одним десятком тысяч. Основная часть - шахтеры, работающие в угольных шахтах, в полудне пути отсюда, и их семьи.

Уголь, подземное сокровище, ставшее таким необходимым в годы после Войны. Топливо, не дающее остаткам человечества замерзнуть во время ставших такими холодными и длинными зим. Только за счет него, жирного и черного антрацита, все здесь жило и мало того, еще и

дышало таким редким достатком. Количество замеченных Кэпом продуктовых лавок, находящихся на первых этажах невысоких домов, уже перевалило за пять. Во многих из виденных им городков их и было-то всего по пять. Не говоря про то, что он увидел целых два магазина готового платья, несколько сапожных мастерских (что очень хорошо, так как обувь у отряда изрядно истрепалась), и три станции технического обслуживания. В общем – явно не бедные здесь жители.

Джип, пофыркивая уставшим от времени карбюратором, катился вперед по вполне хорошему асфальту, который хоть и был весь в трещинах, тем не менее, находился в очень приличном состоянии. Усатый водитель аккуратно объехал фермерскую повозку, запряженную двумя очень старыми робомулами, что еще больше поразило капитана. Этих механизмов, пользующихся зарядом солнечных батарей, отряду встречалось все меньше и меньше. Раз эти два киборга, с порыжевшей и изношенной искусственной шкурой, так бодро двигались по улице, то, значит, отыщутся в городе и умельцы, что могут ремонтировать сложную технику и электронику.

- Капрал? – Кэп повернулся в сторону недовольно нахохлившегося сзади служивого. – А много у вас такой животины, как вон те, что в повозку запряжены?

- Хватает. – Капрал покосился на него. – А что?

- Сложная техника, обслуживания требует серьезного. Им лет-то по сколько уже?

- Да хрен его знает... - Штырь почесал в затылке. – Не знаю.

- Всяко больше, чем тебе. – Усач-водитель сплюнул через дверцу. – Это косоного Крота повозка. Они еще у его отца были, это точно. А ремонтирует их Гайка, как раз из ее мастерской косоногой их вел, наверное. Все, капрал, приехали. Мне вас ждать?

- Ждать. – Капрал прыгнул с борта. – Пойдемте, Капитан, или как вас там.

Кэп внимательно посмотрел на него, пытаясь понять – стоит ли осадить этого пентюха основательно прямо сейчас, или нет? Подумал, и решил оставить эту, нехитрую, в общем-то задачу, на потом. Смысла в том, чтобы поставить на место зарвавшегося городского патрульного он не видел. Да и мало ли, вполне возможно, что придется с ним дальше работать. А капрал, при внимательном рассмотрении, внушал ему некоторое уважение, как бы странно это не звучало.

Здание мэрии... впечатляло, больше никак и не скажешь. Бросалось в глаза, что когда-то давно, еще в той, прекрасной жизни, оно предназначалось для чего-то важного. Во всяком случае, очень редко отряду Кэпа попадались здания с колоннами. А здесь они присутствовали, да и еще какие. Гладкие и ровные цилиндры, выполненные из чего-то, весьма похожего на мрамор. Конечно, здание претерпело некоторые изменения, но куда от них сейчас деться?

Перед самым фронтоном, на возвышении со ступенями, стояли абсолютно чуждые его красоте бетонные блоки, аккуратно наложенные друг на друга. С солидными перекрытиями из плит, поддерживаемых толстыми стальными трубами. Из узких бойниц на площадь торчали раструбы крупнокалиберных пулеметов. На глаз капитан определил, что это грамотные переделки старых танковых, калибра двенадцать и семь миллиметра. За мешками, уложенными по периметру крыльца, прохаживались двое часовых, вооруженных пистолетами-пулеметами.

«А здешний градоначальник-то, - подумалось Кэпу, - очень боится за собственную шкуру». И это наводило на некоторые мысли. В частности на то, что положение у города все-таки не такое стабильное, как оно представлялось раньше. Так сильно охраняемую администрацию ему доводилось видеть лишь в похожих городах нефтяников и газовиков. Тех постоянно пытались подмять под себя более несчастливые соседи. А здесь? Ведь военную помощь шахтерам оказывает альянс «Звезда», с которыми мало кто не побоится связаться в зоне Фронттира. Раз так, то, значит, боятся тех, ради кого вызвали чистильщиков. И от этой мысли Кэпу поневоле стало невесело.

Капрал уверенно миновал пост на входе, и прошел дальше, в сторону большого стола, за которым сидел длинноногий индивидуум в странно смотревшейся здесь шляпе «стетсон» на голове.

- Командир, вот этот человек, которого ждет мэр. – Штырь щелкнул каблуками, застыв по стойке «смирно».

Индивидуум приподнял край шляпы, посмотрев на капитана невыразительными, чуть навывкате, блекло-голубыми глазами. Пальцем подправил загнутый и тонкий ус справа, легко поднялся с кресла:

- Майор Гриф, командир городского патруля. С кем имею честь?

- Капитан. – Кэп внимательно рассмотрел главного местного военного, торчащим над ним сухопарой длинной жердью, перевитой

кожаными ремнями и увешанной, как елка, оружием и подсумками. – Можно просто Кэп. Не обижусь, да так и проще будет. Вы проводите меня к мэру, майор?

- Конечно. Вашим людям что-то нужно? – Гриф достал из нагрудного кармана монокль на цепочке, поразив капитана, решившего не удивляться некоторой эксцентричности этого клоуна, до глубины души. – Пока мы будем у господина Бати, то к вам могут доставить любые необходимые вам вещи, продукты, топливо и снаряжение.

- Кхм, спасибо, конечно. А не рано? Мы еще ни до чего не договорились. Вещи у нас с собой, продукты еще не закончились. Что касается топлива, то его вид и объемы нужно будет прояснить после достижения договоренностей с мэром. Это же касается и снаряжения. Но благодарю, господин Гриф. Наверное, нам стоит уже пройти к администрации города?

Майор на некоторое время ощутило «подзавис», видимо не совсем понимая, как можно отказаться от такого предложения. Потом хмыкнул в свои красивые и ухоженные усы, молча повернулся и пошел вверх по лестнице. Капрал чуть потоптался и направился следом, пропуская Кэпа перед собой. Тот пожал плечами, и двинулся за странным командиром, про себя отметив, что ворс на темно-красном ковре, постеленном поверх полированных ступеней, довольно густой и не вытертый добела, а бронзовые кольца у прутьев-держателей – начищены до блеска. Мысли о том, что с городского и шахтного начальства стоит содрать как можно больше, укреплялась все сильнее.

На втором этаже красный ковер закончился, начался зеленый, украшенный красивым орнаментом. Привезенный сюда торговцами явно откуда-то с тех южных областей обитаемых и относительно чистых земель, что были к Югу от Камня. Представить, сколько за эту красоту отвалила местная администрация, Кэп мог, но не хотел. Ему достаточно было понять, что на эти деньги он мог бы позволить отряду закупиться медикаментами для Айболита так, что хватило бы минимум на полгода. А то и на месяцев, этак, семь. Ну, а при экономии и доли везения, так и на все восемь.

Доставать из поясной сумки счетчик-трещотку ему тоже не хотелось. И так ясно, что в здании мэрии он будет появляться весьма и весьма нечасто. Получать таким вот образом лишнюю дозу радиации - в его планы не входило. Удивиться пришлось еще раз. Ведь всем

известно, что ко всему, что везли оттуда, нужно было относиться с особой осторожностью. Ну, как известно, дай дураку стеклянный искусственный «нефритовый стержень», так он и его расколотит.

Тем временем широко шагающий майор Гриф подошел к высокой двери из полированного дерева. Хотя Кэпу, имеющему немалый опыт в устройстве всевозможных дверей, люков, ворот и калиток, уже было ясно, что дверь только снаружи деревянная. Между двумя панелями из крепкого мореного дуба, наверняка была утоплен большой прямоугольник из стали. Скорее всего, что вырезанный и переваренный из старой бронепластины. Такие двери давно стали модными практически у любых князьков, царьков и прочих господ невысокого полета.

Те, кто действительно имел серьезную власть, не скромничали и открыто устанавливали сделанные на заказ бронированные чудеса инженерной мысли. Зачастую оснащенные всякими хитрыми системами опознавания по голосу и прочему. На машинах отряда, к слову сказать, стояли как раз такие умные приспособления, вдобавок ко всему еще и оборудованные охранными устройствами. Здесь же в качестве техники для безопасности стояли навтыжку два крепких лба, вооруженных и экипированных немного лучше, чем их товарищи внизу. И намного серьезнее, чем караул на воротах. Кэп только покачал головой, понимая, что, скорее всего, на самом деле в городе все именно так плохо, как он и предположил на площади.

Капрал остался стоять у дверей, а перед майором и Капитаном сама по себе отъехала в сторону одна из дверных половинок. Из полутьмы большого кабинета наружу потянуло сладким запахом дорогих сигар, ароматом старого коньяка и свежего кофе. Сидящие за столом пятеро мужчин разом, как по команде, обернулись, жадно вцепившись глазами в вошедших. Хотя, скорее всего, интересовала их только непрезентабельная фигура капитана, прочитавшего во взглядах очень много интересного для себя.

Глава вторая: Кэп, Батя, разговоры и пиво.

*«И спустил Князь Тьмы помрачение на умы людские,
Обрушил на мир и глад, и чуму, и мор, и Войну.
И вышел Дракон, повергнувший многие царства и престолы,
Спалил города и нивы, людей и тварей земных и морских.
А после, посмотрев на отчаявшихся и слабых, не излив
Чашу гнева, выпустил Господь на грешников ангелов падших...
И лишь Воины, исполненные силы, могли остановить их»
Книга св. Мэдмакса (апокриф)*

Во взглядах людей, сидящих за столом, читалось много различных эмоций. Но преобладающими нотами оказались страх и... надежда?

Плотный, а скорее даже полный мужчина, чья фигура, хоть и заплывшая жиром, выдавала бывшего борца, приподнялся:

- Добро пожаловать в наш город, господин Капитан. Очень рады вас видеть у нас, очень. Ждали ваш отряд с нетерпением. Присаживайтесь, прошу. Майор, подайте нашему гостю кресло. – Он снова перевел все свое внимание на Кэпа, абсолютно наплевав на гримасу недовольства, возникшую на холемом лице Грифа. – Если кофе, то вот, прошу, в кофейнике. Только что сварен, с корицей и ванилью. Сливки, молоко? Может, хотите коньяку? Бренди, виски, можжевеловой, или обычной водки? Обед у нас чуть позже.

Кэп сел в принесенное ему кресло с мягкой, высокой и удобной спинкой. Ни слова не говоря – пододвинул к себе высокий оловянный кофейник, покрытый выпуклыми фигурками. Судя по всему, они изображали известные истории на мотивы легенды о десяти подвигах Мэдмакса. А по бокам неизвестный или забытый талант изобразил еще две, те, что обычно не входили в официальную версию. Центральное место в них занимали фигурки, явственно доказывающие, что у Мэдмакса должны были остаться потомки. Если верить версии, изображенной на кофейнике, то, как минимум, трое. А если приглядеться, то и все четверо.

Подивившись про себя тому, что ни сколько не лгали рассказы насчет жителей Фронттира с их своеобразным отношением к общепринятым религиозным нормам, Кэп набулькал себе почти полную чашку горячего и густого напитка. От души насыпал дефицитного привозного белого сахара и, до краев посуды, разбавил кофе свежими сливками. Отхлебнул, довольно прищурился и полез в карман за портсигаром. К моменту, когда он начал хлопать по себе в поисках куда-то завалившейся зажигалки, перед носом у него дрожали сразу три язычка пламени. Два от подставленных почти одинаковыми субтильными типами, одетыми по прошлогодней моде Альянса, и один от охотничьей спички, которую держала широкая рука хмурого бородача в коричневом и черном. Подивился выдержке наливающегося кровью мэра, сейчас промокавшего вспотевшие складки на загривке платком, и решил, что явно хватит набивать себе цену.

- Здравствуйте, господа. Приношу извинения за мое, не совсем вежливое, поведение. Трое суток в пути, сами понимаете. Как полагаю, - он привстал, обращаясь к здоровяку с платком, - вы и есть местный мэр? Рад познакомиться, и можете называть меня просто Кэпом.

Здоровяк-мэр перестал надуваться. Положил платок перед собой, откинулся на спинку своего, громадного, кожаного сидалища и уставился на него маленькими темными глазами. Немного помолчал, раскуривая большую фарфоровую трубку (Капитан уже понял, что местному хозяину очень нравилось подчеркивать собственный статус вот такими вот мелочами), и, наконец, заговорил, окутавшись клубами дыма, пахнувшего вишней:

- Да, уважаемый господин Кэп, я и есть мэр. Можете, если захотите, называть меня просто Батей. Не обижусь. Прежде чем начнем разговор, представлю вам остальных.

Конец трубки ткнул в двух одинаковых модников, уже убравших в карманы свои выпендренные зажигалки.

- Господин Правый, господин Левый, городские советники.

Торопливые кивки одинаковых стилиг, которым Кэп ответно качнул головой.

- Господин Герц, мой заместитель.

Сидевший рядом с мэром серо-спокойный мужчина неприметной внешности чуть привстал.

- Господин Краб, начальник рудной службы.

Тот самый, со спичками, коричнево-черный, с густой рыжей бородой, протянул широченную грубую ладонь. Кэп пожал ее, мысленно отметив силу хватки главшахтера. Батя затянулся дымом покрепче, потерся на спинку и продолжил:

- С майором Грифом вы уже знакомы. Все, кто сидит сейчас здесь, есть мои самые доверенные люди, принимающие самое деятельное участие в жизни города. Все они с удовольствием окажут вам, Капитан, всю необходимую помощь в том, ради чего мы вас пригласили. Надеюсь, что мы с вами сейчас найдем общий язык.

Кэп внимательно посмотрел на мэра, судя по всему - оседлавшему любимого конька красноречия, и старавшегося скрыть за словами свой страх, так сильно бросившийся в глаза перед знакомством. Сейчас, сидя и рассматривая членов администрации более вдумчиво, Кэп пришел сразу к нескольким выводам.

Первый: советники боятся иррационально, подобно зайцам из детских сказок. То есть просто трусят, не понимая того, что происходит. И что очень важно – страх рожден не просто убийствами... интересно. Второй вывод: серый господин Герц если и боится, то делает это незаметно. Учитывая то, как он себя ведет, скользкий и невыразительный взгляд, манеру поведения и некоторые мелочи, Капитан сразу понял, что этот заместитель отвечает за настоящую безопасность. В отличие от чучела Грифа, годного разве что на то, чтобы гонять подчиненных и красоваться в форме. Третье мнение сводилось к тому, что бородатый здоровяк, возможно, вообще ничего не боится. Опасается да, злится из-за того, что этот страх мешает работе – всенепременно. Но почему-то не боится. В отличие от мэра, которому бояться нужно вообще меньше всех, но у которого в глазах прыгают пружинки ужаса. Ох, и интересная здесь ситуация, ничего не скажешь.

- Я думаю, господин мэр, что мы с вами найдем общий язык. То, что нам, несомненно, потребуется помощь, мне абсолютно ясно. Вся информация, что дадут нам жители города, вне зависимости от их статуса и положения, сыграет свою роль. Прежде чем отряд приступит, собственно, к тому, ради чего вы нашли нас у Камня, нам придется довольно много времени потратить на анализ данных. Именно так, господа, не волнуйтесь и не вскидывайтесь. Мы не отряд феи-крестной, который придет и за пару дней наведет здесь порядок,

покарав злокозненных чудовищ. Я даже не знаю, с чем нам предстоит столкнуться, и только после того, как вы мне хотя бы в общих чертах поясните ситуацию, только тогда мы с вами перейдем к конкретному разговору. Так что у вас происходит, господин мэр?

Батя выбил трубку, не обращая внимания на то, что пепел и оставшиеся угольки летят прямо в фарфоровую тарелку с золотистой каймою, в которой лежали недоеденные остатки жареного с пряностями цыпленка. Взял большую кружку с медной вычурной крышкой и отхлебнул. Судя по тому, как в ней булькало, мэр предпочитал пиво. А судя по цвету лица – наверняка с более крепкими напитками.

- Значит так, Капитан. Творится у нас что-то странное и страшное. Жители города погибают прямо в домах, на улицах. Не говоря про то, что шахтеры отказываются работать в шахтах. Хотя, как ни странно, там смертей намного меньше.

- Стоп. – Кэп наклонился вперед, оставив чашку. – Почему это странно?

Мэр чуть замешкался.

- Потому что все началось с шахт, господин Капитан. – Краб, до этого молча теребивший бороду, налил себе густо-янтарного цвета жидкости из темно-зеленой бутылки. Залпом выпил, чуть выдохнул и продолжил. – Первыми попали мои ребята. Около года или полутора назад. Мы... начали заходить шахтеров в забоях мертвыми. Разорванными на куски, измочаленными до такого состояния...эх. И пропадающими, испаряющимися из-под земли!

Он махнул рукой, и уставился в пустоту перед собой. Остальные молчали, как будто хотели, чтобы Краб выговорился. Было заметно, что в этом сильном мужчине уже давно накопилось то, что сейчас должен услышать Капитан. И еще ему стало понятно, что мэр мэром, Герц Герцем, но вот этот, похожий на старого медведя горняк – фигура, явно не уступающая им по весу на местной шахматной доске.

Тот с хрустом сжал пальцы на правой руке и продолжил:

- На каждую смену я стал отправлять парней из стражи. Не меньше двух-трех. Постоянное патрулирование по всем забоям. Громадные расходы, а куда денешься? Мои ребята не боятся работать даже тогда, когда крепь ненадежная. Они готовы рисковать погибнуть под завалами, потому что надо. Кэп, вы представляете себе, что такое

работа в шахте? На угле? Когда пневматические молотки уже давно износились, запчастей нет, и нет машин для нормального прохода? Зато здесь, в городе, есть семьи, которые хотят есть. Тогда они идут в забой с кайлом, пластают уголь глубоко под землей... и потом боятся идти по коридорам назад, чтобы выбраться на поверхность. Вы представляете себе такое?!

Капитан кашлянул, затушив в пепельнице сигару.

- Мастер Краб, я вас, конечно, понять не смогу. Но ведь вы меня вызвали сюда не для того, чтобы я понимал чувства ваших рабочих? У нас еще будет время, и мы сможем поговорить с вами вдвоем. Сейчас мне хотелось бы понять – что точно происходит в вашем городе. Даже на то, что бы попытаться сделать выводы, нашей команде нужно время. Может, поэтому мы и не будем его терять? Намного проще, если вы все расскажете мне про то, кто это делает. Наблюдения, возможно следы, если есть недавние тела жертв – будет очень хорошо. Чем позже отряд приступит к работе, тем больше людей может погибнуть.

Горняк посмотрел на Капитана из-под нахмуренных бровей. Вопросительно, выжидающе и немного растерянно. Как будто пытался понять – что нужно от него этому нахальному доходяге, развалившемуся в кресле напротив? Спустя несколько секунд он кивнул головой, набулькал в стакан еще немного того же из бутылки, но пить не стал. Покрутил стакан в корявых пальцах и продолжил. Кэп отметил, что советники и сам мэр – облегченно вздохнули. А вот серый господин Герц как сидел абсолютно спокойно, так и остался сидеть.

- В первый раз этих тварей успели увидеть две смены патруля. Одна как раз должна была подниматься вверх, а вторая шла им навстречу. Шахта «Красотка Ксю», самая южная. Из одного из коридоров на них выбежал мальчишка-водонос. У него уже не было одного глаза, спина в клочья и из бедра вырван большущий кусок мяса. Как он добежал до них – непонятно. Один патрульный потащил его к транспортеру, где есть телефонный аппарат и кабель вверх. Остальные пошли в коридор, но не успели. Зато пришили одну из тварей, потратив на нее три обоймы.

- Какое оружие у ваших патрульных? – Капитан жестом попросил Краба остановиться и ответить на его вопрос.

- У них были карабины. Хорошие, старые и мощные. С пары выстрелов парни один раз свалили лося. А тогда, в забое, погибло двое ребят из пяти. И это цена за всего лишь одну убитую ими тварь. Всего за одну...

- После этого случая я настоял на том, чтобы из цейхгаузов города выдали автоматы. – Серый Герц, до этого сидевший молча, открыл рот. Голос у него оказался неприятный, резкий и режущий слух. – Шахты для города важны, и нам пришлось использовать оружие, которое оставлено на крайний случай. Автоматы все до одного еще заводские. Не те самопальные переделанные швейные машинки, что иногда пытаются продавать на черном рынке.

- Помогло? – Кэп заинтересованно повернулся к Крабу. – Или нет? Да, господин Герц, а какого типа были боеприпасы?

- Стандартные, те, что шли к оружию. – Герц непонимающе уставился на Капитана. – А что?

- Не пытались ли ваши люди использовать что-то свое? Например, они могли отливать пули из серебра. Знаете, наверное, что серебро считается очень действенным средством.

- Нет, боеприпасы были об...

- Еще как пытались. – Горняк опрокинул в себя стакан. Судя по запаху – с самопальным самогоном на перце с медом. – Отливали, самолично выдал им серебро в прутках, когда попросили. Не косись на меня, Герц. Они на смерть туда ходили, я их понимаю.

- Результат? – Кэп внимательно посмотрел на начальника шахтеров.

- Такой же, как и от обычной пули... Тьфу ты, эх и крепкая зараза, до сих пор отдышаться не могу. Без разницы, Капитан, чем в них стрелять. Хоть свинец, хоть сталь, хоть серебро. Главное – куда попасть, это да. Если в голову, так они сразу с копыт. Только, если потом еще и не разнести голову в куски, и калибр небольшой, то могут и встать.

- Как так? Им в голову, а они оживают?

- Парни говорили, что да. Один или два погибли из-за этого. Если нашигивать в грудь из двух стволов, то тоже вроде как совсем дохли. Только это мало кто проверял.

- Почему?

- Потому что отобьются, и бегут оттуда. Потому что те выскакивают отовсюду. Еще и еще, лезут, как тараканы у ленивой бабы на кухне.

Капитан задумчиво покачал головой. Ситуация яснее не стала, даже наоборот.

- На кого похожи эти ваши твари? Как передвигаются, атакуют? Это ваши парни смогли рассказать?

- На тварей и похожи. – Краб сплюнул. – Высокие, худые, страшные как черти. Клыки с палец, когти, и на руках, и на ногах. Кожа бледно-серая, иногда в лохмотья какие-то одеты. Но все равно, в шахтах мы смогли навести порядок.

- И они пошли в город? – Кэп посмотрел на мэра. – И давно?

- Последние полгода. – Буркнул Батя, покрутив толстой шеей. – Полгода назад они в первый раз напали здесь, ночью. Несколько недель мы это скрывали.

- Как вы это делали? – Капитан чуть не поперхнулся остатками кофе. – Ведь до этого...

- Шахтерам закрыли рты, также как и патрулям. – Мэр вздохнул. – Платить стали больше, и с каждым был разговор людей Герца. Было четко сказано молчать. Если бы начались слухи, то...

- То люди начали бы бежать из города, так? – Кэп хмыкнул. – Да они и так побежали, судя по всему. А потом остановились, так как Пять городов влезли в очередную драку. И те, кто решили уйти в населенные земли, поняли, что там, где нет ночных страхов, можно погибнуть куда как быстрее? Да уж, господа, давно не слышал более интересной истории. Год пудрить мозги жителям города – это серьезно.

- Что? – Мэр начал багроветь. – Да как ты смеешь? Как...

- Успокойтесь, Батя. – Герц повернулся к своему боссу. – По сути, он прав, и это к делу отношения не имеет. Просто теперь Капитан наверняка начнет торговаться, так?

Кэп хмыкнул. Побарабанил пальцами по столу.

- Торговаться я начну чуть позже. Пока мне понятно, что вы нуждаетесь в помощи нашего отряда. А значит, что торг будет. То, что мы сможем со всем с этим сделать, вам необходимо. Иначе город лишится всего дохода с угольных выработок. Раз уж убивают прямо в самом городе, то загнать отцов и мужей под землю наверняка трудно.

Пусть они ничего не смогут сделать с теми, кто это делает, но из домов им уходить явно не захочется. Сейчас я пойду к своим людям. Ночью, скорее всего, несколько человек присоединятся к вашим патрульным. Также мне нужен доступ к городскому архиву, помощь тех, кто сталкивался с тварями и выжил. И еще одно, обязательное условие. Его я скажу прямо сейчас. Согласны?

- У нас есть выбор? – Мэр зло посмотрел на него. – Города не дают своих солдат. Жители сидят по домам и трясутся от страха и ожидания того, кто может прийти ночью. Что за условие?

- Если кто-то из горожан захочет уйти в мой отряд, то вы не должны этому препятствовать. Кто бы это ни был.

- Зачем это вам, Кэп? – Герц с интересом покосился на седого чистильщика. – Нехватка людей из-за потерь? Вы же, если верить нашей информации, профессионалы.

- Мы-то профессионалы. Только наша профессия такая, что погибнуть шансов даже больше, чем на войне. Кстати, господа, чтобы вы успокоились – нам подходят далеко не все. Сегодня отряд останется за стеной, а завтра станет ясно – нужно ли нам вообще вводить технику и личный состав в город. Понятно, что каждый из моих людей должен беспрепятственно заходить в него. Этот вопрос, как мне кажется, решить достаточно просто?

- Да. – Герц утвердительно кивнул головой. – Что-то еще?

- Доступ к вашим складам и мастерским. В том случае, если что-то понадобится. И толковый человек, в качестве гида. Желательно, чтобы он разбирался не только в городских улицах, но и в том, что и как на шахтах. Подробный план города со всеми имеющимися системами коммуникаций, даже если они уже давно не работают.

- Хорошо. – Мэр сердито засопел. – Майор Гриф предоставит вам все необходимое. Мы вас больше не держим, так что можете приступать.

- Конечно. Всего доброго, господа. – Капитан встал, легко поднявшись из глубоко кресла. Никто, кроме задумавшегося Краба, даже и не подумал кивнуть в ответ. Вот так всегда, как только дело доходит до оплаты и условий. Горняк молча протянул свою лапищу. Кэп пожал ее на прощание и двинулся к выходу, следуя за явно недовольным воякой.

Выйдя из здания, Гриф поручил капралу, тому самому, что привез Кэпа сюда, выдать пропуска на вход и въезд в город, и найти сопровождающего. Сам же заявил, что по всем вопросам, связанным с технической и оружейной частью – готов полностью сотрудничать, но только завтра. Если же кто-то из чистильщиков решит присоединиться к патрулю, то в этом Капитану поможет его заместитель, заступающий вечером на дежурство. Сам Гриф сейчас предупредит по телефону посты на воротах о том, что прибывшие не враги, и стрелять в них не нужно. После чего развернулся и проследовал в здание мэрии.

Капрал Штырь плюнул, повернулся и пошел в сторону ворот, так как машину он уже давно отправил назад. Капитан, улыбаясь про себя, двинул за ним. Позиция местного командования была ясна и понятна. Скорее всего, у рудничной стражи свой командир, вероятнее всего, человек Краба. Оставшийся за старшего, на то время, что главный шахтер пробудет в городе. А майор Гриф, вероятнее всего, чей-то ставленник, которого нельзя убрать из-за родственных связей, или политических соображений. Во всяком случае, сам Кэп никогда не перекинул бы дела, связанные с незнакомыми вооруженными людьми на чьи-то еще плечи. В отличие от этого клоуна с красивыми усами.

Догнав чуть ушедшего вперед капрала, Капитан присмотрелся к нему внимательнее. Невысокого роста, плотно сбитый и подвижный, Штырь явно тот самый солдат, которого отцы-командиры всегда рады видеть в составе своего подразделения. Форма старая, но аккуратная и чистая. Амуниция подогнана правильно, без чего-то ненужного. Уверенные движения и постоянное состояние ожидания. Это бросалось в глаза очень сильно.

- Капрал? – Капитан решил не тратить время впустую и поинтересоваться тем, что творится в городе у этого, в общем неплохого, солдата. – Не будете против, если пообщаемся?

- Нет, чего мне быть против? – Штырь немного сбавил шаг. – О чем?

- Расскажите мне про то, что у вас здесь происходит, если не сложно. И если не против – давайте без «выкания». Я вам не командир, в конце-то концов.

- Хорошо. – Штырь остановился на перекрестке. – Не хотите, э-э-э, то есть, не хочешь горло промочить? На воротах у меня остался Медведь, так что можно не беспокоиться. Тут недалеко есть неплохой

подвальчик, и там всегда свежее пиво, только что с пивоварни. Что скажешь, Кэп?

Капитан подумал, представил себе запотевшую кружку, с катящимися по ее бокам капельками и шапкой пены. Вспомнил ржанные сухарики, которые подавали к пиву в пивной «Русалке» портового Мурманска. То, как давно он в последний раз пил пиво. Взвесил все «за» и «против» и согласился. Около часа времени у него есть, потом нужно разобраться с отрядом и делами. А вообще – этим можно заняться уже и сейчас, раз уж на то пошло.

Он залез под ветровку, достал длинный черный прямоугольник станции, закрепленный в чехле на поясе и начал вызывать Тундру. Капрал завистливо покачал головой. В патруле радиостанций не выдавали, и есть они в городе, или нет – Штырь даже и не знал. Конечно, станция у Кэпа очень старая, обтерханная и потрепанная. Корпус заново сделан каким-то умельцем из нескольких, антенна тоже явно самопального типа. Но даже то, что ее низ старательно обмотан клейкой лентой, капрала не смущал. Это ведь станция, возможность поговорить на расстоянии со своими людьми. То, чего так не хватало во время дежурств и патрулей. Штырь грустно, про себя, вздохнул.

- Тундра, прием... слышишь меня? – Капитан знаком показал капралу, что времени остановка займет немного. – Тундра, прием...

- На связи, Кэп. – Голос, нарушаемый помехами, был низким и чуть хриловатым. – Как у тебя там дела?

- Пока в норме. Ты, давай, дойди до ворот. Местный начальник гарнизона должен предупредить о том, чтобы не стреляли. Если все так и есть, то подгоняй машины к стене и устраивай лагерь. Сам буду где-то часа через полтора. Мерлин с ребятами еще не подъехали?

- Пока нет. Выходили на связь с час назад. Скоро будут.

- Тундра, ты посмотри сам, как они там. Если нормально, скажи Мерлину, чтобы готовились на ночь выйти в город. Все, отключаюсь, заряд кончается.

Кэп убрал станцию обратно и повернулся к Штырю:

- Ну, капрал, показывай свой подвальчик.

Кабачок, спрятавшийся в цоколе трехэтажного дома из светлого кирпича, выглядел небольшим и вполне уютным. Столов в нем было немного, десять, может чуть больше. Дальний конец, в связи с тем, что кроме Капитана и капрала было лишь трое посетителей, не освещался

аккуратными масляными светильниками. Кэп остановился на пороге, внимательно осмотрев место, в котором должны разливать разрекламированное Штырем пиво.

Светлые стены, оштукатуренные и выкрашенные в мягкий, с кремовым оттенком, желтоватый цвет. Столы из дерева, нелакированные, скорее всего для того, чтобы скоблить ножом и потом зашлифовать наждачной бумагой. Те самые светильники, одинаковые, с коваными из железа держателями в стенах, накрытые чистыми стеклянными колпаками. Полы накрыты циновками из чего-то жесткого, похожего на солому. На входе стоит металлический скребок для обуви и лохань с водой, к которой сбоку приварена пара крючков. На крючках, вычурных и украшенных узором, висели на длинных деревянных ручках щетки из конского обрезанного волоса. Стойка в углу, сбита из ошкуренных досок, с тремя бочонками, в которых, судя по аппетитному пшеничному запаху, смешанному с хмелем и солодом, было то самое пиво.

Там стоял высокий белобрысый верзила с очень спокойным лицом, украшенным длинными и грустными усами. За его спиной находилась арка, из которой тянуло яичницей с домашней колбасой. Капитан довольно улыбнулся. В последний раз в такой обстановке он находился около двух месяцев назад.

- Здорово, Йод. – Штырь поздоровался с усачом за стойкой. Тот лишь кивнул и вопросительно поднял бровь. – Мне чая и чего-нибудь пожевать. А товарищу пива, светлого и холодного. У тебя яичницу жарят? И ее тогда. Мы ненадолго у тебя задержимся.

Кэп вздохнул, грустно и протяжно. А ведь таких вот уголков в мире становилось все меньше. Маленькие поселения, раскиданные вдоль тех трактов, что еще могли спокойно пропускать по себе оставшуюся технику и большие повозки, зачастую не могли предложить чего-либо подобного. Во всяком случае, такую чистоту и ухоженность отряд встречал очень редко. Капитану было все тяжелее осознавать то, что их мир медленно и неотвратно продолжает скатываться вниз, глубже и глубже, подбираясь к последней черте. И как не старались те, кто хотел поднять его из руин... короче, мало что у них получалось.

Города, подобные этому, встречались все реже. Проезжая по улицам Капитан не заметил становящихся обыденными куч мусора у

стен, и почти не почувствовал запахов отбросов и экскрементов. Значит, в городе пока еще вполне исправно убирали и вывозили куда-то мусор и нечистоты. Да и вот, если присмотреться к трем мужикам, сидевшим за столом и кивнувших его сопровождающему, можно заметить добротность и качество одежды, уверенный вид людей, спокойно смотревших в завтра. Не говоря про молчуна Йода, который ничем не напоминал тех трактирщиков, что зачастую прямо за стойкой стояли в засаленных передниках. Хороший городок, в общем. Один из тех островков умирающей цивилизации, которые пытался сберечь и сам Кэп, и все те, кто входил в отряд. За которую ожесточенно боролись, иногда сами себе в том не признаваясь.

На то, что сказал капрал, стоящий за стойкой Йод все также, молча, кивнул и повернул кран у одного из бочонков. Штырь прошел дальний угол, ту его часть, которая все-таки чуть освещалась. Сел на невысокий стул, прислонил к стене короткий карабин и подвинул кобуру подальше на бок. Капитан сел напротив него, про себя отметив то, что капрал специально занял позицию спиной к двери, давая возможность ему не напрягаться, ожидая чего-либо с тыла. Это было хорошо и правильно со стороны Штыря, который понравился ему еще в тот момент, когда переругивался с вышки. Осталось проверить – что он может рассказать, чтобы понять то, насколько капрал сможет помочь и пригодиться в том деле, которое ожидало отряд впереди.

- Спрашивай, Кэп. – Солдат откинулся на спинку стула, достав из кармана пачку дешевых сигарет без фильтра, скорее всего привезенных из Пяти городов и выданных в качестве табачного довольствия. Помял ее пальцами правой руки, желтыми и прокуренными. Закурил, окутавшись сизым дымом. Запах от сигареты шел тяжелый, скорее даже вонючий, но никто не возмутился, наверняка давно привыкнув к нему.

- Ты сам ходишь в патруль по улицам?

- Редко, в качестве усиления. Мое дело – работать на воротах. По улицам, если тебя это интересует, в основном ходят неплохие парни. Другое дело, что ни оружия хорошего, ни опыта у них нет. Недавно, правда, выдали им пистолеты-пулеметы. М-да...

- Что скажешь про то, что у вас здесь по ночам творится?

- Да, а что тут скажешь, Капитан? Творится у нас - черт пойми что. Как началось все с полгода назад, так все никак не хочет

заканчиваться. Люди гибнут, Кэп. Погибают так, что страшно до жути становится. Бывал я в паре домов, где такое случалось... как на скотобойне побывал.

- В домах? – Лицо Капитана чуть дрогнуло. – Ночные твари попадают в дома? В каких районах города?

- Ну да. И в центре случалось такое, и рядом. На окраинах поменьше, правда. Там все больше улицы и улицы. – Штырь недоуменно посмотрел на него. – Что в этом такого? Если на улицах нападают, то, что им может помешать попасть под крышу?.. Хотя...

Капитан кивнул головой. До капрала, судя по всему, дошло то, что сразу удивило его самого. Все довольно просто, если задуматься, и должно было сразу вызвать удивление. Если по окраинам наверняка дома старые и разваливающиеся, то в центре города все как раз наоборот. Взять хотя бы то место, в котором они сидели.

Кладка в три кирпича, толстые ставни на каждом окне и решетки на первом этаже, это Кэп заметил сразу. А дверь в сам кабачок? Толстая, явно из дуба, с коробкой, утопленной в стены на толстых штырях. Таковую выбивать, так разве что носом броневика, или гранатой. Конечно, Капитан не мог не учитывать того, что подземные монстры сильнее обычного человека. Но предел их силам точно должен быть. Даже из тех тварей, что отряд уничтожил до того, как приехать сюда, Кэп мог вспомнить две, ну три от силы, разновидности, способных не такое. Здоровенных лохматых людоедов из Пармы, терроризировавших тамошних пасечников и смолокуров, легко ломающих хребет лошади и стволы молодых деревьев. Тогда отряду пришлось пользоваться пулеметами и несколькими крупнокалиберными автоматическими винтовками. И еще странных, полумеханических существ, обитавших на развалинах города Святой Екатерины. Судя же по тому, что говорили в мэрии, местные подземники не отличались поразительными размерами. Так что стоило призадуматься.

Тем временем к столу подошла совсем юная особа, одетая в аккуратное клетчатое платье с белым передником. Девушка была чудо как хороша, полновата той полнотой, что скорее красит, а не портит, и имела явное сходство с молчуном Йодом. Во всяком случае, глаза у нее были такими же большими, а длинные волосы, собранные в два тугих кольца на затылке, отличались таким же ярко выраженным белым

цветом. Она поставила перед стражником глиняный заварочный чайник, с глазурью и красивыми синими цветами по бокам и носику, такую же чашку с небольшим сколом на краешке и блюдце со свежим кренделем, посыпанным кунжутом. Отдельно, со стуком, рядом с чайными принадлежностями приземлилась масленка с желтым маслом, явно домашним.

На долю Капитана досталась широкая плоская тарелка с яичницей из четырех яиц, с ярко-оранжевыми желтками, посыпанная свежей зеленью. Кроме ровных и круглых глазков, ее также украшали толстые прожаренные кругляши домашней жирной колбасы. Хлеб, положенный на блюдце, такой же свежий, как и у капрала. Три больших, ноздреватых куска, пахли так безумно хорошо, что Капитан только сглотнул слюну. После галет и сухарей, которые возил с собой отряд, такое оценить можно было по достоинству. А когда девушка вернулась и водрузила на стол еще и высокую глиняную кружку с пивом... именно такую, которую Капитан себе и представлял, то есть запотевшую, с шапкой белой пены...

Решив, что на некоторое время можно забыть о вопросах, связанных с делами, Кэп глубокомысленно плюнул на все и решительно взялся за нее. К слову сказать, ему пришлось сделать в голове еще одну отметку в пользу этого шахтерского городка. Так как приборы были стальными, старательно начищенными и не очень стертymi. Но перед этим Капитан не смог отказать себе в проявлении слабости. А именно – он взял кружку и надолго приник к ней, медленными глотками вливая в себя пиво.

«Господи, ты, боже мой... – подумалось ему, - оно ведь действительно свежее, приготовленное так, как теперь делают в очень редких местах...»

Старший капрал Штырь, только отхлебнувший свой чай, удивленно вытаращился на его ходящий взад-вперед острый кадык под загорелой и загрубевшей кожей, покрытой давно не бритой седой щетиной. Капитану было вполне понятно это удивление, ведь не каждый день увидишь, как человек одним присестом одолевает полную кружку с пивом. Но ведь, скорее всего, этому парню не доводилось месяцами жить в пустошах и на руинах разваливающегося мира. А разве сможет человек, ни разу не лишавшийся многих

удобств, то, что сейчас испытывал Капитан?! Ведь отряду зачастую приходилось быть лишенными вот таких благ.

Питаться почти всегда консервами и сухарями. Пить обеззараженную воду и аккуратно расходовать каждую таблетку сахара. Мыться раз в пару недель и стирать одежду только после того, как отряд выходил к людям. Нет, конечно, не вся работа проходила именно так, но чаще всего – без нормальных условий. А последний месяц чистильщики провели на севере областей Альянса пяти городов, лежащих у той оконечности Камня, что выходила в Северный океан, в тайге, окруженные гостеприимными тучами гнуса, дикарями и вырождающимися, искалеченными животными.

Так что Кэп даже и не думал обижаться, когда кружка со стуком встала на доски стола, и прямо в его лицо уставились удивленные глаза Штыря. Мужики за соседним столом как по команде развернулись назад, поняв, что ТАК глазеть не стоит, а полненькая симпатяшка блондинка двинулась назад, неся в руке еще одну глиняную кружку, полную до краев. Капитан подмигнул капралу и быстро заработал ножом и вилкой, уменьшая остывающую яичницу с потрясающей быстротой. Здесь не стоило корчить из себя крутого и невозмутимого перца, как он это делал перед хмырями из администрации. Не зачем.

Быстро управившись с порцией и подобрав куском хлеба остатки масла и густого желтка, Кэп довольно развалился на стуле, щелкнул зажигалкой и задымил. Штырь нерешительно двинул к нему блюдо со своей сдобой, но Капитан лишь отрицательно покачал головой.

- Ну вот, теперь можно и поговорить. Спасибо, милая. – Седой чистильщик мягко, насколько позволило его жесткое лицо, улыбнулся девушке, пришедшей за пустой посудой. – Передай спасибо вашему повару, давненько я так вкусно не ел.

- Спасибо. – Она улыбнулась в ответ, блеснув красивыми ровными зубами. – Маме будет очень приятно. Еще чего-нибудь хотите?

- Нет, пожалуй, но спасибо за предложение. Этого хватит? – Капитан выложил на стол тусклый серебряный кругляш, жестом заставив востроенного капрала успокоиться.

- Да, сейчас я принесу сдачу.

- Не стоит. Мне на самом деле давно не было так хорошо. Так что сдачи не нужно. Скажи маме, что, скорее всего, скоро у вас появятся

мои друзья, и работы у вас прибавится. Они у меня такие обжоры и гурманы, что сами не рады будете.

Девушка смущенно улыбнулась и пошла к стойке. Капитан глубоко затянулся, выпустил несколько аккуратных колец и снова обратился к Штырю:

- Рассказывай все, с того момента, как начались первые нападения. Все мелочи, все странности и то, что не выходит наружу, чтобы не напугать горожан больше, чем есть.

Капрал только покачал головой.

Только что напротив него сидел совершенно другой человек, с неопишуемой радостью уминавший за обе щеки домашнюю еду, несколькими глотками выдувший пиво и с аккуратностью голодного бродяги вытерший тарелку хлебом. В какой-то момент Штырю даже показалось, что протяни к нему руку, и чистильщик рыкнет и щелкнет зубами в сантиметре от пальцев, как дворовый пес, что жил у его дома. А сейчас в стуле сидел холодный и расчетливый живой автомат с глазами человека, давно и прочно привыкшего убивать.

- Около года назад... даже чуть больше, с шахтами начало происходить что-то неладное. Горняки вообще люди странные, у них ведь, Кэп, суеверие на суеверии. Например – на спуске под землю стоят спиной вперед, чтобы их потом ногами не вынесли. Верят в рудничную кошку, что может обвал сотворить там, где ее ходы под землей. В Черного маркшейдера верят, что придет за каждым из них в конце жизни. В подземных рудокопов, что ведут свои ходы из преисподней наверх, и не дай никому Мэдмакс с ними пересечься. Короче, Капитан, куча у них всяких баек. Ну, крысы-переростки в шахтах то есть. Почти у каждого третьего в доме – шкура прибита. Слизни, мокрицы-кислотницы и красноголовки те же, что и говорить. Но это все понятно...

Штырь достал сигарету, прикурил и продолжил. Капитан молчал, наблюдая за ним и внимательно слушая.

- А тут – погибать рудничные начали. Сначала-то привозили в закрытых гробах нескольких, мол, завалило так, что изувечило до ужаса. Родным их открывать не разрешали, хоронили при них, за счет конторы и все тут. Ну, слухов-то не удержать, один хрен. А когда ночью, в мое как раз дежурство, привезли в труповозке ребят со стражи, так я не выдержал. Прицепился к их старшему, который и

доставил их, бедолаг. Он мне и рассказал, много всего. Про то, что какие-то твари начали убивать шахтеров, и про то, что убить их очень сложно. Потом им вывезли несколько ящиков автоматов, которые лежали только на случае серьезной войнушки, если города кого пропустят, или через границу полезут с Пустых земель. Тогда мне совсем стало ясно, что дело худо. Ну, а полгода назад, значит, добрались эти, которые там были, и до города.

Кэп наклонился вперед:

- Где было первое нападение, сколько людей погибло?

- В одном из старых кварталов. Город идет от старицы, там первые улицы строили. У них даже названий нет, только номера. Не трущобы, нет. Просто старые районы. Трущобы у нас возле той части стены, которая низкая, ближе к шахтам как раз. Сначала только на улицах люди пропадали, а потом, как-то месяца так четыре назад, твари начали попадать в дома. Как раз сместились ближе к центру города. Тогда мэр выставил пулеметы к входу администрации и усилил охрану. Он же и живет там же в самом здании, на последнем этаже. Кстати, Кэп, здесь, в этом доме, жил старик один, фонарщик. Да как старик... седой просто был, и больной. Вот и постарел. Ну да, точно, вспомнил. Он к нам попал несколько лет назад, когда заварушка крепкая на границе была, и Альянс прислал наемников, тогда-то он здесь и оказался. Ранили его, серьезно так...

- Штырь, не обижайся, но давай в сторону уходить не будешь, хорошо? А то такое ощущение, что это не я, а ты пиво пил. Так что этот фонарщик?

- Так, задрали его же, как раз в старом квартале. В смену Рэда. Он здесь вроде как засиделся, и не успел до темноты зажечь все хозяйство, что к нему относилось. Вот и пошел в темноту, хотя тогда уже все знали, что ночью-то неладное творится. Но смог двух этих тварей убить, представляешь? А у него-ж с собой и был-то всего один револьвер. Правда, говорят, одну паскуду Сивый спалил. Это его Сивым звали, фонарщика. Серьезный был мужик, если бы не нога, которая так и не зажила, то, наверное, смог бы и живым остаться. Хотя... шут его знает.

- Спалил?

- Ну да, как курицу на вертеле. Маслом из фляги обдал, что ли. Не знаю точно. Один хрен – задрали его. Да еще как. Съесть, правда, не

успели и с собой не потащили. Мало тварей оказалось, надо думать, вот их патруль и спугнул. А может еще что, не знаю. Жил он здесь, Йод сдает комнаты, что на третьем этаже. Тех двух я видел. Отвратные твари, скажу тебе.

«Вот с этого и надо было начинать» - подумал Кэп, но не сказал ничего вслух, только стал внимательнее слушать.

- Рост как у обычных людей, может только чуть повыше. Очень худые, но знаешь, Капитан, из-за мышц. Они у них просто как жгуты. Кожа какая-то бледно-серая, в пятнах, волос почти нет. Темные глаза, почти один зрачок. Зубы с когтями... - Капрал сжал в руках чашку. – Здоровые, у людей таких быть не может, это точно. У нас есть больница и там один холодильник для трупов работает. Так там, наверное, их держат. Как мне кажется.

Кэп внутренне улыбнулся. Если в городском морге хранятся тела нападавших, то это очень хорошо. Работа для Инженера, Айболита и Фроста, которые наверняка смогут сделать необходимые заключения. А это, в свою очередь, облегчит задачу всем остальным, и группе Мерлина в первую очередь. Странно, конечно, что в администрации не заикнулись о том, что есть трупы, очень странно.

- Спасибо. – Он благодарно кивнул Штырю. – Пойдем, наверное. Если еще из моих кое-кто подъехал, то надо их в патруль с вашими выпустить. Да, капрал, мне бы в помощь кого-то из местных, желательно из стражи. Смышленного, здорового и молодого. Чтобы не отставал от наших ребят. Подскажешь кого-нибудь?

- Ну, что ж не подсказать-то? – Собеседник хмыкнул. – Завтра с утра будет у вас, как только сменится.

- Сменится?

- Да, сейчас в карауле стоит. – Штырь немного недоуменно посмотрел на Капитана. – А что?

- Отдохнувший нужен. Может, есть возможность сменить?

Капрал почесал кончик носа, явно раздумывая над словами чистильщика.

- Можно, попробую, так сказать. Пошли к воротам?

Кэп вместо ответа просто встал и направился в сторону двери. Проходя мимо стойки – не забыл поблагодарить еще раз и молчаливого усача Йода, и выглянувшую из-за занавески давешнюю девушку. Сидевшие мужики все также невозмутимо продолжили пить.

За время, проведенное в подвальчике, солнце успело неплохо скатиться по горизонту. Потому и Кэп, и капрал двинулись в сторону ворот с как можно большей скоростью. Тем не менее, поход занял не меньше двадцати минут. Чем ближе к вечеру, тем меньше жителей встречалось на улицах. Теперь, проходя по ним пешком, Кэп отметил про себя, что почти на всех окнах, даже на третьих этажах, красовались грубые решетки. Судя по большинству - ставили их совсем недавно. А то, как крепко и глубоко загонялись в стену штыри, удерживающие металл, сразу становилось ясно, что поставлены они именно из-за последних событий.

Впереди показали ворота, открытый джип перед ними и несколько солдат. Через створки, разведенные в стороны, заезжали, один за другим, длинные трехосные рыдваны, переделанные из старых автобусов. Один, второй, третий. Изношенные, с вытянутыми мордами, украшенными решетками радиаторов, машины, неторопливо ехали мимо. Стекла в некоторых местах отсутствовали, но все проемы, вне зависимости от этого, были закрыты металлическими сетками. Внутри Капитан увидел только мужчин, в серых и заношенных рабочих комбинезонах из грубой ткани. С усталыми, заросшими бородами, лицами, дымящих дорогими сигаретами с фильтром, с темными бутылками в руке у каждого второго.

- Шахтеры. – Капрал сплюнул. – Ну, жди завтра в городе драк, и ладно, что хоть днем, потому как вечером они теперь на улицы не суются.

- После вахт бузотерят? Ведь за смену выдохнуться должны?

- Так они как раз сегодня и будут отсыпаться, а завтра, ближе к обеду, выползут. Шумят, эт да, не без этого. Оно вроде и понятно – в забое каждую минуту можно жизнью рисковать, сейчас так тем более. И город только за них так держится хорошо. Но... свинничать-то зачем? Эх, люди...

Капитан про себя согласился с капралом. Ясное дело, что парни с шахт часто находятся на самом пределе нервных сил. Мало того, что в любой момент может крепь обрушиться, так есть еще и те самые «серые», что повадились таскать горняков. Нервы сдают, человек прикладывает к бутылке, а потом ищет пьяными, злыми глазами кого-то из местных, то есть городских.

Тех «белоручек», что, как наверняка считает любой забойщик, сидят лично у него на крепкой, с точками въевшейся угольной пыли, шее. И таких, которым как не тверди о том, что не стоит шлаться по кабакам после приехавшей вахты, наверняка имеется в избытке. Городские рабочие, окрестные фермеры, наверняка водители транспортов с метрополии, вывозящие тот самый драгоценный антрацит. И, конечно, люди из гарнизона, считавшиеся ни на что негодными бездельниками, не умеющими охранять их дома в отсутствие мужчин.

Кэп поспорил бы, что шахтеры опасались задирать лишь пограничников, не без основания считая, что этим только наживут неприятностей и тот факт, что стража Фронтيرا рисковала даже больше, чем они. Ох, как бы завтра не случилось чего, когда люди из отряда пойдут в город. Хотя бояться стоило, в основном, только за самих горняков. Уж в этом Кэп был уверен.

Но это, возможно, случится завтра, а пока ему стоит заняться насущными вопросами. Попрощавшись со Штырем и сказав, что в случае чего он пришлет обещанных людей, Капитан шагнул в начавшие смыкаться створки ворот, оставляя за спиной город с его страхами и наступающими сумерками.

Крутить головой в поисках отряда ему не пришлось. Все машины уже загнали на чистую площадку перед рвом и составили в неровный четырехугольник. Не хватало второго «Жнеца», находившегося в подчинении Мерлина. Это заставило Кэпа насторожиться. Тот уже должен был прибыть, если верить тому, что сказал почти два часа назад Тундра. Хотя... Поводов для волнения, судя по всему, у того не наблюдалось - «Скаут», небольшой и маневренный броневик, стоял в линии и его механик, Жук, ковырялся в открытом движке.

Тундра уже шел навстречу, скорее всего вызванный одним из дежуривших Блинецов. Высоченная фигура сидела на башне «Жнеца», угнездившись прямо на полке между стволами, и внимательно осматривала окрестности с помощью бинокля.

- Ну, ты долго, - протянул заместитель, подходя к командиру, - толк-то будет?

- Будет. Где группа Мерлина?

- К ночи доберутся. Засекли в степи несколько волколаков и решили, что это непорядок. Восстановили их статус-кво по

отношению к хуторянам, живущим в округе, и теперь двигаются к нам.

- Балбесы. – Кэп сплюнул. – Вот точно тебе говорю, что Варяг блохозавров этих засратых заметил и всех взбаламутил. Рыцарь без страха и упрека, блядь, куда там. Ладно, хрен с ними. Как вернутся, ты вздрюкни как следует Мерлина, чтобы не расслаблялся. А дальше он сам разберется. Лагерь поставили быстро, молодцы.

- Делов то, умеючи. – Тундра тоскливо вздохнул. Дрюкать Мерлина ему не хотелось, но и деться от командирского приказа некуда. – Сейчас палатки закончим ставить, и все.

- Ну и хорошо. – Кэп достал из кармана портсигар, открыл и потянулся за содержимым. Но, вместо того, чтобы достать, быстро защелкнул и спрятал в карман. – Вот несет его нелегкая!

К ним приближался отрядный доктор, Айболит, высокий, худой как жердь, с вечно растрепанными волосами и в толстых очках с обмотанными изолентой дужками. Уже издалека он начал свою обычную проповедь, направленную в сторону Капитана.

- Командир, кто мне обещал не курить столько, а?!

Капитан обреченно вздохнул:

- Понеслась...

Глава третья: Лагерь гостей, Медовая, черная кожа в обтяг и хорошее отношение

*«Неведомы и темны дороги, по которым идут Воины.
Слабы духом и телом те, кто живут вдоль них.
И потому Воины нужны люду человеческому как воздух.
Ибо никто, кроме них, не спасет слабых и сирых,
когда Дьявол и присные его желают гибели стаду Божьему.
Потому – не желай себе судьбы Воина, если не готов.
И будь Им, если выпал жребий такой, ибо за тобой судьбы и
животы людские»*

Книга св. Мэдмакса (апокриф)

Енот стоял у ворот и медлил. Стыдно признаться самому себе в трусости, но так оно и есть. Кого или чего он сейчас боялся, не смог бы объяснить. Да может и не боялся, кто знает? Но идти туда, куда ему было сказано явиться утром, почему-то не мог. А ведь вчера вечером даже обрадовался. Вчера вечером...

Вернувшийся старший капрал позвонил куда-то, а потом немедленно вызвал его к себе. Приказал возвращаться в казарму, сдавать оружие и отсыпаться. И прямо с утра – двигаться в лагерь чистильщиков и поступать в распоряжение давешнего седого до получения следующего приказа. Нельзя сказать, что Енот огорчился от того, что ему предстояло не достоять караул до конца, скорее наоборот. Если же учитывать факт того, что прямо перед ним от Штыря вышел злобно зыркнувший в его сторону Рыжий, то и вообще обрадовался. В планы Енота не входила закономерная ожидаемая «разборка», ведь пойманный за сном «товарищ по оружию» наверняка захочет... поговорить. Потому, получив указания, он развернулся и бодро потрохал в казарму.

Утро началось еще более интересно. Растолкавший Енота дежурный для начала отправил его по всем необходимым делам, а потом в цейгхауз городской стражи. Всегда недовольный старший кладовщик Шмат выложил перед ним новый комплект формы,

высокие кожаные ботинки, ремень и кепку как у личных охранников мэра. Пока Енот переодевался и переобувался, перед его глазами оказалась скрипящая от собственной новизны кобура с автоматическим пистолетом, потертый, но хорошо смотрящийся пистолет-пулемет и подсумок с четырьмя длинными металлическими магазинами. На выходе из казармы ему дополнительно вручили документ о прикомандировании, пропуск на проход в такие места, о которых он и не подозревал и десять серебряных монет.

Енот, слегка обалдевший от всего свалившегося на него счастья, скромного, но до этого момента абсолютно недоступного, расписался в ведомостях и отправился на инструктаж к заместителю майора Грифа – Вишневому.

Инструктаж вышел очень кратким и весьма доходчивым. В ходе выполнения приказа о содействии отряду чистильщиков, ему предписывалось оказывать любую необходимую помощь, а также по возможности все замечать и обо всем докладывать. После чего Енот отправился к воротам, где теперь и стоял, не понимая того, что заставляет его внутренне трястись от странного напряжения.

Сзади раздались шаги. Рядом с ним остановился Штырь. Капрал выглядел очень невыспавшимся, под глазами темнели мешки, да и вдобавок, когда он повернулся к Еноту с явным намерением что-то сказать, то сильно зевнул. Помотал головой, достал из кармана мятую картонную пачку сигарет, поковырялся в ней пальцами и удивленно посмотрел внутрь:

- О как, все скурил. Слышь, Енот, дай... а, ты ж не куришь. Чего стоим, боец?

- Сейчас иду, господин капрал.

Штырь покосился на него:

- Да ты не бойся, молодой. Никто из них тебя не съест. Капитан у них вообще мужик душевный, зря напрягать не станет. Если сделают все, как нужно городу, то и тебе с этого что-то, да перепадет, стопудово. Лычки-то уж точно.

- Мне? За что?

- А ты подумай, ты парень с головой, потому я тебя и к ним отправляю.

- Вы, господин капрал?

- Я. – Штырь потер красные глаза. – Сам за тебя, молокососа, всю ночь отстоял, цени. Давай уже, иди. Они там, наверное, просыпаются. И вот что... помоги им, парень. Ради самого себя, семьи и просто всего города. Если так дальше пойдет, то сам понимаешь, жить здесь станет невозможно. А наших сил, собственных, не хватит. И умения тоже, так что – делай что скажут... и лишь бы только все у них получилось.

- Хорошо. Ну, я пошел.

Лагерь чистильщиков становился все ближе. Уже подходя. Енот понял, что устроен он очень профессионально и грамотно.

Расставленные по углам машины, вооруженные крупнокалиберными стволами, прикрывали те, что выполняли другие функции. Вчерашний бронированный монстр, стоявший в самом ближнем углу, уже не казался таким страшным. А вот две стальные машины, возвышающиеся на высоченных колесах и ошестинившиеся сразу двумя парами стволов, побольше и поменьше, торчавшими из башен, впечатляли. Под их прикрытием заднюю стенку лагеря образовывала длинная и массивная халабуда на гусеницах. По бокам стояли большие грузовики, похожие на транспорты, вывозившие уголь в Альянс. Только вместо вместительных и открытых кузовов, на них стояли металлические будки, с крохотными оконцами, закрытыми металлическими пластинами и прорезями бойниц в стенах.

Когда Енот дошел до угла, то стало видно, что вход в лагерь образуют почти такой же, только двухосный горбатый и тупоносый грузовичок и небольшой броневик, выглядящий как большой джип мэра, на который нацепили бронеколпак. Правда сверху колпака торчала небольшая сферическая башенка, вооруженная хищным, чуть зауженным к верху ребристым стволом крупного калибра.

- Ты из городской стражи? – Раздавшийся откуда-то сверху глухой бас заставил Енота вздрогнуть и потянуться к оружию. – Не глупи, стой, где стоишь.

Откуда-то сверху и сзади послышались мягкие и еле слышные шаги. Потом кто-то аккуратно спрыгнул, приземлившись практически беззвучно. Он повернулся и оторопел.

Над совсем даже немаленьким Енотом высилась живая башня, увешанная подсумками и оружием. На голове громады красовался обтекаемый шлем с металлической маской, из щелей которой на него

глянули холодные и ничего не выражающие глаза. В голове парня мелькнула мысль о том, что люди не могут быть такими большими, мелькнула и пропала. А сзади раздался точно такой же, как и у этого чудища, низкий бас:

- Он из города, брат. Откуда еще он может свалиться? Я провожу к Капитану.

Машина мотнула головой и полезла назад, на маленький грузовик, на крыше которого, среди прикрученных толстым канатом каких-то тюков, находилось незамеченное Енотом «гнездо».

- Долго пялиться будешь? – Голос сзади громыхнул немного недовольно.

Обернувшись, парень увидел перед собой точную копию живой башни, только что забравшийся на кузов грузовика. Абсолютно такую же. Только теперь ее можно было рассмотреть получше.

Массивная, кряжистая фигура, двух с небольшим метров ростом. Затянутая в плотно облегающий мощные мышцы комбинезон, сделанный из какой-то необычной ткани, кажущейся из-за мелкого рисунка еле уловимой глазом. Поверх, на нескольких толстых кожаных ремнях висели многочисленные под сумки, чехлы и бандольеры. Такое количество емкостей под боеприпасы объяснялось очень просто – живая машина с ног до головы увешалась оружием, да еще каким!

- Ты идешь, или передумал? – Великан чуть наклонился.

- Иду, конечно, иду. – Енот торопливо кивнул и пошел в сторону прохода между машинами, куда ткнула рука, по объему больше похожая на немаленькое бревно.

Человек-гигант тихо шел сзади, не позвякивая ни одной из многочисленных пряжек на ремнях собственной сбруи. Его присутствие сильно нервировало, заставляя молодого стражника чувствовать себя совсем не в своей тарелке. Таких больших людей ему никогда до этого видеть не доводилось. Но ведь все когда-то бывает в первый раз? Тем более что такие габариты невольно вызвали уважение, и Еноту даже представилось, как его сопровождающий расправляется с теми тварями, что убивали на улицах. В мыслях все это выглядело смазанным, но все равно понятным: отряд похожих друг на друга громил безжалостно и методично уничтожает ночных «серых», одного за другим. И он, Енот, героически идет рядом с ними, плечом к плечу.

Раздумья прекратились потоком мыльной воды, вылившейся Еноту под ноги и обдавшей начищенные носы новеньких ботинок грязными пятнами. Парень вздрогнул и оторвался от пустых мечтаний, стараясь понять – откуда это? Ответ оказался простым. Длинный рыжеватый мужик со свежесбритыми щеками молча, не подумав извиниться, покосился на него, стоял на металле ступенек одного из грузовиков. В руках он держал старый металлический таз, из которого, судя по всему, только что и выплеснул воду. Увидев, что Енот уставился на него, в свою очередь выкатил рыбы буркалы серо-бесцветных глаз. Молодой стражник не смог выдержать ничего не выражающего взгляда, и дернув щекой, пошел дальше

- Идем к транспортеру. – Пробасил здоровяк.

- Куда? – Енот недоуменно оглянулся.

- Который на гусеницах, - то ли ему показалось, то ли в голосе сопровождающего послышалась легкая и добрая усмешка, – никогда не видел, что ли?

- А-а-а... - протянул Енот. – Так бы сразу и сказал.

- Ну, извини. – Нет, но он точно улыбается под своей глухой маской.

- Эй, военный! – Со стороны так называемого транспортера раздался командный голос, и Енот обернулся в ту сторону, справедливо полагая, что обращаются именно к нему. Хоть это радовало, что «военный», а не «паренек» или что-то обиднее.

На выгоревшей от солнца траве, в тени, отбрасываемой механически монстром, стоял высокий, крепкий и чуть сутулый мужчина. Лицо, наполовину скрытое под тенью от козырька кепи, черный свитер с высоким горлом, несмотря на то, что солнце ужена начало подниматься и теплело, серые форменные брюки, заправленные в явно дорогие и сшитые на заказ сапоги. На бедре, притянутая к нему ремнями и закрепленная еще и к широкому поясу, висела странного вида кобура, с таким же большим, как и у вчерашнего седого чистильщика, пистолетом с толстой рукоятью. Именно он и позвал Енота, кивком головы отправляя назад сопровождающего гиганта.

Подходя ближе, стало заметно, что мужчина, в отличие от Капитана, еще молод, не старше тридцати пяти – сорока лет. Густые и нахмуренные брови, внимательные и небольшие зеленые глаза под

ними. Нос, когда-то и кем-то хорошенько свернутый на бок, да так и не выпрямленный до конца.

- Это тебя к нам прикомандировали?

- Да. – Парень невольно вытянулся перед ним, действуя по уже заученным рефлексам, включавшимся от приближения командира. – Рядовой городской стражи Енот.

- Вольно, боец, не в казарме. – Мужчина улыбнулся. Как-то по-доброму и мягко, что так не вязалось ни с его строгим командным тоном, ни с нахмуренными бровями. Как улыбался давно погибший отец, заваленный породой в забое, которого он помнил плохо, но все-таки помнил. – Я заместитель Капитана, зови Тундрой. По всем вопросам – обращайся ко мне.

- Так точно, господин Тундра!

- Тьфу ты... - Мужчина задумчиво потер подбородок. – Ты без надобности-то меня не господинь, а? Вот если Енот, косяк какой запорешь, то тогда тебе ни господин, ни даже сударь с сэром, не помогут. Так, что же мне с тобой делать-то? Кэп еще спит, также как и парни с группы. О! А ты завтракал?

- Конечно. – После того, как он торопливо выпалил это, Енот сглотнул. Накормить его никто не удосужился, а он, придя ночью в казарму, абсолютно не подумал взять что-то на кухне. Сейчас голод давал о себе знать, правда, пока еще только тихим и ноющим червяком где-то глубоко. Но это Енот показывать не хотел, и так чувствовал себя не в своей тарелке. Да и вообще, ему хотелось доказать этим гостям, что ни одни они круты до невозможности. Так что показывать заместителю Командира собственное желание поесть – в планы не входило.

- Да? – Тундра с подозрением, как показалось Еноту, посмотрел на него. – Ну, как скажешь. Все равно придется подождать с делами, пока ребята не поедят, а завтрак сегодня поздний. Постой здесь, сейчас найду тебя гида.

- Кого?

- Сопровождающего и проводника. Тебе придется познакомиться со всеми участниками отряда, у меня времени на это не хватит. Да и нет его, времени-то.

- Понятно.

Заместитель Кэпа повернулся и пошел куда-то в сторону одного из больших грузовиков. Енот остался стоять там, где его попросили, и ему ничего не оставалось, кроме как крутить по сторонам головой и пытаться понять: как устроена жизнь у этих отличающихся от горожан людей. Посмотреть, кроме машин, само по себе было на что.

Как оказалось, в прямоугольнике, образованном машинами, чистильщики поставили палатки, оборудовали, судя по большой емкости, душевую и устроили полевую кухню со столовой, накрытые навесом из маскировочной сети. Все это со стороны совершенно не бросалось в глаза. Сеть, сделанная из толстых жгутов с нашитыми на них лоскутами ткани, накрывала почти все место стоянки сверху, будучи примотанной за специальные крепления на машинах. Внутри периметр лагеря охраняли несколько крупных собак, которые никак не реагировали на Енота, пока рядом находились члены отряда. Сейчас же одна из них, крупный серо-рыжеватый лохматый кобель, подошел и мягко плюхнулся на землю рядом с ним, лениво зевнув и прикрыв глаза. Зевок произвел на парня, мягко говоря, впечатление именно то, которого, как кажется, хотел добиться пес. Несмотря на наличие оружия, ему совершенно расхотелось шляться по лагерю в одиночку.

Людей в лагере практически не было. Торчал на крыше грузовика один из здоровяков. Второй затаился где-то снаружи, сейчас наверняка прикидываясь большим кустом. Из фургона, с подножки которого перед Енотом выплеснули воду, никто так и не появился. Только возле полевой кухни суетился худой, замызганный субъект, и там же, за занавесью из брезента мелькала невысокая пухленькая женщина. Тундра прошел мимо, перекинувшись с ними парой слов, и исчез во втором из высоких грузовиков. Так как делать пока было нечего, то Енот решил разобраться со своим вооружением, чем и не замедлил заняться, для начала сняв с плеча пистолет-пулемет.

Он действительно оказался давно использующимся. Края затворной рамы блестели в тех местах, где по ним скользила подвижная часть механизма. На деревянном ложе и прикладе виднелись царапины и сколы. Ремень, правда, прицепили новый, из плотной ткани, еще не вытертой и не выцветшей. Прямой магазин рожкового типа, торчавший снизу, тоже не выглядел новым. Черная краска, в которую его когда-то выкрасили на заводе, давно облупилась, и оставалась лишь редкими проплешинами на сером металле корпуса.

Прицельная мушка стерлась сверху, от постоянной настройки, скорее всего. Но все равно, этот механизм даже на вид выглядел серьезнее и внушительнее длинной винтовки, с которой до этого Еноту приходилось ходить в караулы. Так что настрояние стало чуть более приподнятым. Если уж и доведется повоевать с подземниками, то не придется думать о том, как быстрее перезарядить винтовку.

Увлечшись, он не заметил, как к нему подошли. Лишь когда тень упала прямо на рассматриваемый им кожух ствола, Енот поднял голову. И удивился тому, что, а вернее, кого, увидел перед собой.

Поразительного в том, что перед ним стояла совсем молоденькая девушка, конечно, ничего не было. А вот то, что она явно входила в состав отряда Капитана, сомнений не вызывало и заставило вытаращить на нее глаза. Хотя, даже внешний вид особы, тихо подкрадывшейся к нему, резко отличался не то, что от соседок по улице, но даже от дочек главных богатеев города.

Ростом почти с самого Енота, со стройной и гибкой фигуркой. Обтягивающие кожаные леггинсы, заправленные в высоченные ботинки с мощными носами, шнуровкой на грубых берцах и толстой подошвой, заставившей вспомнить о покрышках редких тракторов, что порой пригоняли на починку фермеры. Слишком большая по размеру куртка с множеством карманов и темно-красная водолазка. Худенькое лицо с тонким и красивым носом, явно подвижными губами и глазами зеленого цвета, с бегающими в их глубине бесенятами. Рыжие волосы заплетены во множество тонких косичек, поднятых вверх и придерживаемых на лбу какой-то мудреной штуковиной, напоминающей гибрид сварочной маски и бинокля. И, естественно, неизменный матовый пистолет в набедренной кобуре. Этому Енот уже даже и не удивился. Такая, видно, мода у них в отряде.

- Привет. – Девушка улыбнулась, наблюдая за его невольным замешательством.

- Здравствуйте. – Ляпнул парень, почувствовав, что начинает краснеть.

- Ну, здравствуйте вам, - девица улыбнулась еще шире, - что так официально?

- Как-то так... - Он пожал плечами.

- Я – Медовая. Можешь звать Хани, если так будет удобнее. Будешь звать Медком, так заработаешь в лоб, понял?

- Понял. А я...

- А ты – Енот, и меня попросил за тобой приглядеть наш Тундра. Так что, господин рядовой, поступаете в мое полное распоряжение, до самого момента поступления новых указаний. Яволь?

- А? – В голову пришла мысль о том, насколько он глупо сейчас смотрится перед ней, откровенно создавая впечатление недалекого болвана.

- Ну, вот, не тормози, а? – Медовая покачала головой. – Давай хоть мазанись как-нибудь. Скажи, что сражен насмерть моей несравненной красотой, что ли... скажешь?

Енот отрицательно мотнул головой, на что особа в кожаных штанах скорчила недовольную гримаску:

- Мог хотя бы наврать для приличия. Ну, да и ладно. Ты ел с утра?

- Да, то есть - нет. – Енот еще больше, и еще мучительнее покраснел, да так, что сам почувствовал, как стали гореть уши. Но врать этой особе он почему-то не мог.

- Прав был Тундра. Хотя странно было бы, если б он был не прав. На то он и заместитель Кэпа. Тогда пошли на кухню, а уж потом примемся за дело. Ок?

Ну и что тут можно сказать в ответ? Осталось только мотнуть головой и согласиться, повесить оружие на плечо и пойти следом. Девушка деловито затопала в сторону навеса, торчавшего посреди лагеря. Тот самый рыже-серый пес также двинулся за ней. Правда, только после того, как Енот сделал первые шаги. Видно волкодав, несмотря на ее присутствие, все равно не стал ему больше доверять.

Женщина, что-то делавшая за занавеской, оказалось действительно небольшого роста и полной. Вернее пухленькой, причем очень приятно пухленькой. Что она старательно подчеркивала, не обращая внимания на все еще утреннюю свежесть и гордо выставив в глубоком вырезе сатиновой блузки весьма приятные признаки женственности. Кудрявые светлые волосы убраны под синнюю косынку, чуть курносый нос в муке, также как и красивые руки, с ямочками у локтей, открытых подвернутыми рукавами. Замызганного мужика, замеченного Енотом раньше – рядом не наблюдалось.

- Привет, Мамачоля. – Медовая радостно улыбнулась поварихе. – Настроение и бодрость духа?

- С добрым утром, коза. – Женщина улыбнулась, продемонстрировав ямочки еще и на щеках. – Что это с тобой за незнакомый мне юный худыш?

- А это местный. – Девушка приземлилась на скобленную деревянную скамью, стоявшую за большим столом. – Его нам прикомандировали, а Тундра поручил мне взять над ним шефство. Енот, это Мамачоля, наша добрая волшебница. Ну, а это, соответственно, Енот.

- Здравствуйте. – Парень аккуратно опустился на скамейку.

- Вот спасибо, и тебе быть здоровым. – Женщина дунула, отгоняя выбившуюся из-под косынки прядь, попавшую на глаза. – Местный, значит, это хорошо.

- Почему?

- Помочь сможешь там, где самим бы времени пришлось потратить много, и неизвестно – правильно ли. Ладно, что это я, трындю и трындю? Вы ведь голодные, наверное.

Последнее утверждение, как понял Енот, являлось не вопросом, а указанием к действию для самой поварихи.

Действовать она начала незамедлительно, для начала ловко поставив прямо перед сидящими за столом по тарелке с омлетом. И хотя приготовили его, если судить по цвету, из яичного порошка, но голодный желудок не замедлил радостно заворчать при его виде. Чуть позже туда же шлепнулись горячие котлеты, и стало ясно, почему нос у Мамачоли в муке. Вместо хлеба, правда, были галеты, но это праздник желудка испортить не могло. Напоследок прямо перед носом у Енота оказалась металлическая кружка с чем-то густого кремового цвета. Судя по запаху – кофе, хорошо разбавленный сгущенным молоком, так, как в последний раз ему делала мама. Тогда, в той жизни, когда еще был жив отец, и в семье водились деньги и хорошие продукты. Глаза предательски защипало, и он наклонился вперед, стараясь не показать и вида про то, что на них невольно выступили слезы.

- А ф чефо эфо у нас фдрух кофлефы, а? – С набитым ртом поинтересовалась Медовая. Икнула, и тут же глотнула кофе. – Откуда такое богатство, если в город никто вчера не ходил?

- Мерлин привез. – Хмыкнула повариха. – От благодарных крестьян, надо полагать. За то, что они, нарушив все возможные приказы Кэпа, гоняли по здешним полям волколаков.

- Молодцы ребята. – Девушка отставила тарелку. – Спасибо, дорогая, давно мне так вкусно не было.

- Да. – Енот поискал глазами место, где можно было бы помыть посуду. – Большое спасибо, очень вкусно, как мама делала.

- Да ты поставь, поставь прям здесь. Помоем. – Мамачоля внимательно посмотрела на парня. – А почему делала? Жива мама, или...

- Или. – Он кивнул головой. – Твари убили. Те самые, из-за которых вы сюда и приехали.

- Даже так? – Раздавшийся сзади хриплый голос Капитана заставил Енота вздрогнуть. – Значит, ты тем более нам нужен. И поможешь, и поквитаешься заодно. С добрым утром, красавицы мои.

Красавицы дружно поздоровались с командиром, который сел напротив Енота и повернулся к нему:

- Первую половину дня на знакомство с отрядом. Потом, скорее всего, пойдешь с учеными в город. Медовая как раз из наших головастика. Без обид, моя юная гениальность, без обид. Ты же знаешь, что если вы головастики, то мы никто иные, как безмозглые грубияны, задиры и драчуны. Все понял, парень?

- Да. – Енот согласно кивнул.

- Ну, вот и хорошо. Так, не надо мне есть накладывать, не хочу пока. Лучше еще кофе налей, Мама, будь добра.

Кэп взял в руки кружку, глубоко вдохнул запах и довольно зажмурился, мгновенно покрывшись многочисленными морщинами. Потом полез было в карман, но тут его взгляд остановился на чем-то позади Енота. Улыбка пропала, и Капитан, торопливо встав и не выпуская кружки, нырнул за натянутый брезент, не обращая внимания на остальных присутствующих. Как оказалось, никто, кроме стражника и не думал обращать на это внимания. Появившийся давешний доходяга, успевший обрядиться в чистое, и обе красавицы лишь понимающе переглянулись. Енот оглянулся, стараясь понять: что же могло спугнуть крутого Капитана?

К ним подходил длинный, одетый в комбинезон размера на два больше, чем нужно, тощий ландырь в очках с дужками, обмотанными изолентой.

- Доброе. – Буркнул он, присаживаясь. – Это мне показалось, или только что здесь был Кэп?

- Какой такой Кэп?! – Удивленно вытаращилась на ландыря Медовая. – Наш?

- Ай, ну тебя! – Очкастый устало махнул рукой и воззрился на ничего не понимающего стражника. – Что у нас тут за новый индивидуум? Местный, надо полагать?

- Так точно. – Енот внутренне напрягся, почему-то готовясь услышать что-то не очень приятное. Как оказалось, он нисколько не ошибся в собственных предположениях.

- После завтрака, и перед тем, как начнешь знакомиться с отрядом, зайдешь ко мне. – Нелепо одетый субъект строго посмотрел на него. – Обязательный медицинский осмотр. Как зовут?

- Енот.

- А меня Айболит, я местный врач. Ты, солдат, не обижайся, но даже твоя новая форма черт знает где пылилась перед тем, как тебе ее выдали. Не говоря про то, что в городе вашем, а тем более в казармах, наверняка жуткая антисанитария, чего мне в отряде не нужно. Куришь?

- Не-а...

- Хоть что-то радует. Вот! – Палец странноватого доктора уставился куда-то вверх. – Еще один нормальный человек среди нашего сборища тех, кто наплевательски относится к собственному здоровью. Только попробуйте мне приучить его к сигаретам!!! И другим так и передайте, что Айболит каждому, кто только попытается это сделать, лично проверит простату.

Медовая фыркнула в кулак, поднесенный ко рту, подмигнула оторопевшему Еноту и, показав доктору язык, немедленно выудила из кармана пачку сигарет. Айболит недовольно поморщился и отвернулся от нее, все свое внимание обратив на тарелку с едой, незамедлительно поставленной перед ним умной Мамачолей. А к кухне подтягивались все новые и новые члены отряда, но рассматривать их не вышло. Потому как Медовая настойчиво потащила его за рукав в сторону одного из двух больших грузовиков с будками. Пес наконец-то отстал, расположившись у ног доброй поварихи.

К тому времени, когда скрипнула металлическая дверь кунга медицинского блока, и по металлическим ступеням вниз спустился Енот, Медовая успела скуристь несколько сигарет, помочь

продолжившему с утра копать во внутренностях «скаута» Жуку с изучением проблем впрыска топлива и пару раз поскучать.

- Ну и чего ты так... - Ее негодующе сдвинутые брови медленно разошлись в стороны. – Ой, ты б-е-д-н-ы-ы-ы-й...

Вид у Енота был грустный. В глазах навернулись невольные слезы, одна щека чуть торчала в сторону, а слюна, которую он немедленно сплюнул, была красной. Девушка топталась рядом, не понимая, чем она сейчас может помочь.

Вместо полчасового, обещанного Айболитом, осмотра, в кунге парень провел целых полтора часа. Для начала подошедший эскулап простучал, прощупал и осмотрел его со всех сторон. Симпатичная и строгая девушка, которую было велено называть Лисой, взяла у него забор крови, которую немедленно пустила на экспресс-анализ. Страшной пытки, обещанной всем, кто покусится на легкие Енота, к счастью для него самого, Айболит не провел. Заявил, что слишком молод тот для такого осмотра, на что Енот ни капли не обиделся. Но, когда он уже радостно собрался выйти на улицу, Айболит, что-то деловито вписывающий в картонную карту, молча ткнул пальцем по направлению незаметной двери, ведущей во вторую половину кунга.

А там городского стражника уже дожидался третий, и последний, из медиков отряда, представившийся коротко и емко: Хирургом. И вот тут-то начались настоящие неприятности. Енота усадили в крутящееся металлическое кресло, откинутое назад мощной и волосатой рукой хмурого здоровяка в зеленом фартуке, накинутом поверх вытертого до белизны защитного костюма. Подошедшая сзади Лиса незамедлительно включила яркую лампу и попросила парня открыть рот, запихнув туда какую-то изогнутую трубку.

Следующие сорок минут выпали долгими, мучительными и страшными. Садист Хирург, не обращавший на возмущения и неудачные попытки Енота слинять, никакого внимания, взялся за свое дело крепко и с чувством необходимого долга. В результате один из двух раскрошившихся зубов подвергли безжалостному расковыриванию металлическим инструментом с крючком на конце. После чего в ход пошло сверло и неприятно пахнущая замазка, которой врач-живодер залепил образовавшуюся дыру. Нельзя сказать, что Енот воспротивился пломбированию, так как зуб уже несколько раз доставлял ему немало проблем, а на услуги одного из трех

городских дантистов, денег у него попросту не хватало. Но вот второй...

Результатом того, что сделал Хирург, была красная слюна, заторможенность от уколов обезболивающего, которые поначалу скупердяйка Лиса не хотела даже выдавать, металлический привкус во рту и кусок бинта, под которым чуть ныла развороченная десна и пустота на месте зуба. Почему-то Еноту стало грустно и жаль самого себя.

- Э-э-э... - Стоявшая рядом с ним Медовая подергала его за рукав. – Ну ладно тебе. Плохого же ничего с тобой не сделали, правда? Ну, подумаешь, выдернули зуб, это не смертельно. Заживет, и Хирург тебе что-нибудь придумает. А вообще они очень хорошие, и много раз жизни ребятам спасали.

- Да? – Енот присел на металлическую ступеньку.

- Угу. – Почувствовав, что парень заинтересовался, она устроилась рядом, поерзав своей подтянутой и худощавой пятой точкой по острым металлическим ребрам. – Как-то раз их так прижали, что группе рассыпаться пришлось. Так Мусорщик вытащил на себе Толстого, которому вскрыли бедро. Еле допер на себе, тащил несколько километров. У них тогда станция села, связь в шлемах тоже накрылась, и никто не знал, где искать нужно. Так он его дотащил, представляешь?! Толстого потом два часа Айболит с Хирургом резали и штопали, а Мусорщик сидел вот как ты, курил, злился и плакал. А ведь он никогда не плачет, никогда. Толстый потом месяц провалялся, и еще два учился заново ходить, и ничего, сейчас бегаёт также, как и раньше. Даже похудел тогда, но, если честно, сейчас уже опять отъелся. А если бы не врачи, то умер бы, вот.

- Понятно. – Енот вздохнул. – Слушай, а где эти ваши, которые самые крутые? Про Мерлина уже слышал, ты вот говоришь про каких-то там Толстого с Мусорщиком. Меня на входе встретили два таких здоровых парня...

- Это близнецы, Первый и Второй. Они в команду к Мерлину не входят, подчиняются только Капитану. Я тебе все расскажу, только сейчас нам с тобой нужно к нам, в лабораторию. Нас уже ждут.

- Кто?

- Мой командир, Инженер. Нас, ученых, пятеро, не считая его. Я, Файри, Ган, Фрост и Тракторист, вот. Хотя, мне до них еще далеко и в

команде пока на птичьих правах.

- Ты давно с ними?

- Почти семь лет. Капитан вытащил меня совсем маленькой из пожара, который устроил...

- Капитан устроил?

- Нет. Неважно, кто устроил, короче, я там едва не задохнулась, а он меня вытащил. Сначала хотел оставить где-нибудь в приюте, но передумал. Уже три года в команде Инженера, помогаю, учусь.

Енот посмотрел на Медовую совершенно по другому. Ведь если эта смешливая и задорная особа находится с чистильщиками, без малого, семь лет, то...

- Это сколько же ты увидела-то уже?

- Много. – Веко левого глаза у девушки еле заметно дернулось. – Даже слишком. Ладно, потом расскажу, пойдем в лабораторию.

И она направилась в сторону второго из вытянутых грузовиков-транспортёров, которые здесь называли «крузерами».

Металлическая дверь плавно отъехала в сторону, пропуская их внутрь. Парень зашел и немедленно закрутил головой по сторонам. Если в машине врачей все показалось знакомым, хотя порядок, который там присутствовал, его сильно удивил, то здесь интересовало все и даже больше. Посмотреть было на что.

Несмотря на потрепанный вид самого автомобиля, внутри оказалось чисто, сверкающе и стерильно. Во всяком случае, в том помещении, в которое они зашли, именно так и было. Как уже понял Енот, изнутри грузовики делились на три большие части, разграниченные металлическими переборками с дверями. Скорее всего, что прямо из кабины можно было попасть в первую «каюту», которая наверняка служила чем-то вроде дома для тех, кто жил и работал в этом автомобиле.

Через дверь, с мягким шипением уже вставшую на место, они попали в явно рабочий отсек. По стенам крепились большие металлические шкафы, посередине отсека находилось что-то типа большого стола. На стеллажах и высоких стойках, аккуратно и грамотно встроенных длинную часть помещения, стояли какие-то хитрые приборы, назначение которых Енот не смог бы придумать, даже сильно захотев.

Возле одного из стеллажей сейчас стояли два человека, в серебристых комбинезонах из ткани с четким металлическим оттенком структуры. Яркий свет лампы падал куда-то на полку, на которую они сосредоточенно смотрели. Енот попробовал вспомнить: а видел ли он здесь что-то, хотя бы напоминающее источник энергии, но не смог. Один из стоящих повернулся в сторону двери, открыв взглядам Медовой и Енота большой прибор, в котором не без труда узнавался микроскоп, типа того, что был у одного из врачей городской больницы. Второй из стоявших у стеллажа, отвлекаться не стал, не обратив на вошедших никакого внимания. Первый же снял с лица марлевую повязку, закрывающую лицо и поднял на лоб почти такую же, как и у Медовой, странную штуку с торчавшими из нее окулярами.

Под маской обнаружился довольно молодой, но выглядевшего странно пожилым мужчина. Причина «странности», аккуратно подстриженная борода, торчала в сторону Енота и его сопровождающей практически как полено. Кроме нее лицо украшалось породистым носом с горбинкой, кустистыми бровями и ярко-голубыми глазами, строго смотревшими из-за очков с толстыми стеклами.

- А-а-а, вот и наш новый юный друг, не так ли, милая моя Хани? – У мужчины был странный акцент, каких раньше Еноту не доводилось слышать. Слова он выговаривал так четко, что те казались рублеными. – Проходите, проходите, молодой человек и давайте-ка знакомиться. Как мне уже стало известно, вас величают Енотом, ни больше и не меньше, ведь так?

Парень кивнул головой, понимая, что ни то, как его зовут, ни род занятий, давно уже не тайна для всех, кто входил в отряд чистильщиков.

- Прекрасно, а я, стало быть, Инженер, или, как порой любят обращаться ко мне мои коллеги – Иван Сергеевич. Да, да, на суеверия, связанные с именами общественными и личными, внимания не обращаю. Но это к делу не относится, а стало быть, продолжим то, ради чего вы сюда пришли. Наш, с позволения сказать отдел, занимается научными изысканиями и разработками, призванными улучшить работу отряду. В меру сил и возможностей, конечно, сами понимаете.

Енот кивал, слушая его и поражаясь тому, насколько не только акцент, но и сама речь с поведением, отличаются от привычных и повседневных разговоров. Не говоря про то, что он взял, и запросто открыл незнакомому парню свое настоящее имя.

С самого детства взрослые учили: не говори своего имени никому. Только в семье, только своим. Даже друзьям, даже тем, кто постоянно рядом – никогда. Знают двое – знает свинья. А уж от нее-то имя вполне дойдет до хозяина Зла и его присных. Применение же настоящему имени человека те всегда отыщут. Тут и к гадалке не ходи. А этот – раз, и выложил. И кому? Еноту, первый раз увиденному пареньку из незнакомого города. Во дела!..

Краем глаза он успел заметить, как тихо прыснула Медовая, видимо наслаждаясь эффектом, произведенным личностью ее собственного начальника. А Инженер тем временем продолжал говорить, нисколько не смущаясь тем, что Енот даже и не пытался вставить хотя бы слово:

- Капитан поручил мне произвести первые исследования, касающиеся существ, что устраивают у вас в городе, э-э-э, беспорядки. Как нам стало известно, в городском морге должны находиться тела нескольких этих объектов нашего внимания. Так что вашим первым заданием, направленным на достижение нашего общего результата, будет то, что вы пойдете туда, чтобы взять пробы тканей, произвести замеры и съемку. При необходимости ткани нужно будет транспортировать в лагерь, для более серьезных исследований. С вами отправится Файри, сотрудница, сейчас заканчивающая работу во второй лаборатории. Так что вам остается только дожидаться ее, и отправляться в город. Все ясно, мои уважаемые юные друзья?

- Конечно, Иван Сергеевич. – Медовая кивнула головой. – А чего там делает Файри?

- А ты сходи, и посмотри. – Инженер натянул назад маску и опустил на глаза странное приспособление. Голос из-под маски сразу стал чуть глуховатым. – Она с Ганом за дверью, впрочем, как и обычно. Ты же знаешь, милая моя, что оружие ее привлекает даже больше, чем самого нашего оружейника.

Он отвернулся к полке, где молчавший на протяжении всего разговора второй коллега Медовой продолжал что-то изучать. Сейчас, к примеру, в руках у того находилась колба, одна из целой пирамиды,

стоявшей под рукой, и наполненная чем-то ядовито-розового цвета. Большой хреновиной, похожей на шприц ветеринара, украшенной длинным пластиковым носом набрал из нее немного раствора и капнул на предмет исследований, находившийся под микроскопом. Все это сделал, не проявив никакого интереса к персоне Енота, что того немного покорило.

- Это Фрост. – Сказала девушка, проследив за взглядом стражника, направленным на спину в блестящем комбинезоне. – Не обращай внимания, он хороший парень. Просто очень серьезно относится к тому, что делает. А так Фрост замечательный, умный и спокойный. И твоего возраста, как мне кажется, вы наверняка подружитесь. Пошли к Гану.

- Угу. – Енот с интересом посмотрел на нее, пытаясь понять: а сколько же лет ей самой? Он был готов спорить на что угодно, что они с ней ровесники. Ему сейчас почти двадцать. Девушка не выглядела моложе, хотя тут может быть играл роль тот факт, что изначально она казалась Еноту старше и опытней из-за того, с кем находилась и чем занималась. Ну, да и ладно, еще будет возможность узнать, сколько же лет этой, неплохой, в общем-то, девчонке.

Медовая подошла к большому люку, утопленному в перегородку, и нажала на кнопку коробки с мигающей красной лампочкой на корпусе:

- Ган, а Ган, к тебе можно заходить?

- Медовая, ты что ль, подруга? – Из динамика, скрытого где-то в недрах переговорного устройства, как понял Енот, раздался веселый бодрый голос. – Заходи, у нас тут т-а-а-а-к-о-о-е!!!

- Ну, ну. – Почему-то хмыкнула девушка, извлекла из кармана небольшую металлическую пластинку. – Заходим, осторожнее там, не прибейте ненароком.

Люк с шипением отошел в сторону. Енот шагнул следом за девушкой, вынужденно пригнувшись, чтобы ненароком не въехать затылком в пусть и прорезиненные, но, тем не менее, металлические края проема.

Внутри последний отсек ничем не напоминал предыдущий, разве что чистотой. Несмотря на похожие металлические шкафы по стенкам, те же самые стеллажи и большие ящики на полу. Вместо блестевшего драгоценной нержавеющей, практически хирургического стола, здесь

стоял грубо сваренный верстак, с несколькими тисками. К потоку прикреплены цепи, сейчас поднятые и закрепленные на металлических рейках. В одном углу складированы инструменты, похожие на те, что использовали в мастерских города. Там же стоял агрегат, который Еноту доводилось видеть один раз у Гайки. Та с его помощью сваривала швы на больших металлических емкостях, балках для фермерских теплиц и прочем хозяйстве, где нельзя воспользоваться болтами.

На стеллажах висело и лежало оружие. Много оружия, разного, похожего на то, что успел узнать Енот на службе и совершенно другого, виденного им впервые. Винтовки, пистолеты, пулеметы, похожие на те, что стояли на броневиках, но намного меньше по размерам. Что-то совсем странное, вроде непонятной конструкции, состоящей из шести крупных стволов, вставленных в кольца с прорезями и уходивших в кожух с перекладиной поверху. Или громадной винтовки с массивным приспособлением на ней, сильно смахивающим на наблюдательную трубу, вроде той, что выдавались стражникам на дежурство.

У верстака стояли еще двое из оставшихся коллег Медовой: мужчина и женщина. Оба среднего роста, что заставило удивиться стражника, уже привыкшего к тому, что большинство членов отряда высокие по определению. Хотя отличались они не только ростом.

Мужчина, сейчас смотревший на Енота заинтересованно и дружелюбно, к его еще большему удивлению, казался совершенно заросшим и растрепанным. Кудрявые русые волосы с огненной рыжиной торчали задорными вихрами, также как и вьющаяся борода. Широкие камуфлированные брюки, замасленные и потертые на коленях, разношенные кожаные туфли, похожие на те, в которых господин мэр любил играть в теннис на специально сделанном корте за администрацией. Целых два неизменных пистолета, как бы компенсирующих отсутствие оружия у Инженера. Сейчас Ган, как назвала его Медовая, вытирал руки, измазанные в темном и резко пахнущем желе солидола.

Рядом с ним, глядя на стражника взглядом, абсолютно противоположным по вложенным в него эмоциям, стояла молодая женщина, увидев которую он понял, что его сопровождающая

выглядит не так уж и странно и вызывающе. А судя по реакции Медовой, та тоже слегка удивилась:

- Вау, обалдеть-не встать, Файри! – Девушка завистливо присвистнула. – Ты где такой костюмец отхватила, а? Я валяюсь, хочу такой же, дайте два, махнусь не глядя!

Женщина чуть улыбнулась, глядя на реакцию девушки, и сразу же подобрела, перестав смотреть на Енота с холодным и оценивающим видом. Он же, в свою очередь, продолжил пялиться на нее, благо оно того стоило.

Во-первых - самая идеальная фигура из тех, что ему довелось видеть. Несмотря на плечи, развитые намного сильнее, чем у городских красавиц, и живот, такой плоский, что Еноту даже стало стыдно за самого себя. Все это он заметил лишь из-за того самого костюма, вызвавшего бурную реакцию Медовой. Черный и кожаный, матово отсвечивающий в ярком свете ламп, с вставками красного цвета на плечах, коленях и локтях. Сидел он на женщине в облипочку, подчеркивая высокую грудь, тонкую и гибкую талию и прочее, также достойное обтягивания.

Во-вторых - Файри была лысой. Абсолютно голая кожа головы, покрытая вязью странно-ломанной, но красивой татуировки привлекала внимание даже больше, чем все остальное. Не говоря о ее лице с полными темными губами, тонким прямым носом и большими карими глазами с пушистыми ресницами. Енот невольно почувствовал, как сердце заколотилось сильнее, и чуть вспотели ладони. Судя по всему, он выглядел достаточно комично, так как женщина неожиданно прыснула со смеху, к ней присоединился, нисколько не смущаясь, оружейник Ган. Медовая недоуменно покосилась на них, потом посмотрела на парня, с которым проваландалась все утро и понимающе хмыкнула.

- Короче, други, вот это Енот. А это Ган, наш мастер-оружейник и, как ты уже, наверное, понял, наша красавица Файри.

- Здравствуйте. – Проямлил представляемый, стараясь не коситься в сторону высокого бюста женщины. Что оказалось очень сложно, потому что его так коварно подчеркивала кожа костюма. Почему-то ему стало стыдно перед своей сопровождающей, но пока Енот не понимал, почему?

- Так откуда костюм-то? – Поинтересовалась Медовая, вскарабкавшись на верстак, закуривая и непринужденно болтая ногами.

- Да это долгая история. – Файри подошла к одной из полок, накинув брезент на что-то, чего не успел рассмотреть Енот. – Ты, наверное, за мной?

- Ога. – Девушка старательно выпустила колечко. – Сергеич сказал брать тебя и идти в город. В морг, во как.

- А Фрост занят, что ли? – Недовольно поморщилась Файри. – Ненавижу за покойниками шлаться...

- Эт точно. – Хохотнул Ган. – Делать ты их умеешь, а вот как возиться, то на-ка выкуси. Привыкай к ее манерам, парень. И заруби на носу, что наша красавица очень опасна, несмотря на то, что не носит оружие. Оба-на, землячок, а что это у тебя за кочерыжка такая, дай-ка посмотреть.

Енот не успел обидеться на такое пренебрежительное отношение к его оружию, как оружейник оказался рядом, сам снял с его плеча ствол, болтающийся на ремне и начал крутить в руках.

- А ничего так машинка. – Ган отвел затвор и заглянул внутрь. – Ты, вот что, оставь-ка его мне. Тебе, один хрен, щас придется на себе рюкзак тащить. А он тяжелый. Жук ведь не сделал «скаут», да, сестренка?

- Точно, брат. – Медовая затушила сигарету о верстак. – С утра ковыряется. Карбюратор не сосает, маховик земля бросает.

- Демон, а не механ. – Сплюнул Ган. – Придется идти помогать. Ладно, уважаемые друзья, пора собираться. Вы давайте-ка, выметайтесь уже из моей богадельни. Дядя Ган закрывает лавочку и идет спасать механа Жука от гнева Капитана, который наверняка скоро начнет карать Жука за то, что транспорт не на ходу.

- А чего вы тут делали, а? – Как бы невзначай, совершенно скучным тоном поинтересовалась девушка.

- Потом скажу. Много будешь знать, скорее морщинки появятся. Енот, твоим стволом займусь вечером. Надеюсь, что к тебе не придерутся твои командиры, если увидят без вверенного оружия. Если что, так скажи, что Капитан дал указание его сделать более хорошим, адаптировать, так сказать, под условия задания. А я из него тебе конфетку сделаю.

Через полчаса Енот, Файри и Медовая уже входили в городские ворота. На спине парня висел большой и действительно тяжелый рюкзак с контейнером. Его им выдал невозмутимый Фрост, так и не снявший маску. Провожаемые завистливыми взглядами караульных, косившихся на покачивающиеся под матовой черной кожей ягодицы Файри, они пошли по направлению к единственной на всю округу больнице.

Глава четвертая: странности, а также Мерлин, Варяг и другие.

*«Путь Воина подобен полету пули, ибо так же смертоносен.
Путь Воина подобен удару клинка, ибо также молниеносен.
Путь Воина подобен ласкам женщины, ибо также сладок.
Но более всего он подобен путям праведника и мученика,
ибо также тяжел он и страшен»*

Книга св. Мэдмакса (апокриф)

Желтое здание больницы уже виднелось в конце улицы, и это было хорошо. Хотя солнце даже и не подумало выглянуть из-за неожиданно плотных серых туч, накатила жара. Контейнер, казалось, все тяжелеет, и Енот чувствовал, как по его спине расползается темное пятно от пота. Именно поэтому очень хотелось быстрее дойти и снять с себя эту тяжесть.

А еще приходилось старательно обманывать двух самых интересных женщин из всех, что пока встречались в его короткой жизни и пыхтеть потише. Страшно ведь представить: они могут посчитать его за слабака!!!

Потому приходилось идти с гордо выпрямленной спиной и не сделать ни одной остановки, хотя Файри, сразу ставшая неформальным лидером группы, уже два раза предлагала передохнуть. Он только отнекивался и вытирал пот на лице, а спорить женщина не стала.

Странно, но в лагере чистильщиков Енот пробыл всего несколько часов и уже успел отвыкнуть от давящей тяжести в городе. Встреченные прохожие торопливо шли по каким-то делам и даже сейчас, днем, постоянно озирались по сторонам с испуганным видом. Как уже успел понять Енот, ночью опять что-то случилось. Хотя по дороге им не попалось патрульных, после ночных нападений начавших ходить по улицам и при солнечном свете. В лагере этого не чувствовалось, и он уже забыл забыть это неприятное чувство. Да что говорить, у чистильщиков вообще все было странным и очень мало похожим на жизнь в городе. Как будто вынырнул из ниоткуда кусок

прошлого, про которое так любили поговорить глубокие старики, еще помнившие свое детство, оставшееся сразу за Полночной войной.

- У меня при себе предписание, с подписью кого-то из вашей администрации. – Файри повернулась к нему. – Но что-то мне не хочется ей сразу махать перед носом у ваших врачей. Кто там главный?

- Соленый, он главврач, и хирург. – Енот еле отдышался, прежде чем ей ответить. Медовая покосилась на него с неожиданной жалостью, что заставило его, в который уже раз за сегодня, заливаться краской.

«Что за напасть, - подумалось парню, - и почему я так на нее реагирую? Обычная девчонка, разве что одетая чересчур выпендренно. Тьфу ты, пропасть».

- Разумный мужик? – Файри внимательно посмотрела на него.

- Да откуда же я знаю? – Он пожал, насколько позволяли лямки, плечами. – Говорят, что он очень жадный. Видел его всего несколько раз, потому что в страже и патруле осмотры проводит его зам.

- Понятно. – Женщина чуть прикусила губу. – Это плохо, что жадный.

- Почему?

- Да потому что хрен чего сделает просто так. Это, Енотище, жизненный опыт. Ему, скорее всего, глубоко наплевать на то, что мы собираемся делать и то, что творится на улицах по ночам. Есть такая порода людей, которым накласть на других, пока им самим жареный петух в зад не наподдаст как следует. Ладно, посмотрим.

В темном коридоре больницы, освещаемом только масляными светильниками, толпилось много народа. В душном воздухе висели ароматы лука, конского пота, навоза и деревенской махорки напополам с перегаром. Ну да, фермеры и ранчеры, приехавшие на редкие приемы с кучей своих отпрысков. Было много беременных крестьянок, и Енот обратил внимание на то, что Файри покосилась на них с завистью в глазах. Это удивило, и достаточно сильно. Городских тоже толпилось немало, ему даже помахали соседи с улицы, на которой он раньше жил.

- А почему светильники на масле? – Поинтересовалась любопытная Медовая. – У вас разве нет электричества?

- Электростанция одна, мощности не хватает, и в основном работает на мастерские, склады администрации, операционные здесь и

на шахты. Даже в казармах у нас в основном свет такой же, не говоря про дома и улицы.

- Мда уж. – Протянула девушка. – Это нехорошо.

- Какая нам разница, Хани? – Файри покрутила головой, пытаясь понять, кто сможет им помочь. – Про жителей администрация думать должна, а наше дело всяких уродов истреблять. Стойте здесь, я сейчас.

Она пошла к стойке регистратуры, за которой сидела одинокая пожилая медсестра, временами покрикивающая на наиболее напирających больных. Толчком ладони подвинула в сторону нависавшего над теткой здоровенного и, судя по добротной одежде, зажиточного фермера в широкополой шляпе. Тот развернулся в ее сторону, готовясь открыть рот с явной охотой наехать на Файри. Краем глаза Енот заметил, как рука Медовой метнулась к кобуре, отстегнув лямку державшую пистолет. На его лбу мгновенно выступил только что пропавший пот, а перед глазами мелькнула картина пальбы, устроенной валькириями-чистильщицами.

К счастью обошлось. То ли детина успел сообразить, что не стоит связываться с лысой девкой с татуировкой на башке, то ли краем глаза увидел, что Медовая, стоящая напротив него, потянулась к пистолету. А может и понял, что толкнувшая его нахалка пришла с парнем в форме стражи. Кто знает? Во всяком случае, он не стал тянуться к рубчатой рукоятки револьвера, висевшего на поясе, и подвинулся, пропуская Файри.

Женщина облокотилась на стойку, покрытую темными самодельными морилкой и лаком «под дуб». Медсестра подслеповато и недоуменно уставилась на нее:

- Мне нужно к главному врачу. – Голос чистильщицы разрезал повисшую тишину.

- Простите? – Медсестра удивленно подняла вверх бровь. – Господин Солёный принимает только в начале недели и по предварительной записи.

- А мы не на прием, дорогуша, - Файри мило и хищно улыбнулась. – Нас ваш мэр к нему послал. Так куда нам?

- По коридору и на второй этаж. – Голос тетки обиженно вздрогнул.

- Спасибо. – Файри повернулась к Еноту и Медовой. – Пошли, ребятки.

И пошла в указанную сторону, не обращая никакого внимания ни на ворчавшую за стойкой тетку, ни на крестьян, живо принявшихся обсуждать хамское поведение лысой лахудры. Следом за ней двинулись и «ребятки», причем Енот поневоле втянул голову, понимая, что ему-то регистраторша точно припомнит все это позже.

В конце плохо освещаемого коридора с рядом стареньких дверей, скрипящими досками пола и с непонятными запахами от медикаментов, находилась лестница с растрескавшимися ступеньками. Бодро простучав по ней каблуками, Файри взбежала на второй этаж. Следом за ней, громко топая нерастоптанными ботинками, поднялся Енот. Ему хотелось ворчать и ругаться, так как радость от полученной обуви давно испарилась, оставив вместо себя только саднящие мозоли на ногах. Парень был готов побиться об заклад, что на пятках у него абсолютно точно есть большие, стертые до крови круги кожи. И это поневоле не поднимало настроения и заставляло игнорировать довольную юную чистильщицу, идущую следом. Медовая поднялась последней, очень довольная тем, что случилось внизу и насвистывавшая что-то себе под нос.

Обтянутая черной кожей фигура замерла возле самой представительной двери на втором этаже, украшенной блестящей медной табличкой с надписью, гласившей о том, что за ней находился главный врач. Чуть задержалась, отстучав по деревянному полотну быстрый и сильный ритмичный стук. И зашла, не дождавшись никакого ответа. Енот вздохнул очередному проявлению бесцеремонности и пошел следом.

Соленый, вольготно раскинувшийся в большом кресле, стоявшим за столом весьма солидного размера, взбешенно уставился на вошедших в его кабинет. И по большому счету Енот его понимал. Ну, а кто не разозлится, если к нему запрутся без разрешения в такой ответственный момент?

Когда Файри с сопровождающими зашла в кабинет, то главврач, высокий и уже успевший, к своим тридцати годами, заплыть солидным жирком мужик был очень занят. Он тискал какую-то дебелую девицу, откровенно смахивающую на тех, что работали в домиках с красными фонарями, расположенных на улице Роз. Свет электрической, как ни странно, лампы, хорошо освещал его вспотевший высокий лоб с большими залысинами, сильные волосатые руки и оттопыренные уши.

Само же лицо полностью скрывали белые здоровущие груди, между которыми оно и находилось. Господин Солёный отвлекся от этого увлекательного занятия только после того, как Файри еще раз громко постучала, но теперь уже по косяку.

А теперь, после того как девица, нисколько не смущаясь, лениво сползла с его коленей и принялась прятать внушающий уважение бюст в лиф корсета, главврач начал наливать нездоровым румянцем и явно собирался начать орать. Файри резко пресекла возможную попытку поднятия крика, с размаху шлепнув на стол бумагу за подписью мэра Бати. На что Солёный только и смог, что захлопнуть уже открывшийся рот, и сейчас сидел, ворочая глазами.

Проститутка, а сомнений это не вызывало, вопросительно посмотрела на него, величаво хлопнув пушистыми ресницами. Бедняга Енот, уже натерпевшийся за день от незнакомых и красивых женщин, старался не смотреть в ее сторону, дабы снова не залиться краской. Несмотря на внушительные габариты мадам, ее это либо не портило, либо грамотно и старательно скрывалось одеждой. Во всяком случае, парень успел разглядеть и большую, слегка отвисшую грудь с крупными сосками, и гладкие икры с широкими бедрами, затянутыми в сетчатые чулки, перед тем, как их скрыло зеленое с красными вставками платье. Но, учитывая глубокое открытое декольте на груди и высокие разрезы юбки, он старался не смотреть. К его счастью девица вышла, потрепав на прощание врача по плечу и все-таки подмигнув напоследок Еноту. Тот зарделся, а Медовая хмыкнула.

Проводив раздраженным взглядом роскошь в зеленом, Солёный развернулся в их сторону, нахмутив кустистые брови, еще раз пробежался взглядом по бумаге мэра. Открыл ящик стола и достал из него короткую и толстую сигару, откусил кончик. Сплюнув его куда-то в угол, прикурил, наполнив свой кабинет ароматом ванили и клубами сизого дыма:

- Ну и что я для вас должен сделать такого срочного, что терпелу не хватило подождать немного, а? Я к вам обращаюсь, госпожа не знаю как по имени, но с тату на голове. Что надо?

Файри ногой пододвинула к себе один из стульев, стоявших у стола, уселась, откинувшись на спинку, закинув ногу на ногу и расстегнув клепки верхней части костюма. Солёный сглотнул слюну и

занялся рассматриванием выцветшего натюрморта с битой дичью в охотничьем интерьере, висевшего напротив.

- У вас в морге находятся тела нападавших монстров. Так?

- С чего это вдруг? – Врач покосился в сторону женщины.

- Разве нет?

- Ну... - Соленый покопался и извлек из того же ящика стола стеклянную прямоугольную бутылку с плотной граненой пробкой. Поставил на стол, извлек из недр стола еще и два чуть запыленных стакана, досадливо поцокал языком, рассматривая их на свет. – Будете? Это виски, мальт... то есть, солодовый, очень хороший, привезенный по заказу.

- Мне известно, уважаемый эскулап, что такое односолодовый виски. Предпочитаю купаж. Нет, спасибо. – Файри отрицательно махнула головой. – Так что с телами?

- Как хотите... - Протянул врач. – От черт, сигара потухла. Сейчас, прикур...

Женщина нагнулась вперед, подняла руку под самый нос Соленого, и сотворила нечто: на кончике ухоженного, с аккуратно нанесенным красным лаком, пальца - вспыхнул огонек. Врач автоматически прикурил, после чего выпучил глаза и закашлялся, поперхнувшись дымом.

- Еще раз, господин главный врач... - Файри вернулась в прежнее положение. – Есть ли в холодильнике тела?

Енот, все это время терпеливо, в отличие от нахально плюхнувшейся на еще один стул Хани, стоявший в углу, почувствовал, как по спине вновь потек пот. Только на этот раз – от удивления, смешанного с испугом. Ему сейчас очень хотелось, чтобы все, что он видел, было лишь каким-то хитрым фокусом. Парню доводилось слышать про людей, обладавших необычными способностями, это после Полночной войны вовсе не в диковинку, но такое?! Чтобы зажечь огонь на пальце?!

В паре часов езды от города, находилось большое озеро и сложная система прудов карпятников. Владело всем этим семейство Бобров, большое и сильное. У них, в качестве работников, служили два брата, могущие часами находиться под водой. Их Енот видел в свою одну единственную поездку туда, когда еще был жив отец, купивший с друзьями лицензию на несколько часов рыбалки и вывезших семьи на

отдых. Он помнил, как вместе со своим другом, Головастиком, до смерти перепугался, когда рядом с ними, ковырявшимися с песком на берегу, вынырнул один из этих парней. Худой, покрытой чешуйчатой зеленоватой кожей, с перепонками между пальцев на руках. Ноги его они так и не увидели, так как на их вопли прибежало несколько уже подпивших мужиков-шахтеров, сразу кинувшихся на существо. И как потом, довольно долго, пьяные шахтеры ссорились с примчавшимися охранниками, в конце концов, выпроводивших всю компанию и не вернувших денег.

В городе как-то раз даже казнили судом Линча одного из obsługi купеческого каравана, которого выдала проститутка, увидевшая его без одежды. Парень с плеч и до пяток зарос густыми черными волосами, которым не хватало лишь немного длины для того, чтобы их можно было называть шерстью. Его повесили за воротами, на специально сколоченном помосте, наплевав на то, что он просил сжалиться. Купцы же то ли не захотели вмешиваться, то ли побоялись гнева толпы, принявшей безобидного, в общем-то, парня, за оборотня.

А тут, на его глазах, Файри выдает такое...да уж. Есть от чего мгновенно вспотеть. Судя по забегавшим и испуганным глазам Соленого, тот подумал то же самое. Но Файри, развалившись в стуле, лишь улыбнулась, глядя на то, как на глазах белеет лицо врача.

- У меня лицензия, дорогой доктор, подписанная в Комитете внутренней безопасности Альянса пяти городов «Звезда». Так что не стоит вам нервничать. Показать документ?

- Нет, не стоит. – Он схватил стакан и выпил одним махом. – Так что вам нужно?

- Хм... вроде вы такой молодой, господин Соленый, а память уже отказывает, аяй. – Женщина еще раз, ласково и обворожительно улыбнулась и наклонилась вперед, практически ложась грудью на стол. – Тела-а-а-а...

- А... да. – Соленый еще раз сглотнул, чуть отодвинувшись назад всей своей массивной тушей, но снова смотря на то, что виднелось в расстегнутом костюме чистильщицы. – Так это самое, сжечь их пришлось, да-да. Неожиданно начали это... разлагаться.

- Да что вы говорите? – В голосе женщины резко и четко осязаемо появились нотки недоверия. – В холодильнике морга? Разлагаться? Это как же так?

- А вот так. – Врач выпрямился в кресле. – Странно, что вам не рассказали этого в администрации. Аварийное отключение электричества, у нас ведь очень изношенное оборудование, знаете ли. И все, пришлось сжигать.

- Все полностью? – Файри чуть сжала кулаки.

- Именно. – Соленый грустно вздохнул и развел руками. – Так что, уважаемая, никак и ничем не смогу вам помочь. Если что-то другое, так мы, так сказать, завсегда пожалуйста.

- И неужели у вас не сохранилось ничего, что касается этого? Никто не делал вскрытие, не записывал результаты исследований?

- А-а-а... ну это есть, а как же. – Врач встал и прошел в сторону высокого бюро в углу. Открыл его резную крышку, чуть покопался и достал тонкую картонную папку. – Расписку напишете, о том, что взяли попользоваться? Даю только с возвратом.

И подвинул к сидящей женщине письменный прибор из малахита и лист бумаги. Гладкой, белой, с глубоким сливочным оттенком, дорожкой бумаги. Файри внимательно посмотрела на него, потом взяла ручку, макнула в чернильницу и что-то начала писать. Потом резко встала, взяла папку и направилась к двери.

- Э... уважаемая... - Протянул Соленый.

- Да? – Файри обернулась, чуть задев двинувшегося вперед Енота, и тот был готов провалиться под землю, потому как задело его то, что нисколько не скрывал расстегнутый верх костюма. Что за напасть-то такая сегодня?! – Вы что-то хотели еще, господин Соленый?

- М-да... – Он чуть помялся. – Может быть, мы могли бы с вами, ну...

- Не могли бы. – Женщина нахмурилась. – И лучше не продолжайте. Ведь вам куда как проще обратиться за подобными услугами к тем, кто ими зарабатывает. А если при встрече вне стен вашей больницы, будете также на меня пялиться, то я вам что-нибудь сломаю. Ясно?

И, не дожидаясь ответа, она вышла. Енот, перешагивая порог, оглянулся: Соленый смотрел в их сторону злыми и немного растерянными глазами.

- Хрень какая-то... - Файри ругалась себе под нос, стоя под козырьком из кровельной жести, что висел над входом больницы. Пока они находились внутри, снаружи неожиданно потемнело, пошел

дождь. Судя по количеству и ширине луж, очень даже неслабый. Пришлось стоять под козырьком и терпеливо ожидать его окончания. Файри наотрез отказалась возвращаться внутрь, где воздух стал спертым, с устойчивым букетом запахов, принесенных с собой жаждавшими медицины сельскими жителями. – Подсунул полный фуфломицин какой-то, козлина жирный.

- Ты чего ругаешься, подруга? – Медовая, прислонившись спиной к столбу навеса и меланхолично курившая, заинтересованно посмотрела на женщину.

- Да потому что нет здесь ничего нужного! – Файри сплюнула.- Так...треп один и бла-бла-бла. Такое ощущение, что нагромождено одно на другое, и ничего больше. Покажу, конечно, Айболиту, пусть скажет, что думает. Странно...

- Что именно? – Енот непонимающе посмотрел на нее.

- Да так. Ладно, это я, скорее, сама с собой. Слушай, парень, а есть где поблизости пожрать? А то, ведь мы с Ганом с утра так и не поели.

- Есть, конечно. Вон на том перекрестке корчма Боровика, кормят там недорого и вкусно. Только вот...

- А? – Файри чуть приподняла одну бровь.

- Там шахтеры наверняка. Сейчас же уже далеко за полдень, так точно они там сидят.

- И что?

- Драться наверняка будут, и это... - Енот чуть замялся. – Приставать станут, стопудово.

- Удивил прямо. – Женщина улыбнулась, очень ласково и нежно. – Пусть пристают, лишь бы кабачок был застрахован...на случай пожара. Пошли, наш верный рыцарь, дождь закончился.

И они пошли в сторону перекрестка: обтянутая блестящей черной кожей, гордо выпрямившая спину Файри, неожиданно замолчавшая и ставшая задумчивой Медовая, и хромающий и матерящийся про себя Енот. Благо, что идти оставалось всего ничего, а у доброго толстяка Боровика всегда найдется пластырь. Аптечка в его заведении присутствовала постоянно, так как некуда деваться от того, что в нем любили подраться. С одной стороны сплошные убытки, а с другой постоянная клиентура.

Ага, именно так и есть... постоянная. Пусть, и любящая почесать кулаки друг о друга, но зато исправно оплачивающая ущерб любимому заведению, да и просто - самая денежная в городе. Так что на кусок пластыря можно надеяться. В голове Енота так и виделся благословенный миг, когда он сможет, наконец, снять ботинки и залепить многострадальные пятки. И еще нужно обязательно зайти на обратном пути в казарму и забрать свои старые сапоги. По барабану, что выглядят они не так хорошо, как те орудия пытки, что сейчас на ногах, зато в них можно спокойно ходить.

Эти мысли настолько забили ему голову, что он не обращал внимания ни на что вокруг, забыв про то, что ему говорили на инструктаже утром. И даже перестал обращать внимание на обеих особ женского пола, на которых утром смотрел без остановки. Они же, тем временем, шли бок обок, и о чем-то тихо разговаривали. Когда Енот очнулся от тягостных размышлений о своей нелегкой доле, и решил поравняться с ними, то услышал только обсуждение какого-то Чунга-Чанги. Кто это такой ему еще не было известно, и, соответственно, абсолютно неинтересно. И все же, на какой-то момент показалось, что перед этим в их разговоре промелькнуло упоминание его собственного имени и Соленого. Хотя, может быть, именно что показалось.

А дверь заведения Боровика, гордо именовавшегося салуном «Белая дикая лошадь», уже показалась впереди. Двухэтажный кирпичный дом стоял на самом перекрестке Тополиной и Третьей улиц. Третья, одна из самых первых в городе, уходила в его старую часть. Глядя на нее, Енот тихо вздохнул. Совсем недавно он жил там, только на Пятой, со своей семьей. После их смерти дом за долги забрал Тарантул, местный ростовщик, к которому матери пришлось влезть в кабалу после смерти отца.

Файри толкнула невысокую дверцу, сколоченную из грубо обструганных рубанком досок-горбылей, и первой вошла внутрь. Енот шагнул следом за Медовой, окунулся в густую смесь запахов, пригляделся, и понял, что его самые плохие предположения запросто смогут сбыться.

Почти все столы внутри большого прямоугольного помещения были заняты. И если в углу, бывшем самым ближним к двери, сидели обычные горожане, то остальные занимали горняки. Они бросались в

глаза сразу: бледные лица, отстиранные рабочие комбинезоны, ставшие их второй кожей, тяжелые грубые ботинки на ногах. Хриплые и пьяные голоса, дым коромыслом и очень много бутылок на столах. Прислуга у Боровика уже давно состояла из молодых парней, чтобы снизить варианты пьяных домогательств, стриптизерши работали лишь вечером. Этот пункт по времени ввели недавно, согласно одного из распоряжений мэра, добивающегося хотя бы вида соблюдения нравственности, как того требовали предписания из Пяти городов. Стоит ли говорить, что появление их троицы, и в первую очередь Файри, застегнувшей лишь две самых нижних клепки, сразу же привлекло внимание?

Женщина окинула взглядом помещение, выискивая свободный стол. Еноту захотелось скрестить пальцы в надежде на то, что она выберет один из вроде бы освобождавшихся столов у входа. Не выгорело. Проигнорировав пьяные, липкие и жадные взгляды, она проследовала в самый центр зала, заприметив именно там свободное место. Медовая тронулась за ней, стараясь держаться также независимо. Но парень уже успел заметить, что она чуть согнула правую руку, готовясь одним движением выхватить пистолет из кобуры. Когда девушка расстегнула лямку, державшую его, Енот не заметил. Сам он запоздало подумал, ловя на себе оценивающие взгляды, что стоило сделать такую же вещь еще на улице. Раз уж не получилось отговорить чистильщицу от захода в салун. Теперь, скорее всего, придется расхлебывать неприятности.

К ним с трудом подошел официант, молодой парнишка, возраста Енота. С трудом, потому что большинство сидевших за соседними столами уже развернулись к ним, откровенно разглядывая обеих женщин и игнорируя как факт присутствия солдата городской стражи, так и наличие двух пистолетов на троих. Уровень градуса алкоголя, судя по блестящим голосам и восхищенному мату в адрес Файри и чуть менее восхищенному, обращенному к Медовой, был замечен без вооруженного взгляда.

- Вот это сиськи, Борода!

- Да, че сиськи, ты корму видел?

- Ага, за нее бы подержаться, как следует, а, Носач?!

- А вторая тощенькая, как коленка у Лома...

- И че? Такие, знаш, как подмахивают?

И так далее. Енот почувствовал, кроме страха перед этими бородатыми «хозяевами» города, ошалевших за месяц работы в шахтах, в нем начала пульсировать злость. Он поднял покрасневшее лицо на Медовую, увидел сдвинувшиеся тонкие брови и побелевшие от ярости губы. А вот Файри сидела абсолютно невозмутимо, иронично поглядывая вокруг и покачивая носком сапога из стороны в сторону. Официант нагнулся к ней, но что она ему говорила, скрыл поднявшийся ор с гамом.

Действия горняков начались даже до того, как им принесли поесть. Вначале на столе возникли три стеклянных стакана и чуть пыльная глиняная бутылка. Лишь когда пробка туго и со скрипом вышла из горлышка, и в стаканы потекло красное вино, привезенное откуда-то с юга, очень дорогое... только тогда первый бородач решил подойти.

Тощий и длинный, с мешком висящем на нем комбинезоне, он подошел к столу. Ногой подвинул свободный стул и плюхнулся на него, оказавшись между Файри и Медовой:

- Значитца, эта... здравствуйте, красавицы.

- И тебе не хворать. – Файри подняла бокал и чуть отпила, проведя языком по верхней губе, слизывая каплю. Шахтер прокашлялся и продолжил:

- Мы, значитца, тут с ребятами сидим. Скушно нам, значитца, без ба... э-э-э, дам.

- Ну, так валите с ребятами домой. – Неожиданно посоветовала ему Медовая, чуть сморщив тонкий нос. – К женам с детьми. Небось заждались вас, пока смена была. И нечего в кабаке штаны просиживать, и зарплату пропивать.

- Чо?! – Бородач повернулся к ней и неожиданно загоготал, подмигнув товарищам. – Ишь, какая нахальная-то, ага, ребята? Слышь, красотка, ты, значитца, раз такая умная, то мож сама поймешь почему мы здесь, а?

И приобнял девушка свободной рукой. Енот дернулся к кобуре, и почувствовал, как запястье как будто зажали в тиски. Посмотрел вниз и увидел мощную лапищу, сжавшую ее, почуял перегар, идущий из-за спины, и понял, что он есть никто иной как полный лопух и говнарь. Потому что то, что сейчас начнется, в лучшем случае прервет

вызванный Боровиком патруль. В худшем...про него думать не хотелось. И тут начала действовать Файри.

Ее ладонь неожиданно схватила густую бороду и с силой дернула вниз. Вторая ладонь, оказавшаяся на затылке шахтера, добавила ускорения. Глухой стук, треск, что-то булькнуло. Женщина отпустила бородача, и тот медленно завалился назад, мелькнув кровавой маской лица со сломанным носом. Еще один стук, только от затылка, ударившегося об пол. Повисшее молчание. Изумленно выпученные глаза товарищей упавшего.

Медовая вскинула руку с матово блеснувшим черным стволом, и уперла его прямо в лоб стоявшего за спиной у Енота. Тиски на его запястье разжались, Енот вскочил, торопясь развернуться лицом к жарко дышащей стае позади.

Язычок пряжки кобуры никак не расстегивался. Медовая вела стволом из стороны в сторону, медленно отступая к стойке. Выход закрыт тесной толпой разом вставших горняков. Файри, поднявшая руки в бойцовой стойке, внимательно следила за ними. Енот отступал следом, стараясь почувствовать спиной твердую поверхность стойки, чтобы хоть как-то обезопасить тыл и продержаться до появления стражи. То, что сейчас их будут стараться убить, стало ясно как божий день.

«Ну, зачем я сказал именно про этот салун?»

Время сжалось, чтобы тут же развернуться пружиной, свободной от любых замков, свистнуло в полете, как пуля из ствола и потекло так же, как песок в часах. Одновременно и молниеносно и медленно.

Бородатая толпа сдвигалась все плотнее. В мозолистых ладонях отломанные ножки стульев, с торчащими гвоздями, отбитые «розочками» горлышки бутылок, кустарного вида «блуды», с остро блестящими гранями лезвий. Им уже наплевать на то, что будет, потому что один из них лежит на полу, в луже собственной крови. Которую пролила вот эта наглая девка, с буферами, торчащими из выпендренной кожанки. И какая разница, что она с пацаном из патруля? Они хозяева города, его кормильцы и поильцы, и если не убьют, так покалечат за друга, с которым вместе дышали угольной и каменной пылью в забоях. С которым выпита не одна бутылка и оттрахано немало местных поблядушек. За него – нужно сейчас превратить эту троицу в кровавую квашню. Пистолеты? Да что там, ну

одного, ну двух. А потом бутылки попадут стрелкам в головы, толпа навалится и все, там уже можно будет просто месить безвольные тела ногами. Хотя месить, наверное, они будут именно тощую нахалку с косичками и придурка в форме.

Сисястую девку толпа хочет забрать с собой. Попользовать где-нибудь в одном из темных переулков, а уж потом разобраться, забив ногой ту самую глиняную бутылку ей в...

Все это на лицах, перекошенных от невыпущенной злобы, накопившейся усталости и безумного страха, который так силен под землей. Все это в глазах, налившихся кровью, видевших то, как лежат изломанными чучелами тела тех, кто погиб в забоях, пока здесь такие вот малолетки патрульные трахают наглых баб в кожаных костюмах. Все это на языках и губах, сейчас орущих матюг за матюгом, подзадоривающих друг друга и заставляющих кого-то сделать первый шаг, наплевав на кусок свинца в стальной оболочке, который получит первый.

Енот смотрел на трех шахтеров, стоящих позади толпы, орущих громче всех, заставляя эту озверевшую толпу делать то, что сейчас должно произойти.

Всего три человека, командовавшие теми, кто уже не понимал, что сейчас начнется стрельба, и салуне будет пахнуть не только спиртом, табаком и кухней. Что в воздухе сначала завоняет сгоревшим порохом, а чуть позже терпким запахом крови. Толпе уже плевать на это, а те трое, ее вожаки, умело подстегивали.

И еще он заметил побелевшие костяшки на пальцах Медовой, сейчас выставившей пистолет прямо перед собой и водящей им из стороны в сторону. Понял, что кинется вперед, стараясь загородить эту смешливую девчонку, чтобы она хотя бы попыталась убежать. И осознал, что она останется здесь, отстрелявшись до последнего патрона, пытаясь вбить маленький твердый кулачок в чье-то оскалившееся лицо с веником бороды. И наверняка будет потом лежать, неузнаваемая и превращенная в кровавую сломанную куклу.

Увидел, как расширяются глаза выскочившего в зал Боровика, держащего в руках дубинку. Следил, не понимая, зачем, за его взглядом.

Заметил, как на кончиках пальцев рук Файри, убранных ею за спину, вспыхивают горячие и дрожащие язычки пламени. А потом...

Откуда-то из-за спины послышался такой знакомый звук того металлического шуршания, которое издает чуть провисающая лента пулемета, когда ее достают из коробки. Слитный вздох толпы напротив и заметное движение бородачей, дружно делающих шаг назад. А сбоку, задевая его рукав, прямо на доску барной стойки, покрытую следами от кружек с пивом, царапинами от ножей и вилок, с содранным лаком, лег толстый наглый ствол, похожий на те, что торчат в башнях броневи́ков.

Со звоном вылетели стекла сбоку, где салун выходит в торец дома. И оттуда внутрь зала воткнулись автоматы, прижатые к плечам незнакомых людей, смотрящих внутрь злыми и внимательными глазами через матовое стекло забрал шлемов. И толпе почему-то сразу стало ясно, что тут ничего не поможет, и покрошат их в капусту также, как их собственные жены вот только, на прошлой неделе орудовали сечками в корытах с той самой капустой.

А к затылку того вожака толпы, что стоял в середине, прижался холодный ствол пистолета и из-за его спины, в мгновенно возникшей тишине, раздался мерзкий и скребущий по душе, как голодная и злющая лесная кошка, голос:

- Файри, золотце, ты там как?

И, не дождавшись ответа, этот голос, похожий по воздействию на тот противный звук, который возникает, если провести чем-то твердым по стеклу, продолжает:

- А теперь быстро положили всю байду на пол, сели на колени и руки завели за головы, чудовища бородатые. Даю пять секунд. Время пошло...

Енот залпом опрокинул в себя семидесятиградусную настойку на анисе, выдохнул и перевел взгляд на того, что сидел напротив и ухмылялся. Также мерзко, как и говорил до этого.

Высокий и широкоплечий мужчина, в удобной броне, защищающей корпус, бедра и руки, и черном костюме, с большим количеством карманов, под ней. В странной конструкции из ремней, увешанных различным вооружением и снарягой. Поднявший на лоб вязаную шапку с прорезями для глаз и поставивший на стол небольшой круглый шлем.

Вытянутый нос с горбинкой и с заметным следом от перелома. Возможно, что и не одного. Холодные и внимательные серые глаза,

гладко выбритое лицо, шрам от левого верхнего века и почти до подбородка. Мерлин, командир той самой группы чистильщиков, про которую Еноту уже довелось услышать. Возникший из ниоткуда и вовремя. В тот самый нужный момент и вместе со всеми остальными членами своего отряда, разогнавшими к чертям собачьим пьяную толпу. Мгновенно протрезвевшие шахтеры сразу же дрогнули, понимая, что эти парни плевать хотели на них всех, и им в головы бутылки не успеешь даже бросить.

Того самого главаря унесли трое его товарищей. Мерлин великодушно хотел его отпустить, предварительно дав лишь пару пинков. Но вмешался черноволосый парень, которого Медовая назвала Варягом, и жестоко измолотивший бородача. Для порядка, как он потом сказал, так как сильно бить пока не за что. Было бы действительно за что, так и убил бы. И Енот ни капли не сомневался в том, что именно так оно и вышло бы.

Они и остальные боевики чистильщиков сидели рядом, составив вместе два стола, и неторопливо ели фирменное блюдо Боровика: макароны в густом мясном соусе. Прибывшие все-таки на место стражники поворчали для порядка, но убрались, после того, как Мерлин предъявил разрешение на оружие, подписанное майором Грифом. И теперь группа сидела, торопливо насыщаясь перед тем, как выйти на улицы, в помощь патрулю и для наблюдения. То есть – основным заданием, пусть и вторым по времени исполнения, полученным от Капитана.

Первым было найти и проследить за безопасностью Файри, Медовой и его самого, Енота, собственной персоны. Опытный Кэп учел то, что вчера вечером увидел у ворот и к контейнеру, который весь день таскал молодой стражник, прикомандированный к отряду чистильщиков, прикрепили маячок. Знали ли про это обе девушки – Енот пока так и не понял. Скорее всего, что да. Как он понял из разговора, весь спектакль Капитан спланировал заранее, решив наглядно продемонстрировать жителям города, что с отрядом лучше не связываться. Зачем? Наверное, для того, чтобы и сами жители, и, тем более, администрация, понимали, что чистильщики не те люди, в сторону которых можно сделать что-то не очень хорошее и надеяться на то, что ответа не будет. Скорее всего так... Да и не хотелось сейчас про это думать, если честно. Вместо этого, чуть ослотивший от адски

крепкой анисовой парень механически ел и разглядывал тех, о ком успел наслушаться.

Пулеметчик Толстый, тот самый, что умудрился зайти через черный ход и выйти на толпу наперевес со своим большим штурмовым другом двенадцатого калибра. Высокий молодой парень, со светлыми волосами, исключительно доброй улыбкой и массивной, похожей на бочку фигурой. Сейчас он приканчивал уже вторую порцию макарон, уплетая их так, как будто никогда и ничего вкуснее в жизни не ел. Хотя, если судить по сдержанным насмешкам сидевшего рядом с ним, и нахально скалившегося, русоволосого хитрована, то так он ел постоянно.

Хитрован, как понял Енот, был тем самым Мусорщиком, который и вытащил этого крупного чистильщика, когда того кто-то крупно «подрал». И, глядя на него, Енот удивлялся двум вещам. Как этот, хоть и далеко не маленький, но сухой парень смог вытянуть тяжеленного пулеметчика? И неужели он, со своими чертами в глазах и как будто приклеенной, чуть злой, улыбкой – мог плакать?

Темнокожий великан, сидевший прямо напротив него, выглядел немного... нетипично для местных краев. Почему остальные называли его, то Чунгой, то Чангой, пока оставалось загадкой. Он говорил мало и в основном добродушно и белозубо скалился каждой шутке Мусорщика. Рядом с ним сидел рыжий и подвижный плотный мужчина за тридцать, Кот. Почему именно так – Енот понял не сразу. Но тут, в ответ на какую-то шутку, чистильщик улыбнулся. Нет, не совсем верно: Кот взял и расплылся в самой, что ни на есть, настоящей кошачьей улыбке. По курносому носу разбежались морщинки, подбородок вытянулся вперед, щеки подтянулись вверх. Учитывая короткие и задорно топорщащиеся усики – вылитый котяра, наглый дворовый бандит.

Волк, еще один из этой команды, явно родом откуда-то с границы Степи и Камня. Чуть раскосые глаза, смуглая кожа и черные волосы, заплетенные в тугую косу, убранныю в кожаный чехол на затылке. Он вообще ничего не говорил, спокойно и неторопливо поедая то, что стояло перед ним в тарелке. За него болтал длинный и страшно худой тип, которого всего называли Ферзем. Взъерошенный, носатый, с крупными лошадиными зубами, тип, спокойно парирующий все колкости Мусорщика.

И еще тот самый Варяг, почему-то, несмотря на то, что был ни капли не похож на командира группы, казался его братом. Или двойником, схожим и поведением, и речью, и даже тем, как двигался. Среднего роста, крепкий черноволосый парень лет тоже так немного за тридцать. Спокойный как танк и ласково улыбающийся Файри, подсевшей поближе к нему.

Вот такими Енот в первый раз увидел тех, кто должен заняться тем, чтобы полностью обезопасить его родной город от ночного кошмара. Чуть позже в салун зашел молодой белобрысый крепыш в замасленном комбинезоне, и оказавшийся тем самым механиком-водителем Жуком, которого с утра отправился спасать от гнева командира Ган. Как оказалось, именно он привез в город всю группу на отремонтированном разведывательном «скауте». А то, что сейчас он должен забрать в лагерь всю их троицу, порадовало начавшего клевать носом Енота еще больше.

- Эй, парень! – Мерлин помахал у него перед лицом ладонью, затянутой в перчатку с обрезанными пальцами. – Не спать, слышишь, тебе еще в лагерь ехать. Ты мне вот что скажи... Енот?

- Да, Мерлин. – Енот помотал головой, приходя в себя. Не заметил, как чуть не провалился в сон. Мелькнула мысль о том, что теперь-то точно выглядит в глазах женщин из отряда полным балдой, но накатила лень совершенно расхотелось всерьез об этом задумываться. Так что он просто отмахнулся от ненужной мысли. – Спрашивайте.

- Нам лучше идти в Старый город, или пройтись по самым окраинам сегодня ночью?

- Лучше в старый, ага. Последнее время все именно там происходит.

- Спасибо. Э-э-э, брат, да тебя совсем рубит уже. Медовая, помоги воину, ладно? Перенервничал, видать. Ничего, солдат, такое бывает, особенно, когда в первый раз. Это мы со временем исправим. Варяг за тебя возьмется...да, Варяжище?

Черноволосый оторвался от какого-то шепота на ухо красавице в коже и утвердительно мотнул головой.

«Про что это он вообще? – подумалось Еноту. – Когда они за меня возьмутся-то?».

- Файри... - Мерлин повернулся к женщине. – Парняга завтра пойдет с нами в ночь, так будь добра, проследи, чтобы выспался. Окей?

- Конечно, ваша волшебность, о чем речь. – Она улыбнулась, мягкой и кажущейся извиняющейся улыбкой. – Да, пора нам. Жук, ты там как, поел? Прекрасно, тогда поехали.

Машина Жука, двухосный легкий броневик, стояла на перекрестке. Пулемет в башне задорно торчал стволом вверх, от него пахло маслом, топливом и чем-то неизвестным и до жути интересным. Во всяком случае, именно такие мысли бродили в полупьяной голове молодого городского стражника, когда он подходил к нему.

- Сдается мне, - сказала Файри, покосившись на его заплетающуюся походку, - что везти его сверху, на броне, смысла нет. Жук, открой люк, положим героя. Енот, ты как, а?

- Да все хоррршо... - В голове все путалось, и голос женщины звучал откуда-то издалека. – Я в норме...

- Ну да. – Медовая, не выпившая даже кружки пива, устало улыбнулась, поддерживая его. – Так...аккуратнее. Принимай, Жучара.

Как они приехали в лагерь Енот не запомнил. К счастью, наверное. Во всяком случае, то, что удивленно хмыкнувший Капитан, встретившийся им по дороге к небольшой палатке, лишь покачал головой, наверное, было хорошо.

Енот лежал на походной раскладной кровати, скрипнувшей под ним, недоуменно смотрел на крутящийся перед глазами светло-зеленый брезент потолка и чувствовал себя счастливым. Он остался сегодня в живых, встретил красивую и замечательную девчонку и нашел для себя очень интересное, хоть и опасное, занятие. Жизнь продолжалась, наконец-то, спустя несколько месяцев, приобретая смысл.

Глава пятая: ночь, улицы и страх.

*«Бо станет пред Воином исчадие Дьявола и изреклет:
Азм есмь погибель твоя и дружи твоя...
То не убоится сих слов Воин, идущий по своей Дороге,
ибо знает, что не один он в час битвы с силами Врага вечного.
Сила его в руках собственных и в вере Господней,
в сердцах его самого и тех Воинов, что идут рядом.
И да будет так, пока есть род человеческий,
и Воины, что хранят его от зла, и от нечистого, и от многих
горестей»*

Книга св. Мэдмакса (апокриф)

- Темновато для города-то. – Мусорщик зябко дернул плечами под защитными пластинами. – Жадный, видать здесь мэр.

- И не говори. – Идущий рядом светловолосый пулеметчик согласно кивнул головой в шлеме. – Масляные фонари в городке, откуда выходит половина всего угля Звезды. Я бы не экономил на его месте.

- Ты, Толстый, на его месте никогда и не будешь. – Его партнер улыбнулся за забралом. – А знаешь почему?

- Почему? – Голос пулеметчика привычно напрягся, ожидая очередного подкола.

- Потому что ты только и можешь, что жрать, палить из пулемета и мочить всяких подонков. А мэру еще и думать нужно.

- Я еще и женщин люблю, если ты забыл, и...

- А вот трахать все, что шевелится, это моя прерогатива, и не смей в нее лезть.

- Вам трепаться не надоело, а? – Голос Мерлина, раздавшийся в наушниках был, как обычно, мерзким и ленивым. – Мусорщик, хорош из себя крутого перца корчить.

- А я что? Я ничего, командир. – Чистильщик недовольно пожал плечами. – Скучно просто.

- Скучно тебе, бедняжка? – В голосе командира прорезались ехидные нотки. – Может, снимешь с себя всю защитную байду со

стволами и гольшом по улицам побегаешь? Двойная польза. И сам повеселишься, и нам поможешь тварей половить. Чего скажешь?

- Да иди ты в...

- А наряд вне очереди у Айболита, а?

- Эхе-хе... - Мусорщик вздохнул. – Нет у нас в группе свободы слова, нету. Тиран ты, Мерлин, деспот и самодур, и никто иначе.

- Балабол. – Коротко хрипнул голос Мерлина и пропал.

Группа, рассредоточившись на двойки, медленно двигалась по нескольким кварталам Старого города, образованного десятью пересекающимися улицами. Называли их по номерам, согласно непонятно каким образом определенного порядка.

Мерлин и Варяг шли по Второй. Параллельно им, по Четвертой, двигались Мусорщик и Толстый. Кот с Ферзем, Чунга-Чанга и Волк шли по Первой и Третьей. Пока ничего необычного или странного никому не встретилось. Пару раз навстречу попадались местные патрульные, которые старались держаться неподалеку. Это убедительно доказывало всем членам группы, что работы им тут явно хватит.

Город, кстати, выглядел весьма неплохо. Особенно если сравнивать с теми, в которых обычно приходилось работать отряду. Достаток жителей чувствовался во всем: в хоть и ветшающих, но старательно отремонтированных стенах домов, в попытках залатать стареющий асфальт, чего чаще всего не встречалось в большей части населенных пунктов, где чистильщики выполняли работу. Тот самый салун, в котором местные чуть не прищучили Файри и Хани с пацаном-стражником, был даже в чем-то роскошным... в сравнении с большинством встреченных отряду кабаков.

Что и говорить, Мерлину очень хотелось посидеть в нем, или каком-то еще, похожем месте. Попить чего-то алкогольного в компании друзей, снять девушку в местном районе удовольствий, выспаться, в конце концов, в нормальной кровати со свежим бельем и домашней пуховой подушкой. А вместо этого приходилось, впрочем, как и всегда, отмерять километры на своих двоих, внимательно присматриваясь и прислушиваясь к каждому звуку и шороху, к каждой странной тени в подворотне. От всего такого несоответствия ожиданий и реальности Мерлину очень сильно хотелось встретить, в конце концов, какого-то ни было страхолюда и нашпиговать его свинцом.

Мусорщик перестал подкалывать своего вечно невозмутимого и все терпящего друга, отчего настроение командира немного улучшилось. Иногда его шутки начинали доставать, и Мерлин только поражался невероятной терпимости, демонстрируемой флегматичным Толстяком. Да, все помнили, что спас его именно Мусорщик, весивший в два с половиной раза меньше и умудрившийся тащить на себе пулеметчика. Ине только в тот раз. Но ведь все эти шутки были и до того случая, и Мерлин не понимал, что же заставляло Толстого относиться к своему товарищу именно с такой терпеливостью. Хотя в любом другом схожем случае, обидчик светловолосого громилы обычно оказывался минимум избитым, а максимум – переломанным во многих местах.

- Спокойно здесь, как по мне. – Голос Варяга, раздавшийся в динамиках, отвлек его от мыслей о товарищах. – Вроде бы видно, что местные боятся, но все равно спокойно.

- Хороший городишко, ничего не скажешь. – Мерлин согласился с другом.

– Я бы здесь задержался. Да даже и подумал бы о том, чтобы осесть потом.

- Потом? – Мерлин улыбнулся. – Да ты мечтатель, дружбан. Ты же знаешь, что...

- Да знаю, знаю. – Его товарищ и заместитель грустно вздохнул. – Помечтать же можно?

- А то, мечтай, конечно. Только не здесь, наверное, да?

- Злодей.

Это точно. Мерлин согласился с Варягом. Он и сам знал, что был еще тем подлецом. Даже и сейчас, ведь не смог иначе сказать, расстроив друга. А что ему остается делать? Только что вести себя так постоянно, напоминая всем, и самому себе в первую очередь, что слово «потом» для них призрачно. Они те, кто они есть, и то, что будет в каком-то там будущем, далеком, или не очень, Мерлину казалось очень и очень призрачным.

Впереди показался очередной перекресток, где чистильщики проходили, наверное, раз третий, если не четвертый. На нем уже стояли Кот и Ферзь, скорее всего, уставшие идти по своему участку слишком медленно. А может это они с Варягом просто плелись? Хотя...

Кот сидел на корточках, внимательно стараясь рассмотреть что-то при свете портативного фонаря. А дылда Ферзь стоял рядом с весьма недвусмысленно поднятым на изготовку автоматом, старательно оглядывая ту часть перекрестка, которую не могли прикрыть приближающиеся чистильщики.

- Что такое, брат? – Мерлин аккуратно спустил предохранитель собственного оружия. – Чего ковыряешься?

- Детектор запищал, командир. – Тот поднял лицо, скрытое опущенным забралом шлема. – Только что тут прошло что-то, оставившее след. Вот только не могу понять что.

- А на какие маркеры выставлен детектор? – Мерлин нахмурился.

- На материю с возможным содержанием некроклеток. Специально попросил настроить Фроста, перед тем как уехать.

- Ну, ты шарить. – Варяг уважительно покосился на товарища. – С чего вдруг взял-то?

- Да хрен знает, как дернуло что-то. – Тот чуть пожал плечами.

Командир группы внимательно покрутил головой по сторонам. Темные улицы городка, судя по всему, начали оправдывать все-то, что про них успели рассказать местные. Это и к лучшему, так как слишком долго ждать встречи с соперником, Мерлин не любил.

- Мусорщик, Толстый, Волк, Чунга – прием...

- Слышу. – Как всегда насмешливый голос их шутника.

- Прием, командир. – Такой же тяжелый и надежный, как сам пулеметчик, его бас.

- Внимательно. – Опасный и острый, как лезвие финки, Волк всегда лаконичен.

- Нашли? – Даже сейчас великан жизнерадостен, что очень хорошо было слышно.

Четыре голоса напарников, ставших ему такими близкими, раздались в той самой последовательности, в которой командир произнес их позывные. И, как обычно, Мерлину сразу стало намного спокойнее, потому, что каждый из них сейчас жив.

- Кот нашел следы от присутствия тварей. Внимательнее, парни, внимательнее. Двигаемся по тем же маршрутам, связь держим постоянно. Один держит фронт, второй – тыл. Все ясно?

- А то. – Мусорщик стал серьезнее, как всегда в моменты опасности.

- Не вопрос, командир. – Толстяк чуть зазвенел расправляемой лентой.

- Абсолютно симметрично. – Скорее всего, что Волк сейчас пробормочет молитву воина.

- Понял. – Голос Чанги чуть напряжен. Не от страха, а из-за извлекаемого огнемёта.

- Молодцы. – Мерлин удобнее перевесил на груди тяжелый автомат, включая гордость их оружейника, всепогодный совместимый со шлемом прицел, работающий в нескольких режимах. – Пошли, парни, поработаем.

Масляные фонари едва-едва разгоняли темноту на улицах города, по которым сейчас двигалось четыре «двойки» вооруженных и готовых убивать людей. Где-то там же, где двигались они, шлялись несколько патрулей местной стражи, оглушенные страхом перед тем, что ждало их во мраке. Скорее всего, что именно так и было, но только не для бойцов Мерлина.

Варяг тихо, стараясь не попасть ногами в колдобины и ямы, шел впереди. Матовый ствол его автомата постоянно двигался по полукругу сектора наблюдения. Мерлин прикрывал, чуть повернувшись спиной к нему, осторожно пятясь и пытаясь не толкнуть напарника. Пока хитрые приборы, вновь созданные Инженером, Фростом и Ганом и их коллегами на основе почти потерянных технологий, никакого движения не фиксировали. Станным это не было.

Если противниками чистильщиков являются не измененные временем потомки биологически созданных солдат времен Полночной войны, не мутировавшие из-за проникновения энергии Прорыва люди, либо животные, то остается очень мало вариантов.

И первым рассматривалось столкновение с некроидными активными псевдоживыми формами. Если, конечно, не врал детектор Кота, единственный из всех восьми, настроенный не на предполагаемые первоначально два варианта. А раз так, то нужно быть еще более осторожными, ведь некроидов тепловизор, встроенный в шлем и прицел, может и не засечь, пока те не подберутся как можно ближе. Мерлин уже успел разозлиться на самого себя за то, что не взял несколько собак Волхва. Тот, конечно, не очень то и настаивал, но стоило переговорить с Кэпом. Лохматые, те, которые были в отряде,

ненавидели некроидов, в отличие от своих обычных собратьев и легко их находили, впоследствии идя в схватку. Ошибка непростительная, и если сегодняшняя ночь закончится хорошо, то завтра в город обязательно пойдут несколько псов, дал себе слово Мерлин. И наплевать на то, что Волхв начнет, как обычно, ныть и пытаться отговорить Капитана. Жизни и здоровье его ребят куда как ценнее, чем жизни пусть и хороших, но все-таки животных.

- У нас пока чисто. – Хрипловатый голос Ферзя чуть развеял мрачные мысли.

- Также. – Волк отозвался практически сразу.

- Такая же хрень. – Проворчал Мусорщик.

- Хорошо, работаем дальше. – Мерлин смог позволить себе, пусть и ненадолго, облегченно вздохнуть.

Темные окна домов, мимо которых они прошли совсем недавно, отразили в слабом свете фонарей несколько сгорбленных странных фигур.

Мусорщик недовольно зашипел, когда изображение в его шлеме начало мерцать. Вероятнее всего дело в контактах, вновь начавших отходить. Ган давно обещал помочь с ремонтом, но никак не мог найти необходимых запчастей. А такое с шлемом случалось уже не первый раз, к сожалению. Он мог, естественно, обойтись и без режима тепловизора и датчика движения. В конце концов, Мусорщик был профессионалом, и не мог полагаться только на технику и ее капризы. Но сейчас, после того, как стало более-менее ясно, что за враг бродит в ночи, это его все-таки расстроило. С мертвяками, если это они, чистильщик предпочитал встретиться именно с нормально работающим прицелом и прочими прибабасами.

Толстяк, шедший впереди, покосился на него, вопросительно мотнув головой. Мусорщик также беззвучно показал, что все нормально, хотя сам был в этом неуверен. Да и как можно быть уверенным до конца при всем том, чем они тут занимаются?

Хотя такой работой он и занимался без малого полтора десятка лет, но всякий раз, выходя на новое задание, с тревогой ожидал первого столкновения. Оно требовалось ему как воздух, чтобы понять - с кем приходится столкнуться на этот раз, отбросить в сторону сомнения и невольный страх, и продолжать просто жать на спусковой крючок оружия. Или добивать очередную тварь с помощью

недлиного прямого клинка, закрепленного на поясе. Или выжигать какое-то гнездо очередной новой, или старой, но изменившейся нечисти при помощи горючей смеси. Или...

Лишь бы быстрее добраться до того момента, когда не нужно будет ожидать появления, а нужно лишь бороться за собственную жизнь и жизнь пухлого блондина, давно ставшего ему братом.

Где-то на перекрестке, от которого они двигались дальше, неслышно скользили практически невидимые серые тени.

Рыжий чистильщик Кот озадаченно крутил головой по сторонам, пытаясь уловить тот неуловимый след, заставивший его остановиться и включить детектор. Что тогда привлекло внимание, что он уловил каким-то внутренним зрением?

Вот и сейчас ему очень хотелось заметить, схватиться и пройти по еле ощущаемому в довольно холодном воздухе то ли запаху, то ли остатку движения.

Пальцы крепко, до хруста, сжимали рукоять оружия. Вторая ладонь крепко держала цевье, стараясь вести ствол автомата плавно, чтобы хитрый прицел, закрепленный сверху, мог уловить что-то. То, что искомые «объекты» рядом, он нисколько не сомневался. Кот четко ощущал их присутствие всем телом, которое сейчас старательно распределяло излишки адреналина, так некстати выделенного организмом. Но, опять же, чистильщик по собственному опыту знал, что зачастую такое очень полезно. Помогает обострить все чувства, довести все ощущения до такого состояния, которого никогда не достигнет никакая охранная система, пусть и созданная на основе еще довоенных разработок.

И еще он знал, что некоторые свойства организмов чистильщиков, врожденные и приобретенные за то время, что они вместе шерстили пустоши рухнувшего мира, помогут ему еще больше. Полагался на них, абсолютно справедливо считая, что они, эти особенности, помогут в самый необходимый момент.

Кот был солдатом, сражавшимся за то, что хотел бы видеть вместо имеющегося в наличии мира. И в этом, абсолютно неравном поединке с хаосом и его порождениями, старался сделать все, что требовалось от него. Какая разница, что все то, что делают чистильщики, есть не что иное, как капля в море? Отряд старается двигаться к определенной

цели, и негласный девиз отряда - «Мы хотя бы ползем среди тех, кто сдался и лежит».

На какой-то момент ему показалось, что где-то далеко впереди мелькнуло несколько размытых во мраке, еле прорезанном желтоватым светом горящего масла, теней.

Волк мягко крался вдоль стен низких, от силы в два этажа, домов. Сзади него, и чуть напротив, сливался с темнотой постоянный напарник-великан. Чистильщик скуповато улыбнулся, видя, как тот старается. Конечно, что с такими габаритами весьма сложно быть бесшумным. И особенно, если таскаешь на себе столько оружия и боеприпасов. Зато по огневой мощи с ними могла сравняться лишь «двойка» Мусорщика и Толстого.

Сейчас в руках у Чанги темнел толстый обрубок ствола огнемёта. Именно Волк настоял на том, чтобы тот его захватил, вместо своего обычного трехствольного крупнокалиберного монстра. Возможно, что с точки зрения темнокожего это и не самое верное решение, но спорить Чунга не стал. Так как уже много раз убеждался, что его постоянный напарник зачастую бывает прав, когда странным внутренним чувством предугадывает именно то, что надо захватить с собой, выходя на задание. Вот и в этот раз, нисколько не прекословя, взял и повесил на спину увесистый ранец со смесью, захватив из личного оружия только короткого, но достаточно мощного «питбуля».

Чистильщик с косой на затылке внимательно осмотрел крыши нескольких из домов. В конце-то концов, что мешает местным неживым, или кто они там такие, попытаться нападать с них? Да и дома, которые несколько раз, согласно полученной информации, вырезались до последнего человека, не оказались ли захвачены вот так, сверху? Через трубу дымохода, к примеру. Ведь такое уже было, Волк это прекрасно помнил.

Как назывался тот полуразрушенный большой город, находящийся на излучине великой реки? Сейчас он не мог этого вспомнить, да и какая разница, как тот назывался. Главное, что карлики из местных невысоких гор, проникали в пятиэтажные общежития именно через крыши. Пользуясь собственной ловкостью и небольшими размерами, залезали по ночам, неслышно проходили по комнатам и коридорам. Резали всех без разбора, тащили все, мало-мальски ценное. И уносили с собой маленьких девочек...

Пальцы с хрустом сжались на ребристой поверхности подствольного гранатомета его штурмовой винтовки, когда Волк вспомнил зачистку пещер. Никогда до этого ему не приходилось убивать женщин, но в тот раз...

Девочки, девушки и молодые женщины, превращенные несколькими потомками ученых, создавших с помощью егенистических опытов тех самых карликов, в живые инкубаторы. Полночная война, в топку которой бросили тысячи человеческих жизней, породила то закрытое поселение в горах, про которое никто не знал. И чьи жители не хотели ничего, кроме того способа существования, которым жили. Исковерканные медицинскими опытами осколки специального военного эксперимента, кровожадные и вырождающиеся, погибли вместе с бедными девочками, которых не смогли бы спасти все усилия медиков отряда. Только милосердная пуля в голову, и последующее огненное погребение. Тогда они выжгли все гнезда, уничтожив даже то, что никак не могло подсказать способа создания этих злобных недомерков. Но из памяти это выжечь невозможно...

То ли ему показалось, то ли на повороте все же скользнуло что-то, отдаленно напоминающее человека?

- Парни, что видим?
- Да хрен пойми, Мерлин.
- Странно как-то.
- То ли мерещится, то ли...
- Короче у всех что-то странное, так?
- Именно, командир.
- Я бы сказал что весьма.
- Аналогично.
- Скоро ребята, скоро. Все наготове, работаем...

Две патрульных группы городской стражи, должных работать вместе с приезжими, встретились около десяти минут назад. Всем им уже порядком поднадоело нарезать круги по кварталам Старого города. Не будь на улицах этих странных парней, экипированных так, что начинала глодать черная зависть, патрульные давно бы успели посидеть в одном из кабаков, рисковавших работать даже по ночам. Вместо этого приходилось таскаться взад-вперед, обливаясь холодным потом и постоянно озираясь по сторонам.

Наконец старшему одной из групп, Реду, это опостылело по самое не хочу. Зная, где можно подождать остальных на своем участке маршрута, он направился туда. И вот сейчас шесть человек стояли под козырьком одного из домов в небольшом переулке, потягивая сигареты и передавая по кругу флягу с «борщевкой», припасенную одним из солдат.

- Ох, и странные же эти типки, да, старшой?

- И не говори. Мне вообще не по себе, когда они мимо топают.

- У вас кто ходит? У нас какой-то здоровущий черный хрен с огнеметом и узкоглазый вроде как. Это в одной группе. Вторые тоже не але. Толстая такая хрень с пулеметом и дерганный тип с ним.

- У нас вроде как их старшой. И еще двое каких-то: один длинный как жердь, а напарник его – с-т-р-а-а-а-н-н-ы-ы-ы-й. Ходит и принюхивается..

- Во-во. И нам с ними, спрашивается, зачем шляться?

- Точно, им за это бабки платить будут, а нам за просто так шею подставлять?

- Мож, здесь и простоим, а, мужики?

- Вложат Грифу...

- Да ладно?

- Ну, а чо не вложат-то?

- Ну, да, мы ж им не сватья, не братья...

- Вот и я про тоже.

- Эхе-хе, придется щас назад идти.

- Не говори. Как говорицца – от заката и до упора.

- Вот оно мне зачем? Я своей бабе говорю – поехали к Камню...

- И че ты там делать будешь?

- Да на завод какой-нибудь пойду работать.

- Ой, не смейся, а? Зарекалась, грю, свинья говно не жрать...

- Че?

- Через плечо, грю. Куда ты от легких денег пойдешь, а? На завод?

- Да ну тебя, Еж.

- Бздну, а не да ну. Так что, господин капрал, извольте идти прогуляться, грю.

- Во во, никуда нам теперь и не деться.

- Не, ну можно попробовать, канешн...

- И дом бросить, какой-никакой, грю?

.....че это?!!

- Где?

- Да вон там, вон.... АААААААААААААААААААА!!!

- Братцы, не выдавайте, куда вы?!!

- Давай авт...БЛЯДЬ....г-х-х-а-а...

Стрельба практически и не началась. Захлебнулся единственный пистолет-пулемет, который успел поднять зазевавшийся патрульный.

Приземистые и гибкие серые фигуры моментально оказались рядом, мелькая среди испуганных и орущих людей. В слабом свете замелькали длинные худые лапы, когти разрывали плоть, ткань, кожу нагрудников. Асфальт и штукатурка одного из домов украсились темными брызгами, медленно начавшими катиться вниз. Крик, захлебывающийся бульканьем разорванных в клочья трахеи и артерий, несколько мгновений фонтанирующих черной во тьме кровью, бьющей как раз на желтую штукатурку, взмыл вверх.

Серые фигуры успокоились, медленно двинулись к людям, что уже лежали на старом и разбитом асфальте. Осторожно, переступая через валяющиеся тела длинными худыми и сильными ногами, изломанными в суставах. Одна фигура наклонилась над первым из побежавших, но оказался сбитым тварью, зашедшей в тыл.

Патрульный не сдавался, несмотря на то, что острые когти пропороли ему бок и в лохмотья разодрали шею. Из разорванных сосудов толчками выходила кровь, он хрипел, пытался дотянуться до оружия, когда увидел темную наклонившуюся фигуру. Всклипнул, жалея. Что не умер. Но основные артерии ему не зацепили и Ред все еще жил... На свою беду.

Темные и большие провалы глаз, попали в свет фонарей, и ему стало видно, что они темные, белесые и мутные. Зрачки высокие, вытянутые в щелку, от верхнего до нижнего края глаза. Нос провалился внутрь черепа, широкие ноздри со свистом затянули в себя воздух. Пахнувшей его, умирающего патрульного Реда, кровью. Ребра под темной кожей выпирали, натянув бледную пористую кожу на груди, длинные, до колен руки, задели асфальт, когда тварь нагибается ниже, чиркнули черными изогнутыми когтями.

Патрульный застыл, глядя на тварь. Ред тонул в боли и тьме, не понимая, почему он обращает на это внимание, вместо того, чтобы попытаться достать оружие, но мутные глаза затягивали, затягивали,

даже в темноте. В голове слышался еле слышный голос, успокоительно что-то бормочущий. Что именно? Что? Ред так и не разобрал... и не смог двинуться, чувствуя, как от страха в районе паха становится горячо и мокро. Ну почему, почему он еще не умер? ПОЧЕМУУУ?!!

Лицо, или морда? Какая теперь разница? Губы слабеющего, но все никак неумирающего патрульного шевельнулись, когда из-за черных узких губ, из-за двух рядов высоких зубов показался длинный язык, коснувшийся его разбитого и окровавленного лица. Он хотел бы сейчас провалиться в беспамятство, но нет, у него не получилось.

Тварь наклонилась еще ниже, зашипела, широко разевая пасть, воняющую свернувшейся кровью, тухлым мясом и еще чем-то, гнилым и смердящим. И Ред заплакал, почувствовал как катятся слезы, как тогда, в далеком детстве, когда старший брат рассказывал страшилки про подземных рудокопов.

Вот он рудокоп, сидит напротив. Облизывается перед тем, как его, Реда, снять. Фу, п-р-о-т-и-и-и-в-н-а-я бука, фу! Иди, иди отсюда, я папку позову... фу, бука гадкая, ф...

Гром? Мама, я боюсь грома...

Крупнокалиберная пуля со стальным сердечником вошла в голову твари, склонившейся над патрульным, орущим какую-то хрень, и разнесла ее в клочья. Мерлин сел на колено и начал стрелять по остальным «серым», появившихся совсем не там, где их ждали. Рядом спокойно и невозмутимо отсекал свои постоянные «двадцать два» Варяг, стараясь не дать подкрасться к ним тем трем, что стояли в переулке. Разведчики основной стаи?

Именно стаи. А как еще назвать с десятков низко пригнувшихся фигур, которые они увидели, прибежав на выстрелы? Фигур, так похожих по силуэтам на людей, устроивших засаду на расслабившихся патрульных? Судя по всему, противник в этот раз им достался и хитрый, и опасный. И быстрее бы подтянулись оставшиеся двойки. Мерлин нажал на кнопку маяка, посылая сигнал для ожидавших у броневинов ребят группы поддержки. Он знал, что сейчас к ним, ревя двигателем, тронется машина Капитана, на броне которой наверняка сидит он сам, вместе с близнецами, Инженером и Фростом. И, скорее всего, там же, вцепившись в поручень у башни, лязгает на ухабах зубами Айболит.

- Идем, Мерлин, идем. – Это Мусорщик с Толстяком, которые уже бегут что есть сил с самого дальнего из перекрестков.

- Мы уже близко. – Как всегда спокойный голос Волка, который наверняка окажется здесь первым. И действительно хорошо, что Чунга взял с собой огнемёт.

- У нас тоже гости. Трое, правда. Сейчас разберемся и придем. – Это Кот. И это плохо. Они ведь так и не знают, сколько таких тварей сейчас оказалось на узких улочках Старого города. А местные... ох и молодцы! Ни одно окно из всех в округе, укрепленное решетками и тяжелыми ставнями, даже и не скрипнуло, выпуская наружу ствол хотя бы ружья. Зато - какие герои днем в том самом кабаке, а?!!

Над ухом грохочет автомат Варяга, сейчас уже матерящегося в сторону размазанных серых силуэтов, что никак не хотят убегать,двигающихся в их сторону. Мерлин видел, как поднялся один из тех, кого он наспиговал свинцом в корпус. Прикинул про себя запас живучести и понял, что это, пожалуй, действительно мертвяки. А ведь сначала он грешил на собственный тепловизор не выводящий никаких контуров. Ладно, что хоть есть ночник, которому, правда, сейчас мешает даже слабый свет масляных местных фонарей.

Мерлин перезарядил автомат и прикрыл Варяга, проделывавшего то же самое. Твари приближались, сбиваемые с ног пулями, но все равно, упорно приближались. И их было даже не десять, как ему показалось сначала. Штук двадцать, возникших из темноты того переулочка, в котором он пристрелил первую. Но ребята оказались быстрее.

Первыми добрались Волк и Чунга, как он и предполагал. Улица озарилась жарким рыжим пламенем, которое щедро раздаривал в сторону серых теней темнокожий великан с ранцем на спине. Волк, присев за большую чугунную урну, экономично отстреливал тех, что пытались выбежать из огня.

Часть нападающих кинулась в ту сторону, откуда бежали Мусорщик и Толстяк. Двум или трем удалось проскользнуть в незаметный проход чуть раньше, чем заработала машинка Толстяка, отшвырнувшая назад тех, что не успели. В квартале стоял жуткий грохот автоматического оружия, через который Мерлин не сразу слышал высокий вой приближающейся бронемашины. Командир чистильщиков устало и довольно ухмыльнулся, понимая, что первый

бой в этом городе им, надо полагать, удался. А потом, объяснив Варягу, что ему нужно к Коту, бросился влево по уходящей вглубь этого райончика извилистой улочке.

- Хороший результат, Кэп. – Инженер задумчиво потер свой породистый нос. – Мерлин отработал прекрасно. Хотя... Возможно, что это как обычно - его бешеное везение.

- Все возможно. – Кэп пожал плечами, наблюдая за тем, как Волк и Толстый помогаю Фросту паковать длинные тела в плотные черные пакеты. – Самое главное у нас есть. Именно то, что хотела скрыть администрация. Сергеич, будь добр, как только появятся первые результаты – сообщи мне. Хоть разбуди, если спать буду.

- Ну, Кэп, я не маленький, в конце концов. – Инженер придирчиво осмотрел то, как Мусорщик собирает в такой же, как и Фроста мешок остатки того, что было головой твари до меткого попадания Мерлина. – Конечно же, сразу тебе всем сообщу. Подозреваешь, что здесь все очень сложно?

- Именно. – Капитан прикурил сигару. Айболит, бинтующий и обрабатывающий небольшую рану у Ферзя, сделал вид, что ничего не заметил. – Ну ты сам посмотри... видишь странное?

- Вижу. Нехарактерно это для тех, что идут при Прорыве. Не то здесь что-то. Ох, как бы что они там в своих шахтах не откопали, вот чего я боюсь.

- Да и я тоже. – Капитан вздохнул. – Боюсь, что все это только вершина большущего айсберга. А вот то, что у него внизу – наиболее страшно. Понимаешь?

- А то...

Раньше - рассвет

- Смотрите внимательно, мальчиши, смотрите...

Человек, одетый в темный полевой камуфлированный костюм, оглянулся на группу подростков, сидевших на коленях и повернувших коротко, почти наголо остриженные макушки в указанную сторону.

- Это чудо, то, что сейчас увидит каждый из вас. Ежедневное и повторяющееся, неизменное и прекрасное. Оно кажется таким же незыбким и непоколебимым, как те горы, в которых мы тренировались в прошлом году. И это верно...

Подростки сидят свободно и раскованно, внимательно слушая слова, которые мужчина произносит тихо, но так, чтобы подростки слышали. Становится светлее, и сейчас уже можно увидеть, что их двенадцать. Двенадцать мальчишек, приблизительно одного возраста, сидящих на коленях на холодной земле, покрытой редкой травой, одетых в одинаковые свободные курточки с капюшонами и широкие штаны. Глаза каждого устремлены в ту сторону, в которой сейчас медленно начинает появляться пока еще узкая светлая полоска.

- Рассвет, чудо господне... - Мужчина медленно идет вдоль ровной линейки подростков, сидящих на коленях. – Сколько раз каждый из вас мог видеть его раньше? По каждому из них, тех моментов, когда всходит солнце, можно мерять жизнь человека. У кого-то их будет очень много, у кого-то очень мало. Самое главное...

Он останавливается, чуть щурится, глядя на то, как полоска на горизонте становится чуть более светлой и широкой:

- У каждого существа рассветов ровно столько, сколько суждено быть в его судьбе. Древние пряжи ткот нити той длины, которую считают нужной. И никто не может знать, будет ли его нить длинной, ровной и прочной. Может быть, она неожиданно запутается, и ее придется рвать, либо пытаться освободить? Или вдруг, по прихоти одной из тех, чьи пальцы крутят ее, ножницы судьбы сделают свой неожиданный взмах...и все. Так было, есть и будет. Вы понимаете, мальчиши?

Подростки практически одновременно открывают рты, чтобы одним слитным звуком-выдохом сказать:

- Да, Мастер.

Он поворачивается к ним. Солнце, пробивающееся на востоке через низкие темные тучи, плотной массой закрывающие небо, уже может выхватить из рассветной полумглы его упрямый профиль с высоким лбом, волосами, зачесанными назад и собранными в хвост, ровным прямым носом и короткой бородой с усами. От широкого кожаного ремня, туго обхватившего крепкое и не располневшее, не смотря на видимый возраст, сильное тело вниз, по направлению каждого бедра, идут темные ленты. Утренний свет с интересом выхватывает все больше и больше из этого человека, и вдруг натывается на то, что эти ленты-ремни, оказывается, держат две кобуры. Небольшие, куцые, примостившиеся как раз посередине каждого его бедра, и баюкающие в себе пистолеты. В одной – матово отблескивающий автоматический, с вьющейся по коробке ствола белой атакующей змеей. Во второй – револьвер. С деревянной, затертой ручкой и узором по заушинам барабана и длинному стволу.

Рассвету становится еще интереснее, и он чуть напуган. Но не потому, что мужчина вооружен, нет. За последние несколько десятков лет это уже очень привычно. Подростки, да-да, именно они...

Каждый из двенадцати, застывших в одинаковых позах, вооружен. И пусть у их поясов всего по одному пистолету, и они еще не такие грозные и серьезные, а также намного проще и дешевле, чем у мужчины, которого зовут Мастером. Но кроме этого, справа у каждого, так, чтобы мгновенно схватить, лежат пока укутанные рассветными сумерками короткие и широкие клинки, с надежными гардами, закрывающими руку, спящие в ножнах.

Рассвету очень любопытно узнать про них больше, и он хотел бы задержаться. Но ему нужно бежать дальше, будить всех и каждого на своем пути. И, с явным сожалением, подгоняемый уже начавшим розоветь небом, он нехотя устремляется вперед, стараясь уловить еще хотя бы немного из того, что мужчина говорит подросткам.

- А в качестве ножниц для резки нитей Пряхи могут использовать все что угодно. И кого угодно. Стадо пастыря нашего убедилось в этом не так давно, но так, что спорить с этим, нет у нас с вами - ни желания, ни возможности. Почему, Мерлин?

- Потому что наш мир умирает, Мастер. – Один из подростков, худой, высокий, с большим носом ответил, не шевельнувшись ни на

сантиметр. – Потому что чаща терпения переполнилась, и хлынул через ее край гнев. И мир сошел с ума.

- Именно, именно так. – Мужчина задумчиво посмотрел на восток, где горизонт уже на одну треть стал красноватым. – Вы же помните то, что говорили вам? Про то, что встал брат на брата, отец против сына, жена против мужа. Когда помутился рассудок наш, сжигаемый изнутри гордыней и любовью только к себе, и человечество решило, что может все, что только взбредет в воспаленный мозг. Три поколения назад, когда меня не было на свете, точно такой же рассвет стал последним из длинной череды тех, когда можно просыпаться в своем доме и не думать о том, как дожить до вечера...

Год 20.. от Р.Х. Северо-западные губернии Российской Империи, телеканал РДТВ, прямой репортаж из зоны погашения Границы Прорыва:

Камера крупным планом выхватывает сидящего на бруствере на скорую руку вырытого окопа крепкого парня. Шлем, с поляризованным забралом из бронепластика, напичканный изнутри различной хитрой электроникой, аккуратно лежит на расстеленной ткани плащ-палатки. На бойце индивидуальный защитный комплект с верхним слоем «хамелеон», сейчас неактивного, отчего камера может снимать его, не опасаясь того момента, когда фигура бойца размажется в одно сливающееся с общим фоном пятно.

Объектив, вероятнее всего, встроен в такой же защитный шлем, тем самым оставляя свободным руки репортера, вынужденного находится где-то здесь, на линии фронта. Камера наезжает на лицо, обычное лицо парня, родом откуда-то с Брянска, может быть. Или с Харькова, Лиепай, Гомеля, Новосибирска, с вновь отстроенных городов Туркестана или с Волги. Зуммер пси-совмещения начинает моргать, показывая, что до полной связи с ИД-матрицей осталось всего ничего, и...

Как обычно, все вновь, одновременно и привычно и незнакомо: несколько сияющих кругов перехода, погружение под ритмичные щелчки, соединение с матрицей, полный контакт...

Дым, едкий дым, сизого цвета. Он такой всегда. Если разом сгорело много-много пороха, он именно такой. Режет, как зазубренный

нож, слизистую глаз и ноздрей. И еще тогда пахнет гарью и кровью. Он такой тяжелый, этот страшный и сладкий аромат. Ambre la guerre, да и пусть я не прав в этом определении. Ведь при желании вы сможете меня понять.

Черные клубы стлались повсюду, смешиваясь с утренним туманом, густым-густым, похожим на дым, выпускаемый пиротехники на концертные сцены. Как плохо, когда он такой. Мешает смотреть, мешает увидеть момент Прорыва. А каждый раз, когда его не замечали, все заканчивалось также как и сейчас. Вон, покрутите вместе со мной головами, посмотрите, посмотрите вокруг. Увидьте не просто переломанные тела в камуфлированной защите. Поймите каждого из тех, кто уже никогда не встанет с бруствера или крошки от кирпича.

Сколько раз вам доводилось видеть на экране ИД-визора кадры с мест Прорыва? Помните, нет? Конечно, тяжело запомнить, проще не запоминать. Да и что можно увидеть и понять за несколько смазанных минут экранного времени... да ничего. Мечущиеся движения камеры выхватывают только то, что должно быть видно.

То горделиво подбоченившихся штабных крыс, которые немедленно оказываются там, где нужно после того, как все закончится. То наваленные тесной кучей тела Тех, кто из-за Черты. Голос диктора, понижаясь и дрожа от торжественности момента, зачитывает какие-то невнятные цифры и перечисляет исковерканные номера боевых групп, закрывавших Прорыв. А потом начинают мелькать высокие кабинеты с теми, кто озабоченно хмурят лбы своих умных и ответственно-государственных лиц. Они что-то докладывают тем, кому должны доложить, говорят правильное, скорбное и нужное, льют ложь не то что ведрами, а цистернами... На улицах, в кабаках и подъездах пьяные голоса звучат, сливаясь с тем, что несется с экрана: встанем, не пустим, грудью, уничтожим и не забудем...

А на деле? А на деле нет никого, кроме тех, кто оказался рядом. И уж тогда — как карта ляжет, то ли пан, то ли пропал. Увело меня в сторону, несу тут чушь какую-то... А что только не понесешь, когда в крови еще бурлит адреналин и нервы трясутся где-то внутри. Такой мелкой-мелкой дрожью. Нет, не трусливой, ни хрена. Той дрожью, которая поможет вскочить куда как быстрее, чем обычно, когда через туман замелькают темные фигуры, и нужно будет двигаться быстро и

еще быстрее. Как бы попытаться показать вам это, как дать почувствовать?..

Не знаю, не знаю, может быть и получится. Давайте еще раз покрутите головой вокруг вместе со мной. Оглянитесь, присмотритесь внимательно. Видите вон там, за сгоревшей кабиной, такое черное и неприятное. Не отворачивайтесь, не нужно. Еще час назад то, что там лежит, летело в вашу сторону, жадно разинув пасть и издавая голодный рык. Такое страшное, большое и уверенное в себе. Сильное и думающее только о том, что впереди какие-то жалкие неумехи, которые не смогут помешать. Сожрал, гнида? Лежи теперь там, где тебе лежится.

Чуть дальше задрал в небо ствол автоматический гранатомет. Рядом с ним, обняв его левой рукой лежит Зот. Я не знаю, жив ли он или нет. Недавно Младшой вытащил оттуда Лебеда и ползком поволок его на своем горбу в сторону медпалатки. Им досталось, да еще как. Рвануло где-то ближе к концу, подняло в небо фонтан из земли, досок и камня.

Вон справа большая темно-красная лужа. Она уже давно не парит в морозном воздухе. Командира уволокли втроем, стонущего и матерящегося. И без ноги, разжеванной в клочья. И еще, говорят, лейтенанта тоже уже нет. А если и есть, то неизвестно, будет ли жить.

Почувствовали хоть чуть-чуть? Хорошо, если да. Давайте, сползите вместе со мной по стенке окопа. Хороший окоп, хороший. А как тяжело было рыть тебя, родной? Ой, как тяжело. И киркой я тебя долбил, и ломом, прежде чем смог воткнуть штык лопаты. Зато сейчас, пусть и сыпятся за шиворот мелкие кусочки земли, ты мне помог. Хотите воды? На те вот, не жалко. Не нравится вкус, горькая? А что сделать? Там, где Прорыв, воду нужно чистить, чтобы не окочуриться от какой-нибудь дряни. Вот и чистят химики, кидают в нее всякую хрень и кипятят с разной дрянью. Другой, не той, от которой можно ноги откинуть. Или дуба двинуть. Пейте, пока можно спокойно пить. Скоро начнется снова. Откуда знаю? Да уж начнется. Поверьте мне.

Когда начинается Прорыв, то Те идут сплошным потоком, давая лишь редкие минуты отдыха, которые начинаешь ценить также, как ценишь в другой жизни время с женщиной. Ну. Или с мужчиной, в зависимости от вашего пола и интересов. Это дело не мое, а ваше личное. Надеюсь, что поняли.

Кто вон тот странный военный у которого вся спина с задницей в кровавых лохмотьях? Это наш старшина, Мэйджик. Почему он ходит и орет, вместо того, чтобы находиться у медиков? Да все просто, он один остался из старших по званию. Да, мы здесь обходимся минимум офицеров, вот и страдаем из-за этого. Нет, согласно штата они все есть. Только те, кто хочет быстрее получить звезд побольше, они сейчас в штабе. Скоро, конечно, появятся. Как только журналюги прилетят на вертушке с еще двумя сопровождения. Вот тогда-то они и появятся.

Будут отвечать, корча героические рожи на дурацкие вопросы о том, сколько шло Тех и какими силами закрыли очередной Прорыв. Принимая при этом вычурные позы, неуверенно лапая оружие, которое до этого пылилось в оружейке. Это они умеют.

Кстати, познакомьтесь. Вот он, лучший друг и брат. Потрогайте, подержите и повертите в руках. Не бойтесь, я отсоединил магазин и выбросил патрон. Вот такой он, с острой серебряной головкой, крупный и обтекаемый. Я про патрик, который вы в пальцах держите. А мой лучший друг - вот он. Большой, немного тяжелый, матово-черный. Чуете, как он пахнет? Горячими остатками смазки и порохом. Тот самый аромат, про который я говорил вначале. Почему не горячий? Станный вопрос. Потому что уже остыл. И почищу его чуть позже, когда будет совсем спокойно.

Страшно ли при Прорыве? Конечно, страшно. И это правильно. Не будешь бояться, так свихнешься. Вон как тот рыжий, который сейчас жонглирует тремя гранатами. Может взорваться? Конечно, может. Он и правда регулярно лежит в дурке. А потом все равно возвращается. Почему? Да потому что не может без всего этого, и мы без него. Сколько жизней он спас – тяжело сосчитать. Да все мы здесь немного не того, а куда деваться?

Добровольцы? Да, мы все добровольцы. Почему? Да уж вот так как-то получилось. Говорю же – сумасшедшие, все до единого. Какое к черту благородство и патриотизм! Хотя...

Ладно, хватит на сегодня. Надеюсь, что понравилось. А то вон, опять замельтешили. Е...

Мельтешащие тени в густом тумане, странные, нереальные, казались перенесенными сюда с полотен Босха, Дали либо Гиггера. Неслись прямо на камеру оператора, мгновенно прекратившего

репортаж, развернувшегося в сторону очередного Прорыва. Скакали, бежали, ползли и летели, щерясь шипами, рогами, наростами. Плевались тем, чем могли плюнуть, метали собственные иглы-стрелы, били бронированными шипами хвостов. В какой-то момент камера успела ухватить момент, когда смазанным движением прямо перед объективом возник подрагивающий конец костяного штыря.

Потом в объективе резко появилось низкое и серое небо, камера чуть тряслась в такт судорогам агонизирующего организма человека, решившего заработать там, куда ему лучше было не соваться. Мелькнул бок какого-то странного существа, похожего на очень быстрый и сухопутный вариант акулы. И все...

«Из отчета Государственной чрезвычайной комиссии блюстителю престола Российской Империи, светлейшему князю.....:

«...Результатом стало появление в различных точках земного шара мест так называемых Прорывов. На данный момент одной из основных гипотез возникновения является версия, выдвинутая учеными лаборатории «Янтарь», входящей в состав группы объединения «БАРС» при ИМО.

Данные, указанные в пояснительной записке к проекту «Полночь», указывают на то, что микромолекулярные связи так называемой некротферы, открытой около ста лет назад группой профессора Щепетнева, были нарушены в результате экспериментов на известном Вам объекте в Швейцарии. Равно как тогда же, используя практику проколов пространственного континуума, созданы первые попытки прохода на Сопредельные пространства. Результатами данных исследований явились активизация некротферы и появления т.н. Прорывов.

На сегодняшний момент возможность закрытия основных мест Прорывов с помощью применения тактических ядерных зарядов не представляется возможной. Гипотетические расчеты, произведенные сотрудниками «Янтая», указывают, что выделяемой энергии стандартного заряда ракет проекта «Шестопер», хватит на приведение микромолекулярных связей в состояние близкое к стабильному. Но результатом также предусматривается аннигиляция близлежащих территорий в связи с тем, что ориентировочный ущерб от взрывов будет многократно увеличен за счет собственной аккумулированной

энергии так называемых Нор, являющихся основными образующими факторами Прорывов.

Ответственно можно заявить о том, что результаты исследований сотрудников лаборатории «Янтарь» должны быть полностью засекречены для невозможности похищения их службами внешней разведки следующих государств, обладающих ядерным вооружением:

- Мама... мамочка... - Детский голос, сухой, болезненный. В подвале темно, жарко и сухо. Так сухо, что кажется, что это не подвал в Рязани, а палатка, остывающая посреди Сахары или Каракумов. – Скоро можно будет отсюда выйти? Пить так хочется...

- Потерпи, милая. – Голос матери полон боли, горькой безнадёги и отчаяния. Она пыталась справиться с собой, чтобы не пугать старшую. Младший, четырехлетний сын сейчас забылся в тяжелом сне. Худенькая грудь поднималась со слышимыми хрипами, мальчику плохо. Температура безумно высокая, он раскаленный как железная стенка мангала в субботу. Суббота...

Господи, как же давно это было... вчера. То самое вчера, когда она осталась с детьми на даче, а муж с братом поехали в город, чтобы докупить пива, мяса и прочего. Когда на радиоволне, передающей веселое ретро, вдруг раздался тот самый резкий свист, предваряющий самый страшный из сигналов ИМЧС, которые она учила в школе. И схватив в охапку детей, женщина кинулась к погребу, глубокому, надежному, капитальному.

Потом был удар, грохот и рев наверху. Все это было, да. И первые, самые страшные минуты, когда старшая, Даша, кричала, прижав руки к лицу. А Степка, зарывшийся маме в грудь, молча трясся и плакал, не понимая ничего и осознающий тот страх, что сейчас тряс ее.

Что это было? Почему? И кто смог это, наконец, сделать? И за что?!..

- И когда с неба упали сжигающие все дожди, и снег стал алым, города лежали в разлухе, то именно тогда, мальчиши, твари вернулись. И это было уже на моей памяти. С тех пор каждый рассвет стал именно таким, каков есть сейчас. Дающим надежду, дарующим счастье от того, что ты его просто видишь. Ведь раз видишь, то значит,

что ты жив. И ножницы Прях не перерезали нити судьбы, которая есть у каждого.

Подростки, внимательно смотрящие на небо, ставшее уже полностью красным, кивнули головами. Все, как один. Мальчишки, одетые в одинаковые куртки и штаны, найденные на одном из законсервированных складов у Камня.

Дети, подобранные Мастером и Лейтенантом на пустошах, у фронта, в Диких землях, в Степи и в руинах городов, чьи названия уже почти полностью забылись или ничего не значили для тех, кто их населял. И ставшие на тот путь, к которому каждого привела судьба-нить.

- Но Пряхи, как бы они не старались, не смогут перерезать все нити, что хотели бы перерезать. И то, что демоны сейчас среди людей значит лишь то, что их нужно остановить. А кто это должен сделать, мальчиши?

- Мы!

Слитно, в один выдох, так как, как их учили. Воинов, ведущих войну на развалинах того мира, в котором они родились.

Мастер смотрел на них, таких одинаковых и таких непохожих, заливаемых светом солнца, неумолимо и победоносно встающего над землей. Впивался в лицо каждого, ощутив каждой клеточкой своего тела, что, скорее всего, после того испытания, что ждет их ночью, не все останутся в живых. Но так надо, потому что иначе ничего не получится. Только так...

Рассвет отражался в их глазах. Абсолютно спокойных у Мерлина, всегда насмешливых Мусорщика, добрых Варяга, чуть наивных Чунги, настороженных Ферзя, сосредоточенных Толстого, яростных Волка, постоянно ехидных Кота, злых Оборотня, мягких и теплых Рыжего, грустных Пиноккио и чего-то постоянно ждущих Крота.

Кто из них увидит следующих восход, а кто навсегда закроет глаза вон в тех холмах, изрезанных внутри вдоль и поперек ходами и пещерами? Никто не сможет сказать этого сейчас, даже смотрящая далеко вперед Ниоба, Видящая, никто.

И он, давно ставший стариком Мастер, не решится поставить ни на одного из них, этих ребят, что сидели перед ним. И как хотелось, чтобы завтра утром солнце также отразилось в глазах каждого...

Проф, просматривающий записи, переданные ассистентом, чуть моргнул, чувствуя, как невольно на глазах стало мокро. Старый друг, Мастер, сколько же он пропустил через себя, создавая и пестуя это, новое для них поколение? И как же больно сейчас ему, отправляющему их вперед, сдающих не просто очередной экзамен, а проходящих Испытание, которое и покажет – были ли правы они, давно ставшие циничными и злыми ублюдками.

- Красный один, Красный-два, идете первыми... Мерлин?

- Да, Мастер?

- Я жду вас всех, мальчиши.

Глава шестая: утро, лагерь и вопросы

«Слаб человек, и тело его слабо, и душа.

А потому просто зверю Сатане взять верх над стадом Божиим.

И когда придут посланцы Дявола к воротам градов и жилищ,

И потребуют дань, и жертвы, и плоть, и детей человеческих,

Тогда встанут пред ними, собою жертвуя, Воины.

И падут, если Враг силен, но обретут и жизнь, и славу вечную»

Книга св. Мэдмакса (апокриф)

Где-то за брезентовой стенкой что-то, или кто-то, глухо заворчал, вырывая Енота из той странной дремоты, что бывает перед самым моментом окончательного пробуждения. Сказать, что он из-за этого расстроился, было нельзя. Так как снилась ему какая-то хрень, настолько откровенная и поганая, что парень только обрадовался тому, что проснулся.

Енот сел на край походной раскладной кровати, потянулся и зевнул. Почесался в коротко остриженном затылке, потер ноющие виски. Голова не болела, но по весу напоминала чугунную чушку. На крашеной в голубой цвет деревянной тумбе, стоящей рядом с раскладушкой, кто-то заботливый поставил большую эмалированную кружку с водой. Мысленно сказав спасибо неведомому доброхоту, он надолго приклеился к ее толстому ободку, вливая в себя так необходимую жидкость. Вода успела стать тепловатой, отдавала металлическим привкусом, но все равно была прекрасна. С сожалением допив почти всю, остатками прополоскал рот, сплюнув скопившуюся за ночь слюну. Енот знал, что это нужно сделать раньше, перед тем, как выпить воду, но ничего не смог с собой сделать.

Осторожно поставив ноги на деревянный пол, он удивился. Если во время службы в страже ему доводилось выезжать за город, всего пару раз, и жить в палатках, то там пол был просто земляной. А здесь, по всему периметру небольшого брезентового помещения, как оказалось, сделаны полы из досок. Еноту даже стало интересно то, откуда чистильщики их взяли, если он не видел, как они вывозили их из города. Неужели таскали сбитые щиты с собой?! Хотя чему удивляться, если учесть то, что их дом это дорога и постоянные

переезды? Так что им наверняка хочется насколько можно большего максимального комфорта.

Рядом с раскладушкой стояли его мучители ботинки, на которые он покосился с изрядной долей отвращения и испуга. Заново испытывать вчерашние чувства очень не хотелось. Как же саднили стертые ноги...

И только тут до него дошло, что проснулся босиком, а те носки, которые за вчерашний день изрядно пропотели, лежали на берцах, отстиранные кем-то и уже высохшие. А, кроме того, на многострадальных пятках красовались аккуратные полоски пластыря. Вот тут-то Еноту, в очередной раз за неполные сутки, стало стыдно. Мало того, что он не помнил, как вчера добрался до вот этой самой раскладушки, так его еще кто-то и раздел, положил, занялся вещами... и заклеил мозоли. И хорошо, если это оказался кто-то вроде Гана, иди механика Жука. Представить, что это сделала Медовая... от этого становилось еще хуже.

Но зато мысли обрели правильный оборот, и память настойчиво подсказала, что вчера слева на поясе болтался пистолет в кобуре, которым он мог и воспользоваться, но, к счастью, не пришлось. На какой-то момент ему стало страшно, так как на глаза не попадалась широкая портупея, пахнувшая кожей, на которой и висело оружие. Даже пот успел выступить на висках, прежде чем парень додумался открыть ту самую тумбочку и заглянуть внутрь. После чего Енот облегченно вздохнул.

Все было на месте. И аккуратно свернутая в плотный моток портупея, и коричневая кобура, с торчащей из нее черной рукоятью пистолета. Рядом лежало предписание от командира патруля, пропуска и деньги, выданные интендантом. На душе заметно повеселело, но, правда, стало опять стыдно, хоть и немного. Надо же было предположить, что кто-то из его новых знакомых мог бы позариться на его, Енота, превеликие богатства. Наверняка у той же самой Медовой-Хани в карманах выпендренной курточки на одни карманные расходы лежала куда как более солидная сумма. Не говоря про то, что кому из них, так прекрасно экипированных и вооруженных, мог бы понадобиться его, пусть и неплохой, но совершенно обычный, и даже не многозарядный, пистолет?

Енот натянул носки, потом аккуратно обул ботинки. Туго затянул шнуровку, подвигал ногами, проверяя то, насколько плотно они все-таки сидят. Как ни странно, результат вышел неплохим. Скорее всего, вчера роль сыграло именно то, что обувь совсем новая, неразношенная. Настроение стало немного лучше, и он пошел к выходу из палатки. Осторожно выглянул наружу.

Лагерь чистильщиков уже давно проснулся, несмотря на то, что новенькие часы, полученные вчера на складе показывали лишь семь часов утра. Откуда-то из-за трех таких же, как та, из которой выглядывал Енот, палаток, доносилось несколько голосов. Солнце уже встало, разгоняя легкий туман, но воздух не прогрелся, заставляя чуть поеживаться. Возле входа лежала одна из тех самых здоровенных псин, прореагировавшая на появление стражника лишь тем, что лениво приоткрыла один из закрытых глаз. Может это и был вчерашний пес? Вроде бы цвет густой короткой шубы, серо-рыжеватой, похож, да и морда собаки, чуть вытянутая, широкая, с небольшими брылами, скрывающими клыки, знакомая.

- Привет, друг. – Енот сам удивился тому, что вчерашнего испуга перед этим четвероногим страшилищем и близко не почувствовал. – Ты не меня караулишь?

Пес открыл второй взгляд и немного, как показалось парню, удивленно посмотрел на него. Собачий взгляд как бы говорил: «это ты со вчерашнего дня так поумнел?»

- Ну, может, пойдем в сторону кухни, а? Не знаю как ты, а я очень хочу есть. Проводишь?

Пес, а в том, что это именно вчерашний знакомец, Енот уже не сомневался, подвигал обрубком хвостом из стороны в сторону. Потом широко зевнул, продемонстрировав свой инструментарий, спрятанный за губами и брылами, встал и, отряхнувшись, неторопливо потрусил вперед. Чуть оглянулся, прянув обрезанными ушами, как бы зовя его за собой, и продолжил путь в ту сторону, откуда уже доносился какой-то вкусный запах. Что еще оставалось делать, как не пойти за умным псом, который, судя по всему, уже считал Енота за своего?

Палатка стояла у одного «крузеров», а именно принадлежавших команде Инженера. Как ни странно, но округа пустовала. То ли все уже находились в районе хозяйства Мамачоли, то ли занимались своими делами. Навстречу попался один из Близнецов, то ли Правый, то ли

Левый, это ему еще было непонятно. Как ни странно, но живая громада, грузно протопав мимо (они хоть когда-то снимают броню?), кивнула ему головой в шлеме. Или это ему показалось?

Четырехногий провожатый застыл у крайней палатки, терпеливо ожидая своего медленного попутчика. Дождавшись, пока Енот поравняется с ним, пес пошел дальше, направляясь аккуратно в сторону навеса, заставившего желудок молодого стражника дернуться и сжаться в предвкушении порции завтрака.

За большим столом сидели несколько его знакомцев. Улыбался Ган, травящий какие-то байки тому самому хмурому мужику, выплеснувшему вчера воду прямо под ноги Еноту. Длинный тип из отряда Мерлина, которого звали Ферзем, хлебал кофе из кружки и таращился на оружейника сонными красноватыми глазами. Тут же сидел второй из близнецов, на этот раз без шлема и с минимумом экипировки. Тундра, спокойно поглощал свою порцию сублимированного картофельного пюре с сосисками, и, завидев Енота, подвинулся, похлопал ладонью по лавке.

- Здорово, боец. – Заместитель Кэпа доброжелательно улыбнулся. – Выспался, алкоголик?

- Выспался. – Енот почувствовал проклятуший румянец, вновь заливший лицо. – А сильно я... ну, пьяный был?

- Смотря с чем сравнивать. – Буркнул незнакомый и невежливый вчерашний усач, так любящий бриться по утрам. Сейчас его щеки подбородок оказались такими же гладко выскобленными. – Но тащить пришлось. С тебя пиво.

- Конечно. – Енот торопливо кивнул и повернулся к дылде Ферзю. – А как вы ночью?

Тот чуть приподнял бровь и отхлебнул из кружки, прежде чем ответить. Потом протянул руку за куском хлеба с маслом, лежавшим на его тарелке, и лишь после ответил:

- Встретились с вашими этими... рудокопами. Постреляли чуток.

Енот почувствовал, как по спине пробежал холодок.

- Все целы остались?

- Ну, так. Мы все, а вот твои коллеги из патруля...

Где-то в глубине что-то ухнуло вниз, сжимаясь ледяным комом. Патрульные группы не особо дружили с караульными командами на воротах, но почти все были знакомы.

- Сколько?

- Пятеро. – Тундра, оставив в сторону пустую посуду, тоже решил вступить в разговор. – Одного мы притащили сюда. Сейчас в медблоке, лежит на системах. Ты его, наверное, должен знать. Редом кличут.

- Да, знаю, конечно. А остальных, значит?

- Ну да. Именно, что всех. Они решили простоять в стороне, и твари взяли их в клещи. Интересные дела у вас тут творятся, Енот, ох и интересные. Ладно, давай ешь, и потом к командиру. Нарезет задач, которые нужно выполнить. А, да, твоих мы предупредили о том, что теперь ты постоянно находишься здесь, так что не переживай. Понял?

- Понял. Спасибо, Тундра.

- Да не за что. – Он хлопнул его по плечу, вставая. – Эй, Мамачоля, накорми нашего новенького.

Женщина выглянула из-за своего навеса, улыбнулась Еноту и немедленно перед ним возникла жестяная миска с пюре и двумя сосисками. Сосиски были натуральными, а не теми соевыми производными, что в основном входили в рацион патруля и стражи. Молодой организм взял свое, и, не смотря на неприятную новость, на некоторое время Енот полностью вывалился из жизни, поглощая вкуснейшую стряпню.

Усач хмыкнул, глядя на скорость работы его челюстей, и чмокнул губами. Четырехногий и лохматый сопровождающий легко встал и подошел к нему, положив лобастую голову на колено. Человек нежно погладил брови пса, который громко заурчал от удовольствия.

- Я смотрю, парень, ты пришелся по душе моему красавцу, а? Редко я видел, чтобы Хан так миролюбиво выполнял задачу. Он же ни разу и не думал тебя погрызть?

- Нет. – Енот отрицательно мотнул головой. – Это ваш пес?

- А они здесь все мои, все пятеро. – Усач самодовольно улыбнулся. – Как тебя зовут, я знаю. Меня можешь называть Волхвом, я местный кинолог.

- Кто? – Енот чуть не поперхнулся. – Фильмы крутите?

Кинотеатр в городе был даже не один, их присутствовало целых два. Большой и помпезный «Нуар», в котором в основном собиралась приличная публика, и старый, давнине отремонтировавшийся «Огонек», находившийся в районе шахтеров. И там, и там стояли старые,

изношенные аппараты, которые, тем не менее, вполне успешно демонстрировали фильмы, с которыми, правда, постоянно случался дефицит. Большая часть лент жители города пересмотрели по многу раз, многие были настолько фантастичны и непонятны, что их любили больше всего, и, соответственно, затирали пленки до дыр. И лишь изредка из метрополии привозили новые коробки с фильмами. Ну, как новые? Те же самые старые, только ни разу не показанные в городе. Кино Енот любил, с самого детства, несмотря на то, что стоило удовольствие вполне себе дорого.

- Какое кино? – Усы Волхва поползли вверх. – Вот ты деревенщина, а? Тех, кто с собаками работают, называют кинологами. Понял, дурья твоя башка?

- Да уж понял, не дурак. – Енот уставился в опустевшую миску. Этот самый собачник ему сразу не понравился, и, как оказалось, совершенно правильно. Таких заносчивых типов среди чистильщиков ему еще не встречалось. Хотелось ляпнуть, в отместку, что-то обидное, но в голову пришло совсем глупое и ребячье. – А почему кинологи?

- Потому, что кончается на «у». – Неожиданно вступился молчавший все это время Ферзь. – Он и сам не знает, парень. Слышь что, Волхв, ты бы не выпендривался, а? И вообще, если Мерлин тебе еще не успел сказать, то я скажу сейчас. Ты ночью с нами в город пойдешь. Подберешь собак по параметрам, что тебе ученые скажут. Ясно?

- Даст Кэп команду, так пойду. – Волхв зло зыркнул на него из-под кустистых бровей. – А ты мне, Ферзь, не указывай. Званием не вышел.

- Ну, как знаешь. Только потом не ной опять, что тебя не предупреждали, и тебе время нужно, чтобы подготовиться. – Длинный чистильщик встал, собираясь уходить. – Ты, парень, сегодня тоже с нами. Не забудь поспать хотя бы немного, чтобы быть бодрым. Может, конечно, никого мы сегодня и не поймает, но идти нужно. Мамачоля, дорогая, спасибо тебе, было очень вкусно. Как и всегда, впрочем.

И он пошел в сторону своей механической громадины. И Енот увидел, что Ферзь чуть прихрамывает, и на бедре, под плотной тканью защитного цвета брюк, у него наверняка плотная повязка. И еще стало заметно, что этот худой и кажущийся нескладным вояка устал за сегодняшнюю ночь, но вечером он снова выйдет на улицы его, Енота, родного города. А, стало быть, ему-то точно нужно будет быть там.

Волхв тоже встал и ушел куда-то за палатки. Пес Хан проводил его преданным взглядом, а потом подошел к Еноту и положил свою громадную голову прямо на колени обалдевшего парня. Глянул грустными бровями из-под сложенных домиком бровей и вздохнул, совершенно по-человечески, протяжно и расстроено.

- Ты, глянь, что творится, а, Второй? – Оружейник, все это время молчавший и так и недорассказавший какую-то байку, восхищенно толкнул в бок близнеца. – Я валяюсь, что это с Ханом?

- Батюшки светы! – Повариха всплеснула пухлыми руками. – Вот это номер, а? Парень, да такого и не было никогда, чтоб Хан вот так вот к чужим-то...

- А что мне делать-то? – Енот совершенно растерялся.

- Брови, брови чеши. – Медовая, недовольная и сонная, плюхнулась рядом с ним на лавку, вывернув откуда-то из-за его спины. – Хан это очень любит.

- С добрым утром. – Брякнул Енот, глядя на свою знакомую. Где-то внутри стало чуть теплее от одного вида этой заспанной девчонки.

- Угу...куда как с добрым. – Девушка заворчала, покрутив по сторонам головой. – Привет Ган, привет Левый, привет Мамочка. Накормишь? Хотя...я б лучше чаю просто попила, с печеньицем.

- Ты чего такая невыспавшаяся, а, подруга? – Ган улыбнулся.

- Выспишься тут. – Медовая продолжала ворчать, механически поглаживая по голове довольно жмурившегося пса. – Ну, давай уже, чеши ему брови, Енот, не тормози. Видишь, ждет щенок.

Куда там, щеночек!!! Парень осторожно положил пальцы на мягкую и теплую шерсть собаки, чья голова полностью закрывала колени. Карие глаза ожидающе уставились на него, и Еноту, несмотря на невольный страх, который он испытывал перед этим псом, пришлось начать делать то, что подсказала Хани. Через минуту страх пришел, а его место заняло восхищение и радость, возникшая после того, как мощная широкогрудая лохматая машина начала урчать словно котенок. Отрываться же от такого ему уже совершенно не хотелось.

У него никогда не было собаки. Несмотря на то, что когда был жив отец и доходы у семьи были вполне приличными, позволить себя завести четырехного друга они не могли. Детворы слишком много, а места в домике, который им принадлежал, слишком мало. Кошки – да,

и не одна, но вот друзьям, у которых периодически появлялись мягкие, звонко лающие комочки, маленький Енот завидовал. Потом стало уже не до собаки, не говоря уже про то, что случилось за последние полгода. И вот теперь, когда пальцы легко касались мягких и коротких волосков над бровями этого умного пса, Енот вдруг почувствовал себя маленьким и довольным. Как будто сбылось одно из детских мечтаний, и у него появилась своя собака, большая, сильная и добрая.

Конечно, он не знал того, что Хан самолично придушил около десяти волков. Что громадный пес с куцым хвостом и обрезанными ушами за свою недолгую жизнь дрался и с людьми, и с теми, кто являлся целью отряда чистильщиков. А те, против кого он выходил, оскалив свои громадные клыки, потом чаще всего прощались либо с жизнью, либо с ее подобием. Нет, этого Енот и не мог знать, просто сейчас ему было очень хорошо от того, что он сидел в компании хороших и сразу радушно принявших его людей, а на его коленях лежала голова громадной собаки, довольно щурившейся от того, что он, всего-навсего, чесал ей брови.

- Вот это да. – Медовая удивленно присвистнула, даже перестав пить свой чай, который, судя по запаху, Мамачоля делала с мятой и душицей. Такая же, как и у нее, кружка, сейчас стояла перед Енотом, вместе с горкой галет, насыпанных в чистую, хотя и мятую временем, алюминиевую тарелку. – Ты посмотри, Енот, а ведь Хан тебя полюбил. Он даже мне не дает так чесать, вот блин...

- А можно мне будет его с собой ночью взять? – Неожиданно даже для самого себя брякнул парень.

- Ну, как сказать... - Протянул Ган. Сидевший рядом с ним молчун Второй согласно кивнул. – Скорее всего, после того, что ты сказал, Волхв будет против. Он же у нас за собачника, как скажет, так и будет.

- Да ладно, тоже мне, Волхв. – Медовая оттопырила нижнюю губу. – Он, вообще-то, любит ходить с Ичей и Ермаком. А Хан, чаще всего, остается в лагере. Ты это, Енот, скажи Кэпу про то, что хочешь попробовать с Ханом пойти. Пес-то умный, команд на заданиях слушается, если Волхв прикажет. Думаю, что Капитан не будет против. Ты, кстати, давай лопай быстрее. Мне Инженер сказал, как поедем, так сразу к нам в кунг. Кэп там уже, с самого со сранья.

- Угу. – Пробормотал Енот, наплевав даже на чай. Ему жуть как не хотелось отрываться от занятия и от того, что он видел в глазах пса. А

в глазах видел то, что ему так не хватало последние месяцы: доброта и любовь. Может быть, умный пес просто почувствовал, что этому совсем молодому парню нужна его дружба? Спокойная, бессловесная и надежная?

Девушка лишь покачала головой, наблюдая то, что стражник перестал обращать внимание на все вокруг, и вряд ли до конца понял то, что она ему сказала. Торопливо допила свой, так и не успевший остыть чай и встала.

- Пошли, собаковод-чайник, нас ждут великие дела. А Хан никуда не денется, наверняка заляжет под кунгом и будет тебя ждать. Давай. Перекурим в курилке, чтобы не портить аппетит Айболиту, а то вон он идет уже. Пошли, Енот, пошли.

- Ты это, - обратился к стражнику Ган. – как все закончите, зайди ко мне. Я твой ствол немного подделал там, подшаманил и все такое. Надеюсь, что понравится. Не забудь, слышишь?

- Конечно. – Енот наконец-то оторвался от Хана, который, что-то по-собачьи ворча, тоже поднялся. – Спасибо в любом случае, обязательно зайду, как время появится. Мамачоля, большое спасибо.

- Да не за что. – Она выглянула из-за занавески, где уже что-то хлопотала, завидя неторопливо бредущих в их сторону докторов. – Я тебя еще откормлю, а то ишь ты, какой худой. Это непорядок.

Ган захохотал, стукнув по столу кулаком. Следом за ним прыснула и Медовая, Левый лишь улыбнулся краешком рта. Енот непонимающе уставился на них, пытаясь понять причину смеха.

- Попал ты, парень. – Оружейник подмигнул девушке. – Теперь она за тебя возьмется, и придется тебе усиленно бегать...

- Почему?

- Потому что иначе растолстеешь. – Медовая похлопала его по плечу. – Просто она у нас...

- Очень заботливая. – Буркнул Левый.

- Да ну вас, обалдуев. – Повариха нахмурилась. – Не обращай на них внимания, Енот, болтают ерунду всякую. Да, обед в час, смотри не забудь. Сделаю котлеты, как вчера.

Курилка обнаружилась возле прохода, ведущего внутрь лагеря. В ней сидел зевающий Жук и еще кто-то из его друзей. Чернявый мрачный верзила, одетый в такой же, как и товарища, замасленный комбинезон. Судя по всему, даже стоя лагерем Капитан не давал им

расслабляться, заставляя поддерживать технику в постоянной готовности. Если учитывать то, как наплевательски относились к «ничейным» машинам в страже, то Енот вполне понимал такое предусмотрительное решение командира отряда. Механик представился Дроздом, быстро пожал руку и исчез, прихватив с собой явно недовольного Жука.

- Пошли посмотреть «Жнеца». – Медовая прикурила свою первую за утро сигарету. – Скорее всего, что Мерлиновский. У него что-то стучало, когда они вернулись. Кстати, Дрозд рулит на другом. У Мерлина механиком работает Дизель, ты с ним потом обязательно познакомься, хороший парень. Если водить не умеешь, то лучше не придумай, чтобы у него учиться.

- Хорошо, спасибо. – Енот присел рядом с ней. – А ты чего не выпалась-то?

Медовая затаилась, поглядела на становящееся все более голубым небо:

- Ночью ребята привезли тела. Пришлось заниматься с ними. Помогать Файри, Инженеру и Фросту. Они так вообще не ложились. А я еще успела часа полтора поспать.

- Чьи тела?

- Ну, этих, которые по ночам бродят. Где-то после полуночи, штук пять.

Енот сидел, осмысливая то, что услышал. Казалось бы, какая разница до того, что сейчас в лагере находятся тела тех самых тварей, которые, может быть, убили и его родных. Но все равно, что-то внутри него настойчиво просилось увидеть их, посмотреть на них. Тех, кто приходил ночью. Пес, спокойно лежавший у его ног, заворчал и поднял на него свою умную морду. В карих глаз стояло четко видимое беспокойство за нового друга, и то, что Хан как-то почувствовал состояние Енота.

А мне можно будет на них посмотреть?

Даже нужно. – Медовая поглядела на него с каким-то странным выражением. – Сейчас и увидишь.

Хорошо. – Он согласно кивнул головой. – А...

Что?

На кого они похожи?

Да ну сам щас увидишь, ты чего? – Медовая затушила сигарету. – Пошли.

Люк, ведущий внутрь вотчины Инженера, с легким шипением встал на место. Енот вошел следом за Медовой, на пару секунд задержавшись. Он был чуть напряжен, и готов увидеть то, о чем так долго думал.

Большой металлический стол посередине помещения, освещенный несколькими яркими лампами, первым бросился в глаза. И лишь потом взгляд сфокусировался на чем-то длинном, серого цвета, лежавшем на нем. От «этого» отошел Фрост, с которым Енот так еще и не познакомился. В руках парень держал большой шприц с длинной, выгнутой и толстой иглой. Внутри стеклянного цилиндра находилась жидкость бурого цвета, которую чистильщик поршнем отправил в пробирку, немедленно скрывшуюся в самозакрывающемся боксе, окутанном испарениями.

На откидном сиденье сидел мрачный Капитан, без своей неизменной сигары. В чем-то белом и балахонистом, накинутом сверху повседневной одежды, с висевшей на груди маской и со смешными клеенчатыми чехлами на обуви. Инженер, посмотревший на двух вошедших поверх маски на лице своим строгим взором, работал за тем же хитрым прибором, что и в прошлый раз.

- Подожди... - Медовая повернулась к стене, что-то нажала, и под панелью, оказавшейся с секретом, обнаружился шкаф с одеждой, как у работающих в помещении ученых. – На-ка, друг, одевайся и прочее.

Енот поспешно накинул на себя длинный фартук с рукавами и завязками на спине, которые Медовая тут же затянула. Надел на лицо плотную марлевую повязку и нацепил чехлы, которые Хани обозвала «бахилами», поверх обуви. Девушка сделала то же самое, и лишь после этого выдала ему тонкие прозрачные перчатки и разрешила пройти в сторону стола и того, что на нем лежало. К тому времени Фрост уже вернулся и сейчас повернулся к нему:

- Помоги, пожалуйста. Нужно перевернуть обратно на спину.

Енот подошел к нему и уставился на тело.

Тварь лежала на животе, из-за чего и потребовалась помощь стражника. Длинная и худая фигура, с поблескивающими позвонками, торчавшими из вскрытой спины. Продольный разрез, тянулся от шеи и почти до крестца. Кожа, грубая, сероватая, покрытая какими-то

бляшками, казалось туго натянутой. Никакого жира, только мышцы, даже в смерти напряженные и вздувшиеся волнами. Какие-то странные отростки, редкой бахромой свисающие с выпуклого затылка, такие же, только чуть более толстые и редкие, плотно сидели от шишковатого запястья и до вздувшегося сустава локтя. Кисти рук (лап?), лежавшие наружной стороной вверх, широкие, сильные, с большими пятнами, похожими на мозоли. Пальцы длинные, застывшие в посмертной судороге, костистые и сильные, с длинными когтями. И входные отверстия от пуль, кучно находящиеся в районе лопаток и верхней части ребер, много, не меньше семи-восьми.

- Ну, чего просто так смотреть? – Фрост недовольно зыркнул на Енота. – Бери за ноги, и переворачиваем.

- Беру, беру...

Лодыжки существа, широкие, твердые и холодные, было очень мерзко трогать. Но он пересилил этот позыв, взялся крепко, и, на «раз-два» со стороны Фроста, приподнял и перевернул. Медленно поднял глаза, вцепившись ими в лицо (или морду?) существа.

Желудок дернулся, Енот вцепился пальцами в холодный и ребристый край стола. Медовая, возникнув рядом, обеспокоенно посмотрела на него и бросилась к одному из стеллажей, на котором стоял большой таз. Серые и холодные глаза Фроста, видимые из-за верхнего края маски, расширились:

- Этого еще здесь не хватало! Медовая, давай быстрее...

Но организм Енота справился, не опозорив его в глазах ученых. Он только чуть побледнел и залпом выхлестал воду из кружки, которую предусмотрительно протянул ему отвлекшийся от исследований Инженер.

Красотой тело спереди тоже не поражало. Грудная клетка, развороченная выходящими пулями, выпирала углом. Сверху на ней хватало непонятных наростов, торчащих острыми концами. Его вскрывали и спереди, но уже успели зашить грубым швом тянувшимся чуть ли не до лица.

Вытянутые вперед лицевые кости, обтянутые бледно-серой кожей, с темнеющими сосудами. Запавший нос с вывороченными наружу ноздрями, узкие, почти черные губы, за которыми виднелись кончики длинных, частых и острых зубов. Большие глаза, в которых, на первый

взгляд, белка не было вообще, только громадная чернота расширившихся кошачьих зрачков.

И при всем при этом – странная и отдаленная схожесть с кем-то, кого Енот вроде бы и знал. Только где и когда? И как это вдруг может быть, чтобы под вот этой странной, оплывшей мордой существа, лежащего перед ним, увидеть что-то знакомое?

- Пришел в себя? – Фрост опустил маску. – Привыкай, дружинник.

- Вот такие и нападают на ваш город, уважаемый Енот. – Капитан подошел к ним. – Мерзко, да?

- Очень. – Енот покосился на тварь. – Такая дрянь...

- Именно. – Кэп подошел к лежащему на столе телу, внимательно присмотрелся к его «лицу». – Опасная скотина. Да только не настолько, чтобы полностью парализовать жизнь в совсем маленьком городке. Но, как известно, у страха глаза велики. Ты первый из горожан, кто может полюбоваться на это существо. И пока – последний.

- Почему? – Енот немного недоуменно посмотрел на него.

- Показывать их вашей администрации? Зачем? Тем более что хранить их мы не собираемся, так как наш собственный холодильник не совсем для этого предназначен. Сейчас мы составим акт, в котором ты распишешься, засвидетельствовав факт того, что члены отряда уничтожили указанное в нем количество тварей. А потом сожжем, чтобы не распространять возможное заражение в непосредственной близости от вашего же города.

- Но я не могу... - Енот удивленно пробормотал это себе под нос. – Кто я такой? Вам нужен хотя бы сегодняшний командир на воротах.

- Они заняты, солдат. А ответственные лица из администрации, несмотря на наше предупреждение, появиться не соизволили. До сих пор. Тебе хочется карантина для жителей города? Как там, Инженер, из-за чего?

Иван Сергеевич отвлекся от разглядывания чего-то там в микроскоп:

- В связи с повышенной до критического уровня возможностью заражения территории человеческого поселения, входящего в состав майоратных земель Пяти городов, активным биологическим материалом некротического происхождения. Связано это с необратимыми реакциями, происходящими в останках агрессивных

форм не-жизни. Доступно объяснил? Статья тридцать седьмая бис Положения о территориальной ответственности поселений Альянса «Звезда». Неоспоримость данной статьи полностью подтверждается результатами экспресс-анализа предоставленного группой вооруженного ассенезирования обжитых земель, нанятых субъектами управления поселения. В данном случае – с разрешения господина Бати, давшего официальную заявку на вызов нашего формирования. А что, уважаемый Енот, данное положение разве не входит в число обязательных документов, доводимых до личного состава военизированной городской стражи, в которой вы изволите служить?

Парень оторопело смотрел на него, пытаясь сообразить: что ему делать? Никто и никогда не зачитывал стражникам Положения, так что крыть было нечем. Но с какой стати подозревать какую-то там подставу от тех, кто сегодня ночью дрался на улицах Города, рисковал жизнями, наконец-то – просто убил несколько тварей, до сих пор практически безнаказанно делавших то, что им хотелось?

- Да ладно, не напрягайся. – Кэп усмехнулся. Получилось это у него немного устало. – На самом деле ничего страшного в этом нет. А сообщать в Звезду про карантин мы в любом случае бы не стали. Так как нет никакого смысла. Если бы у вас здесь происходило что-то вроде вамп-лихорадки, то да. А так – все стандартно. Будем зачищать, скорее всего, начнем через несколько дней. До этого ты должен помочь нам с некоторыми моментами, связанными с тем, что у вас здесь творится под землей. Поработать с девочками в архиве, хорошо?

- Хорошо. – Енот торопливо кивнул. – Я все понял.

- Ну и молодец. – Капитан повернулся к Инженеру. – Расскажи ему про то, что получилось узнать по их поводу. Пусть потом расскажет своим, глядишь, что не так сильно бояться будут.

Инженер понимающе мотнул головой:

- Подходите, молодой человек. Внимательно слушайте и запоминайте все, что сейчас расскажу я и Фрост. Когда пойдете в город, то не забудьте задержаться на воротах, рассказать все той смене, что сейчас на них стоит. А то наверняка сейчас уже рассказывают про ночную бойню такие небылицы, что мне стыдно было бы на их месте. И еще... в порядке исключения.

Енот подошел к нему. Пальцы Инженера быстро пробежались по клавиатуре выдвижной панели. Из незаметной щели с тихим

жужжанием поднялся небольшой темный прямоугольник, немедленно засветившийся зеленоватым светом.

- Смотрите, солдат, такого вы еще наверняка не видели. Это не кино, это записи, собранные с камер слежения, со студий новостей, которые снимали это, не подозревая о том, что это последние репортажи нашего мира. А также то, что некогда было очень секретным, а для нас с вами стало обыденным и ежедневным. Это я делаю для того, чтобы вы могли понять, кто лежит вон на том столе, и почему мы не так сильно беспокоимся по его поводу.

Двухцветная съемка, сделанная неподвижной камерой, установленной, судя по всему, на углу большого здания. На переднем плане что-то типа площади с невысоким металлическим памятником. Какой-то мужик, сидел верхом на коне, вытянув вперед руку. Пара десятков автомобилей, выглядящих именно такими, какие показывали в кино: с большими стеклами, без наваренной брони и сеток на окнах, с незакрытой резиной покрышек. От площади, в сторону виднеющейся вдалеке полосы реки - широкая аллея деревьев с пышными кронами. Скамейки, несколько женщин с колясками. Прямо под камерой неожиданно пробежали темные фигуры,двигающиеся большими прыжками, несущиеся в сторону аллеи.

Звук отсутствовал, но видно, что матери кричали, некоторые подхватывали детей на руки и бежали... темные фигуры не дали им сделать этого. Догоняли, валили на землю, вытягивали к ним головы. Запись не прерывалась, автоматически фиксируя каждый момент, помогало лишь то, что никто ей не управлял, не делал приближения, и подробности не видны. И все равно пальцы Енота, вцепившиеся в холодную кромку стола, сжились до побелевших от напряжения костяшек.

- Одно из самых первых и зафиксированных моментов Прорыва, Енот. Последствия были ликвидированы не очень быстро и не очень надежно. Практики у наших предков тогда еще не было. Но скоро она у них появилась в очень большом объеме. Сейчас увидишь.

Новая запись... теперь уже цветная и со звуком, доносящимся из хрипящих, но все еще работающих динамиков, спрятанных в стене «круизера» и смотрящих внутрь сетчатыми прямоугольниками. Из них неслась канонада выстрелов, взрывы и громкие, практически не прекращающиеся вопли. Перед камерой постоянно крутился какой-то

мужчина в яркой крутке трех расцветок и странной эмблемой, в виде цифры «один» на фоне раскоряченной двуглавой птицы. В руках у него палка с большим толстым набалдашником. Он извинялся перед зрителями за отсутствие какого-то нормального пси-сигнала, нес какую-то чушь со странным акцентом, очень тщательно выговаривая слова. За его спиной пробежали несколько человек в камуфляже, с ног до головы увешанные экипировкой. Один остановился, подошел, приказывая убираться на хрен. Мужчина в цветастой куртке согласно замотал головой, и в этот момент глаза военного устремились поверх камеры, прищурившись, следом вскинулась странного вида здоровущая винтовка.

Камера упала вперед, объектив задрался, тянулся сбоку дикий вопль оператора, замельтешили мохнатые большие силуэты, пальба, крики, крики, крики...

- А это все чуть позже, когда стало ясно, что проблема не разовая, что она возникает почти у всех государств того времени... Уничтожение целого города, большого города, после чего наконец-то появились векторные карты Прорыва, прорисовались четкие линии фронта и на какое-то время казалось, как я понимаю, что у них получится справиться. – Инженер покачал головой, грустно, всем видом говоря о том, что тогда многие ошибались.

Было еще несколько записей, которые для Енота слились в одну сплошную полосу. Нарезка из каких-то помещений, напоминающих то, в котором они сейчас находились. Металлические столы с препарируемыми тварями, среди которых он видел и знакомых с детства волколаков с не-мертвыми, и каких-то совсем уж страшных и странных тварей. Люди в белых халатах рассказывали другим, из которых половина была в форме, а другая в однотонных костюмах с полосками ткани на груди под ними, о том, что им стало известно.

Бросалось в глаза, что большинство слушателей кивают с умным видом, абсолютно не понимая и не воспринимая того, что им говорили. Ну как можно не понять, что червь-подземник может уничтожить целую ферму за неполные сутки, если вовремя не распознать его появления и готовящихся приготовлений-подкопов? А эти, по ту сторону экрана, понимать этого или не хотели, или не могли.

Енот смотрел запись за записью, не обращая внимания на то, что происходит вокруг. А ведь никто, включая Инженера, в какой-то

момент прекратившего комментировать, не проявляет никакого интереса к тому, что ему включили. Капитан, снявший с себя все лабораторное облачение, давно ушел. Фрост, перестав потрошить серый труп, колдовал над тем, что из него вытащил. Медовая, которая с его помощью перевалила чудовище на каталку, увезла монстра куда-то в сторону помещений Гана. Вернулась и присоединилась к тихо возникшей со стороны завешенной откидной кушетки закемарившей Файри, которая, умывшись, начала щелкать клавиатурой хитрого аппарата, выводившего на экран столбцы и графики. Парень продолжал смотреть до того самого момента, пока экран, моргнув, не потух. Потом сел на стоявший поблизости стул и попытался осмыслить то, что увидел.

Нет, конечно, он кое-что знал, как и любой в Городе. Но чтобы вот так, настолько быстро, агрессивно и молниеносно уничтожить целый мир, в котором жили люди? Такое представить было невозможно. А оказалось, что на самом деле все очень просто. Достаточно просто не задуматься тем, кто должен делать это сделать сразу, принять несколько решений, кажущихся такими простыми, и все... да не тут-то было. От этого становилось так жутко и пусто на душе, что хотелось плюнуть на все и на какое-то время отключиться, чтобы не думать, не видеть и не слышать ничего вокруг. Енот покрутил головой, рассматривая своих новых коллег уже чуть по-другому, понимая, что они-то все это знали давно, наверняка даже больше и... что и?

«А то, - пришла в голову мысль, – что знать-то они это знают, но не собираются плакать и ныть по поводу потерянного. И наоборот, стараются сделать все, что могут, чтобы хоть как-то исправить ситуацию. И тебе, Енот, повезло, потому что тебе они доверяют по какой-то причине и хотят видеть от тебя помощь».

- Поняли, солдат, сколько мы потеряли? – Инженер сел напротив. – Обидно?

- Очень. А что вы хотели рассказать про этих?

- А... про серых-то? Тогда слушайте внимательно и запоминайте. Первое то, что их убить хоть и сложно, но очень даже возможно. У них, как и у любой нежити, совершенное другое устройство внутренних органов. Но при всем при этом, ваши серые, по сути, не мертвецы, они другие. Если точнее, то те, кто приходят из Прорывов. Вероятнее всего.

У них есть такая же система кровоснабжения, как и у нас. Только вместо нашего сердца у них два абсолютно одинаковых органа, судя по всему, дублирующий из них тот, что находится справа. Поэтому при кучном попадании в область грудной клетки смерть тварей стопроцентная. Головной мозг кроме защиты очень развитого черепа, имеет также окружение из пластичного вещества, которое может останавливать пули небольшого и среднего калибров. Так что с ними обычные меры борьбы могут сразу не сработать. Так что лучше всего автоматическое скорострельное оружие. Второе...

Инженер отхлебнул из поставленной Хани перед ним кружки дымящегося ароматного кофе:

- Развитие мышечной и соединительной ткани дает им возможность двигаться со скоростью, превосходящую среднюю человеческую. Поэтому допускать ближний бой очень опасно. У тварей ускоренный метаболизм, вызванный именно этими изменениями в организме, продиктованный гипертрофированно ускоренным приспособлением к нашей среде. Одновременно с тем они существа, в чем-то подобные нашим холоднокровным.

Ведь зимой нападений было меньше, так? Так-так, можно и не сомневаться. Лето, когда стало теплее, они активизировались. Животный белок является основной пищей, и служит для скорейшего возобновления потраченной энергии. Другими словами – чем больше они охотятся, тем больше будет их появлений до наступления холодов. Белок для движения, движение для добычи белка. Замкнутый круг, поэтому всем в городе нужно быть начеку. Они связаны с некротферой, что дает им возможность вести регенерацию с огромной скоростью, за которую опять же – нужно будет давать организму пищу. Сегодня ночью они обязательно появятся, это точно. Но нам нужно обязательно их ждать и...

Инженера прервал неожиданный рев, вырвавшийся откуда-то над входным люком. Там же засветилась, кружась, большая красная лампа, отбрасывающая блики на стены. Чуть позже из динамика станции, стоявшей в кабине «крузера», раздался треск и голос Тундры:

- Общий сбор, готовность к выходу пять минут. Повторяю, общий сбор через пять минут!

С лязгом открылась половина Гана, высунувшего голову в образовавшийся проем:

- Вооружаемся коллеги, быстро!

Енот вскочил со стула, непонимающе закрутив головой. Что могло произойти такого, что в лагере чистильщиков объявили общий сбор?!!

Глава седьмая: те, что живут в степи, первый бой, первые потери

«И настал день, и час, и время последнее, трубой возвещенное, Повергнута была гордыня рода людского, мнящего бо Богу равен. И унижены, и повергнуты цари земные и народы великие и малые. Поступью тяжелой, металлом огненным, яростью небывалою Возвестил о часе своем Варлок, рекомый в Книге Судеб сыном Дьявольским.

Лишь первые из Воинов, вставшие на пути Его, смогли и дерзнули...

За что пали жестоко, но память о них есмь в каждой из Новых земель...»

Книга св. Мэдмакса (апокриф)

Большая часть отряда уже стояла на площадке посреди лагеря. Енот, которому Ган, обвешанный оружием и боеприпасами с ног до головы, всучил его оружие, сильно преобразившееся и потрепанный комплект защиты и шлем, издалека увидел команду Мерлина.

Сам командир группы, поблескивая на солнце лысой головой, небрежно стоял в начале линейки товарищей, грыз сухую травинку. Всего его семь подчиненных, полностью экипированных, недовольно ворчали, покуривая и проверяя снаряжение. Было видно, что парни нисколько не выспались после ночных приключений. Даже Мусорщик, который вчера ни на минуту не заткнулся в присутствии Енота, сейчас молчаливо курил, дав возможность поворчать своему напарнику. Ган, торопливо подойдя следом за своими соседями по «крузеру», поинтересовался у зевающего Варяга:

- Чего за хрень, брат, не в курсе?

- Неа... - Варяг зевнул еще сильнее, так, что Еноту послышался хруст челюсти. — Да щас Тундра придет, и все доведет. Стопудово рванем куда-то, у нас Дизель уже таратайку завел.

- Ну да. — Оружейник почесал подбородок. — Чур, я с вами, если чего.

- Это уж как Мерлин скажет. Я не против. А че эт ты там притащил вон в том вьюке?

- Да прикольная хрень, Вар. Попробовать хочу. Помнишь, когда месяца три назад чистили подземный завод у Камня, нашли там что-то типа мастерской?

- Помню. – Варяг достал из кармана разгрузочного жилета, давно ставшего предметом зависти Енота, помятую пачку сигарет. – Это когда мы тебе притащили такой р-ж-а-а-а-в-ы-й сейф с бумажками что ли?

- Во-во. Я там чертежи одни нашел, вот и собрал тут штуковину. Ты прикинь – автоматический гранатомет, с барабаном на четырнадцать выстрелов. Шаришь?

- Ну, ты крут, брат. О, глянь, командиры идут.

Енот оглянулся. Со стороны штабного механического монстра торопливо шли Тундра и Капитан. Вместе с ними шел Инженер, который, как оказалось, скрылся именно туда.

- Отр-я-а-а-д, становись! – Мерлин, выплюнув травинку, гаркнул так громко, что молодой стражник немедленно вспомнил первые месяцы своей службы. К удивлению Енота чистильщики, которые за прошедшие сутки ни разу не демонстрировали какой-то уставной строгости по отношению друг к другу и командирам, немедленно подтянулись и, хотя и не выстроились в шеренгу, но зато встали в тесный полукруг, повернувшись лицом к подошедшим.

Енот заинтересованно покрутил головой по сторонам, замечая какие-то новые для себя лица, которых раньше ни разу не видел.

Три девушки, в странных лохматых балахонах, наверняка делающих их незаметными в лесу или степи. Лица с нанесенными маскировочными полосами, руки, баюкающие длинные винтовки, обтянутые защитными чехлами и с большими штуковинами, прицепленными сверху.

Два кряжистых типа с рыжими волосами, похожие друг на друга как близнецы, дымившие толстыми сигарами, затянутые в защитные костюмы, усиленные на груди и плечах. У обоих за спиной висели металлические хреновины, сейчас скрытые под брезентом вьюков. Еще один незнакомый парняга, очень похожий, по хищному и спокойному взгляду на ребят Мерлина, но одетый как лохмато-балахонистые девушки и экипированный легко, и, в отличие от команды чистильщиков, не носящий даже подобия защиты. Все остальные Еноту, пусть и шапочно, но были знакомы.

- Равняйся... смирно. – Мерлин внимательно посмотрел на полукруг людей, повернулся к Капитану. – Построены, Кэп.

- Вольно, господа и дамы. – Командир отряда обвел их глазами. – Слушайте меня внимательно. Ситуация следующая: с фронта передали, что они там проеб..., пардон, дамы, прошляпили банду из Степи. Банда средняя, голов около пятидесяти. Ушла она в сторону одной из больших ферм, принадлежащих Городу. Называется ферма... Тундра, как там она называется?

- Бобровый хвост, Кэп. – Помощник, отвлекся от проверки креплений наплечников. – Кажется так.

-Короче без разницы, хоть Бобровый хвост, хоть Выдрин хрен... Айболит, и не подумаю извиняться, так как это почти цензурно, так что не открывай рот. В любом случае выдвигаться будете по переданным координатам, которые вроде как точные. Прет банда туда, погранцы то ли и вправду прощелкали одним местом, то ли заняты чем серьезнее... это пока непонятно. На фронтире очередная драчка, ребята. Местные собираются отправлять туда грузовик своих вояк, но при этом просят помочь с фермой. Что, соответственно, мы и будем делать. Ясен пень, что не бесплатно, плюс, банда, судя по всему, из глубокой Степи. Понятно?

- Понятно, Кэп. – Мерлин чуть кашлянул. – Но нам же в город идти в ночь, и...

- Отставить, Мерлин. – Капитан покачал головой. – Мэр города все понимает и согласен на ночь выставить усиленную смену стражи, чтобы мы не отвлекались на нашу основную работу. Вот так вот. Гордиться надо оказанным доверием, а ты ворчишь мне тут. Что ты сказал?

- Ничего, молчу дурак, молчу.

- Вот молодец. Старшим идет Мерлин. Берете с собой еще девочек, расчет и трех ребят Виннету. Твой «жнец», плюс броневик разведки. Из врачей с тобой едет Айболит. Все ясно?

- Так точно. Ган с нами ехать хочет, Кэп. Он там опять что-то придумал, и хочет попробовать.

- Ну и пусть едет. Все, ребят, по машинам. Тундра, Мерлин, задержитесь.

Енот покрутил головой. Чувствуя, как где-то внутри задержался жадный червяк непутевой заинтересованности. Оглянулся на

Медовую, терпеливо ожидающую его, чтобы отправиться назад. Девушка поймала его мечущийся взгляд, понимающе вздохнула и покачала головой. Как показалось Еноту – немного недовольно и осуждающе. Дескать, дурак ты Енот, ищешь приключений на собственную задницу. Но червяк внутри грыз все сильнее, и не поддаться ему было невозможно. Он шагнул в сторону о чем-то тихо разговаривающих командиров. Мерлин, единственный из троих стоявший к нему лицом, замолчал и недоуменно поднял бровь, кивнув в его сторону. Капитан и Тундра повернулись:

- Ты чего, парень? – Кэп вопросительно уставился на него уставшими колючими глазами.

- Я тоже хочу поехать. Тем более знаю, где это. Если по карте, так больше времени потратим, а я знаю дорогу, по которой срезать можно.

- А оно тебе надо, Енот? – Мерлин непонимающе потряс головой, видно не совсем его понимая. – Мы ж не на прогулку едем. Там стрелять придется, парень. А ты хоть раз это делал?

- Когда-то надо начинать же. – Енот упрямо вздернул подбородок вверх. – Ведь в Город ночью я с вами бы пошел так и так. Это страшнее небось будет, чем банда степняков.

- Это еще неизвестно. – Проворчал чистильщик. – Вообще он прав. А что, Капитан, давай возьму. Лишним его ствол не будет, да и поучиться надо. Поставлю вон к расчету, для первого раза вполне нормально.

- Да бери. – Капитан хмыкнул. Почему-то Еноту показалось, что хмыкнул он одобрительно. – Согласен, лучше уж так обстреляется пацан. Давай, Енот, дуй вон к машинам, скажешь Варягу, что я одобрил.

Енот широко улыбнулся и повернул в сторону броневигов, выкатившихся за пределы лагеря, собираясь сорваться в бег. Краем глаза зацепился за невысокую фигурку, стоявшую там же, где и была до этого. Пошел к ней, почему-то ощущая себя виноватым.

- Напросился? – Медовая скорчила рожицу.

- Угу. – Он пожал плечами, не понимая, почему ему вдруг стало как-то не по себе.

- Вот балбес. – Девушка грустно улыбнулась. – Будь аккуратнее, Енотище. Я к тебе уже успела привыкнуть. Возвращайся целым и не лезь зря никуда. Обещаешь?

- Обещаю.

- Вот и умница. Давай уже, иди. Тебя никто ждать не станет.

Девушка повернулась и пошла в сторону своего «крузера», спокойно и расслабленно. Даже чересчур расслабленно. Енот пожал плечами и побежал к машинам, ворчащими двигателями и уже облепленными чистильщиками.

Широкие покрышки легко несли тяжелые бронированные громады по волнующемуся морю высокой травы. Стальные корпуса мягко покачивало на полностью исправных амортизаторах, что было для Енота очень удивительно. Транспорт, имеющийся в распоряжении городской стражи, находился в куда как более плохом состоянии, несмотря на городские мастерские. У чистильщиков же машины находились в идеальном состоянии не только снаружи.

Парень сидел на броне большого «жнеца», принадлежавшего группе Мерлина. Высокая и длинная машина, опиравшаяся на четыре моста, венчалась башней со скорострельным дуствольным орудием, крупнокалиберными пулеметами и пилонами под ракеты. Ясен пень, что всего это Енот не знал, неоткуда было. Все новые знания он получил на ходу, подпрыгивая рядом с теми самыми двумя крепышами, тем самым расчетом. Как оказалось, это означало то, что они отвечали за стрельбу штуковины, которую называли гранатометом. Что это такое Енот не представлял даже отдаленно, так как единственные гранаты, с которыми он познакомился за время службы, были рубчатыми металлическими яйцами, начиненными порохом. Как и что могло их метать?

Те железяки, что крепились у крепышей, Румпеля и Кувалды, больше походили на станок к пулемету и отбойный молоток на сжатом воздухе, с которым еще успел поработать отец Енота. А еще рядом лязгало по два больших железных барабана. Иногда на ухабах в них что-то звякало, и тогда Мусорщик, сидевший рядом, начинал громко материться в адрес невозмутимо дымивших сигарами рыжих гранатометчиков. После третьей такой рулады, которую ершистый чистильщик произнес с особенным выражением, прямо у его носа оказался литой кулак Кувалды, с толстыми и короткими пальцами, заросшими жесткими волосами. Как ни странно, но тот заткнулся.

Молодой стражник, устав ломать голову над тем, как они будут метать гранаты, отвлекся на мысли о том, что их ждет впереди.

Первый ажиотаж, заставивший его напроситься на эту поездку, постепенно стихал, уступая место холодным всплескам адреналина где-то внизу живота. Нет, мыслей о том, что поступил он глупо, не было и в помине. Скорее пришло трезвое осмысление того, во что сейчас он вляется.

Банды, банды из Степи... постоянно лезущие через фронт. Город находился очень близко к южным пустошам, лежащим у окончания Камня. Тем землям, по которым, как говорили старики, помнившие рассказы своих дедов, во время Полуденной войны шандарахнули чем-то таким, из-за чего нормальной жизни там не сохранилось.

Степь, покрытую стальной травой, населяли в основном кланы мутантов, остатки тех, кто выжил во время ужаса тех времен. Исковерканные подобия людей, ставшие из-за Прорывов совершеннейшими монстрами, жившими в основном только набегами и грабежами. Дикие, страшные, забывшие многое из того, что еще сохранялось в городах, жадные и голодные. Енот помнил, что приезжавшие в город пограничники говорили что, мол, их всех спасает только отсутствие у степняков нормального оружия. Если бы, как сказал уставший офицер с красными от недосыпа глазами, в степи нашлась хотя бы одна винтовка на троих, то тогда, наверное, все. И еще кочевники постоянно грызлись между собой, что тоже не давало им возможности объединиться в орду. Но если среди них нашелся бы кто-то, кто смог... пограничник тогда замолчал не договорив.

Несколько раз ему доводилось видеть живых степняков. Правда жили они недолго и не особенно весело. Захваченные в плен и привезенные в город, где их открыто и жестоко казнили на городской площади. Некоторые из них внешне отличались от горожан совсем чуть-чуть, некоторые же напоминали людей лишь очень отдаленно. И вот сейчас у него появилась возможность не просто увидеть их во время рейда... не, ни фиги, в ближайшее время будет возможность даже и повоевать.

- Не мандражируй, пацан. – Кувалда хлопнул его по плечу. – Ты с нами, значит, будешь целым.

- Да нормально...

- Ну да, слышь, Румпель, а?.. – Бородатый слегка хохотнул.

- Чего? – Его товарищ, вернее почти близнец, за исключением большего носа, повернул голову в их сторону.

- Да у нас тут вона, глянь, суперхиро сидит. – Кувалда затянулся тлеющим окурком. – Не боюсь, грит, никого и ничего. Мож нам его с Мерлином отправить, как думаешь?

- Не фига, Молоток, кто нам чай делать будет и тушняк греть? – Румпель величаво пошевелил крыльями своего «клюва». – И в дозоре стоять?

Енот изумленно вытаращился на него, лишь пару секунд спустя поняв, что гранатометчик просто напросто издевается над ним. Первым довольно заржал Кувалда, следом за ним грохнули Мусорщик и Толстый, и уж потом все, кто слышал разговор.

- Да не обижайся, пацан. – Румпель отдышался, расплываясь в неудержимой улыбке. – Но ты б себя со стороны видел...

- Точно, точно. – Напарник носатого еще раз хлопнул Енота по плечу. – Я аж подумал, что ты сейчас в драку полезешь.

Молодой стражник посмотрел на него, на остальных, довольно улыбающихся и понял - ну какие тут могут быть обиды?! Даже наоборот, ведь тот самый мандраж и внутренняя дрожь, в которой стыдно было сознаться самому себе, незаметно отступили. Это грубая и неуклюжая подколка, которую наверняка очень опытный чистильщик сделал осознанно, помогла перестать нервничать.

- Енот. – Мерлин, высунувшийся из открытого люка, находящегося перед заостренным носом машины, повернул голову, ища его глазами. – Во всем слушайся парней, и держи подсумок открытым. Никуда не бежать и не соваться, понял?

- Понял.

- Едем мы правильно, не сбиваемся? А то на карте ты как-то больно уж путано начертил маршрут.

- Правильно едем. Таким ходом минут через пятнадцать будем в километре от фермы.

- Понял. – И он нырнул обратно.

Енот откинулся на выступающий бок башни, с торчащими из нее двумя стволами, поерзал по ней спиной. Вздохнул, поняв, что сидеть все-таки неудобно и даже немного холодно. Со стороны, когда единственный раз в город приезжал подобный агрегат пограничников, смотрелось намного серьезнее и куда как более героически. Серьезные

и крутые мужики, обвешанные оружием и боеприпасами, хмуро зыркали по сторонам, заметно отличаясь от стражи. Сидели на броне как влитые, всем своим видом наводя на мысль о своей безумной крутизне.

Действительность оказалась не такой интересной и красивой. Если бы не старый бушлат, который ему передал выглянувший на минуту механик Дизель, то долго бы он не просидел. Под задницей-то, металл все же таки, твердый, ребристый и холодный, а не кресло. Да что там кресло, Енот сейчас обрадовался бы и табуретке или скамейке. Каким бы мягким не был ход броневика чистильщиков, но трясло все же прилично, подкидывая на ухабах, ямах и кочках.

То, что чистильщики люди опытные, он понял сразу. Носили ли они их с собой специально, либо хранили в собственном стальном доме на колесах – не так уж и важно. Просто в какой-то момент у каждого из них сзади появилось что-то типа округлой толстой пластины из пластика, крепящейся к поясу на ремнях. Как оказалось – они наверняка были мягкими, так как никто из экипажа не ерзал так, как Енот.

На очередной кочке машину подкинуло так, что у него громко щелкнули зубы, а Мусорщик отпустил громкую тираду в адрес, как он выразился, водителя кобылы. И если бы то, что в ней было обещано в сторону Дизеля, сбылось хотя бы наполовину, то ему точно можно было бы не позавидовать. И тут обе машины остановились, мягко, не взбрыкивая, так, что Енот чуть не прозевал сам момент торможения.

- О, здрастье. Приехали. – Мусорщик мягким кошачьим прыжком оказался внизу, в море колышащейся травы. Передние огни машин моргнули и выключились.

- Чего сидим? – Мерлин, не лязгнув люком, выбрался наружу. – Десантируемся вниз и ждем приказаний. Ферзь, Кот, в дозор вперед. Толстый, Мусорщик влево, Чунга, Волк вправо. Остальные на месте, не курить.

Отряд горохом посыпался вниз, в разом нахлынувшую темноту. Енот спрыгнул, чуть не упал, но удержался. Рядом приземлился, судя по звуку, кто-то из бородачей. Стражник аккуратно отошел в сторону, стараясь не споткнуться. Встал, чувствуя, как снова начинает быстрее колотиться сердце и где-то в середине живота становится все холоднее.

- Слышь, пацан. – Рядом с сопением возник Кувалда. – А ты чего, без ночника что ли?

- Без чего?

- Ну, ни хрена себе. Тебе шлем выдали?

- Ну да. Вот он, я его к ремню прицепил пока, тяжелый...

- Вот ты балбес, а? Надевай, дубина, на голову и слухай, чего я тебе сейчас говорить буду. – Кувалда коротко гоготнул и сплюнул. – Нацепил?

- Ага. – Енот поправил шлем, который получил вместе с защитным комплектом. Штука хоть и крутая, но очень тяжелая. В самом начале поездки он напялил его на голову, но потом снял. Сферической формы, с потертой, но мягкой тканью внутренней обшивки, шлем сидел свободно, мотался взад вперед и давил на шею. В какой-то момент он понял, с внутренним испугом, что в бою его придется надевать, но как с ним быть, если вдруг сползет на глаза? Ремень имелся, широкий, эластичный, с мягким подбородником, но свободный и болтающийся. И так и не набрался смелости попросить совета, а теперь в очередной раз ощущал себя полным дураком.

- Неудобно сидит? – Бородач, голос которого доносился откуда-то из-за спущенного на лицо матового забрала, подошел совсем близко. «Как он может что-то видеть? - подумал Енот. – Ведь такая темень, а он еще и глаза закрыл?!»

- Болтается он...

- Руки подними. Чувствуешь сбоку выступы, и с самого верху пимпа такая торчит, с ребрашками? Нажми на обе и одновременно.

Коротко вжикнуло, и мягкий, удобный подбородник ткнулся Еноту в лицо. Шлем разом прижался к голове, садясь как влитой. Голос Кувалды стал намного глуше:

- Теперь скажи, внятно только, «звук»...

Он сказал... и мир сразу стал слышим, и даже сильнее, чем обычно. В уши ворвались звуки, которые обычно остаются где-то в стороне: треск остывающих двигателей, шелест травы, такой четкий и различимый, позвякивание чьего-то незакрепленного до конца карабина на амуниции, тихий разговор Мерлина и того парня в лохматом костюме, Виннету.

- О, прочувствовал никак? – Низкий бас кувалды теперь был вокруг, обтекая Енота со всех сторон. – Теперь - «боевой режим».

Сказал? Нормально, сейчас звук начнет фильтроваться.

- А как это?

- Да вот так. – Сбоку возник Ган. – Это брат, наследство от наших далеких предков. Цени возможность и используй. Характеристики я тебе потом расскажу, сейчас тебе кратко Кувалда инструктаж проведет, и нормально. Видно тебе плохо?

- Да не то слово. – Еноту даже стало немного обидно от того, что так прекрасно слышно, но ни хрена практически не видно. Небо закрыли тучи, так что не было даже света от луны и звезд. А обычно ведь здесь, в степи, в хорошую погоду видно достаточно хорошо.

- Ночной режим, Енот, и все... - Бородач кивнул головой.

- Ночной режим.

Щелчок, и сверху на лицо опустилась широкая непрозрачная полоса. Через мгновение шлем окрасился изнутри в зеленоватый свет, а перед глазами Енота проступил четкий и ухмыляющийся Кувалда. Парень покрутил головой, привыкая к тому, что стал видеть в полной темноте.

Вон, на кургане, который впереди, чуть гнутся ветви одинокого карагача. Возле машин стоят Мерлин, Виннету и одна из девушек с винтовками. Румпель о чем-то шепчется с высунувшимся из люка мрачным громилой Дизелем. Жук о чем-то говорит с еще двумя людьми из экипажей машин, которые до сих пор ни разу не показались, сидя в башнях у орудий. И все четко, как на ладони, в легкой зеленоватой дымке, которая ничуть не мешала.

«Ни хрена себе у них снаряжение...» - Еноту захотелось присвистнуть от восторга. Но тут в районе ушей что-то хрипнуло, и голос Мерлина коротко и ясно известил отряд о том, чтобы все подошли к головной машине. Пока Енот и остальные подходили поближе, рядом с Мерлином и лохматым Виннету соткался в воздухе полный двойник последнего. Момент, когда он появился из пустоты, молодой стражник проморгал.

- Отряд, слушаем внимательно. Парни из нашей разведки сейчас там, возле фермы. Банда на самом деле немаленькая, голов пятьдесят-шестьдесят. Техника отсутствует, зато в наличии имеется гужевой транспорт, в виде клеток на колесах и фургонов, а также быков и, самое поганое, их лошади. Вооружение у банды хорошее, около десяти-пятнадцати уродов с огнестрельным. Остальные как обычно –

со всякой хренью, включая луки. На данный момент степняки расслабились настолько, что выставлено всего два дозора, с севера и юга. Их на себя берут девушки. Поняли, красавицы?

Красавицы согласно и дружно кивнули.

- Снимаем дозорных, и к этому моменту обе машины должны стоять у курганов, на которых эти дозорные сейчас находятся. Банда развлекается, жрет самогон, который местные наверняка производили в большом количестве, что нам на руку. Броневики поднимаются на курганы, разведка и наша восьмерка заходят с востока и запада. Девушки, после того, как снимите уродов, займите позиции так, чтобы прикрыть сектора отхода, которые мы не сможем контролировать. Румпель, Кувалда, возьмете Енота и засядете на юго-востоке, там есть небольшой холм, на котором сейчас как раз лежат ребята Виннету. Откроете огонь вместе с броневиками, устроим паскудам арт-подготовку. Всем все ясно? Тогда по местам, ребята, и работаем.

Первыми в темноту ушел один из разведчиков и красавицы с винтовками. Чуть позже, разделившись по четверо, за ними двинулась группа Мерлина. Механики машин завели двигатели, сейчас тихо мурлыкавшие на холостых оборотах.

- Двинули, что ли, Кувалда? – Румпель повернулся к напарнику, и потом к разведчику, дожидавшемуся их. – Веди нас, великий вождь краснокожих.

Тот хмыкнул, но ничего не сказал, и плавно двинулся вперед. Енот, предупрежденный о том, что двигаться нужно как можно тише, старался не отставать от трех фигур, припустивших с неожиданной прытью.

Бежали недолго, всего около минут семи-восьми. Красноватый отсвет на низких тучах, который давно виднелся впереди, становился все заметнее. Четко выделялись верхушки двух высоких курганов впереди, тех самых, про которые говорил Мерлин. Енот, бывавший на ферме несколько раз, прекрасно помнил, что именно в седловине между ними находились здания «Бобрового хвоста». И просто фермой называть поселение язык не поворачивался. За высоким частоколом из заостренных бревен находились крепкие, добротные здания. Как степняки умудрились захватить ее, где всегда находилось около двадцати мужчин, и женщины были далеко не робкого десятка?

Ферма принадлежала семье Дроздов, которые не только выращивали для города коров, овец и немного лошадей, но также поставляли сырье для кожевников. Плюс поля, что находились за южным курганом, постоянно давали пшеницу, да еще и огороды с солидным садом из яблонь, ягодных деревьев и смородины. Жители «Бобрового хвоста», как собственники, родственники семьи, так и наемные батраки, всегда были при деньгах, хорошо одеты и обуты. И еще они всегда выглядели сытыми, сильными и спокойно могущими дать сдачи. Но вот сейчас не смогли...

- Аккуратно, Енот. Девочки пока не доложились о том, что часовых убрали. А нюх со зрением у степняков и без оборудования будь здоров. – Динамик у уха забасил голосом Кувалды. – Стоим и ждем.

- Молодец, Кувалда. – Хрипло скрежетнул Мерлин. – А теперь хватит трындеть, ждем команды. Для вас чисто визуальная – три зеленых. Понял?

- Понял, командир. – Бородач ни капли не спорил с тем, что ему сказал старший группы чистильщиков, еще больше убеждая Енота в непререкаемом авторитете Мерлина.

Они затаились невдалеке от кургана, спрятавшись за кустом, на который ткнул пальцем разведчик Виннету. Чего они ждали, Енот так и не понял, считая про себя секунды, текущие прочь. И прямо, и переносно. Стражник спиной ощущал тоненькую струйку пота, скатившуюся вниз по хребту. Волей неволей, но мандраж начал возвращаться, адреналин настойчиво рвался наружу, требуя действий.

Когда прямо перед глазами у него вдруг засветились три зеленых огонька, то сначала Енот ничего не понял. И лишь заметив, как метнулась вперед фигура в лохматом защитном костюме, и чуть отстав коlobками покатались к кургану рыжебородые, сообразил, что это и есть сигнал к действию. Что оставалось делать, кроме как не броситься следом, с силой сжимая в руках рубчатую рукоять автомата и цевье, до сих пор казавшееся на ощупь непривычно шероховатым, но зато не скользящим во вспотевших ладонях?

Времени рассмотреть оружие после рук оружейника не оказалось, но почему-то ствол казался значительно легче по весу, стал каким-то ухватистым и более удобным. Осталось только проверить то, как он

ведет себя в бою... его первом бою. В смысле не ствола, а его, собственной милостью Енота.

Курган вырастал впереди всем своим черным горбом, на чью макушку явно нацелились его сегодняшние напарники. Хорошо, что бежать оказалось не так уж и далеко, с непривычки с тяжелой защитой бег дался тяжело. К собственному удивлению спустя меньше минуты скачки Енот понял, что ему немного не хватает воздуха. Натурально – просто не хватает. А упакованные намного серьезнее, со всем своим железом коренастые бородачи даже и виду не показывали, не смотря на то, что тот же Кувалда всю дорогу смолил сигару. А вот у него даже ноги начали заплетаться к тому моменту, когда они поднялись на верхушку кургана. И заметив, что лохматый силуэт Виннету неожиданно приник к земле, Енот с громадной радостью тоже плюхнулся вниз, чуть не споткнувшись о какую-то корягу. И какое-то время лежал, по-рыбьи открывая рот, проталкивая в легкие, которые кололись изнутри иголками, такой необходимый воздух.

- Слабак! – Констатировал факт ехидный Кувалда. – Заниматься тобой, и заниматься. А это, Енот, слышь чего?

- А?

- Тебе прикольно, что ли, рядом с трупом валяться?

В груди что-то екнуло. Енот повернул голову влево, потом вправо, и застыл. В зеленоватом свете ночного прибора шлема прямо перед ним лежал степняк. Лежал, смотря темными провалами глаз в его сторону. Застывший, разметающий руки, испускающий смешанный запах пота, крови, мочи и еще чего-то, болезненного и... чужого.

Он торопливо отодвинулся от него, автоматически поймав взглядом аккуратную дырку входного отверстия с левой стороны, которую сначала не заметил из-за нескольких косиц, в которые были заплетены жидкий волосы. С правой стороны головы они не росли вообще, а кожа вздулась причудливыми рубцами, наплывавшими на глаза. Сейчас ночь, но Енот был готов спорить о том, что белков в них почти нет, только черные, глубокие зрачки под низкими надбровными дугами без самих бровей. Крючковатый переломанный нос, нижняя оттопыренная вперед губа перекошенного рта, из-за которой торчат неровные длинные зубы, специально подпиленные до треугольной формы. Костлявые пальцы с одной лишней фалангой судорожно вцепились мертвой хваткой в темное древко чего-то, похожего на

копье, с очень длинным и широким наконечником из матово блестящего металла и конским хвостом у его основания. Кожаная, с грубыми стежками на швах, одежда и стоптанные солдатские сапоги из тех, что выдавались первогодкам и в патруле, и на границе. И несколько больших человеческих пальцев, привязанных к матерчатому самодельному поясу, со странной пряжкой.

- Отвратный урод, – Румпель сплюнул, чуть приподнявшись на локтях в высокой траве. – Второй вон там, пониже. Тоже красавец хоть куда. Кувалда, ты станок расчехлил?

- А то. – Бородач, стащивший со спины брезентовый выюк, деловито крутил какой-то винт на странной, трехногой конструкции. – Тело давай, тормоз.

- Сам ты тормоз, чухло ленивое. – Румпель быстро освободил ремни своего груза, извлекая то, что Енот принимал за отбойный молоток на воздухе, типа того, что использовал его отец в забое. – Ты глянь, что нам тут парни Виннету оставили, брат.

И протянул Кувалде чуть белеющий в темноте листок бумаги.

- От молодцы. – Его напарник довольно мотнул головой. – Пока лежали здесь, видно сделали привязку. Ну, скорость, а? Времени-то прошло... закрепил?

- Да. – Румпель, который в это время торопливо прикреплял свое диковинное оружие к треноге, потянулся к одному из барабанов, которые они таскали с собой. – Енот, ползи сюда.

- Ага. – Стражник торопливо двинулся к нему. – А где Виннету-то?

- Ушел с парнями вниз, к ферме. Будет вместе с группой Мерлина отстреливать животных и гнать их на нас и на пулеметы в машинах. Смотри внимательно, выюнош. Что ты видишь перед собой, акромья непонятной железяки, а?

- Ничего не вижу. Хрень какая-то, и все. Для чего?

- Для стрельбы гранатами. Вот в этой круглой штуке, которую вообще-то называют улиткой, лежат в ленте гранаты. А непонятная хрень называется автоматическим гранатометом, наше наследство, оставленное теми, кто уже давно ушел. Вот это его прицел, который я сейчас настраиваю по тем данным, что оставили парни из разведки. Стреляет так, что аж жмуриться от удовольствия хочется. Кладет

гранатки аккурат в шахматном порядке. А ты в шахматы-то играешь? Ну, да и ладно, еще научишься. Хех... мы боги войны, парень, понял?

Енот кивнул, рассматривая разлапистый агрегат, который стоял, задрав вверх толстый ствол. Смотрел и пытался понять этих двух весельчаков, которые сейчас, установив оружие, стали переругиваться, стараясь подколоть друг друга. Внизу, в долине, продолжала гореть ферма, оттуда доносились вопли, вперемежку с криками боли, и там вот-вот должна была начаться настоящая мясорубка, а эти...

Кувалда повернулся к нему, чуть наклонив вбок голову. И тут до Енота дошло, что все шуточки и прибауточки, которые он слышит, говорятся хоть и немного, но напряженными голосами. И только забрало шлема, опущенное на лицо бородача, не дает ему рассмотреть глаза, которые наверняка смотрят на него, Енота, очень внимательно и сосредоточенно. А то, сколько у них до этого было таких моментов – ему даже не захотелось спрашивать.

- Ты готов, парень? – Голос Румпеля, спокойный и холодный, вернул его к действительности.

- Да, наверное, готов.

- Смотри, если что – ори громче.

- Что «если что»?

- Да мало ли...

Внизу коротко и отчетливо щелкнул первый выстрел...

- Не, ты посмотри, вот говнюки... - Румпель харкнул на землю. – Упорные-то какие!

Гранатомет снова дернулся, выпустив в воздух очередную гранату из уже почти полностью опустевшей третьей улитки. Первые две расстреляли очень быстро, когда отсекаемые очередями из пулеметов броневики, степняки все-таки отошли туда, куда их гнала группа Мерлина.

Как успел понять Енот, там внизу первым делом спасали выживших фермеров. Большой бинокль, работающий в таком же, как и у шлема, ночном режиме, в какой-то момент переданный ему Румпелем, помогал это разглядеть.

Пленников степняки загнали в большие телеги-клетки, стоявшие в стороне от горевшей фермы. Грубо сколоченные из разносортных досок, стоявшие на деревянных высоких колесах, запряженные волами. Животными-мутантами, громадными, грудастыми, с разным

количеством рогов, торчащих над низкими лбами. Таких Еноту уже доводилось видеть, и он понимал, что группе повезло в том, что степняки устроили себе попойку, а не сразу ушли домой. Волы, лишь казавшиеся медлительными, запросто могли за полдня утащить людей к самой границе не такой уж и далекой Великой степи, а там пиши-пропало.

Неожиданно в голову пришла страшная и неприятная мысль: а ведь кто-то их навел. Не могли они вот так запросто рвануть к одной из самых нужных Городу ферм, не зная о том – что творится на границе. А значит – кто-то слил уродам информацию о том, что пограницы ничем не смогут помочь поселянам. И еще этот кто-то либо не знал про чистильщиков, либо не предполагал, что они могут сорваться и рвануть на помощь гибнувшему «Бобровому хвосту». Нехитрая задачка про то, что так могло быть, но разве кто-то в Городе мог так поступить?! Сдать фермеров степному отребью, которое давно перестало быть людьми? Енот даже помотал головой, стараясь отогнать эту нелепицу, справился, загнал ее внутрь и замер, ощущая, как догадка, ударившая молнией, нехотя успокоилась, сворачиваясь в клубок и засыпая. Вот только надолго ли?

Потом ему стало не до нее, когда внизу выстрелы превратились в сплошную трескотню, темные тени степняков, сбитые сначала в плотную кучу, начали разбегаться, мельтеша на фоне кажущегося ослепительно-белым в зелени ночника пламени. И огнестрельного оружия у них наверняка оказалось не так уж и мало, судя по тому, что бывшее вначале очень быстрым и уверенным продвижение трех групп отряда постепенно тормозилось, увязая в обороне степняков.

Затянувшееся на какое-то время противостояние нарушили несколько слившихся в один громких хлопков-разрывов по самому краю бешено отстреливающихся мутантов. Они опрокинули наспех устроенные баррикады, за которыми они прятались и заткнули самые активные точки стрельбы. Перелом, после которого уже начавшая разбегаться банда хлынула в слитном торопливом беге в ту сторону, куда ее и гнали ребята Мерлина и Виннету.

- Ни хрена себе, Румпель, что это было?! – Кувалда удивленно привстал, пытаясь понять то, что только что произошло. Енот непонимающе уставился на него.

- Вот наш гранатомет также стреляет, пацан. – Румпель также удивленно, как и напарник, покачал головой. – Вот только это ж не мы...

- Ган взял с собой какую-то штуку, которую только что собрал. – Енот пожал плечами в ответ две повернувшихся к нему бородатые физиономии под забралами. – Ну, он Варягу показывал.

- Вот молодец он у нас, Ган-то. О, носатый! – Кувалда неожиданно подпрыгнул на месте. – Давай шмалять!

Второй бородач без слов дернул на себя торчащий из агрегата короткий трос и нажал куда-то посередине ручек. Гранатомет дернулся подряд, еще и еще. Енот навел бинокль вниз, внимательно ловя все, что там происходило.

Чистильщики действовали умело и ловко, сразу убрав возможность степняков причинить какой-либо вред людям в телегах. Оставшимся же среди банды... им они уже ничем помочь бы не смогли.

Но самое главное сделали: не пустили степняков к клеткам, сбили замки и выпустили пленников, сразу бросившихся в темноту, в спасительную черноту, скрывающую их от очухавшихся мутантов, вооруженных винтовками и автоматами. И уже только после этого начали отсекал банду в сектора пулеметных башен машин и под навесной обстрел расчета гранатометчиков. Тот самый момент, когда, казалось бы, степняки были опрокинуты, мог бы оказаться решающим. Мог бы...

Уроды крепко встали у догорающего частокола, рассредоточились и залегли, не давая чистильщикам воспользоваться преимуществом крупного калибра. Потому сейчас в ход должна была пойти уже третья улитка с гранатами, которую Румпель, подчиняясь приказам Мерлина, ювелирно уложил в самое большое скопление мутантов. Те, что остались – начали дергаться. Пытались разбежаться. Осталось их, если навскидку, не более двадцати, но, зато, скорее всего наиболее опытных и вооруженных не только железками. Во всяком случае, огрызались они в ответ на стрельбу часто и уверенно. И все-таки Енот кое-что упустил, и лишь когда прямо на них, шурша травой и хрипя разом вымотанными легкими, надвинулось это самое что-то, то было уже поздно.

Пять, шесть или семь... непонятно. Несколько изломанных черных теней, оцетинившихся копьями, сверкнувшими в пробившемся сквозь тучи лунном свете лезвиями самодельных здоровых тесаков, еще с чем-то острым и тяжелым, выскочили прямо на них. А они проворонили этот момент и теперь могли поплатиться, так как расстояние свело к минимуму наличие огнестрельного оружия. Одного Енота срубил-таки одной сплошной очередью, но уже через миг ему пришлось ловить автоматом падающее сверху широкое зазубренное лезвие, насаженное на кривоватый шест.

Удар сбил его с ног, и, падая, парень успел заметить, как Кувалда с утробным ревом саданул кулачищем в голову одному из нападавших, перехватил у него большой, страшного вида топор и ринулся вперед, к другу. А Румпель, странно обмякнув, завалился на собственный гранатомет, упавший на бок.

А потом ему стало не до этого. Сильный удар, пришедший сверху, чуть не вбил шлем в голову. Енот откатился в сторону, успел поднять автомат и успеть парировать следующий удар. От него оружие улетело на землю, но пальцы, каким-то чудом уже тащили наружу пистолет, в который в самом начале он, по совету Кувалды, загнал патрон. Темный и широкий силуэт с щеткой торчащих вверх волос с ревом метнулся к нему... сухо щелкнул первый выстрел. Степняк сразу упал, всплеснув руками и запрокинув назад голову. На лицо Еноту попало что-то горячее, липкое, но стало не до того. Он успел выстрелить еще два раза, прямо в сутолоку, внутри которой ревел Кувалда. И вдруг что-то упало с неба, тяжелое, жуткое, острое и в глазах вспыхнули звезды, а потом мир потух.

Звезды... большие и яркие неслись перед глазами. Было очень больно, почему-то плохо видно и почти не страшно. Его несло на какой-то волне, мягко потряхивая и подбрасывая, и впереди была встреча с родными, и от этого на душе становилось тепло. Но почему-то, раз он умер, не проходила боль, даже наоборот. С каждой секундой она становилась все сильнее и сильнее. Левый глаз что-то закрывало, Енот хотел поднять руку, чтобы убрать эту гадость, которая мешала смотреть на звезды, но они превратились в бешеный хоровод, внутри взбурлило, сжало в спазме, и он успел только повернуться на бок, когда его вырвало обжигающей глотку желчью, которая заляпала

темный металл борта броневика. А ее остатки полетели в густую траву, волнуемую степным ветром, сразу ударившим в лицо.

- Очнулся, слава яйцам. – Чей это такой знакомый и мерзкий, чуть картавящий голос? – Енот, ты как себя чувствуешь, голова сильно кружится?

Его аккуратно, но сильно заставили перевернуться обратно, подложив под затылок что-то мягкое. Было уже не так темно, и он понял, что видит перед собой лицо Айболита, смотрящего на него очень внимательно и читаемой, насколько можно было понять, тревогой в глазах.

- Я живой?

- Удивительно уместное и логичное заявление, молодой человек. – Врач хмыкнул, довольно осклабился и пропал из поля зрения. – Живой, как ни странно. Правда, не совсем целый, это да. С крещением, Енотище, с боевым, так сказать.

- А что у меня? – Парень попытался чуть приподняться на локтях... Не получилось.

- Сотрясение, что не удивительно при таком ударе тесаком по черепушке. Удивительно, мой друг то, как она у тебя выдержала. Нет, ну скальп то тебе чуть-чуть, разве что, не сняли. И я его еле успел приклеить на место. По приезду в Город будем штопать, но организм у тебя молодой, так что заживет как на собаке. А вот с верхним краем своего, наверняка любимого, левого уха ты уже попрощался. Прости, брат, не досуг мне было его искать там, чтобы потом попытаться прилепить на положенное место. Хорошо хоть успели тебе кожу гемоклеем на место приладить. Но, опасаясь, что головные боли при перемене погоды тебе теперь угрожают до самой смерти, м-да... Такие удары даром не проходят, как и их последствия.

- Да ладно, хрен с ним, с ухом. – Енот немного удивился собственному равнодушию, но видно сил ужасаться его отсутствию у организма уже не было. – Хотя оно мне было, конечно, дорого. А как ребята, а?

- Плохо ребята. – Голос врача изменился. – Румпель лежит внизу, ему воткнули в грудь с десяток сантиметров железа. Двое парней Виннету как корова слизала языком. Ферзь вон лежит, отдыхает. С ним ковыряться долго придется, чуть может меньше чем с Румпелем.

- А фермеры, и степняки?

- Что им будет тем фермерам? Не знаю точно, но у них если и погибло человек десять, так они это могут и не заметить. Видел я, сколько у них там баб уже беременных ходило. Поплачут, это да, а потом новых нарожают. А вот парней наших, эх... ладно, лежи уж, не трещи, тебе сейчас дергаться не стоит.

И Айболит, как-то странно ссутулившись, отвернулся вперед. А Енот, зацепившийся глазами за два длинных брезентовых свертка, лежавших чуть дальше, ничуть не удивился тому, что вскоре со стороны врача явственно потянуло так ненавидимым им самим табачным дымом.

Молодой стражник, успевший за три дня увидеть и сделать больше чем за полгода до этого, лежал на мерно подрагивающей спине механического монстра и смотрел на степные звезды, такие красивые и яркие и радовался тому, что видит их.

Глава восьмая: немного счастья, начальство и неожиданности

«И было исчислено, предначертано и записано.

А числа те знали немногие и не говорили про них.

И в числах тех искали они имя Царя земли, что придет после Полночи.

И поклонялись, и ждали и готовили трапезу ему, живую и обильную.

Когда же встал один против них и сказал:

Нет правды ни в вас, ни в царе Вашем, то повергли они его и убили.

И тогда призвала семья его издалека тех, кто справился.

Но и тогда лишь немногие поняли, что Воины есть и стоят они твердо и нерушимо.

Ибо это и есть их судьба земная и предначертанье: защищать племя людское...»

Книга Св.Мэдмакса (апокриф)

Солнце настойчиво проникало лучами через окно палатки, пробегало лучами по щеке, щекоча, и заставляло жмуриться. Енот прикрыл глаза, и даже приподнял ладонь, закрываясь от него, тряхнул головой и окончательно пришел в себя. Сел, огляделся, увидел на соседней койке кого-то, превращенного бинтами в гусеничный кокон, и вспомнил ночь.

В голове закружилось, перед глазами замельтешили широкие красные круги, и поневоле пришлось вернуться в горизонтальную плоскость. Последствия удара железной ковырялкой степняка-мутанта сбывались точь-в-точь, как и говорил Айболит. Стражник откинул голову на подушку, которая, к несчастью, не была приятно-прохладной, и решил дождаться, когда кто-нибудь зайдет.

Ждать пришлось недолго. Полог палатки отклонился в сторону, и внутри оказалась строгая и невозмутимая Лиса, несущая в руках металлическое корытце со шприцами и склянками, а также несколько свернутых в рулончики чистых бинтов.

- О, очнулся. С добрым утром, героический спаситель селян и хуторянок. – Девушка поставила корытце на тумбу, а бинты убрала в карман клеенчатого фартука. Потом извлекла из другого перчатки. – Лежать и не вставать. Голову кружится? Болит?

- Да. Может, есть чего-то, Лиса?

- Что именно у меня «есть»? Спирт, шоколад или новые онучи?

- Э?..

- Прекрасно, мозговая деятельность явно не нарушена, мышление логичное, что радует. Поворотись-ка ко мне пятой точкой, красавец, сейчас сделаю маленькое чудо, и голова перестанет болеть. Ну, или смущаешься?

- Да ничего я не смущаюсь. – Буркнул под нос Енот, поворачиваясь на бок и спуская кальсоны, так как из одежды на нем оказалось только исподнее. В воздухе резко запахло чем-то холодным и острым, звякнуло и чуть позже Енота попросили перевернуться назад и не услаждать ее взгляда собственными оголенными мужскими прелестями.

- Тем более, Енот, что для того, чтобы именно услаждать женский взор, то тебе явно нужно заняться физической формой. – Лиса ехидно хмыкнула, сдунула прядь, упавшую на глаза и неожиданно подмигнула.

- А укол? – Пробормотал парень.

- Да я уже сделала... а ты боялся. Эх, мужики, мужики, все вы одинаковые и боли боитесь.

- Ничего мы не боимся, просто...

- Не спорю, герой, не спорю. Так, займемся нашим следующим отважным спасителем. Ферзь, ты спишь, два метра безобразия?

Беспардонная медсестра перешла к кровати, на подушке которой лежал тот самый качан из бинтов, оказавшийся головой одного из группы Мерлина.

- Заснешь с тобой, зараза ты такая. – Голос звучал глухо и устало, но ожидаемых Енотом отголосков жуткой боли не было. – Давай уже, меняй повязки, а то у меня все чешется под ними.

- Сейчас, сейчас. Так, Енот, приказ о невставании временно отменяю. Сотрясение это не смертельно опасно, так что встал и на выход. Тем более что тебя там уже давно ждут.

- Кто? – Енот аккуратно сел, вновь почувствовав то самое головокружение, только сейчас куда слабее.

- А ты выйди да посмотри. И не мешай мне, тем более что сейчас делать тебе здесь нечего, еще насмотришься, конечно, но все-таки выйди.

И он послушался. Опустил ноги на доски пола, просунув их в кем-то поставленные кожаные тапки без задников, продел руки в рукава длинной стеганой хламиды и пошел к выходу, медленно и очень аккуратно. А на выходе его действительно ждали. Сначала в колени ткнулось громадной лобастой башкой мохнатое четвероногое чудище по имени Хан, а потом на плечи легли руки Медовой, неожиданно и крепко обнявшей оторопевшего парня.

- Живой, дурак ты глупецкий, живой. – Девушка отодвинулась, глядя на него широко раскрытыми глазами. – Как же я за тебя переживала, балбес городской.

- И я тоже рад тебя видеть, Хани. – Он сглотнул, чувствуя, как что-то в глубине души сминается и хрустит, та самая тоска, которая никак не выходила после гибели семьи. А сейчас, когда прямо напротив него были эти большие, влажные зеленые глаза, она стремительно бежала из него, крича и негодуя от собственного бессилия. И этому Енот радовался, неподдельной и чистой, почти детской радостью. То, что придет время, и они уйдут из его Города, сейчас стало неважным и казалось очень далеким.

Потом они сидели на лавке, грубо сколоченной из бруса и ошкуренных досок, за палаткой. Лавка была одна из тех, что стояли вдоль домов на улицах Города, неведь как оказавшаяся здесь, в лагере. Доски давно почернели от времени, в нескольких местах украшены ожогами от самокруток и сигарет, изрезаны ножами. А на самом краю кто настойчивый три раза повторил, что грудастая Голубка дает просто охрененно. Но даже эта гадость не смогла сейчас испортить странного чувства, что тихо и спокойно созрело в груди молодого и неопытного стражника, живущего у фронта, границы относительно спокойных земель и недавно потерявшего всех, кого любил.

Напротив него сидела почти незнакомая и совсем, казалось бы, чужая девушка, с дорогушим пистолетом в кобуре, видевшая и знавшая намного больше. На земле лежал, свободно раскинувшись и довольно вывалив язык, громадный и хмурый пес, сейчас абсолютно

довольный тем, что его новый друг сидит рядом и он счастлив. И это было прекрасно.

И даже хмурый Волхв, вынырнувший из-за палатки, не посмел что-то им сказать...

- Э-э-э... - Тундра, подошел к ним громко топая и нарочно откашливаясь. – Привет, Енот. Есть одно дело, так что пошли, нужно твоё присутствие.

- Куда? – Стражник недоуменно уставился на него, не совсем понимая – куда и зачем заместитель командира хочет его позвать.

- К Капитану. Просто тут твоё командование пожаловало, в лице господина Грифа, и настойчиво требует тебя перед свои ясные очи. Так что ребят, я извиняюсь, но следует идти.

- И чего этому придурку надо? – Медовая нахмурилась. – Он вчера, пока Енот в отключке валялся, уже приходил, я ж помню. Тем более что его к нам специально прикомандировали, чего этому Грифу надо-то?

- А я знаю, Хани? – Хмурое лицо Тундры стало еще более расстроенным. – Пошли, Енот, там разберемся.

- Хорошо, только я же не в форме... - Стражник озадаченно посмотрел на него. – А Гриф, он на этом повернутый...

- Точно? – Чистильщик критически осмотрел его с ног до головы. – Ну, ты ж типа раненый, так что, наверное, ничего страшного, да?

- Наверное. – Енот тихо привстал, захотел почесать в затылке, но пальцы наткнулись на плотно намотанный бинт. – Пошли, чего тянуть то.

Господин майор Гриф, прибывший в компании капрала Штыря, гордо восседал на раскладном стуле у машины Капитана. Сам Кэп, а также Инженер присутствовали тут же, сидя на лавке. Капрал стоял за спиной Грифа, хмуро глядя на медленно идущего Енота, и покачивался на каблуках. Господин майор, также уставился на приближающегося подчиненного через монокль, строго и заранее осуждающе.

- Господин майор...

- М-а-а-а-л-ч-а-ть, мерзавец. – Губы на холеном лице еде двинулись, выплюнув первую порцию ожидаемого Енотом негатива. – Почему не по форме, солдат? Несколько дней в этом бардаке и уже расслабился? Смирно встал, боец, молчишь и отвечаешь только тогда, когда я спрошу. Все ясно, бестолочь?

- Так точно, госп...

- Молодец, хоть что-то не успело вылететь из головы. Итак, уважаемый Капитан, я требую объяснить мне, по какой причине прикомандированный военнослужащий моего подразделения выполняет задачи, никак не подходящие под характеристики консультаций и помощи в вашем деле?

- Майор, - Кэп, невозмутимо дымящий неизменной сигарой, лениво покосился в его сторону, – не совсем понимаю обоснованность вашего наезда как в мою сторону, так и в сторону вашего подчиненного. Енот оказывал помощь в скорейшей доставке наших бойцов к ферме, которую мы согласились защитить по просьбе вашего же мэра. О чем вы, несомненно, знаете и на что у меня есть письменное подтверждение. И вообще, если отбросить условности в сторону, то какого хрена тебе нужно и зачем ты заставил парня, который должен лежать в лазарете, прийти сюда, а? Да еще и оскорбляешь его в нашем присутствии.

- Мои отношения с моими, слышите, Капитан, моими подчиненными вас не касаются. Помощь и консультации тоже самое, надо полагать, что и участие в боевых столкновениях? Мало того, что почти за половину недели вашего нахождения в городе, вы так ничего и не сделали, так еще и потери личного состава городской стражизаставляют усомниться в вашей компетенции. А сейчас передо мной стоит лишнее подтверждение того, что жизни жителей нашего города для вас есть ни что иное как песок меж пальцев. Не находите? И не следует приводить мне какое либо очередное доказательство от нашего мэра. Город входит в Альянс «Звезда», и вам стоит про это помнить.

- Что? – Капитан чуть приподнял вверх бровь. – Что ты хочешь этим сказать, майор?

- А то, господин Кэп, что сейчас вот этот самый боец, которого я забираю, расскажет мне все про ваш отряд и про то, как вы скрыли от нас результаты исследований. Либо, скорее всего, изначально составили отчеты таким образом, чтобы они полностью расходились с теми, что составили официальные и компетентные люди из администрации. Для каких целей меня не интересует. Хотя и подозреваю, что явно для того, чтобы прикрыть собственное бессилие и хотя бы как-то оправдаться перед руководством альянса, да еще и

выбить при этом каких-никаких денег. Вы думаете, что я не знаю, что случилось с поселком Медвежье и как вы там смогли выкрутиться?!!

Лицо Капитана неожиданно застыло маской, старой маской, вырезанной из дерева и Енот сам не осознавая того, понял, что Капитан на самом деле не так уж молод, как кажется. Инженер вздернул вверх бороду и начал вставать, наливаясь краской. Но его опередил Тундра, наклонившийся вперед так, чтобы его лицо оказалось прямо напротив лица Грифа:

- Слушай сюда, клоун разряженный, внимательно и не перебивая. Во-первых, не тебе судить нашу работу. Во-вторых, после того как мы ее закончим здесь, ты выйдешь против меня. Потому что ты, не думающая своей головой скотина, только что оскорбил память моих друзей своим грязным помелом, на котором при желании невооруженным взглядом можно увидеть гнойные «розочки». А это вдобавок означает, что моих друзей оскорбил сифилитик, что оскорбительно само по себе. А в-третьих, следуя известному Положению, и его статье о статусе отрядов, подобных нашему, парень никуда не пойдет. У меня нехватка бойцов, и он мне понравился. Если ты не понял, то, как офицер и заместитель командира отряда я только что вызвал тебя на дуэль и заодно посоветовал тебе уносить свою нахальную задницу с глаз моих долой. Внятно объяснил?

Майор вытаращил на Тундру свои блестяще-голубые зенки, несколько раз открыл и закрыл рот, напоминая донельзя тупую лупоглазую рыбу-глупыря, которую Енот мальчишкой удил на канале, который тогда не был мелким. Да что тут говорить, если он сам со стороны наверняка выглядел не лучше, услышав то, что сказал Тундра.

- Вы что-то хотите сказать, господин Гриф? – Капитан, чье лицо постепенно теряло сходство с маской, поиграл желваками. – Вам нанесли оскорбление, при свидетелях и по всем правилам Положения в той части, что регулирует подобные отношения среди должностных лиц, офицеров и аристократии, а также мутантов высшего порядка, кои причисляются к трем предыдущим статусам. Нарушений ведь не было, Инженер?

- Никак нет, командир. – Бородач ласково и хитро прищурился за стеклами очков. – Вы что-то еще хотите от нас, господин майор?

Гриф дернул щекой, метнув в его сторону озлобленный взгляд, потом вскочил и быстрым шагом направился в сторону выхода из

лагеря. На какой-то момент он остановился, всем своим видом показывая, что хочет что-то сказать. Тундра неожиданно радостно и плотоядно ухмыльнулся, но майор видно так и не решился. Старший капрал Штырь хмуро посмотрел на его удаляющуюся спину, тихо сплюнул под ноги и двинулся за ним, чуть задержавшись и кивнув Еноту, оставляя его полностью обалдевшим среди тех, кто теперь должен был стать его новыми... а вот кем новыми он так и не понял.

- Да ты что столбом-то застыл, парень? – Инженер строго покосился на него. – Ну-ка, мил друг, садись, тебе сейчас совсем-то долго стоять не стоит. Давай, давай, присаживайся, разговор будет пусть и недолгим, но насыщенным.

Он сел на тот самый стул, который только что освободил Гриф, сиденье, из плотной ткани, было еще теплым. Не зная, куда девать руки, положил на колени, сев также как сидел в школе. Три пары глаз внимательно уставились на него: холодные Капитана, ехидные Инженера и уже отошедшие от неожиданной злобы Тундры. Он сидел перед ними, смешной и молодой пацан с одного из самых краев обжитых земель, одетый в больничный халат и с головой, обмотанной бинтами. Ничего пока не понимая, не зная чего ожидать и не видя пока себя в их отряде. Капитан, положивший руки на стол, почесал щетину на подбородке, пожевал конец сигары, ухмыльнулся и начал первым:

- Не напрягайся раньше времени, парень. Ты не ослышался, и теперь ты можешь стать одним из нас. Именно можешь, потому что это еще нужно будет доказать. Естественно, что никто тебя не выкинет из отряда. Но ты сам должен будешь для себя определить свое место в нем. Сейчас мы тебе объясним, по каким причинам приняли такое решение, расскажем, что думаем о твоём дальнейшем применении, и ты сам потом еще будешь думать. Понял?

- Да, Капитан, я все понял.

- Хорошо. Так, официальную часть я закончил, так что пойду, мне есть чем заняться. Инженер, объясняй. А ты, боец, давай усиленно выздоравливай. Через два дня нам потребуются усилия всего отряда. Все, я у себя, если что.

И пошел в сторону собственного дома на колесах, заметно став более довольным. Инженер покачал головой и вздохнул:

- И так постоянно, неинтересно ему, видите ли. Ладно, молодой человек, продолжим. Вас, уважаемый Енот, решено зачислить в штат

нашего отряда. Пока в качестве вспомогательного персонала, как стажера. В дальнейшем место будет определено более точно, после чего вам будет дана определенная задача, направленная на улучшение имеющихся у вас способностей.

Енот недоверчиво посмотрел на него:

- Каких способностей?

- Ну... - Инженер переглянулся с Тундрой. – Скажем так, у вас очень хорошие показатели, физические и психологические. В том смысле, что лучше, чем у стандартного, гуманоидного типа, жителя Альянса. При определенном раскладе в прошлом, если бы вас могли обнаружить наши рекрутеры, то наверняка они постарались бы уговорить ваших родителей отдать вас. В случае попадания к нам в раннем возрасте сейчас вы наверняка были бы в составе группы Мерлина. Сейчас же слишком поздно, так как время упущено. Правда, как мне кажется, сильно расстраиваться по данному поводу не стоит, как считаете?

- Ну да, наверное. – Енот удивленно посмотрел на него. – А что такого во мне, Инженер? Я что... мутант? С чего вы это взяли, ведь...

- Вы определенно мутант, мой юный друг. Нет, нет, не надо белеть лицом и переживать. Мутации бывают разные, часть их полезна и контролируема. Вы же не боитесь нашей Файри, так? Скорее наоборот, как я понимаю, особенно если обратить внимание на то, как вы покраснели. Просто в вашем случае мутация есть ни что иное как улучшение ваших реакций, выносливость и мускульная сила, отличающаяся от обычных людей. На данный момент все это у вас латентно, так сказать спит тихим и мирным сном. И работой моей и моих людей будет понять сам механизм того, как это разбудить без последствий. Первоначальные исследования в наших полевых условиях мы уже провели, имея на руках те образцы, что взяли у вас во время медицинского осмотра у Айболита.

Парень сидел, слушая все, что говорит ему Инженер, одновременно понимая и усваивая, и находясь в странном, оцепеневшем состоянии. Мысли, если уж честно, путались. В голове часто билось: мутант, мутант, мутант... но как же так?! Ведь никогда и ничего с ним не происходило, что можно было бы отнести к странностям. Хотя... а детство? Да, он помнил, что переболел почти всеми болезнями, которые только могут быть у детей. Но и он, и его

братья и сестры, которые родились позже и потому Енот помнил это прекрасно, никогда не болели долго и так, чтобы старому и доброму доктору Склянке приходилось спасать их жизни. И косые взгляды нескольких соседских семей, в которых его же, Енота, товарищи по играм, умирали от оспы, кори, дифтерии.

А ведь точно, как раз в его последний осмотр, перед тем как Енот решил пойти в стражу и его прикрепляли к врачам, обслуживающим администрацию, тот как-то странно смотрел на него. И ведь хотел, покрытый морщинами на лице и с бородкой клинышком, старый добряк что-то сказать, но как раз в тот момент в обшарпанный маленький кабинет зашел Солёный. Понимал Склянка, что-то понимал, только молчал, чтобы не спровоцировать вспышку недоверия и страха к их семье.

С одной стороны вспоминались и все мутанты, виденные до прибытия отряда в Город. Все, что было с ними связано, в основном сплошь негативное и страшное. Редкие исключения, вроде тех братьев, что жили на карпятниках, не в счет. Плюс к этим воспоминаниям добавлялись новые, касающиеся и серых ночных тварей и степняков, с которыми вот только что довелось воевать. От воспоминаний становилось страшновато и как-то неприятно. Ведь если то, что говорит Инженер правда, то мало ли, что может случиться с ним в один прекрасный день? Ладно, если на ладонях волосы вырастут, над этим даже посмеяться можно, а если что серьезнее? Если мутация вдруг проснется и... он вспомнил «лицо» степняка и по коже пробежала еще одна волна мурашек.

С другой стороны Инженер прав. Ведь он сам видел то, что может делать Файри, а по ней и не скажешь, что переживает хоть чуточку по этому поводу. Скорее наоборот, ведь чистильщица выглядела полностью довольной как собой, так и жизнью. И неясные высшие мутанты, про которых обмолвился Тундра, когда вызывал Грифа на дуэль, ведь он про них ничего не слышал. А они есть, и раз уж про этих неизвестных существ прописано даже в Положении альянса «Звезда», да еще так, как произнес офицер. То, значит, они стоят на одном уровне с аристократами и офицерами подразделений, что явно не так уж и плохо.

Оба сидевших напротив него чистильщика, смотревших на Енота чуть насмешливо, но по большей части понимающе и

покровительственно, покивали головами.

- Что? – Он пришел в себя, поняв, что на какое-то время выпал из окружающей обстановки.

- Да все нормально, не журишь. – Тундра побарабанил пальцами по столу. – Мы тебя вполне понимаем. В отряде хватает ребят, которые вот так же когда-то сидели напротив нас и по-новому смотрели на мир. Ну что, хочешь быть с нами?

- А у меня есть выбор? – Енот поерзал на стуле, насколько позволяло все-таки мягкое сиденье.

- Выбор всегда есть. – Инженер вздохнул, и в его глазах что-то мелькнуло, что-то злое и давнее. – Только у вас, уважаемый Енот, выбор невелик. Либо остаться с нами, либо вернуться в город, где майор Гриф наверняка попытается показать вам кузькину мать, либо с нами отправиться в один из Пяти городов и там начать все заново в одиночку. Понятно, что ситуацию с Грифом создали мы, причем преднамеренно и взвесив все за и против, так что мы должны вам как минимум устройство судьбы. Просто нам нужны новые товарищи, поймите нас правильно, и вы нам действительно подходите. Да и как мне кажется, хотя я могу и ошибаться, вам понравилось у нас.

И симпатичны вы как нашей добрейшей поварихе, моим ребятам, оружейнику и всей группе Мерлина, что даже удивительно, так и командиру. Вернее командирам, и мне, и Тундре, и Капитану. Именно поэтому сейчас мы и стараемся сделать так, чтобы вы нас поняли. Выбирать же вам, в любом случае, Енот. Только не ошибитесь в выборе, очень вас прошу.

- Да уж, неожиданно так все... - Парень крутил большими пальцами сцепленных ладоней, постепенно приходя в себя от всего свалившегося на него и понимая, что решение он принял, причем сразу. – Я хочу у вас остаться, хоть и не понимаю, что смогу делать. В отряде все что-то умеют, Ган вон оружейник, Фрост вам, Инженер, помогает. Про Мерлина и остальных вообще все сразу ясно, также как и про ребят Виннету и тех девушек. Даже Мамачоля повариха, да еще какая, а я... не пойми что и с боку бантик. Что смогу сделать даже не представляю.

- Слышь, Инженер... - Тундра покачал головой. – Рефлексиловать начал, вон ведь чего.

- И не говори. – Инженер хмыкнул. – Не переживайте, боец. В отряде никто зря хлеб не ест. Тем более, что выбирать правильное занятие начнем только после полных исследований, а до этого еще как морковкиного заговения, то есть нескоро. Сейчас возвращайся в лазарет, принимай все необходимые пилюльки Айболита, а потом ко мне. Ну, а дальше разберемся. Опасаюсь, юноша, что вот этот офицер, что сидит сбоку, незамедлительно вами займется. Сразу же после того, как вы выйдете из моего кунга, возьмет вас в свои железные руки, всерьез и надолго.

- Не то слово. – Тундра посерьезнел. – Запомни Енот, что здесь тебе не тут, и строем в столовую никто не ходит. А работать придется много и очень вдумчиво. Твоей физической подготовкой, которая меня не удовлетворяет, займемся сразу, как врач разрешит, также как и огневой и боевой. Куратора выделим, и будет он тебя драть в хвост и в гриву. Ну, все, военный, иди. Вечером заполнишь необходимые бумаги у Капитана и все, прости-прощай, родной городок. Так что у тебя даже есть время подумать. Все ясно?

- Полностью. – Енот встал. – Могу идти?

- Можешь.

Медовой возле палатки он уже не застал, в отличие от пса. Хан попытался влезть за ним в палатку и даже всунул в ее открытый клапан любопытную морду. Вроде бы все сделал бесшумно, как и положено животному, но вот сидевшая у кровати Ферзя медсестра Лиса незамедлительно уставилась на пса. Нахмурила брови и понятливый пес, расстроено вздохнув, убрался назад.

- Вернулся? – Девушка улыбнулась ему. – Ну, чего тебя вызывали?

Енот сел на свою, скрипнувшую сеткой, койку. Машинально потеревил край подушки, бездумно смотря на застиранную, но чистую белую наволочку на ней.

- Я в отряде остаюсь. Меня хотел командир за что-то забрать назад, в город, но ему не дали. И Тундра его еще на дуэль вызвал.

- Ну, поздравляю, пацан. – Глухо проскрипел из из-под бинтов Ферзь. – Попал ты по самое не балуй. Будешь теперь также как и мы, месяцами не видеть цивили... цивили... тьфу ты, как ее?

- Цивилизации, больной. И лежите уже, не вставайте. Поздравляю, Енот. – Лиса поправила постоянно выбивающуюся прядь.

– Не слушай его, Ферзь у нас иногда любит поворчать. Особенно когда ему достается.

- А что с Румпелем, Лиса? – Енот, которому с утра было стыдно за то, что он не поинтересовался судьбой бородача, вопросительно уставился на нее.

- Лежит. – Медсестра чуть пожала плечами. – Его долго оперировали, Айболит даже еще и не проснулся после нее, после операции. Выкарабкается, никуда теперь не денется.

- Но ведь ему чуть ли не в сердце...

- Так, больной. – Голос Лисы чуть скрежетнул металлом. – Ну-ка, покажи мне, где у тебя сердце находится? Уверен, что прямо здесь? Вот видишь, как сразу засомневался, а то в сердце его... Рядом прошло, крови много потерял. В себя никак не придет, но жить будет, это мальчишки мои гарантировали. Правда валяться придется очень долго.

- Ну и хорошо. – Енот облегченно вздохнул. – Ты мне что-то дашь из лекарств, а то меня ждет Инженер?

- Дам. Вот держи, выпей два драже прямо сейчас, и две через три часа. Голова не болит?

- Нет, спасибо за укол. Помог сразу и до сих пор все нормально.

- Замечательно. Ухо-то все равно разболится, да и голова к вечеру даст о себе знать. На вот, еще одну штуку, выпьешь если что. Не поможет, так придешь, укол поставлю. Терпеть не нужно, не маленькие дети, чтобы выпендриваться. Ночевать явишься сюда, осмотрю тебя перед сном и повязку поменяю, не забудь. Давай иди, раз надо, а я с больным вот посижу, а то он и удрать может к своим.

- Как удрать?! – Енот удивленно вытаращился на забинтованную голову Ферзя, сверкавшую хитрыми глазами в щелку между белыми полосами. – Он же раненый...

- Привыкать чтоль, пацан? – Чистильщик неожиданно весело подмигнул ему. – Да ты давай иди, иди. И это, когда назад если вдруг соберешься, так топай погромче и покашляй прежде чем зайти. Да, милая?

- Кгхм... - Поперхнулся Енот, схватил в охапку собственную одежду и обувь, которую кто-то положил на тумбочку и, насколько мог быстро, вылетел из палатки. Сзади заливисто хохотала Лиса и гулко, покашливая, смеялся Ферзь. Сегодняшний день выдался серьезным на

различного рода загадки и неожиданности. Как может вести себя так человек, которого вчера привезли в лагерь чуть ли не на половину мертвым?!!

Хан терпеливо лежал на прогретой траве. Увидев парня, он неторопливо встал, вильнул обрубком своего хвоста и подошел к нему.

- Ну и как тут себя вести, друг? – Енот погладил умницу-пса по лобастой голове. – Пошли к Инженеру, значит, что еще делать-то остается, раз идти нужно и болеть не дают.

Пес вывалил язык, и, засопев, направился в сторону «круизера» ученых. Енот пошел следом за ним, начиная ощущать, что уже проголодался, что было очень хорошо и говорило о том, что со здоровьем уже все в порядке. Но до обеда еще не скоро, и потому пришлось на время забыть о собственном, недовольно урчащем, животе.

- О, вот и наш герой. – Файри, ковырявшаяся в чем-то не очень аппетитном на вид, и одетая не в пример прошлому разу очень скромно (рабочая роба ученых и фартук), радостно помахала ему рукой, когда Фрост, открывший на стук, впустил стражника... Нет, уже чистильщика, внутрь. – С боевым крещением, орел. Кувалда сказал, что ты держался просто молодцом.

- Эт точно. – Енот чуть замялся. – А где переодеться можно?

- Да ладно тебе. – Женщина провела глазами по нему сверху вниз. – Так ты выглядишь более героически, прямо таки боевитым парнем, сразу видно, что только из лазарета. Как раз, что охмурять юных и неопытных восхищающихся девушек. Да ладно тебе, шучу я.

- Вон там, у Гана. – Фрост, как обычно нахмуренный и неразговорчивый, ткнул пальцем в сторону помещения оружейника. – Тебе все равно к нему сначала.

- Спасибо. – Енот пошел в сторону закрытого люка, прячущегося в стене, нажал на кнопку вызова.

- Енот. – Он оглянулся на парня в фартуке. Тот как раз опустил на лицо ту самую хренотень, которую носила на лбу Медовая. Странное зрелище, как будто человеку вделали кусок какого-то механизма: на левом глазу был большой круг с несколькими стеклами разного размера и цвета. На правой стороне сейчас с жужжанием выдвинулся вперед небольшой окуляр. – Ты в механике, точных науках разбираешься? Или в химии, физике?

- Чего? – Енот непонимающе посмотрел на Фроста.

- Да ничего уже, ладно. Потом поговорим. – И он отвернулся, подойдя к той самой неприятной даже на вид штуке, в которой ковырялась Файри. Штуковина напоминала выпотрошенную курицу без головы, вот только у куриц крылья не бывают такой длины и не напоминают больше щупальца.

Сзади чуть зашипело, и круглая пластина дверного люка отошла в сторону, плотно прижимаясь к стене. Из проема выглянул Ган, взъерошенный, измазанный маслом, в рабочем комбинезоне и в красном платке с лиственным узором на голове.

- О, здорово, брат, заходи. – Он подвинулся в сторону, пропуская Енота. Люк зашипел, вставая на место. Оружейник прошел к своему металлическому верстаку, делая приглашающий жест гостю. Тот подошел, покрутил головой, надеясь увидеть Медовую, и немного расстроился, поняв, что ее нет. Зато можно было спокойно переодеться, не думая о том, что она увидит, как он неказистый и как отличается от подтянутых чистильщиков. Ему и в голову не пришло, что на фоне ребят Мерлина тот же Ган смотрится не особо хорошо. Несмотря на худощавость у оружейника было заметно четко намечающаяся «мозоль» на животе, а худые и жилистые руки никак не были облеплены узлами мышц.

Пока Енот переодевался, аккуратно положив одежду на край верстака, Ган суетился в одном из углов. Старательно насыпал в стеклянную емкость, подозрительно похожую на одну из больших колб Фроста каких-то листьев. Залил ее водой из большого металлического бидона, стоявшего на не очень чистом полу, кинул несколько комков бурого домашнего сахара. Достал с полки конструкцию из двух тонких металлических полосок, соединенных между собой и с болтающимся проводом, оканчивающимся вилкой. Воткнул ее в розетку и загрузил в емкость.

- Ты ел, Енот? – Ган повернулся к нему, доставая мятую сигарету без фильтра из-за уха.

- Не-а, не успел. Сначала сидел у палатки... - Он вспомнил тонкую теплую Медовую, закинувшую руки ему на плечи и вздохнул. Помотал головой, отгоняя воспоминание и надеясь на то, что скоро ее увидит. – Потом к начальству пошел и все, не успел.

- Ниче, брат, это мы сейчас поправим на раз. – Оружейник, насвистывая что-то под нос, залез на ту же полку, откуда взял непонятную конструкцию. А та, медленно, но верно, каким-то макаром превращала воду в кипяток, исходя пузырьками.

Ганн достал завернутую в чистую тряпку буханку хлеба (Енот отметил про себя, что хлеб городской, пекли в пекарне у ворот), высокую металлическую банку и кусок домашней колбасы. Положил все это на верстак, вернулся к полке, мимоходом отключив шнур из розетки и накрыв емкость парящую и булькающую крышкой. Которая, на удивление гостя, оказалась круглым фильтром от противогаза, похожим на те, что входили в комплекты, выдаваемые рудничной страже. Вытащил с полки тесак абсолютно изуверского вида, длиной с половину руки Енота, с хищным клювом на конце, зазубренной спинкой и четкими линиями гравировки по всему лезвию.

- Сейчас чаем побалуемся. – Ган наломал хлеб крупными кусками, накромя колбасу и еще более жутко вбил нож в банку. Быстро прорезал крепкую жесть так, как будто это был картон. Вывалил на пластиковую тарелку из хозяйства Мамачоли тушенку (конскую, как верно определил Енот). Достал две светлых металлических кружки и еще сахару. – Ну, как-то так. Ты, братишка, прости, чем богаты, так тем и рады.

- Смеешься? – Парень проглотил слюну, невольно образовавшуюся во рту. – Самое то твое «чем богаты», когда есть хочется.

- Ну, так давай, налетай. – Ган выпустил дым, прищурился, когда сизая струйка зацепила глаз. – И вот еще чего...

Откуда-то из глубин комбинезона возникла серебристая фляжка без чехла. Оружейник открутил крохотную крышку, и в две кружки полилась темная, пахнувшая чем-то смолистым жидкость.

- Давай зараз, брат, и за упокой душ ребят и за то, что одним братом у нас стало больше. Не парься. Вернемся с задания, там и по правилам за все и выпьем, это так, чтоб тебе чуток комфортнее было. Ну, вздрогнули.

Енот опрокинул в себя кружку. Глотку чуть обожгло, в нос ударило приятным ароматом, а в желудок прокатилась горячая струйка. Есть захотелось еще больше и он, не долго думая, немедленно схватился за кусок конской колбасы, правильной, с нужным

количеством жира, с прослойками темного и светлого мяса, с еле уловимым запахом черемши. Ган закусывать не стал, лишь чуть поморщился и затаился глубже.

- Ты давай это, Енотище, кушай короче. Сейчас я еще чаек сделаю. Эх, смотри, купчик да с дымком по-цыгански. А?!! – Оружейник аккуратно, через большое металлическое ситечко разлил чай по кружкам. Енот присмотрелся: действительно, заварка была крепка. Если судить по цвету и запаху.

Ган сел напротив, добавив в чай сгущенного молока, вспоров своим жуть-тесаком откуда-то из-под верстака выуженную банку, явно привезенную из Пяти городов, где вроде как работал консервный завод. Если тушенка была домашняя, просто закатанная в жесть вручную на машинке, то сгущенное молоко явно заводское. Куда светлее домашнего, однородное, и даже с оттисками каких-то цифр на крышке. Оружейник от души добавил молока и ему, сам размешал большой ложкой из нержавейки, старой, стоящей наверняка очень дорого.

- Ты пока ешь, я тебе рассказывать начну, хорошо? – Он посмотрел на активно работающего челюстями Енота и удовлетворенно кивнул. – Тундра сказал, чтобы начали тебя знакомить с нашего склада и мастерской. Вот прям сейчас и начну знакомить.

Ган расстегнул неизменную кобуру на боку. Только сейчас Енот обратил внимание на то, что у него, имеющего их сразу две, оружие оказалось разным. С левого бока в кобуре как влитой сидел большой, матовый револьвер. На правом, из кобуры которую открыл, оружейник достал большой автоматический пистолет из вороненой стали, с накладками красного цвета на рукояти, с гравировкой в виде змеи по ствольной коробке.

- Это ствол из нашего наследия, братишка. Второй сделан уже после Полночной войны. А вот этот я лично нашел на одной «консерве».

- Где?!

- На консервации. Военные склады наших далеких предков, Енот. Там в основном была техника, но и просто вооружения хватает повсюду. Мы нашли его на самом севере Камня, когда гоняли медведоморфов по тайге. Совсем небольшой, на два танковых полка полигон. Танки... смешно сказать, без электроники, с открытыми

баками под топливо сзади. Пушки какие-то маленькие, миллиметра на восемьдесят два от силы, ни активной брони, ничего. Оружие тоже старое, сразу видно, но оно нам кстати оказалось.

А вот этот пистолет я нашел в здании там же. Комната на четыре койки, и четыре человека, вернее то, что осталось. Когда они там оказались, почему погибли, мы так и не поняли. Ясно, что люди родились задолго до Полночи, от них и не осталось практически ничего, в пыль превратились. А вот стволу повезло, хозяин его видно очень любил и берег. Чистил он его что ли... масленка рядом стояла, он ее и задел наверное. Залил ствол маслом, он и не проржавел ни капли. Да там вообще сухо было очень, ни грибка, ни плесени по стенам. Вот я его себе и взял. Хороший пистолет, как и все, что делали до Полночи, надежный и точный. Стреляет и одиночными и очередями, патроны найти легко, магазин вместительный. Это я к чему, брат? Да вот к чему...

Оружейник достал из кармана еще одну сигарету, прикурил:

- Ты же сразу, наверное, обратил внимание и на наше вооружение, и на снарягу и оборудование, что у Инженера, что у Айболита. И на то, какая разница между автоматами группы Мерлина, например, и тем, как я чай завариваю. Ничего странного нету. Все, что у нас есть, это то, что мы находили и постоянно ищем. Источники, которые нам дают возможность этим заниматься... своеобразные. Могу тебе сказать одно: увидел где-то в рейде хотя бы что-то странное, не вписывающееся в окружающее, сразу доложил командирам. Каждый раз после работы мы прочесываем те места, где живут твари. У них часто можно найти что-то, что пригодится нам же дальше.

Да, у нас есть Инженер, есть похожие на него люди в других отрядах. Их очень мало и их постоянно хочет перетащить к себе Альянс, или даже те, кто живут дальше. Почему? Потому что они настоящие, понимаешь брат, настоящие инженеры. Люди, которые могут оружие сделать из чего угодно, и не только. Но зачем, скажем, нашему Инженеру придумывать мне электрочайник, когда я и сам должен до него додуматься? Почему не додумался? Да лень потому что, брат Енот, лень-матушка. Все жду, что найду где-нибудь готовый, или Фрост раздобрится и сделает специально для меня. Я ведь ученик Инженера тоже, он меня всему научил, брат. Конечно и сам-то не

дурак, много чего могу, да и люблю с этими вот железками ковыряться, делать из них что-то новое. Мда...

Ган задумался и закурил еще одну. Тоскливо посмотрел на свою фляжку, но наливать больше не стал. Было видно, что легкое опьянение уже отпустило, и сейчас он начнет говорить по делу. Так и произошло. Оружейник встал. Подошел к стене, нажатием кода на спрятанном замке откатил в сторону фальшпанель, под которой скрывался целый арсенал. Ган взял несколько стволов в охапку, с лязгом положил на верстак, почесал свою рыжеватую бородку и продолжил. На удивление – на глазах меняясь и став похожим на Кубика, учителя арифметики в школе Енота:

- Сейчас в ходу много видов оружия, но у них есть несколько общих моментов, которые и делают те, либо иные виды наиболее любимыми везде. Калибр в первую очередь, брат, калибр. Наиболее ходовые к ручному стрелковому вооружению: пять-сорок пять миллиметров, семь-шестьдесят две сотых, полных девять и двенадцать и семь. Последних правда требуется не так много, так как идут они только к пулеметам и серьезным винтарям. Не, есть, конечно, и другие боеприпасы, особенно с южной стороны степи, где оружие в основном немного другое. К западу, насколько я знаю и на Севере, в Портах, тоже в ходу много не наших стволов.

Ну, а у нас то, что есть, что смогли найти, сберечь, начать производить снова. Тут ведь как, брат, все идет-то? Да пусть у тебя полный грузовик такого железа будет, но что ты без патронов сделаешь с ним? Вот-вот, сам понимаешь, почему Пять городов, или Звезда, вошли в такую силу-то? Потому что сразу после Полночи губернатор, которых наместник и престололюбоститель в каждый большой район назначал, поступил правильно. Видно грамотный был мужик, святыекатериновцы ему даже памятник поставили, не такой, конечно, как до Войны стояли, но все равно. А что там, что в Парме, заводов много было, тех, что для войны производили разные штуки. Да склады повсюду, те же «консервы». Вот он, и такие же четверо, из Пармы, Челябин, Салавата и Кыштымска сумели во время все в свои руки взять. И заводы по производству пороха и патронов тоже. Конечно, что мощности упали, но смогли же, и до сих пор из-за них держатся и организоваться смогли так, что все к ним только с поклоном идут. И даже умудряются с Итилем воевать, а это, брат, скажу тебе, серьезно.

Учитывая то, что мы нужны Альянсу при заключении каждого контракта, и по его завершению отряды получают премию от руководства того города, на чьей территории мы работаем. Часть премии выплачивается натурой: патроны, запасные части к машинами, оружие, медикаменты. Но большая часть закупается нами самими за счет вознаграждения от тех, кого защищаем. Ну и то, про что говорил уже, брат. Постоянный поиск...

Ну, теперь начнем изучать матчасть, то есть то, что нам помогает побеждать.

Глава девятая: учиться, учиться и еще раз учиться

«Бо уязвляли солдаты Мрака людей нещадно и раны им наносили:

И градом стальным, и огнем, и мором и железом острым.

Но преодолевают силу Их Воины, ломая силу силой, а злобу Их яростью своей

Сильны они также, и в руках своих несут смерть армии Мрака»

Книга Св.Мэдмакса (апокриф)

- Итак, Енотище, времени у нас сейчас мало, так что просто пробежимся по верхам и постараемся понять основные моменты, которые нужно знать. Потом я тебя заставлю учить все характеристики, типы боеприпасов, возможность починки оружия в полевых условиях и правила правильного ухода за ним. Но потом, сейчас только по верхам.

Твой пистолет мы оставляем тебе, разве что я немного его подрихтую. Хороший ствол, надежный. Переделка еще дополуночного оружия, но делал парень с руками и головой, а я его сделаю еще лучше. Боек уже сменил, займусь скобой и привешу одну полезную штуку. Вот тут есть крепления для фонаря, а мы сюда прибабахаем прицел, брат. Когда будешь ходить в шлеме, то точка от него автоматически будет ложиться на общую сетку прицела. Хотя это не освобождает от постоянных стрельб, так как хитрая старая электроника это хорошо, но стрелять нужно уметь без нее, а то можно попасться на том, что полагаешься только на тепловизоры и целеуказатели, а тут бабах... и сдохло все. Чего делать? Правильно, уметь стрелять из оружия без всего этого.

Вот смотри, та самая кобура, с которой ты не должен расставаться. Право на ношение автоматического оружия есть у каждого члена отряда, одобрено Положением Альянса «Звезда» и нашего особого статуса, так что никто и нигде тебя не задержит. Кобура сделана из кожи, так материал долговечный и хороший, ремни под нее можно пускать как кожаные, так и синтетические. Чего?

Искусственные, брат, вот какие. Их у нас в достатке, слава яйцам, нашли в свое время и с собой таскаем. Значит, цепляем вот этот ремень на пояс, опускаем вниз по бедру, так, чтобы рука без проблем доставала до кнопки ограничителя. Нормально, нет? Вот, теперь подгоним остальные ремни. Вот этот широкий вокруг бедра, плотно, но так, чтобы сосуды не пережимал. Понял принцип? Теперь окончательно фиксируем и получаем очень удобную для ношения и использования конструкцию. Кобуру я тебе сам подбирал, чуешь, как пистолет хорошо лежит? А теперь попробуй его выхватить... ага, вот так. Видишь, как удобно?

Да, карманы под обоймы, на, кстати, получи еще два дополнительных, набей и на место их. Одну постоянно держи в пистолете, но не досылай без надобности, оружие штука такая... всегда может выстрелить.

Так, идем дальше и переходим к ручному стрелковому. Вот, возьми вон ту длинную вольту. Это брат, самозарядный карабин, конструкция, которую мы нашли на Итиле, в подземном городе. Сейчас он полностью перелопачен, исходя из того, что у нас тогда имелось и что нужно было сделать. Калибр семь шестьдесят два миллиметра, начальная скорость пули... э-э-э, извини брат, это тебе пока рано. Короче серьезная штука, в чем-то и иногда лучше автоматов. Вот видишь, мы укоротили старое ложе, поставили пистолетную рукоять, сделали складной приклад и увеличили емкость магазина до двадцати патронов. Зачем?

Потому что еще и увеличили длину ствола, чтобы скорость пули сделать выше. Пришлось вдобавок изготовить и пламегаситель, соответственно вес увеличился. Потому и облегчили за ложа, цевья и рукояти, да так и удобнее. Карабин используют на открытых пространствах, когда автомат не дает точности попадания. Боеприпасы используются двух видов: обычные и с серебром в пулях. Первые против обычных немертвых, которых всегда достаточно много на местах Прорывов. Медленные и тупые твари, брат, но зато живучие. Карабин как нельзя лучше подходит для того, чтобы снимать их на расстоянии в голову. Вторые для немертвых разрядом выше, мда... ну и для волколаков, конечно, для того серебро и нужно. Почему? Это к Фросту, он тебе разъяснит про всякие там катализаторы и реакции в

организме, ага. Между собой называем его просто: «зубило». Потому что бьет громко, редко и точно.

Идем дальше, Енотище. Вот это две самых любимых пукалки ребят Мерлина: автоматы дальнего и ближнего боя.

Первый это прямой наследник очень хорошего автомата из нашего прошлого непосредственно перед Полночью, одна из его бесконечных модификаций. Калибр семь шестьдесят два, металл и композитные материалы. До сих пор делают на заводе где-то к востоку от бывшей Столицы, там станки и материалы сохранились в большом количестве и сам завод к рукам быстро прибрали местные. Молодцы ребята, Енот, сразу поняли, что да к чему и как себя вести. Их территория сейчас защищается со всех сторон тамошними крутыми перцами, они понимают, что завод этот необходим. Понятно, что и воевали за него, но как-то не вышло. Местные создали гильдию Оружейников, к которой присоединились ребята с Пармы, которые теперь караванами гонят им туда порох, ну а те свою продукцию. Вот потому мы зависим от Альянса, что это нигде не купишь, а нам их выдают. М-да... Магазины на сорок пять патронов, подствольные гранатометы, а вот тут, сверху, целый блок электроники, которая позволяет настроить его под систему боевых шлемов.

Второй – наша болтливая смертераздавалка, «трещотка». Делали, ясен пень не на коленке, и не здесь. Инженер принимал участие в разработке. Отырли подземный бункер, в нем небольшой склад-консерву, и документацию, прикинь? Вот там и нашли этого вот красавца. Деревянное ложе полностью заменили на пластик так как со всеми доводками тяжелым получился, но не стали делать схему с ручкой, как у карабина. Неудобно выходило, ствол перевешивал, если приклад сложить. Калибр девять миллиметров, патроны в дисках по восемьдесят штук, ствол видишь, с небольшим кожухом. Потому что скорость потрясающая, Енот, с кучностью, охлаждается долго, ведь трещотка выстреливает пули так быстро, что только успевай диски вставлять. Зато для закрытых помещений, брат, лучше не придумаешь. Размазывает тварей на раз-два и не дает возможность регенерировать с той быстротой, на которую они способны.

Это наше основное оружие, которое мы используем в повседневной работе. Иногда приходится ломать голову и быстро думать, что можно использовать против тех, или иных мутантов,

некроидов и Чужих. Это брат Енот история отдельная. Всяко нам приходилось с Инженером придумывать, только бы уничтожать всяких поганцев.

Вон видишь, на креплениях за стеллажом висит шестиствольный пулемет? Натурой получили за работу с пасечников у Симбирска. Откуда они его взяли – ума не приложу, не иначе как мародерствовали где-то в Туркестане, там такие иногда попадались. Как только голову не ломали над тем, что с ней делать. Сначала-то с дуру обрадовались, во как, какая штука хорошая, сейчас к делу приспособим, да так и не вышло. На броневик разве что установим в результате, и то, не понятно как это сделать. Патронов жрет много, запитывается от аккумулятора, отдача такая, что о-е-е-й. Думали сделать экзоскелет на Толстого, чтобы он его таскал, но запчастей не найти, чтобы подогнать на него. А обидно, штука-то хорошая...

Такие вот дела, если коротко, брат. Круты-то мы, канешна, но зависим от многого, и это плохо. Но один черт, никуда нам от этого не деться, а работу делать нужно, сам понимаешь. Вообще мне на Базе нравится, там и мастерские хорошие, и всегда есть кому помочь. База? О, Енот, База это наш дом. Увидишь, конечно, куда ж ты денешься. Она у нас недавно, лет пять от силы, как там оказались. Что? А это ты у Тундры спроси, я не в курсе. Меня подобрали десять лет назад, совсем пацаном в рейде за Камень. С тех пор вот и в отряде, и ничего другого пока не хочу. Ну, хватит на пока, давай брат, дуй в соседний отсек...

- А, уважаемый Енот, у Гана были? Прекрасно, значит, вводный оружейный курс вам прочли. Ну, те-с, присаживайтесь, продолжим у меня. Итак, о чем нам с вами поговорить? Давайте-ка, наверное, пообщаемся о том, вернее о тех, с кем мы призваны бороться. Это вам нужно знать для того, чтобы понимать где, с чем и как отряд, и вы в частности, может столкнуться. А также что и как, самое главное, при этом столкновении делать. Меня, как руководителя научно-технического и медицинского блоков отряда это весьма волнует. Так как и штопать ваши дырки, и заниматься всей убийственной машинерией, которой вам, возможно, придется применять, заниматься моим людям и мне в частности.

Практике создания отрядов, подобных нашему, не так уж и много лет. Всего около пятидесяти. Первые зарегистрированные в

документах альянсов, федераций, вольных городов и земель, упоминания о чистильщиках относятся к предпоследнему десятилетию прошлого века. То есть где-то ко времени, когда после Полуночи прошли первые десять самых плохих и страшных годов. Упоминания о прецедентах организованной борьбы с творениями Прорывов, существами некросферы и генноизмененными и мутировавшими солдатами прошлых лет есть, несомненно, и раньше. Только в основном они носят отрывочный характер, без каких либо систематизации и упорядоченности. Как правило, это были самоорганизованные добровольные отряды местных жителей, наемные отряды военных, которых хватало в достатке и наспех формировавшиеся подразделения самозащиты вновь создаваемых очагов человеческой культуры и цивилизации.

Как результат, Енот, это то, что результаты выходили не самыми лучшими. Методы научного тыка, равно как проб и ошибок, выходили остаткам человечества очень дорогими. И по используемым материалам и по самому важному и главному на тот момент — генофонду. Здоровые и сильные мужчины гибли в боях, в которых их шансы были не такими уж и большими. Ведь если целые государства не смогли до конца решить проблему прорыва и открывшейся некросферы до Полуночи, то, что говорить о разобщенных, испуганных и разрозненных остатках человечества с мизерным тогда и только начавшим восстанавливаться потенциалом. Как все мы прекрасно знаем, полной катастрофы не произошло, равно как и длительной ядерной зимы. Что такое ядерная зима? Хм... вам этого пока знать не нужно, потом как-нибудь, хотя похвально то, что вы, Енот, стремитесь это узнать.

Так вот, вновь появившийся в отряде новобранец, мы, то есть люди, смогли выкрутиться. Как и обычно, впрочем. Очередной катаклизм нас проредил, но не уничтожил, хотя лицо и характер нашей с вами планеты изменился до неузнаваемости.

Три основные проблемы, которые возникли перед нашими предками, это территории Прорывов, мутации и некросфера. Если опыт борьбы с первыми уже имея и потеряться не успел, равно, как и линия Фронта выдержала испытание войной, то со вторым обстоятельством бороться оказалось намного сложнее. Прорывы не хаотичны, они упорядочены и давно известны их векторы и основные

точки Проколов, оставшихся Проколов. Ведь вся Полуночная война была не чем иным, как попыткой уничтожения их с применением тогдашнего оружия. Кое-где получилось, кое-где нет. А ведь большая часть ударов наносилась по территории нашей страны, и некоторых сопредельных государств, на которых находились основные места Прорывов...

Нам досталось намного сильнее других, хотя те, кто жил здесь до нас в долгу не остались. Длительное время Прорывы молчали, и никто из них не появлялся. Было ли это тем самым запланированным результатом, либо дело в чем-то другом – неизвестно. Но те из руководителей вновь организованных территориальных формирований, что зажали средств, людей и сил на восстановление Фронттира у себя, наверняка впоследствии пожалели. Узнать это наверняка мы не сможем, теперь это те участки нашей земли, которые называются Гиблыми землями, либо Территорией тьмы.

Некросфера? Тут вопрос сложнее, уважаемый мой Енот. Дело в том, что механизма ее происхождения до конца так и не прояснили, либо результаты исследований потеряны. А, может, и хранятся у какого-то князька в сейфе, абсолютно ему ненужные, но сохраняемые по принципу чахнувшего Кощея. Кто такой Кощей? Енот, не забудьте напомнить мне, чтобы я дал вам из своей библиотеки книгу Пушкина, вы же читать-то умеете? Вот и хорошо, продолжим.

Некроидные формы жизни в некоторых случаях намного опаснее как существ Прорыва, так и мутировавших животных форм. Наше счастье, что их не так много и они не радуют своим разнообразием. Как правило, все они сводятся к восставшим не-мертвым формам, основными инстинктами которых являются агрессия и голод. Очень редко они организованы в какие-то подобию стай, что для нас по сути даже лучше. Я имею в виду работу отрядов чистильщиков, каждая группа некроидов, по каким-либо причинам сбившихся вместе, ускоряет нашу работу в районе ассенизации. У них, в отличие от существ Прорыва и мутантов, очень низкий уровень интеллекта, что еще больше упрощает нашу задачу. Но скидывать их со счетов, особенно в вашем случае, было бы весьма самонадеянно и глупо.

Да, чуть было не забыл, мутанты. Это, уважаемый Енот, вопрос отдельный и широкий. Большая часть мутировавших форм жизни единичны, слабы и неспособны к воспроизведению. Это, как правило,

жертвы радиационного фона и воздействия токсинов вкупе с агрессивными формами геновирусов и прочих микрокультур, вторгающихся из зон Прорыва. Тем не менее, и среди них достаточно экземпляров, которых мы призваны уничтожать безжалостно и нещадно, из-за их опасности для людей. Но, как и обычно, мы придумываем законы, а природа их нарушает. Несколько примеров, чтобы далеко не ходить: волколаки, медведоморфанты, степняки и вы, к слову, Енот. Вы же помните, что и вы являетесь мутантом, но ваша регенеративная система, более чем уверен, работает как часы. Хотя и это мы тоже проверим. Не открою вам страшного секрета, если скажу, что вся группа Мерлина, как и вы, как и Файри, не совсем обычны и стандартны.

Отсюда и результаты, которые они демонстрируют: ускоренные реакции организма, регенерация, отличающаяся от обычной человеческой в разы и дающая сбой только в самых серьезных случаях и прочие составляющие. Но поймите, Енот, это не то преимущество, которым хвастаться по сути нельзя и ненужно. Мы можем держать мутации в руках, контролировать в меру возможностей, но не более того. А те, кому не повезло оказаться в наших рядах? Большая часть наших государств проводит политику сегрегации, вычищая генофонд самыми жестокими методами, и винить их в этом нельзя. Слишком страшны последствия неуправляемо протекающих изменений, как в физической, так и в психической составляющей человека-мутанта. Да и внешние факторы...

Самой страшной формой мутации для человечества оказались опыты, как обычно – опыты военных. В конце первой половины прошлого века, в большинстве тогдашних крупных стран был снят запрет на евгенику, то есть науку изменения человеческого тела. В малых государствах, как мне кажется, на такой запрет всегда было глубоко наплевать, лишь бы был толк. А официальное разрешение на опыты лишь подстегнуло многих ученых, мнящих себя создателями и демиургами. Как результат, Енот, то, что давно было готово в теории, немедленно реализовывали на практике. Кем были первые управляемые мутанты? Очень просто: военные добровольцы, хотя сомневаюсь в их добровольности и преступники, которым смертную казнь заменяли на участие в опытах. Ну да, тоже совсем даже добровольно, надо полагать. Плюс перенаселение, которое

способствовало тому, при необходимости в какой-либо военной и закрытый исследовательский комплекс запросто могли привезти грузовик, доверху набитый мигрантами, ищущими себе лучшей доли. Представляете результат?

Ведь численность их измерялась даже не сотнями, этих людей, превращенных в самых совершенных солдат, готовящихся к новым войнам. И сколько их и во время, и после Полночи оказались свободными и могущими делать то, что захотят? Представьте себе, что творилось с психикой этих созданий, изувеченных и измененных во имя каких-то там им неведомых результатов? Сколько злобы и ненависти, заключенных в тела, приспособленные выживать, воевать и убивать практически в любых условиях. И все это обратилось против тех, кто про них возможно даже и не подозревал, и что с того? Вот они, чьи тела изнаются еще не скоро, подпитавшиеся в свое время радиацией, в противовес всем теориям - так и не ставшие стерильными, либо, подобно некоторым видам живых форм, вернувших себе способность к воспроизводству, и есть самые главные наши противники. Именно они, Енот, именно они, солдаты нашего собственного, вручную слепленного апокалипсиса.

Воды не хотите? А то у меня горло пересохло, если честно. Хани, дорогая, сделайте мне чаю, пожалуйста. А еще лучше кофе. Спасибо, радость моя. Енот, Е-н-о-о-о-т!!!

Так молодой человек, ну-ка, подвиньтесь поближе ко мне. Итак, слушайте внимательно и запоминайте. У нас в отряде нет казарменных порядков как у вас в страже, или в любом из силовых подразделений Альянса. Благодаря неумной доброте и мягкости характера нашего командира у нас царит веселая анархия, которую иногда надо бы пресекать. Но с вашей стороны я не хочу видеть ее проявлений до того самого момента, как вы не станете наконец полноценным членом коллектива. И пялиться на Медовую с видом глупого и влюбленного щенка, в то время, как я стараюсь донести до вас хотя бы что-то - запрещаю. Хани, вам смешно?

Вон в том холодильнике, который дальний, лежит давно замороженная тварь из подземного коллектора города Жигули. Помните, ее еще Чунга притащил во время последнего рейда? Давайте-ка, милочка моя, займитесь уже исследованием. Вскройте этого грызуна, внесите все в журнал и займитесь исследованиями ее

костной и мышечной системы. Что значит за что? Ни за что, а потому что надо, дорогая Медовая, служить людям и науке, мало ли, вдруг там таких существ огромные стаи, а мы точно не знаем, как с ними бороться. Кто предупрежден, тот вооружен, как известно. Спасибо за кофе, дорогая. А за язык еще и пищеварительной системой займетесь, и не нужно кивать на Фроста, он занят. Продолжим?

Итак, основные моменты, связанные с нашими противниками я вам изложил. Теперь перейдем дальше к истории, чтобы вы поняли то, что лежит в основе организаций вооруженной ассенизации земель. К слову, раньше это слово применяли исключительно к городским золотарям... а теперь к нам, такая вот коллизия. Хотя, так то оно верно, мы занимаемся ничем иным, как очисткой дома от отходов собственной жизнедеятельности.

Как и говорил, первые отряды создавались в восьмидесятые годы прошедшего столетия. Они, как формы силовых подразделений, подчиняемых только руководству создавших их территориальных формирований, просуществовали около двух десятков лет. А потом стали выявляться все основные минусы.

В первую очередь то, что никто не хотел давать пользоваться собственным отрядом в случае, когда аппетит на оплату намного превышал возможности. Во вторую случаи, когда чистильщиками затыкали дыры во время военных действий, и они просто гибли. Представляете, Енот, как это отражалось на самой работе? Да, все наши отряды могут воевать, да еще как, это понятно. Но ведь наша основная забота – очистка территорий для того, чтобы люди могли на них спокойно жить и пытаться восстанавливать нашу с вами цивилизацию. Это и есть самое главное, запомните, уважаемый мой, что самое главное: не дать скатиться человечеству еще ниже там. Пусть это будет невозможно хотя бы там, где мы можем хотя бы что-то.

Так вот, Енот, уже двадцать лет, как в Положение Альянса «Звезда», равно как и в тексты договоров со смежными территориальными образованиями, где действуют подобные отряды, внесено несколько изменений.

Мы вне политики, вне войн и вне подковерных игр. Единственное, чем занимаются отряды чистильщиков, это уничтожение мутантов, монстров, тварей Прорыва и некроформ.

Больше ничего, только это. У нас свой особенный статус, в который не может вмешиваться никакое должностное лицо рангом ниже главы образования или владельца территории, если она принадлежит аристократу. Подчиняемся мы только совету Альянса и более никому.

Такие-то вот дела, уважаемый юноша, в которые вы попали. Сами понимаете, что не все выглядит так гладко, как я сейчас рассказал. И случай с вашим бывшим командиром тому яркий пример. Но поймите еще и вот что: пока вы в отряде, бояться вам нечего. Если только не переступите закона, и не совершите что-то, после чего мы не сможем вам ничем помочь. Во всем остальном командование как нашего отряда, так и других, с которыми вы познакомитесь, надеюсь впоследствии, всегда окажет вам всю необходимую поддержку. А вообще я рад тому, что у нас появилась свежая кровь... да и не только я один, верно, Медовая? Как там с результатами по крысе, о которых я вам сказал? Что? А, да, вас Айболит заждался.

- Так, что это у нас здесь за ходячий переносчик нестерильности, а?! А, Енотище, это ты. Ну, давай-давай, заходи. Ты, как я понимаю, пришел для получения инструктажа. Садись вон туда, только сначала либо сними ботинки, либо завяжи на них бахилки. Лиса, а выдай-ка нашему новому товарищу бахилки, нечего тут грязь таскать. Да ты, брат, небось все еще с тем лохматым страшилищем приперся, да? Вон там умывальник, с мылом руки, лицо и прочие части тела. Эй, эй, по поводу остальных частей тела, если что, так я это пошутил. Присаживайся, и давай заодно мы тебе давление померяем, и артериальное и венозное.

Ага, ага, прям здоров как космонавт. Предупреждая закономерный вопрос, который наверняка уже образовался в твоей, возможно умной, голове, скажу, что не знаю, кто такой космонавт. Поговорка такая, специально-врачебная.

Так, головка не бо-бо? Ухо не отросло, хе-хе? Лиса, ты давала воину пилюльки? Давала... ну и умничка. А ты, воин, пилюльки-то мои пил? Не пил, а что так? Раз доктор сказал - пей пилюльки, так надо пить. Ну-ка, орел горный, раз-два, прожевал и быстро запил вот этой, абсолютно дистиллированной, стерильной и бесполезной аш-два-о. Вот молодец, послушный мальчишка. Лиса, а ну сделай у Енота еще один забор крови из вены, сейчас мы у него сифилис, черную

лихорадку и диарею искать будем. Чего говоришь, Енотище, не болеешь? Да я знаю, но искать будем. Ибо нет людей здоровых, а есть не до конца продиагностированные. И не до того конца, что ты сейчас подумал, начинающий извращенец. Рукавчик-то закатай, кулачок раз-два, раз-два, вот, помогай моей медсестре. Она у меня одна и других нет. Прости дорогая, по поводу конца вырвалось, не мог удержаться.

Значит так, воин, слушай внимательно. Я и мои коллеги отвечаем за вашу жизнь и нормальное физическое состояние, по мере возможности, конечно. Отвечать за группу безумных и двинутых на всю голову агрессивных маньяков, обожающих свои пушки и всякие нестерильные канализации и подземелья, в которых приходится работать, мы не можем. Равно как и контролировать то, сколько они заливают в себя спиртного после рейда, какие сомнительные удовольствия ищут в рассадниках венерических заболеваний городов и какую дрянь жрут во время зачисток, абсолютно при этом игнорируя мои просьбы и инструкции. Но пока все вы здесь, в расположении отряда, ваши тела ежечасно мною контролируются и проверяются. Про курение говорил, что за него бывает на каждом регулярном осмотре?

Ага, судя по выражению лица, необычно вытянувшегося и погрузневшего, говорил. Это первое, а второе... а ну-ка дыхни. У кого был передо мной? А, понятно, колдыришь значит с самого со сранья, ну-ну. Клизму может тебе поставить, оно ведь полезно... не будешь больше? Ой, зарекалась свинья экскременты не кушать, ага. Ладно, нормально все. Ежели похмельем страдаешь, и похмеляться не научен, так ты заходи, поможем. А то, мы ж врачи, клятву Гиппократу давали, да, Лиса? Да ну и ладно.

От ты ж балабол ты, Енот, совсем отвлек от темы инструктажа. Значит, воин, у каждого члена отряда с собой всегда должно быть что? Неверно, не пистолет, хотя это тоже. У каждого члена отряда с собой кроме индивидуального стрелкового и холодного оружия должны быть средства медицинской помощи. А именно: аптечка полевая, жгут и индивидуальный перевязочный пакет. Желательно бы еще и аптечку-то автоматическую, да с анализатором, чтобы всяким там умникам, которые только и умеют, что палить из стволов и получать травмы и ранения разного вида и степеней тяжести, не приходилось выдумывать что да как сделать, если в бедре рваная рана, нанесенная абсолютно антисанитарийными когтями болотного топца, к примеру. Но это,

Енотище, роскошь дорогая и редкая. Позволить себе такие штуковины могут только личные подразделения охраны администрации Альянса, эхех.

А теперь по порядку, с ИПП, сиречь индивидуального перевязочного пакета. Штука в некоторых случаях, воин, просто незаменимая. Вот, например, подерет тебя обычный некроид прямоходящий, в простонаречьи топтун, или, как это почему-то модно, зомбьяк. А тебе, понимаешь, некогда от потери крови впадать в обмороки и не успевать дойти до командира, ибо рация сломалась. И что делать?! Применять ИПП, конечно, благо, что пользоваться им тебя научит наша замечательная медсестра Лиса. И вот, вместо того, чтобы с побледневшим от кровопотери лицом, опираясь на верный автомат и кусая губы стараться еле идти, ты применяешь свой индивидуальный пакет. И идешь вперед почти ровно, ну чуть пошатываясь, с почти нормальным цветом лица и в ботинке у тебя не хлюпает влага жизни. Понимаешь, как тебе повезло, Енотище?!!

То же самое и со жгутом, который резиновый. Я тут давеча был в вашем городишке, та еще дыра, скажу тебе. И там, возле администрации видел нескольких оболтусов с оружием, якобы охрану. У каждого из этих полоумных на прикладах намотаны жгуты. Не знаю, выдавали ли вам их в твою бытность стражником, Енот, но у нас такого не будет. Запомни, юный борец со злом, что так поступать нельзя. Говорю тебе это как полевой хирург, получивший соответствующее образование. От такого способа носки, под воздействием прямых солнечных лучей, перепада температур, сырости, ветра, грязи и прочих факторов, материал жгута приходит в полную негодность. И вот лежит перед тобой, содрогаюсь в корчах и судорогах, брызгая своей совсем молодой артериальной кровью, наша прекрасная техник Медовая. Ибо попали в нее пулей недруги, и перебили один из основных кровеносных сосудов на бедре. Ну а ты, конечно, абсолютно верно накладываешь жгут чуть сверху, начинаешь его затягивать, и... ба-бах!!! Лопнул, а у нее с собой нет, в лагере забыла. И все, друг мой, и все, не смотреть тебе больше в ее ясные и чудесные изумрудные очи. Представляешь? А вот если бы ты жгут на прикладе-то не таскал, так глядишь и спас бы эту очаровательную девушку, мда...

Да это я так, образно постарался нарисовать тебе ситуацию, не пыхти. Идем дальше, аптечка.

Аптечка у нас носится в не очень удобной металлической коробке, на поясе, в специальном подсумке. Отсеков в ней три, и все там разложено и закреплено правильно и именно в таком порядке, чтобы не запутался даже самый глупый и ленивый балбес. Ты ведь у нас не из таких? Итак, что у нас есть в этой волшебной коробке, друг мой.

В первом находятся ампулы-самовпрыски, с удобной маркировкой, которую нужно будет обязательно запомнить. Сыворотки, обезболивающие, тонизирующие и общеукрепляющие препараты. Во втором тоже самое, но индивидуально. То есть там находятся собственноручно изготавливаемые нами коктейли для каждого члена отряда, разработанные оп результатам анализов и исследований каждого параметра. Твоими займемся позже, на Базе, так как во время рейда мы можем все-таки произвести только экспресс-анализ. Полагаю, Енотище, что Инженер уже рассказал тебе трагическую историю о том, как мы раскрыли твою тайну и вывели на свет божий всю правду о том, что ты мутант, да? Эт ничего, твой позорный недуг мы превратим в пользу для общества, гы-гы. Чего это я, а, да!

В третьем отсеке обеззараживающие таблетки для воды, гемоклей, хирургическая нить с иглами, и несколько наших ноу-хау, созданных на основе растительного сырья. Вот, в принципе, и все, что есть в этом волшебном ящичке с сюрпризами.

Так, в общих чертах я тебе кое-что все-таки рассказал. Но предупреждаю заранее, что тебе предстоит пройти курс оказания первой помощи, который преподавать буду я, и изредка мои коллеги. А теперь иди, новый спаситель человечества, и не забудь про средства предохранения, прежде чем пойдешь в бордель с первой зарплатой. Да шучу, шучу. Помни только про курение и простату.

И еще, не забудь про то, что жизнь наша, быстротечная и легко прерываемая, есть самое дорогое у нас, что осталось в этом погибающем, поганом и очень любимом мною мире. А все те, кто входит в наш отряд мне особенно дороги, и потому тебе нужно будет четко запоминать все то, что будут объяснять. Чтобы выжить самому и помочь выжить остальным, в том числе и мне, к примеру. Вот вдруг у меня дыхательные пути закупорятся, а ты даже простейшую

трахеотомию ножом сделать не сможешь, а? Чего, что такое трахеотомия? Хм, да пакостная это штука, Енотище, и не приведи тебе святой Мэдмакс ее когда-либо делать.

Все, давай уже иди, тебя там Тундра в столовой ждет, звонил давеча. И не забудь про то, что вечером на перевязку и уколы.

- Давай подходи, боец, присаживайся. Бери ложку и рубай давай, а то ведь ни ел ничего наверное. Ел? Ну и ничего, тебе полезно, а то ни кожи, ни рожи, не говоря про мускулы. Мамачоля, давай ему сразу добавки, он у нас раненый, ему выздоравливать надо. Чего там у тебя сегодня-то вообще? Суп гороховый, говоришь? А откуда горох-то? В городе купила, у фермеров на рынке, угу. Енот, у фермеров-то покупать можно, ни у кого потом кожа там зеленой не становилась? Ага, эт хорошо. Мамочка, ты знаешь-ка чего, как всех накормишь, так дойди до моего отсека. Выдам денег, возьмешь «скаут» вместе с механиком и Кувалдой, и езжай на рынок. Не поздно ведь, Енот? Базарный день, говоришь, эт еще лучше.

Закупишь там еды на подольше. Что значит насколько? Я же сказал: на подольше. Сама разберешься, немаленькая уже и не жалуйся, а вечером консервы откроем, которые в Парме закупили, чего они на складе просто так лежат. И правильно, нечего им долго там лежать, дорогие слишком, чтобы потом не приведи господь вседержитель, взять и выкинуть. Что, боец, у вас-то в городе, как я понял, особо голодать никому на твоей памяти не приходилось?

Это хорошо, а я вот вырос в бывших центральных губерниях. Вот там было страшно, боец, действительно страшно. Нет, не из-за тварей, хотя их там тоже хватало. Из-за людей. Мы те еще твари, Енот, те еще скоты и сволочи. У вас-то здесь и земля плодородит, и скот разводить можно. А у нас там у кого я пяток куриц было и свинья поросила из шести двух нормальных поросят, так тот зажиточным считался. Крупы те же возили за такие деньги, что представить страшно, да и откуда у нас там деньги-то?

Все выжжено, исковеркано, выживай как сможешь. Банды, секты какие-то, людоедство. Это сейчас там относительный порядок, особенно после того, как там начали форты ставить. А раньше? Веришь-нет, но у нас рядом деревенька стояла, в пять дворов. Такие же, как мы, с бору по сосенке, кто откуда. У них совсем плохо было, так

мужики там как-то раз решили, что они круче всех. И первым делом к нам поперлись, из-за того, что у нас стадо коров было, в десять голов и с караванами пятеро парней ходило, домой привезли две коробки каких-то консервов и пшеницы сколько-то там мешков, сеченой.

Соседи, боец, представляешь? До того вместе мародеров отгоняли, а тут сами... сожгли их тогда мужики наши. Детей с бабами куда дели – не знаю. А через месяц и до нас черед дошел таки... ладно, чего я тут сижу и ною-то?

Так, ты Енот, давай рубай, а я пока тебе расскажу: что да как в отряде. Понимаю, что ты сам уже многое понял, но инструктаж есть инструктаж.

Капитан командир, и каждое его распоряжение нужно выполнять не задумываясь. Обсуждению они если и подлежат, то потом, после выполнения. Тем более, что командир наш не ошибается. У него два заместителя: я и Инженер. Инженер отвечает за все, что связано с научной основой отряда, медицину и технику. У него в подчинении находятся ученые, врачи, оружейник и собачник. Но последние только в случаях, связанных с функциональностью, исследованиями и разработками чего-то нового. В боевой обстановке оружейник полностью поступает под мою команду. Также как и кинолог, когда идет на зачистку.

Я отвечаю за обеспечение отряда, боевую составляющую и координацию действий всех групп и ярких индивидуальностей, типа Гана. Раньше в армии было такое понятие, как начальник штаба, вот я он и есть, как по сути, так и по содержанию. Все операции и зачистки разрабатываются Капитаном, мною и Инженером. Понятно, что без Мерлина и Виннету дело никогда не обходится. Кстати, сынок, скорее всего тебя будем планировать использовать именно в группе Виннету. Так, чего это ты на меня так вскинулся, а?! К Мерлину, наверное, хочешь попасть? Извини, боец, не получится, тут требования несколько другие. У нас уже давно нехватка бойцов у чистильщиков. Как Оборотень, Рыжий, Пиноккио и Крот... эх. Нет у нас пятой и шестой «двоек» Енот, и, наверное, не будет. А если и будет, то очень нескоро.

Почему? Потому что вот так. Позже узнаешь, как попадают в группы типа той, что командует Мерлин. Тебе уже поздно, очень поздно. Да не расстраивайся ты так, у Виннету тебе тоже скучать не

придется. Представь только, что такое разведка, наши глаза и уши. Это, боец, не то, что серьезно, это просто жизненно необходимо иногда. Тем более что поддерживать группу Мерлина обычно разведка и идет, так как больше некому. Вот там тебе и выпадут героические подвиги и прочее.

Самое главное, что ты уже, наверное, понял, так это сама работа. Ты парень молодой, но голова у тебя явно работает, понимаешь ведь, что это тяжело и непросто. Героизма-то мало, а вот возможности погибнуть много. Хотя тебе этот вариант всяко ближе, чем служить в городской страже, так ведь? Вот и я так думаю. Бери второе, Мамачоля сегодня сама себя превзошла. Это же настоящий бигус, представляешь? Картошка, капуста, домашняя копченая колбаса, мясо и немного сала, давно, небось, такого не пробовал?

Хочешь поквитаться с вашими серыми подземниками? Вижу, что хочешь. Это правильно, боец, полностью тебя поддерживаю. Я вот тоже, хочу встретиться с теми уродами, что мой дом спалили, вместе с семьей. Сам-то как жив остался? А они меня продать хотели, поймали в поле, когда шли к нам. А дом сожгли со злости, отец с братьями их троих положили из ружей. Подперли дверь, подожгли и расстреливали мать с сестренками, когда отец их из окна выбрасывал... суки.

Удрал тогда, успел, правда, одному горло перерезать и ушел в сторону в сторону Итиля, к дороге. Меня караван подобрал, который шел в сторону Жигулей. На караван по пути напали, те, что при Прорыве выходят. Нас в живых осталось не больше десяти, когда отряд Ржавого подошел. Он их давно отслеживал, а тут не успел вовремя. У них и остался, при Капитане. Но он тогда Капитаном был только на словах, ходил заместителем Ржавого. А через пару лет уже свой отряд набрал, и Мерлина с ребятами ему как раз тогда и дали. С тех пор вместе, всегда рядом.

Так что в любом случае, но быть тебе боец в моем подчинении. Хотя, сдается мне, Инженер-то не очень хотел тебя к себе. Он когда этого хочет, так сразу понятно. В любом случае, разберемся до конца на Базе. Сейчас пока будешь присматриваться. Ночью, завтра, так как Айболит сказал, что ты с утра будешь как огурец, пойдешь в город с Мерлином. Тут уж ничего не поделаешь, надо. К нему, кстати, отправишься прямо отсюда. Он тебе скажет, что да как завтра сделать. Посмотришь, как они готовятся к дежурству. Чего? Про Виннету,

девочек и расчет не объяснил, и про Близнецов? Любопытному Еноту оторвали... короче без разницы, чего там оторвали. Да разберешься сам, со временем. Девочки, разве что, вольные охотницы, которые в этом нашем рейде решили примкнуть именно к отряду Капитана, вот и все. Кувалда с Румпелем и Близнецы – наше усиление и караульные, образно выражаясь.

Требования у меня простые, но жесткие. Заступаешь в караул на ночь, или даже день, так заступаешь. Не знаю, как оно у вас в страже было, как вы там службу несли, но первое время буду тебя проверять постоянно. Попадешься на нарушении – пожалеешь. Снаряжение и амуницию получишь, естественно, те, которые тебе подойдут, и которые выберешь сам. На довольствие тебя уже поставили, и на вещевое, и на продовольственное. По окончании рейда и операции, исходя из положения и статуса, каждый член отряда получает денежную премию, которая идет отдельно от жалования. Его выплачиваем регулярно, из общего фонда всех отрядов. Это чтобы ты знал, что находясь в составе ассинезационной территориальной команды, ты рискуешь очень многим, в первую очередь самой жизнью, но и получаешь немало.

Распорядок дня для тех, кто не занят в карауле, дежурствах, обучении или хозяйственной деятельности – свободный. Но к тебе это ни в коей мере не относится. Тебе до этого также как до Монгольского ханства раком. Также далеко, и также тяжело. Но ты же парень у нас сильный, и наверняка справишься. Но трудиться тебе предстоит много, и на несколько месяцев вперед твоя жизнь будет выглядеть так: караул-учеба-наряд-караул-учеба-наряд и так далее, правда не до бесконечности. В конце концов, ты станешь тем, кем я хочу тебя видеть.

Ну, а теперь иди, боец, по направлению вон к тому здоровому броневику, и поступай в распоряжение к страшному Мерлину, пусть только и для начала твоей учебы. И вот еще что, передай ему, что Кувалде я разрешил. Да не важно, что разрешил, сам поймешь, когда передать.

- Твою за ногу, Толстый, за каким, спрашивается, хером ты ленты разбросал на столе? Чего? А в специально отведенном месте тебе их не снаряжается, а?! Да ничего, если не считать, что мне автомат негде

осмотреть. О, здорово, Енот. Ты чего пришел? Тундра прислал, для начала обучения? Вот молодец наш Тундра, ничего не скажешь. Парни, вы только подумайте, нам через сколько выходить в город? Вот и я про тоже, а мне еще и ученика прислали. Ну, дела...

Ладно, хрен с ним. Давай садись вон туда, смотри, слушай и не мешайся под ногами. Да без обид, без обид, сам видишь, заняты мы немного. Как там Ферзь, пристаёт к Лисе? Ну все, значит скоро на поправку пойдет. Слышь, Мусорщик, я тебя сейчас заставлю взять вон тот гранатомет с собой и два комплекта боеприпасов к нему, если ты ржать не прекратишь. А это чего такое, а?!

Кувалда, растудрит твою в качель и вперехлест через башенный пулемет, ты куда собрался, воин святого Мэдмакса? Можно? Можно Машку за ляжку, козу на возу и с разбегу в телегу, а все остальное разрешите. А я, как командир группы, не разрешаю. Да мне по барабану, что ты сейчас говоришь. Ну, давай, давай, вякни еще чего-нибудь. Вот и иди к старшему офицеру отряда господину Тундре за разрешением. Что ты говоришь Енот? Уже разрешил... очуметь, вот не хватало мне еще таскать с собой бородатого рыжего и агрессивного маньяка. Оно тебе зачем надо, дурень ты квадратный? Ну, лежит Румпель в лазарете, и что? Иди вон в город, напейся, морды поколоти кому-нибудь, оторвись. Нет, надо с нами переться, а если что с тобой случится? Что потом мне Капитану говорить, не подскажешь? Етит-колотит, ну что за жизнь такая, воины...

Енот, смотри внимательно, говорю один раз, запоминай. Сегодня мы идем в город в том же, что было у фермы. То есть полностью в защитном снаряжении, которое тебе также придется носить... возможно.

Варяг, дай кирасу. Смотри, вот это комбинированная защита корпуса, выполненная в виде кирасы. Сделана из композитных материалов, из-за чего очень легкая и удобная. Что такое композитный материал тебе объяснит Фрост, если ты до него докопаешься. Выдерживает прямое попадание пули калибром до семи и шестидесяти двух миллиметров. Девять останавливает не всегда. Одевается либо через голову, либо сбоку, смотря по тому, как тебе будет быстрее и удобнее. Затягивается ремнями, находящимися по бокам и потом закрываемыми специальными клапанами. Но сначала под нее одевается специальная дополнительная защита гибкого типа,

созданная по кольчужному типу, закрывающая сгибы рук и ног, а также основные сосуды кровеносной системы и жизненные органы. Выполнена из специальных полимерных материалов на заводах Синдиката, которые полностью восстановили часть оборонных технологий прошлого.

Когда одевается сама кираса, то сверху мы крепим наплечники, налокотники, защиту бедер, наколенники и щитки на голени. Со шлемом ты уже знаком, так ведь? Все это очень легкое и удобное, для тех кто привык, конечно. Тебе придется намного сложнее, придется привыкать двигаться в защите, спать, есть, сидеть. Вон видишь, как быстро Мусорщик помог упаковаться Толстому, это, Енот, уже привычка. Без посторонней помощи, кстати, не совсем удобно все это надевать.

А, да. При обучении на Базе тебе, возможно, придется иногда обходиться и без брони. Ну, а что делать? Все мы с этого начинали, надо уметь побеждать и без нее, чтобы не рассчитывать постоянно. Идем дальше.

Вся эта снаряга стоит безумных денег, и у нас ее ровно столько, сколько можем себе позволить. По полтора комплекта на брата, образно говоря. Но запомни, что нам лучше в хлам убить эту самую, дорогую защиту, чем потерять одного из братьев. Вся эта броня дело наживное, тем более, что наши услуги всегда хорошо оплачиваются. Да и в рейдах всегда можно найти на чем еще заработать.

Вот эта хрень, на которую ты в полупьяном состоянии в том самом салуне пялился с просто непередаваемым восхищением, очень важная штука. Называть ее можно как угодно, но мы зовем все это сбруей. Система ремней, подсумков и карманов, в которых находятся наши боеприпасы, необходимое снаряжение и прочая амуниция. Аптечка всегда должна быть вот здесь, сбоку, под правой рукой. А с левой стороны, в двух вот этих карманах – жгут и ИПП. Именно так, запомни. Если что-то с собой случится и рядом никого не случится, ты автоматически должен доставать все это. Если с тобой что-то случится и рядом будет кто-то из наших, они всегда сначала полезут именно в эти карманы.

Так, подсумки на груди. Они для магазинов. Сегодня мы берем с собой вот эти стволы. Если ты был у Гана... был, это хорошо. Значит, ты должен знать, что это оружие не для ближнего боя, а почти

универсальное. Инженер провел анализы по тварям, из-за которых сегодня с собой серебряных магазинов не берем. Тварям оно без разницы, то есть сталь и свинец, именно они. Но обычно магазины делим поровну, потому, что всегда поначалу неясно то, с кем придется иметь дело. С правой стороны вешаем магазины, снаряженные обычными пулями, да, именно так. Серебряные - с левой стороны, не перепутай.

На пояс цепляешь гранаты к подствольному гранатомету, если таковой имеется. У нас таких в наличии всего три: у меня, у Волка и у Кота. К сожалению, если быть до конца честным, но ничего не поделаешь.

Ну а остальные добиваем всем необходимым. Обычные гранаты, приборы типа детектора движения с тепловизором, которых тоже всего две штуки. Нож в обязательном порядке, патроны в пачках в подсумки, которые вешаем сзади. Это что? А это, Енот, наша последняя надежда и довод, когда кончаются патроны. Меч ни меч, шпага ни шпага, клинок, в общем. Крепится в ножнах с левого бока и чуть сзади. Подгоняем так, чтобы не мешался. И чтобы можно быстро выхватить если что. Научишься, куда ты денешься. Господин старший офицер у нас мастак по этому делу, обучили хорошо.

Что еще тебе рассказать, времени-то уже маловато, скоро в город. Да как, как, обычно. Это работа, Енот, тяжелая, но работа, и мы и не умеем больше ничего. Сколько лет уже, Варяг, пятнадцать? Сколько?!! Ты серьезно, что ли? Ох, и ничего себе, я чего-то думал, что меньше...

Глава десятая: вторая встреча, неожиданности и определенность

*«Хитер сатана Диавол, и темны пути его,
Коими идет он к людям и к власти над Миром.
Душа же человеческая слаба и жаль людям себя,
И берет Диавол их в руци свои через страх тот и жалость.
Камнем гранитным, сталью боевой, раствором каменщика
Должна быть душа Воина, если победить он хочет»
Книга св.Мэдмакса (апокриф)*

Город ложился спать в ставшей вновь, неожиданно, по-летнему душной ночи. Щелкали замки в дверях и на оконных решетках. Лязгали полосы запоров, ложась в свои гнезда, и надеющиеся с утра остаться целыми. Руки женщин быстро задерживали темные плотные занавеси на окнах, тушили свет, чтобы ни один луч не прошел в щели на улицы. Тихо, стараясь не скрипеть половицами, расходились по комнатам жители, давно думающие только о том, чтобы проснуться утром.

В комнатах домов, совсем старых и еще не очень, на стенах кресты Спасителя, щиты Мэдмакса и обереги, заговоренные в дальних деревнях. Матери давно не поправляли одеяла детям, те сами натягивают их на головы, прячутся за ними, понимая, что на улице ходит зло. Отцы, в тех домах, где они есть, сильными узловатыми пальцами загоняли патроны в старые дробовики, потускневшие пистолеты и револьверы, ставили поближе к кроватям топоры, кувалды, дубины. И закрывая глаза, погружаясь в тревожный сон, они помнили про то, что до сих пор никому не помогли ни святые образа, ни оружие. Смогут ли те, кто приехал к городу на больших броневиках, вернуть им спокойствие и сон, спасти семьи, дать возможность не бояться? Никто не знал этого, но всем хотелось верить.

Мерлин спокойно шагал по тротуару одной из старых улиц. Варяг, идущий как обычно чуть сзади, молчал, внимательно смотря по сторонам. Они снова были там, где были всегда, только в этот раз были улицы незнакомого города, а не какие-то новые подземелья, лабиринты

бывшей канализации, закоулки брошенных военных баз, пустые коробки разваливающихся деревянных домов. А в остальном практически ничего не поменялось. Ночь, которая стала для них привычней и намного более частой, чем день, адреналин в крови, привычная тяжесть оружия, запах смазки от него и еле уловимое движение напарника и заместителя позади. Все как обычно, не прибавить, не убавить. И даже высокая четвероногая и мохнатая тень, идущая рядом, тоже привычна. Норд, высоченная овчарка-волкодав, приученная к их с Варягом двойке, и сегодня бывшая самым главным козырем, таким же, как и три его собрата, идущие с остальными чистильщиками.

Псы всегда полезны. Хотя очень малое количество удавалось приучить не бояться тех, за кем они охотились в пустошах. Большинство сходило с ума от одного только приближения самой слабой твари, и становились бесполезным грузом и обузой. Те немногие, что все-таки справлялись – превращались в живую ходячую драгоценность, помогавшую успеть найти цель до того, как она сама найдет их.

Оставалось только надеяться на то, что сегодня получится перехватить тварей, которые должны прийти обязательно, до того, как вновь прольется кровь. Это важно и необходимо. И если будет нужно, то Мерлин готов мерять шагами этот город ровно то количество дней или месяцев, сколько потребуется для полного уничтожения «серых».

- Командир. – Голос Волка в ушах, спокойный и невозмутимый. – Мы пройдемся с Чунгой до склада в конце Седьмой улицы. У нас пес немного волнуется.

- Понял. Кот, Кувалда, страхуйте ребят.

- Хорошо. – Кот сегодня чуть нервничает. Напарник до сих пор в лазарете, а Кувалда, несмотря на всю его надежность, немного не тот, кого хотелось бы иметь рядом на работе.

Мерлин и Варяг уже в третий раз проходили по одному и тому же маршруту. Толка пока не было, мысли в голову лезли разные, от озлобленных до совершенно бредовых. Но рациональных все же оказалось больше. Постепенно Мерлин начал склоняться к тому, чтобы организовать что-то типа засады. Вот только количество людей сильно подводило. Фактически они могли бы перекрыть не более четырех улиц из десяти, и то, исходя из двух удобных перекрестков. А в старой

части города эти улицы хоть и прямые... относительно, но уже давно между ними во дворах царил хаос, превративший их в джунгли из сараев, подсобок, туалетов и прочих проделок хозяйственных жителей. Но попробовать, возможно, и стоило.

Командира группы смущало то, что убийства горожан происходили не только на улицах. Понятно, что это наиболее легкий способ для подземных жителей. Но вот то, что были и полностью вычищенные квартиры и дома, чьи жители фрагментарно украшали их разорванными в клочья? Это все-таки странно, даже учитывая большой опыт чистильщиков. С подобным приходилось встречаться всего несколько раз, охотясь на Высших мутантов, либо некоторые виды некроформ. Здесь же, если исходить из данных, полученных Инженером после изучения трупов, такого и в помине не было.

- Остановимся? – Варяг замедлил шаг, предугадывая то, о чем уже говорил с другом-командиром.

- Да, давай вон туда отойдем. – Мерлин ткнул пальцем в сторону прохода между двумя невысокими домами. – Там видишь, какая-то мансарда открытая, что ли была. Залезем, да посмотрим что к чему.

- Хорошо. – Варяг повернул в указанную сторону. Зашел в тень между домами, не разгоняемую слабым светом уличных фонарей. Проход был небольшим и заканчивался глухой стеной, сложенной из кирпича. Перекинул автомат на спину, подпрыгнул, ухватившись за кованую решетку, идущую по краю непонятного назначения архитектурному казусу. Подтянулся, мелькнув смазанной полосой, и легко перевалился через ограждение.

- Давай собаку. – Он наклонился вниз, прочнее упершись ногами в металлические прутья.

Мерлин аккуратно подхватил пса под мягкое брюхо, сейчас закрытое проклепанной и глухой «попоной» и поднял вверх. Пришлось напрячься, Норд был крупным и тяжелым псом. Четвероногий чистильщик подъем перенес спокойно, следя по сторонам умными желто-карими глазами и вывалив язык. Оказавшись на балконе, спокойно растянулся у ног Варяга, чуть подняв морду вверх и втягивая воздух. Мерлин огляделся и также быстро, как и напарник, оказался наверху.

- Посмотрим...

Старая часть города, улицы с невысокими домами, теми самыми, в которых с каждой ночью приходит страх. Сейчас по ним двигались лишь несколько человеческих фигур, массивных и угловатых из-за амуниции и оружия, в сопровождении четвероногих мощных теней. И где-то здесь же, осторожно и аккуратно, стелясь вдоль темных стен, прячась в тенях, обходя старые, через два-три горящие масляные фонари, крались те, кто приходит во тьме.

Дом совсем небольшой, в три комнаты. Фасад с облупившейся старой голубой краской, тяжелые ставни, ставший нежилым чердак, с заколоченной изнутри лестницей на него. Женщина, еще недавно молодая и красивая, а сейчас разом потерявшая и юность и привлекательность. Тяжелая работа в мастерской лаков и красок, трое детей, одна из которых, самая старшая и единственная дочь, уже начала помогать ей там же, задыхаясь от паров ацетона, морилки, эмали. Двое младших сыновей сейчас крепко спали в дальней комнате, в первый раз за неделю, бывшую тяжелой для мастерской, накормленные, отмытые куском дешевого мыла, купленного на рынке.

Обе женщины перебирали купленный у толстой торговки с каравана рис. Небольшой мешочек плохого, круглого и плотного риса, высокая бутылка подсолнечного масла, две краюхи хлеба, лук, соль, спички, травяной чай. И денег осталось совсем немного, всего пять серебряных, с обрезанными краями, кругляшей и горсть медяков. Вот и все.

Мать, глядя невидящими глазами прямо перед собой, автоматически убирала в сторону просмотренную крупу, насыпала еще и начинала снова. Дочь, сдувая постоянно попадающие в глаза длинные волосы челки, смотрела на нее жалеючи, переживала. Она хорошо помнила и то, как хорошо было в семье до того, как на руднике пропал отец. Как радостно мать ждала его с шахт, как братья повисали на нем, сильном, высоком, пахнущем табачищем и здоровым мужским потом. И тогда у нее была своя комнатка под крышей, с незаколоченным оконцем, украшенным треснувшим цветным витражом. Отец нашел его на развалинах старого заводоуправления, принес домой и бережно, осколок к осколку, вставил вместо обычного стекла. Было, все это было, так давно...

Волк, сидящий на перевернутом деревянном ящике, в котором наверняка возили яблоки или еще какие-то фрукты, спокойно смотрел

в проулок. Чунга, прислонившись спиной к выщербленному ребру стены, дремал. Они уже давно, также как и командир группы, решили подождать. Лохматый овчар Ермак, сидевший так, чтобы улица находилась перед глазами, тихо зарычал. Второй раз за ночь. Только в этот раз более злобно, глубоким нутряным рыком, встал, широко расставив лапы. Шерсть на загривке медленно поднялась, слабый отсвет от фонаря блеснул на слюне, покрывающей клыки.

- Похоже, что начинается. – Волк сплюнул. – Мерлин, готовность раз...

Тень возле старого деревянного сарая ожила, соткалась во что-то, более плотное и черное, чем темнота вокруг, шагнула вперед. И еще, и еще, беззвучными шагами, быстро и неумолимо направилась в сторону слабо освещаемых городских улиц, на которых, за закрытыми дверями и закрытыми ставнями, ждали свежие и горячие тела, кровь и плоть тех, кто не доживет до утра.

- Был бы жив отец... - Женщина всхлипнула, ладонью смешала перед собой обе кучки, перебранную и грязную. – Господи Спаситель, ну почему, почему?!!

- Мама...

- Ну что мама, что мама!!! Да за что же все это нам-то?! – Она продолжала, заводясь все сильнее и сильнее, закрыв лицо руками и уткнувшись в крышку стола. Худенькие плечи, на которых свободно висело ситцевое платье в цветочек, задрожали.

Дочь встала, обняла ее, прижавшись щекой к теплой, пахнущей дешевым мылом макушке. Вздохнула и пошла на небольшую кухню, уже давно и привычно понимая, что следует поставить чайник на конфорку.

Тук-тук-тук... что-то коротко постучало в дверь дома с заколоченным чердаком.

Мерлин с Варягом быстро и слаженно бежали вдоль по улице, стараясь двигаться тихо, не выдавая себя лишними звуками, скользя в тени от домов. Рядом, мерно и мягко несясь Норд, уже почуявший запах тех, за кем они вышли охотиться. Быстрее, быстрее, в ту сторону, куда сейчас осторожно направлялись двойки Волка и Кота.

А те, уже объединившись, не могли позволить себе нестись, чтобы не вспугнуть, не дать рассеяться в сгустившейся тьме непонятым тварям, приходящим по ночам. Даже псы, кудлатый Ермак и

подтянутый, короткошерстный Грей, не рычали, лишь скалили зубы, ведя вперед четырех человек.

Десяток темных фигур, матово отблескивающих выступающими частями тел, сгрудились у двери старого невысокого дома. Одна из них настойчиво и твердо постучала пальцем, украшенным выгнутом черным когтем по разохшимся, но все еще надежным доскам двери. Тук-тук-тук-тук...

Девушка, стоя на слабо освещенной кухне, прижала к груди кувшин с водой. По коже бежали мурашки, на спине, к разом вспотевшей коже, прилипла ткань, сердце бешено колотилось в груди. Тело, повинувшись глубоким внутренним инстинктам, вжалось в неширокую щель между стеной и высокой печкой голландкой. В уши тихо и страшно входило то, что слышалось из-за незапертой двери:

- Розочка, Розочка, открой, быстрее...ее...

- Это ты? Дорогой, откуда, как?!!

- Не время, за мной гонятся... стража... стража...

- Да, да, я открываю, уже открываю, цертов засов... дети, дети, папа вернулся, дет-и-и-и...

AAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA!!!!!!!!!!!!!!!

Мерзкий звук, ужасный, ненастоящий в своей жуткой ненатуральности. Вскрик, звук удара, что-то мягко чавкнуло, хрип и еле слышный стон. Тяжелый приглушенный стук, как будто мешок с песком завалился на пол. Пол скрипнул под весом тех, кто вошел в дом, пусть и мягко и неслышно. Еле слышный скрежет, чем-то острым по доскам, переходящий в клацанье, как от целой стаи собак, попавших внутрь.

Одна, вторая, третья... тени мелькали в падающем свете из первой комнаты. Девушка поняла то, куда они сейчас идут, чуя свежий детский запах из спальни. Вжалась в свой угол, закрывая рот ладонью, стараясь не издать ни звука. Зубы стучали друг о друга, как кастаньеты заезжих актеров, летом выступавших на ярмарке, проводимой на площади. Дверь на кухню приоткрылась, скрипя.

Волк, Чунга, Кот и Кувалда, видя, как оба пса начинают ускоряться, перешли на бег. Темные четвероногие тени неслись перед ними, пролетая поворот, и с хрипом устремились вперед, к светлой полосе из открытой двери, возле которой мельтешили уже знакомые высокие фигуры.

Лохматый Ермак старался как мог, но Грей, длинноногий и поджарый дог, успел первым. Мелькнув в свете единственного горящего фонаря, серая молния стлалась по старому асфальту. Одна из тварей успела заметить, развернулась, пригибаясь и выставя вперед длинные лапы, зашипела... Но пес, обученный и опытный, в отличие от большинства собратьев не боялся этих смердящих страхом и смертью животных. Грей выгнулся вбок и оттуда, неожиданным прыжком, метнулся к цели, со сдавленным рыком вцепившись в горло.

- Мерлин, они здесь, Четвертая улица, сразу после перекрестка с Седьмой. Атакуем, вызывай «скаута», у нас открытый коридор отхода.

- Понял, Волк. Идем. Тундра...

- Я слышал, мы уже в пути.

Мерлин бежал вперед, видя, как к несущемуся Норду присоединилась вылетевшая из глубины перекрестка Найда, хитрая и старая сука. Следом выскочил Мусорщик, за ним Толстый, как обычно пыхтящий, но не отстающий ни на шаг от друга.

За дверью детские вопли, короткие, быстро прекратились. Девушка слышала как еле слышно кто-то подходит к ней, забившейся в щель и трясущейся. Что-то темное и высокое выросло узком проеме, худое, странно двигающееся, пахнущее чем-то едким и еле ощутимым. Тихий голос, такой знакомый и ставший таким страшным шелестел, как осенний ветер, задувающий в незаконопаченные щели:

- Дочурка-а-а-а... доченька-а-а... что ты прячешься от меня-а-а-а...

Девушка всхлипнула, лопатками ощущая неровности стены за спиной, вдавилась в нее, желая сломать, как мягкую глину, уйти вот от этого, того что стоит напротив, но не получилось.

- Иди ко мне, иди-и-и...

Длинная, худая рука в непонятных наростах, с мягко гнущимися в суставах растопыренными пальцами вытянулась, стараясь дотянуться до нее, становясь все ближе и ближе. Она дернулась от нее, но та выстрелила, неожиданно став еще более длинной, вцепилась в плечо, царапнула ключицу острыми когтями, цепляя сильнее. Девушка закричала, ее ногти впились в кирпичи печки, сдирая с них побелку, в крошащуюся штукатурку сбоку, но рука потянула еще сильнее. Железные пальцы рванули кожу, тащили вперед, к еле белеющему овалу с темными провалами глаз и широко раздернутой в довольной

ухмылке пасти, из которой неожиданно ударила вонь смрада и разложения.

Откуда-то снаружи пришел дикий вой, рык, ударил по ушам высокий визг и раздался треск очереди. И сразу же к ней добавились еще несколько таких же, коротких, рвущих воздух спасительных звуков. Девушка крикнула сильнее, и тут хватка ослабилась, она упала назад, чувствуя, как ткань на груди становится горячей и влажной, чувствуя запах крови. Он повсюду, как ей кажется, в каждой щели ее дома. Но еще сильнее запах того ужаса, который вошел к ним в эту ночь.

Сжалась в комок в тесноте между стеной и печью, которая спасла ее, не чувствуя уже ничего. Ни того, что у нее сломана ключица и кожа разорвана от шеи до пупка, и сейчас горячая красная кровь пропитывала ткань дешевого платья. Ни того, что сидела в луже собственных нечистот, которые не смогла удержать в тот момент, когда тварь, бывшая не так давно одним из самых любимых людей в ее жизни, потащила ее к себе. В себя девушка пришла позже, от яркого света фонаря, бьющего ей в лицо и громкого уверенного голоса худого небритого мужчины, стоящего напротив.

- Девушка, вы целы?.. Айболит, давай-ка сюда...

Высокие темные силуэты неслись вперед по почти темным улицам, стараясь оторваться от людей, преследующих их по пятам. Четвероногие тени, лохматые и рычащие, правда, всего три из четырех, уже почти догнали последнего. Тот попал в яркий круг от прожектора «скаута», которого Капитан отправил по следам тварей.

Темно-серая фигура, с лохмотьями рабочей робы на костлявом гибком теле зашипела, развернувшись. Треснула очередь из пулемета в башне, собаки прыгнули в сторону, и дело закончил уже острый нос броневика, ударившего подземника и швырнувшего его под тяжелые колеса. Звучно хрустнуло, и погоня продолжилась.

В этот раз группе Мерлина повезло, если можно так выразиться, памятуя про уничтоженный дом с его жителями. То ли твари были куда как сообразительнее своих собратьев, с которыми им пришлось иметь дело пару ночей назад, то ли ими кто-то управлял. В любом случае – подземники кинулись наутек, даже не пытаясь вступить в схватку. Часть решила прорваться через узкие проходы между окружающими домами, но тут их поджидал неожиданный даже для чистильщиков

сюрприз. Первый же дом встретил высокие силуэты распахнувшимися ставнями и огнем из двух дробовиков. Одна тварь переломилась пополам и покатила по асфальту, еще одну швырнуло вбок, но она выровнялась и могла бы убежать, но ее достал очередью выскочивший из-за поворота Варяг. Остальные развернулись и присоединились к основной стае, уходящей по улицам куда-то к окраинам старого города.

Сейчас чистильщики, вцепившись им в самых хвост уходящей стаи, десять-пятнадцать особей, упорно шли по пятам. Броневики несколько раз отставал и с трудом смог, в конце концов, их догнать, еле-еле разворачиваясь на ставших тесными улочках. Несколько раз по убегающим тварям все-таки палили из окон, после чего чистильщикам удалось снять еще нескольких. Но основная часть уходила, пользуясь своим намного более лучшим, чем у чистильщиков, чутьем, зрением и, скорее всего, ведомая кем-то точно в то место, где сможет совсем оторваться от преследователей.

Мерлин, перепрыгнул через сбитый убегающими ящик с песком, стоявший у стены одноэтажного домика, сматерился, не сумев поймать в прицел спину твари, как собирался. Где-то сзади, воя двигателем, пробивался «скаут», чей башенный прожектор сейчас так необходим. Можно было бы отключить ночник, который никак не мог справиться с мельтешащими впереди спинами подземников, улепетывающих с поразительной быстротой. Псы, решительно гнавшиеся за ними, постарались сбить одного с ног, но тот успел скинуть повисшего на ноге Норда ударом лапы. Пес, рыкнув, отлетел в сторону. Оставшиеся два не решились кинуться следом, потому что соседняя тварь затормозила, поворачиваясь к ним.

Сухо щелкнула очередь автомата командира группы, наконец-то сумевшего нормально прицелиться. Тварь качнулась, выбросив из лопнувшей головы сгусток темного цвета, упала, отлетев где-то на полметра. Псы ринулись вперед, вцепившись в уже раненого Нордом подземника. Мерлин ткнул в них пальцем догнавшему его Мусорщику, приказывая не оставлять собак, а сам, вместе с остальными, ринулся дальше.

Стая завернула за поворот, перед которым группе пришлось остановиться. Чистильщикам уже не раз приходилось на собственной шкуре убеждаться в том, что многие монстры и мутанты, кажущиеся

абсолютно безмозглыми, на деле оказывались куда как более умными и хитрыми. Устроить засаду? Да не вопрос, тем более, что эти-то не были некроидами, как сказал Инженер. А если и были, то не в полной мере, а значит, что они вполне могли быть непонятными гибридами, и от таких-то можно было ожидать чего угодно.

Мерлин остановился, ожидая остальных. Варяг, оказавшийся как обычно первым, вопросительно мотнул головой. Командир ткнул ему на поворот и покрутил пальцем по кругу. Помощник согласно кивнул и передал сигнал остальным. Сейчас они не рисковали говорить даже по встроенным в шлемы переговорникам. Были уже случаи, в которых оставшиеся после Полуночи мутанты могли слышать переговоры и реагировать на них соответствующим образом. И хотя местные «клиенты» явно не были генноизмененными солдатами с встроенными прибабасами, рисковать все же не стоило.

Несколько жестов, давно привычных и легко читаемых в «ночники» шлемов, и вперед выдвинулись Чунга со своим огнеметом и Толстый, ставший чуть позади и прикрывавший товарища пулеметом. Догнавший группу Мусорщик, Мерлин и Волк с Варягом встали в центр. Кувалда и Кот замыкали конец группы, придерживая псов. Броневи́к, судя по звуку двигателя, все еще метался чуть позади, и ждать его было нельзя. Время уходило. Темнокожий чистильщик поднял три пальца вверх, и медленно, один за другим, убрал их, шагая вперед и положив руку на рукоять огнемета.

Шаг, еще один, аккуратно и осторожно, стараясь выйти из-за угла одновременно хотя бы вдвоем. Чунга плавно перетек в сторону, давая возможность Толстяку прикрыть его с фланга, и первым завернул за угол, за ним, отстав всего на пару ударов сердца, шагнул пулеметчик. Группа замерла, ожидая того, что будет.

- Чисто, командир. – Голос Чунги, пусть и чуть напряженный, прозвучал вполне ровно. – Тупик, стены и хибара какая-то.

- Идем. Кувалда, Кот – ждите броневи́к.

Чистильщики быстро переместились к товарищам, взяв под прицел все возможные секторы нападения. Мерлин вышел вперед, подняв щиток забрала и поднеся к глазам один из трех рабочих тепловизоров. Прибор тихо защелкал, работая на полную мощность.

Тупик, замкнутый с двух сторон высокими стенами, из тех, что входили в состав общей оборонительной линии города. Понятно, что

задворки, и рядом нет даже караульной вышки, а потому стена очень высокая, забранная по верху скрученной колючкой. Та самая одинокая и невысокая хибара, не разваливающаяся, но и не очень надежная. Дверь, судя по всему, вынесена напрочь, и вот откуда-то оттуда видны смазанные теплые линии. Судя по цвету – активно остывающие.

Он убрал прибор в чехол на поясе, снова опустив забрало, ночник сейчас явно был более нужным.

- Идем в дом, парни. Прятаться и осторожничать не стоит. Если эти паскуды там, то будет бой, хотя я сомневаюсь.

Группа двинулась в сторону хибары, не спеша, но и не так медленно, как еще пару минут назад. Смысла прятаться не было, даже наоборот. Если подземники в доме, то намного лучше было бы спровоцировать их на нападение, чем самим дожидаться броски из темноты. Сзади заурчал двигатель наконец-то прибывшего броневика, послышались торопливые шаги Кота и Кувалды. Не медля Мерлин приказал последнему не лезть с ними, а присоединиться к страхующим группу Тундре и Виннету с ребятами. Те как раз встали у машины, развернувшей башню с пулеметом в сторону темного дверного проема. Смысла в этом не было, так как пулемет использовать явно не получится, чтобы не попасть в их группу, если что. Но все равно, поддержка товарищей была вовремя.

- Чунга,ходишь первым. – Мерлин знаком показал остальным окружить вход в хибару. Кот и Варяг встали у двух маленьких окошек, подняв автоматы. – Волк вместе со мной следующим. Мусорщик и Толстый входят последними. Если в окна никто не полезет, Кот и Варяг замыкающие. На счет три, парни, приготовились. Раз... два... три!

Пригнувшийся темнокожий чистильщик влетел первым, поводя по сторонам стволом огнемета.

- Чисто!

Мерлин и Волк мягко вкатились следом за ним, быстро разобравшись в том, что узенький коридорчик вел вперед, но по бокам были два помещения. Автоматически командир группы отметил, что остывающие полосы есть не что иное, как кровь. Натекла она со стороны тела, валяющегося в углу у стены сломанной куклой.

- Чисто, Мусорщик, Толстый...

Бойцы немедленно возникли в проеме двери, четко виднеющейся в зеленоватом свете «ночника». Мерлин ткнул в сторону тех самых комнат, что нужно было проверить. Мусорщик скользнул к правой, а Толстый, который обычно всегда прикрывал его в таких случаях, двинулся к противоположной. Несколько застывших мгновений, не прерываемые даже скрипом старых досок пола, по которым скользили два силуэта. Спокойный и размеренный стук сердца, пока не взорванный стрельбой, рычанием и возможным прыжками затаившихся противников.

- Чисто, командир. – Как всегда голос Мусорщика чуть напряжен. Мерлин подумал про то, что тот и не подозревает о том, что его товарищи давно заметили за ним эту особенность – быть всегда в ожидании. И каждый знал, что как только происходит первый «контакт», то их друг становится тем, кем и был всегда: спокойной и неумолимой машиной смерти для всех, кто стоял на их пути.

- Чисто. – Толстый кратко и облегченно выдохнул слова сквозь сжатые зубы и немедленно начал двигаться назад, привычно прикрывая напарника.

- Кот, Варяг, входите. – Мерлин осторожно приблизился к телу в углу, перевернул на спину. В зеленом свете отчетливо блеснули расширившиеся и вылезающие из орбит испуганные глаза, вспоротое одним ударом горло, короткая борода. – Тундра, прием.

- Слышу тебя.

- Тут местный, труп уже. Тварей не видно. Мы сейчас идем дальше, а вы давайте сюда. Кажется, что отсюда клубок весь и распускается.

- Понял, Мерлин. Идем.

Ждать ребят долго не пришлось. Спустя несколько мгновений в двери уже замаячили широкая фигура Тундры и троица его бойцов. Мерлин кивнул им на труп, внимательно пригляделся к коридору и шагнул в него первым.

- Вот так вот, значит. – Капитан внимательно рассматривал широкий проем, ведущий в бетонную арку, за который густо колыхалась темнота. – Ход прямо из последней комнаты и в бывшие коммуникации коммунальщиков? Ну а что, я даже не очень удивлен, если честно. Вот вам, вместе с той семьей, что уничтожили, и

половина решения вопроса о том, откуда и как твари в город проникали.

- Век живи и век удивляйся подлости человеческой, да, командир? – Тундра устало сел на грубо сколоченный табурет. – Что делать-то будем?

- А у нас широкий выбор, что ли? – Капитан закурил сигарку. – Подумать нужно, как быть сейчас, пока с Альянса не пребудут те, кому теперь здесь предстоит все копать. Молчать у нас явно не выйдет, и значит, надо будет отряд как-то прикрыть пока.

- Даже так? – Его заместитель открутил крышку фляги, хлебнул теплой, отдающей металлом воды. – А с людьми как быть? Времени сколько пройдет, прежде чем мы сможем за работу взяться?

- Ты полагаешь, что нападения будут? – Капитан хмыкнул, почесал нос и присел на низкий подоконник кухни того самого дома, откуда регулярно в город выпускали подземных тварей. – Я полагаю, что нет. Вот на нас их ночью натравить могут, а это может и на руку.

- На нас скорее местных вояк натравят...

- А это вот как раз таки вряд ли. – Командир отряда грустно усмехнулся. – Они нас даже в городе своем сейчас остановить не смогут. Тем более что поначалу наверняка попытаются договориться. Но береженого-то Бог бережет, это точно, а Мэдмакс помогает.

- Думаешь, что мэр? – Тундра удивленно посмотрел на него.

- Скорее всего, что нет. Хотя могу и ошибаться, конечно. Мэру и так хорошо, как сейчас есть, смысл ему менять что-то? С другой стороны – мало ли что тут творится. Город находится на самом краю Альянса, с одной стороны степь, с другой пустоши, а вот до Эмирата близко, если подумать-то. Не оттуда ли все это дело, а?

- Хрен знает, Кэп. Нам сейчас разобраться нужно в том, как целыми остаться и уходить наверняка нельзя будет. Сам знаешь, какой пункт сейчас в силу войдет.

- Это точно. Ну, здесь оставляем Варяга и с ним еще троих, надо полагать. И «скаут» оставим, не вскидывайся. Я ребят подставлять и не собираюсь, машина им тут нужнее, если что. Мерлин!

Командир группы возник в проеме двери.

- Отправь джип стражи назад к воротам, мне он больше не нужен и сам собирайся с группой, только не полностью. Хотя погоди, джип не отправляй, нам же еще заезжать за Айболитом и Фростом. Оставь

здесь Варяга и с ним еще троих. Броневи́к вместе с Жуком тоже здесь останется. Значит так: передай парням, чтобы держали нос по ветру. Постоянная связь с отрядом, и прочее. И не хмурься, сам подумай, сколько к Жуку под броню человек залезет если что? То-то, что в аккурат четверо, а мало ли, вдруг из города прорываться придется? Да, у тебя станция ведь работает в «жнеце»?

- Работает, конечно. Его в полную готовность привести?

- И не только его. Передай, чтобы в лагере оставили только самую необходимую видимость нашего присутствия, близнецов на наблюдательные посты, всем остальным держать оружие под рукой. Нас до ворот подкинет «скаут» который вернется назад, и автомобиль стражи. Вроде все, пять минут тебе, давай.

Мерлин кивнул и вышел в коридор. Капитан посмотрел на своего заместителя, молча сидевшего на табурете. Призадуматься было над чем, он вполне его понимал. Пожевал губами кончик потухшей сигары, прикурил и глубоко затянулся, присоединившись к молчавшему Тундре в таких же безмолвных размышлениях.

Дело пахло керосином, а вернее, так пахло оно очень тухло. Прибыв туда, где группа Мерлина находилась уже около двадцати минут, Капитан сразу же пошел в сторону обнаруженного хода.

Проем, закрываемый фальшивым куском стены, отодвигаемым в сторону при необходимости, был узким, рассчитанным на одного человека. Он был аккуратно заштукатурен, а пол залит цементом. Даже несколько масляных ламп имелось, висевших вплоть до того места, как ход обрывался в большой подземной каверне, явно раньше бывшей одним из туннелей городских коммуникаций. Судя по внешнему виду направляющих, по которым отъезжала в сторону фальшивая стена, пользовались ей не так уж и давно. А следили постоянно. Во всяком случае, там, где проезжали ролики, металл был гладким и блестящим, весь остальной механизм был тщательно смазан и не покрыт пылью.

Следы тварей, четко видимые по кровавым следам из разодранного горла хозяина дома, вели именно туда. Чистильщики дошли до спуска в тоннель, после чего вернулись. Дело принимало нешуточный оборот, и тут нужно было подходить куда как более серьезно. Сейчас проход на скорую руку минировался тем, что было с собой. Скорее всего, что Мерлин оставит вместе с Варягом Чунгу, так как огнемёт в таком сжатом пространстве будет просто

непревзойденным оружием. Ну и Волка с Котом, вероятно. Первого из-за того, что он с темнокожим бойцом составлял прекрасную «двойку», а второго из-за временно отсутствующего Ферзя.

Но это было обычной рутинной, которая если и таила в себе опасность, то только ту, с которой справиться можно было хоть и тяжело, но привычно. Капитану не давала покоя мысль о том, что тварей выпускали, и, скорее всего, создали, специально и целенаправленно. Вот с таким чистильщикам сталкиваться хоть и приходилось, но очень редко. И не так, как здесь, не так вероломно и подло. Командиру отряда после того, как стало ясно то, что весь процесс нападений был контролируемым, стало не по себе. Ну а как еще можно было на такое реагировать? Всю жизнь он, вместе со своими братьями, искал и уничтожал подобных созданий. Это было призванием и самым главным из того, чем Капитан занимался.

Понятно, что приходилось сталкиваться с разными поступками и проявлениями человеческого характера. Но, как ему думалось совсем недавно, человечество вроде бы должно было давно наиграться с теми, кого может и не суметь контролировать. Реки крови, пролитые во время Войны, потери, упадок самой цивилизации, борьба с теми, кто старался истребить людей только ради удовлетворения собственной извращенной мести или ради пропитания, все это делало невозможным то, с чем им пришлось столкнуться здесь, в городе шахтеров. Оказалось, что возможно всякое, в том числе и то, что кто-то может натравить подобных тварей на своих собственных собратьев. И всячески им в этом помогать.

Вот и стоял перед командованием отряда вопрос – а что делать-то теперь? Утаить сегодняшнюю находку не удастся, да и не помогло бы даже то, что про нее не узнали бы в администрации несколько дней. Тех самых дней, которые так нужны им для того, чтобы дожидаться прихода из метрополии уже вызванных Инженером сил КВБ Альянса. Конечно, чистильщики не смогут удержать тех, кто соберется делать ноги, если поймет, что план провалился. И, возможно, что кто-то захочет проявить силу, вот это больше всего и волновало Капитана.

Вполне вероятно, что те, кто связан с подземными тварями, кому те подчиняются, уже также точно сообщили своим хозяевам о провале и о том, что теперь следует ждать войск Звезды. Которых, к слову сказать, в распоряжении Альянса сейчас не так уж и много. Ведь

звезда сейчас втянулась в очередную войну с Итилем, за обладание выходом к реке, портам и вновь открытым месторождениям нефти. И как оно выйдет с подкреплением, еще бабушка надвое сказала...

- Мы готовы, Капитан. – Появившийся на пороге Мерлин отвлек его от мыслей.

- Хорошо. Пошли, зам?

- Ну да... это, командир. – Тундра решительно поднял на него глаза. – Ты езжай, а вот я здесь останусь. Давай, не будем спорить. Если прикажешь, то поеду. Но, может не стоит, а?

Капитан покачал головой, глядя на него.

- Да понимаю я, чего там. Ладно, друг, пусть будет по-твоему. Может так оно и лучше будет. Держись, если что, и сразу выходи на связь. Ну... давай, что ли.

- Давай. Пока, Мерлин, я присмотрю за твоими парнями.

- Спасибо, Тундра. Все будет хорошо. Бывай.

В коридор они вышли вместе, но потом каждый пошел своим путем. Мерлин вместе с Кэпом отправились на улицу, к машинам, а Тундра пошел к быстро созданной бойцами баррикаде в самом проходе, чтобы еще раз удостовериться в ее надежности.

Машины подъехали к воротам. Капитан подошел к незнакомому капралу, стоявшему у караулки, закурил.

- Наш броневик останется в городе, спасибо за джип.

- Да не за что. А чего это, а? Это кто там спеленатый такой?

- Девушка, единственная оставшаяся в живых. Передайте командиру с утра, что было еще одно нападение, может отправлять труповозку по вот этому адресу. Там сейчас ваш патруль, который мы встретили по дороге.

- Господь-спаситель, господин чистильщик, опять?! А девку-то зачем спеленали и куда везете?

- Везем к себе. Можешь прямо сейчас доложить майору Грифу о том, что мы уничтожили еще несколько тварей и нашли вход в их гнездо. Девушку забираем для последующего карантина, она ранена одним из монстров и может быть заражена. Мне кажется, что никому из горожан не хотелось бы, чтобы эта зараза распространилась через нее. Согласен, капрал?

- Конечно, конечно, господин чистильщик. А броневик, значит, из города выходить не будет, как было обговорено. Здесь у нас и

останется?

- Именно, господин капрал. Прямо возле того самого входа, про который я вам сказал. Так и передайте своему командиру, что Капитан оставил часть своих людей для возможного предотвращения повторного проникновения в город подземных тварей. Все ясно объяснил?

- Так точно... Это, господин Капитан...

- Что?

- Спасибо вам и вашим ребятам. Нужное дело делаете, очень нужное.

- Да не за что, капрал. Это наша работа и нам за нее деньги платят.

Зенит

Капли пота текли по лицу, бежали по спине, лениво прокатывались по груди, скатываясь на живот. Мерзкие влажные дорожки, так четко ощущаемые кожей под плотной тканью прорезиненного комбинезона, под защитными пластинами бронежилета, под нагретой солнцем маской противогаза. Он знал, что его организм готовился к разным условиям ведения боя. Что потовые железы должны справиться и не выделять столько этих мерзких капель, собирающихся, казалось, в ручейки. И что сейчас организм, накачанный средствами из лабораторий, работал не так, как у обычного бойца. Так было всегда, каждая операция изначально просчитывалась, исходя из аналитики «головастиков».

Но мог кто-то предположить, что очередная тварь окажется не просто ублюдком в два с половиной метра высотой, с гипертрофированными мускулами и кибернетическими имплантатами? Что генноизмененный солдат, созданный до Полночи, будет обладать еще собственным мини-заводом по производству парализующего газа, действующего на нервные окончания просто через кожу? Никто не мог, не было ни информации, ни образцов для исследований. Здоровенная паскуда, терроризирующая большое село скотоводов, не оставляла после себя никаких следов и останков жертв. Зачем ей понадобились треклятые кости, кто бы сказал?!!

Оборотень уже лежал в холодильнике «крузера», ожидая возвращения в место, ставшее им домом и своего огненного погребения. Рыжий еще жив, но смогут ли вытянуть его с того света Айболит и его команда? Если и вытянут, то в кого он превратится, как сможет жить дальше, осознавая то, что стал не просто калекой, а практически трупом?

Мерлин с силой сжал зубы, заставляя рычание, родившееся в груди, уйти вглубь и заткнуться. Не место и не время для эмоций, пока не место и не время. Надо работать, найти тварь, превратить ее в мясной фарш и, лишь потом, спалив то, что останется от мутанта после вивисекции «головастиков», напиться и...

Нет, не забыть, не то. Можно ли забыть тех, кто был с тобой все это время? Мальчишек, с которыми в редкие, свободные от учебы и тренировок, минуты гоняли специально для них сшитый из полосок кожи мяч? Оборотень всегда играл в нападения, а Рыжий замечательно стоял на воротах. Получится ли у него, командира лучшей группы чистильщиков у Камня, не вспоминать то, как их в первый раз собрали всех вместе, там у Итиля? Двенадцать злобных щенков, собранных Мастером и Профессором по все еще фонящим радиацией остаткам городов и поселков, найденных в заброшенных шахтах военных объектов, где их обитатели думали выжить долго-долго?

Или Испытание, после которого левая сторона лица Оборотня полностью покрылась сеткой шрамов от хвоста иглохвоста, а Рыжий в первый раз спас одного из своих братьев. Варяга, сидевшего сейчас в пяти метрах позади самого Мерлина. Это не выкинешь из памяти, не забудешь и не сотрешь.

Он всегда знал - этот день все-таки наступит. День, когда первый из них уйдет наверх, за облака, в лучшую жизнь. Или, если следовать тому, что говорят священники Спасителя, погрузится в пекло и горящую серу Ада за все свои грехи. Мерлин знал это... но оказался не готов. Как и каждый из них, тех, что остался жив вчера, спасенных ценой жизни одного из братьев, не пожалевшего себя и сумевшего выдрать чеку из гранаты.

Командир группы еще раз скрипнул зубами, на несколько секунд вернувшись во вчерашний день. Ведь все шло вроде бы как обычно, по накатанному...

Старый завод, скорее всего железобетонный, если судить по градирям и ржавеющим высоким емкостям. В большие прорехи заметно что-то сыпучее, сейчас превратившееся в однородную серую массу, присыпанную ржавой трухой. Серые конструкции, соединенные направляющими для кранов. Остатки будки одного из них, похожей из-за коррозии на решето. Несколько высоких цехов, остовы транспорта, разрушаемые временем, заводоуправление, вытянутое буквой «т» и пристройки к нему. Кучи песка, щебня, арматура и металлические конструкции, густо покрытые бахромой все той же, вездесущей ржавчины.

Самое место для чудовища, искусственного созданного лишь для единственной цели: уничтожать противника везде и всегда, пока его

самого не уничтожат. Уцелевшего в войне, бродившего по пустошам чуть не погибшего мира и, наконец, осевшего здесь и занявшегося террором против местного населения. И казавшегося, пусть и не самой простой, но и не слишком сложной задачей, как думалось Мерлину еще вчера утром.

Выследить тварь они смогли достаточно быстро. Местные селяне мужики-то, ясное дело, калачи тертые... но все же имеющие предел собственных возможностей и прочности. Избалованная собственной безнаказанностью тварь напала посреди дня. Как раз когда отряд приехал в село. Чистильщики гнали ее на машинах вплоть до большого карьера, где та смогла оторваться. Но следы, четко отпечатанные в песке, вели сюда, на заброшенный и разваливающийся завод.

Удостоверились в том, что монстр не ушел, Капитан приказал перенести лагерь к нему. Осталось решить хитрую задачку: выковырять тварь, затаившуюся где-то в паутине старых зданий и заросших бурьяном холмов из бывшего сырья. Окружили, насколько смогли, завод по периметру, расставив посты и развернув стволы башенных пулеметов на территорию, огороженную еще относительно целой стеной из высоких бетонных блоков. Но тварь не появилась. Ни разу не выглянула остаток дня... пока группа не вошла с шести сторон внутрь.

Опытная, старая и очень хитрая скотина, умевшая многое еще до Войны, и научившаяся еще большему после нее. Она играла с ними почти час, даже не стараясь уйти через открывающиеся прорехи между группами. Почему? Скорее всего, понимала, что крупный калибр броневигов остановит ее на пристрелянном и открытом пространстве. А может действительно хотела поиграть, и заодно ослабить противников, уничтожив их пешие силы.

И они попались в ее ловушку, сошлись все вместе в одном месте. В горячке погони по территории завода вся группа оказалась в крайнем из цехов, заставленном большими емкостями для песка и щебня. Лишь когда все шесть двоек, оказавшись под почти полностью дырявой крышей, столкнулись нос к носу - лишь тогда до них это дошло. Но стало поздно, и никто не задумался о том – зачем ей было нужно это делать, почему тварь не пыталась уничтожить их поодиночке?

Она пряталась на высоте, вжавшись между балок. Громадный силуэт с широченными плечами, второй парой рук и небольшим горбом, нисколько не мешавшим размашистым и быстрым перемещениям. Смазанным движением перемахнула на еще прочный каркас, метнулась в сторону крайней колонны. Волк с Чунгой, бросившиеся в ту сторону, поднимая стволы, опоздали лишь самую малость. Этой самой малости хватило на то, что бы обоих сбilo с ног пустой емкостью, которую тварь швырнула играючи. Туча пыли скрыла две фигуры, отлетающие в угол и не поднявшиеся.

Монстр казался неуловимым. Несколько ударов сердца, всего пара мгновений, и мельтешащий хитрыми зигзагами силуэт стал еще ближе. Пули летели к нему, разрывая воздух злым нетерпеливым визгом, автоматы коротко и зло каркали, запах сгоревшего пороха и нагретого металла стволов лез в нервно раздувающиеся ноздри. В воздухе пыль, в нос била едкая и странная вонь, руки не успевали за движениями существа, когда-то созданного лишь с одной целью – убивать быстро и беспощадно.

Чуть позже в глазах замелькала темно-багровая пелена, звон в ушах, руки бессильно опустились. В голове билась Мерлина одна мысль:

Сползти всем телом вниз, попытаться на руках, забыв про ставшие ватными ноги, уползти за порог, подальше от твари, которая, завершая очередной хитрый пируэт, торжествуяще ревет. Выйти отсюда, где такое послушное и сильное тело вдруг стало чужим, попробовать выйти и снова взять ее в прицел. Сбоку - дерганные движения фигуры в таком же, как у него защитного цвета костюме. Варяг, с перекошенным лицом, налитым нездоровой густо-багровой краснотой, тщетно старающийся поднять вверх тяжелый автомат. В висках ускоряющийся стук, видимость становится все хуже и хуже. Там, впереди, высокая фигура с гипертрофированной мускулатурой одним прыжком оказывается рядом с распростертым на полу телом... Оборотня? Что же ты, брат, ну...

Хлопок, немного белого дыма, который глаз успел заметить прежде, чем рванула граната.

Они пришли в себя спустя час. Кровавая дорожка вела в сторону давно выбитого окна у западной стены. Тварь смогла уйти, хотя ей точно пришлось несладко. Им повезло, если можно было так

выразиться. Из двенадцати человек – восемь оставались на ногах. Двое, Чунга и Волк, лежали в отключке. Кот быстро пришедший в себя, вколол Рыжему обезболивающее и старательно бинтовал и перетягивал жгутами, спасая жизнь другу. Вот только тот признаков ее не подавал. А Оборотень... мало что от него осталось.

- Капитан... Капитан... - Мерлин вжимал кнопку вызова рации, не слыша голоса командира, давно его вызывающего. – Давайте сюда «скаута», и Айболита, срочно...

Инженер и Айболит, тогда еще совсем молодой и неопытный, спасли жизнь Рыжему, совершив, казалось бы невозможное. После этого, лишь переодевшись в лабораторные костюмы, они занялись исследованием тела Оборотня и проб с места боя.

Результат не заставил себя ждать, и чистильщики, все оставшиеся на ногах восемь бойцов, вошли на территорию завода в защитных прорезиненных костюмах и противогазах. Да - неудобно, да - душно, но лучше пропотеть насквозь, чем снова рисковать жизнями. А Инженер, задумчиво дергающий себя за бороду и ежеминутно снимающий с носа и протирающий очки, ломал голову над тем, как исключить подобную проблему в будущем.

Времени за прошедшую ночь зря потрачено не было. Броневики остались стоять по периметру, но в них остались лишь водители и стрелки. Все, кто не входил в состав группы, за исключением Айболита, окружили территорию завода, вооружившись всей имеющейся оптикой, караулили тварь. А Мерлин и его группа снова вошли в разрушенный воротный проем, чтобы найти и отомстить за друга его убийце.

Капля пота скатилась со лба, пробежала по носу и ушла вниз, соленым следом мазнув по губам. Мерлин внимательно водил головой по сторонам, пытаясь не упустить момента появления монстра. Хорошо, что конструкция маски позволяла относительно спокойно слышать звуки. А еще тварь ждал сюрприз, их основная надежда.

Небольшая металлическая коробка, извлеченная Инженером откуда-то из глубин собственного фургона, снабженная несколькими переключателями, странной фиговиной наверху и тяжелым, но небольшим аккумулятором на дне. Сейчас она стояла, прикрытая какой-то рваниной, найденной здесь же. Зеленая лампочка индикатора ритмично моргала, показывая, что прибор работает.

Как заверил Мерлина бородатый научный гений, прибор должен выделять волны ультразвука, привлекая живую мишень. Почему Инженер так в этом уверен – Мерлину было глубоко наплевать. Ему чистильщик научился доверять как самому себе, и раз тот сказал, что эта штукавина должна сработать, то значит сработает. Ну, а если не выйдет, то ничего не поделаешь, двойки снова пойдут вглубь завода, внимательно осматривая каждый сантиметр его территории. В одном Мерлин был уверен абсолютно точно: сегодня тварь сдохнет. И если будет нужно, то он сдохнет вместе с ней.

Время шло. Солнце вставало все выше, приближаясь к зениту. На ум пришел стих из Писания, которое им когда-то настойчиво читал Мастер, про демона, появляющегося в полдень. Полдень-то вот он, уже практически есть, а вот демон отсутствует. Мерлин зло выматерился сквозь зубы, громко. Сидевший за большой и разваливающейся конструкцией из армированного бетона Варяг даже повернулся в его сторону, показав командиру кулак. Тот понимающе пожал плечами. Напарник прав, твари, выведенные до Полудни, те еще суперсолдатами, и наверняка что у этой слух хороший. Впрочем, как и обоняние со зрением и кучей прочих специально созданных вещей. Остается только надеяться на то, что за прошедшее время мощный и почти неуязвимый для обычного человека организм износился. Да и они, чистильщики, все-таки не такие уж и обычные. У них хватит собственных подарков, от которых четверорукое чудовище впадет в смертельный восторг.

Про то, что кроме возможно уже и не работающих хитроумных устройств, которые имплантировали генноизмененным солдатам, у нее наверняка полностью настроилась под условия среды система собственной биолокации, Инженер сказал сразу. Всю ночь, вместо отдыха, чистильщики готовились ко дню охоты.

Отваром нарванного возле села чабреца протирали всю одежду, собственное тело и специальные чехлы для оружия. Со стволов, тщательно вычищенных, сняли всю смазку. Резину комбинезонов и масок от противогазов обработали тем же чабрецом. Отвар отобьет все те запахи, что выдали бы охотников, решивших устроить засаду на тварь, наверняка уже пришедшую в себя. Как она поведет теперь, думалось Мерлину? Вряд ли захочет открыто и яростно поквитаться с обидчиками...

Солнце стало палить вообще нещадно, поднявшись в зенит. Мерлин, стараясь не шуметь, рассматривал ребят, засевших по большому и полуразрушенному помещению. Но выходило не сразу.. Уроки Мастера даром не прошли, замаскировались все хорошо. Вот только хватит ли этого против твари?

Тренированный организм, несмотря на жару, все-таки не подводил. Мысли, крутящиеся в голове, никак не отвлекали от наблюдения, глаза четко фиксировали свой сектор. Посторонних звуков пока также не слышалось. Полуденный демон не спешил появляться перед теми, кто сейчас охотился на него.

Мерлин вспоминал то, что успел увидеть: длинные пальцы на руках и ногах, помогающие при подъемах на высоту, толстые темные пластины по корпусу, спереди и сзади, заходящие на голову, чудовищные мышцы, скрытые под желтоватой огрубевшей кожей. А ведь пластины тяжеловато пробить тем широким клинком, что сейчас был закреплен сзади на поясе. И хорошо, что у группы «трещотки» с их девятимиллиметровыми пулями со стальными сердечниками под свинцовой оболочкой, так шанс есть. Что еще было в твари, кроме странного горба на спине, где, по мнению Инженера, и вырабатывался каким-то образом тот паралитик, под который они вчера попали? Четыре руки не странность, и не такое видел. Морда, да-да, именно она. Пусть смазано, мимолетно, но тренированный мозг успел запомнить то, что меньше всего это можно было назвать мордой.

Лицо, именно лицо. Вытянутое, с массивным лбом, широкой щелью рта, почти лишенное носа, но все-таки лицо. Перекошенное от злобы и ярости, смотрящее черными глазами из-за наполовину сломанной железной балки... сейчас?!!

Тварь все же пришла. Осторожно, крадучись, стелилась вдоль стены, водя головой по сторонам, прислушиваясь и принюхиваясь. Шаг, другой, присела, поводила головой и быстро, почти неуловимо, перетекла дальше. Прибор Инженера сработал, сумел отключить настороженные инстинкты, заглушить естественные и встроенные рецепторы, привел ее сюда.

Варяг кивнул головой и тихо пристроил ребристый ствол «трещотки» на кусок плиты, лежащий прямо перед ним. Сам пока не стал смещаться, стараясь дать их сегодняшней жертве подойти как можно близко. Еще двух напарников, Толстого и Мусорщика, Мерлин

умудрился заметить ближе к северной части цеха. Толстый уже аккуратно ставил своего верного стального товарища на сошки, расположившись так, чтобы не зацепить никого из своих. А тварь все еще шла.

Наконец-то она добралась к шевелящейся от сквозняка выцветшей ткани, прикрывающей металлическую коробку под собой. Мощная рука, украшенная на концах пальцев черными и загнутыми когтями, потянула на себя рваный кусок брезента. Время замерло...

И резко взорвалось очередями трассеров, вонзившихся в существо, когда-то бывшее человеком, с четырех сторон. Они успели хорошо ее зацепить, прежде чем тварь одним прыжком кинулась в их, с Варягом, сторону.

Уже не скрываясь, Мерлин выдвинулся вперед, аккуратно вколачивая в нее острых стальных шмелей, которых угловатый и внешне неудобный автомат выплевывал с потрясающей скоростью. Мгновения растягивались, разрываясь вместе с всплесками темной крови (да-да, ее защитные пластины все же не выдерживали прямых попаданий) и пятью прыжками твари, оказавшейся уже рядом. Стихли стволы остальных парней, сейчас несущихся в их сторону, лишь автоматы егои Варяга рвали воздух резкими и быстрыми очередями.

Она оказалась рядом быстрее, чем Мерлин предполагал. Уже обреченная, с разодранной пулями на куски кожей пластин и открытых участков, тварь все еще оставалась очень стремительной. Из широко раскрытого рта с хрипом вылетали кровавые хлопья. Одного глаза не было, вместо него – глубокая красная впадина. Обе руки с левой стороны, там, где сидел Толстый с его пулеметом, висели плетью, безвольные и перебитые в нескольких местах. Но она шла, теряя скорость и кровь, уже начиная заплетаться в ногах, но оставаясь все такой же опасной и смертоносной... она приближалась.

Варяг одним нажатием пальца вдавил спуск, отправляя прямо в мощную грудину последние патроны своего диска. Не успел перезарядить, лишь вскинул автомат, закрываясь от выпада верхней правой руки. Ударил нижняя, коротко, не пробив пластины жилета, отшвырнула Варяга в сторону, вбив в кирпич стены. Мерлин выпустил оставшиеся заряды, понял, что не успеет взяться за пистолет. Ну что ж... и к такому Мастер их смог подготовить. Он завел руку за спину, нащупав ребристую рукоять, потянул на себя.

Клинок с шипением вышел из ножен, взметнулся навстречу твари, ужалил в пробитую дыру на груди, погрузился. Тварь рыкнула, взревела, широко расставленные пальцы метнулись ему в голову, ударили. Мир взорвался алым и золотым, оглушило и бросило в сторону, огнем обожгло половину лица, а потом стало темно...

- Мерлин, приходи в себя. – Чуть картавый голос Айболита заставил проснуться. Командир чистильщиков открыл глаза... вернее глаз. Один, правый.

- Что со вторым? – Собственный голос показался каким-то неузнаваемым, жестким и хрипящим.

- Нормально все, видеть будешь. – Врач вырос над ним, сразу заняв все видимое пространство. – Шрам, правда, останется такой, что мама не горюй, но видеть будешь. Предупреждая следующие вопросы и по порядку: тварь кончили, вернее ты и кончил, герой ты наш, то ли Зигфрид, то ли Добрыня Никитич, то ли сам Мэдмакс. Все целые, Варяга оглушило и вырубил, он уже на ногах. Горло у тебя тоже задето, но заштопать мы успели. А вот песни петь ты теперь не сможешь, во как. Хотя, ты и раньше-то не пел, так что ничего страшного. Вставать пока не разрешаю, сотрясение серьезное, швы могут разойтись и вообще, Роланд недоделанный, отдохни. Это приказ Капитана.

- Хорошо. – Голова становилась все более и более тяжелой. – Противогазы-то нам помогли, получается?

- Ну, типа того. – Айболит, пропавший из поля зрения, появился вновь, держа в руках поильник с длинным носиком. – Пей вот давай, специальный коктейль те сварганил, чудодейственный. Помогло вам то, что тварь не регенировала полностью. Выйти у нее сил не было, граната-то вещь серьезная. И белка на заводе тоже не нашлось, может пару крыс каких-нибудь она и съела. А так – полностью использовала все свои подкожные запасы, и газа у нее в горбе почти не оставалось. Как и сил, а то она если не голову тебе оторвала, так вспорола бы серьезнее. В рубашке ты, Мерлин, родился.

- Ну да. – Чистильщик пощупал тугой кокон бинтов на голове. – Жаль, что Оборотень не мой близнец был. Глядишь, живой бы оказался. Мы едем что ли?

- Едем. – Айболит присел на край металлической кровати, обычно пристегнутой к борту кунга. – Куда едем - непонятно. Но Капитан

сказал, что пора искать способ усилить индивидуальную защиту и что он знает одно место. Приказано поднять тебя на ноги как можно быстрее, так как место то – очень опасное. Все, спать, больной.

Мерлин откинулся на твердое подголовье опускающейся кровати-полки, где кто-то заботливый подложил небольшую подушку. В голове потихоньку начинало ныть, рана саднила, а на душе скребли кошки, и было очень тоскливо.

Совсем еще молодой человек, родившийся в том месте, что стало Адом для многих. Прошедший через то, что убило бы другого, ставший тем, кем он есть сейчас – почти идеальным бойцом, убийственной и смертоносной машиной, которая могла почти все... кроме одного. Эта машина не могла не страдать и не вспоминать тех, кого больше нет рядом.

А впереди, это он знал точно, было еще много *дорог и много потерь на них...*

Глава одиннадцатая: вооруженная дипломатия, кто есть кто и новые сложности

«Когда же Варлок, рекомый Искусителем лживыми речами прельщал людей,

То вышел напротив него один и сказал:

- Нет, ты никто, кроме как погибель человеческая и речи твои пленительны, но зло.

И расхохотался Искуситель, глядя на силу слуг своих, и сказал:

- Не боишься ли человеке говорить такое, ибо страшна смерть твоя будет.

И изрек человек: не боюсь, ибо я Воин. И взял в руци свои оружие...»

Книга св. Мэдмакса (апокриф)

Енота растолкали намного раньше, чем обычно. Проснувшись, он успел заметить высокий силуэт одного из близнецов, скрывшийся за пологом палатки. Чуть позже зашла Лиса, такая же заспанная, как и он сам.

- Так, воин, дай-ка я тебе голову посмотрю. – Она спокойно, и не обращая никакого внимания на шипение парня, сняла бинты. – Прекрасно, что еще можно сказать. Рана чистая, следов сепсиса не заметно. Температура... явно в норме. Сейчас еще раз замотаю, и так до самого вечера. Голова как, не болит, не кружится?

- Да нет, все хорошо. Ай... ну больно же!

- Чего ты мне тут айкаешь, а? Терпи, ты мужик или как? – Лиса быстро и уверенно замотала вновь голову Енота. – Сейчас одевайся в нормальную одежду, она там, в тумбе, и к столовой двигай.

- Случилось что-то? – Он недоуменно посмотрел на нее.

- Видно что-то случилось. – Пробормотала себе под нос девушка, подходя к спящему Ферзю. – Его Близнец не стал что ли поднимать?

- Да я сам проснулся. – Чистильщик приподнялся на локте. – Это кто ко мне подкрасться-то сможет незамечено, скажи мне, Лисенок?

Медсестра улыбнулась, еле заметно в свете одной слабой лампы. Протянула руку и погладила чистильщика по замотанной голове:

- Никто, конечно. Ты как себя чувствуешь?

- Намного лучше, Лиса, даже хорошо, я бы сказал. Мне тоже идти?

- Нет, тебе не надо. Мы тебя сейчас в кунг к нам перенесем, там пока полежишь, рядом с Румпелем. Енот, ты готов?

- Да. – Парень завязал шнурки ботинок. – Пошел я...

- Подожди меня, вместе пойдем.

Они вышли из палатки. Раннее утро, начинающийся рассвет, темные и размытые силуэты машин вокруг. Пса видно не было.

- Хана посадили охранять лагерь. – Медсестра поправила волосы. Чиркнула спичкой, прикуривая папиросу. – Капитан передал всем быть настороже, так что твой постельный режим резко прекращен.

- Понятно.

Хотя, что тут понятного? Подняли посреди, практически, ночи, ничего не объяснили. Вместе с тем, что Енот так до сих пор и не разобрался в том, на кой хрен он нужен чистильщикам, причин для непонимания было больше чем достаточно.

На площадке в середине лагеря собрались все, кто не находился в городе или на дежурстве. Стоял, зевая, Фрост, напялив поверх комбинезона плотную куртку. Ган сидел на лавке, рядом с сонной Файри, дымя практически неизменной сигаретой. Волхв притулился рядом с ним, разговаривая со здоровяком Хирургом. Не было, правда, Айболита и Инженера. Мамачоля тихо разговаривала с Медовой. Девушка радостно улыбнулась, увидев Енота с Лисой и пошла в их сторону. Чуть в стороне стояли три девушки-валькирии. Отдельно, переругиваясь и хохоча, дымили водители-механики. Вот и все, больше никого.

Странно, но сейчас Енот в первый раз видел то, про что ему уже неоднократно говорили. Чистильщиков было очень мало, всего ничего. Три десятка человек, и ему стало совершенно ясно, почему они так бережно относятся друг к другу.

Со стороны прохода показались несколько идущих человек. Капитан, Инженер с Айболитом. Виннету со своими ребятами, ведущие на поводках собак, Мерлин, Мусорщик и Толстый, несущих носилки. Разговоры сразу прекратились, взгляды развернулись в их

сторону. Енот кожей почувствовал напряжение, овладевшее всеми, кто стоял сейчас рядом. Да и он сам уже вглядывался в полутьме, пытаясь понять: кого же зацепило до такой степени?

Может это некрасиво и нехорошо, но Енот, также как и остальные члены отряда, облегченно вздохнул, поняв, что на носилках несут девушку горожанку. Удивился он только тому, что она была крепко притянута к металлическим ручкам толстыми кожаными ремнями, вдобавок к смиренной рубашке, спеленавшей ее с ног до головы.

Из-за этого он сначала не обратил внимания на выражения лиц вернувшихся из города. Капитан был спокоен до такой степени, что казался даже неестественным. Инженер тоже ничем не выдавал волнения, но то, что промолчав с минуту, он два раза протер очки, показалось странным даже почти не знающего его Еноту. Мерлин также молчал, только желваки, выступающие на лице, сразу бросались в глаза. Кэп посмотрел на своих товарищей и подчиненных, ставших полукругом, закурил и начал говорить:

- Слушайте меня внимательно, господа чистильщики, то, что скажу, касается всех и каждого в отдельности. Мерлин и его ребята нашли то место, откуда твари выходили в город. Ситуация следующая: в городе есть предатели. Подземников выпускали на улицы запланировано и с определенной целью. Скорее всего, они должны были вызвать сильную панику. Настолько сильную, что горожане заставили бы мэра принять помощь с любой стороны. Повторюсь – с любой стороны, понимаете?

Мэр вызвал нас, намеренно ли, либо нет, нам еще непонятно. То, что мы оказались костью в горле тех, кто все это задумал, сегодня полностью подтвердилось. Вы все знаете, что отправившись на помощь «Бобровому хвосту» группа Мерлина встретила там не то сопротивление, про которое нам дали информацию. Возможно, что нас вообще должны были уничтожить там из засады. Но нам всем повезло... и результат вам известен.

Теперь мы уже не сможем уйти отсюда, не закончив работу и не дождавшись специальной бригады комитета внутренней безопасности Альянса, которую Ган предупредил о том, что мы нашли около двух часов назад. Так, Ган?

Оружейник кивнул, продолжив грызть щепку, которую он вставил в рот вместо сигареты. Енот слушал, смотрел вокруг на спокойные

лица своих новых товарищей и пытался усвоить то, что только что услышал. Кто-то специально выводил тварей на улицы города, заставляя их убивать людей, и из-за этого «кого-то» погибла и его семья?!! Да как такое возможно, если возможно вообще? А Капитан тем временем продолжал говорить:

- С сегодняшнего дня в отряде вводится режим повышенной готовности. Исключить то, что нас попытаются как-то спровоцировать, напасть на нас или еще как-то помешать, нельзя. Возможно, что отряд попытаются как-либо дискредитировать, так что ведите себя аккуратно. Вот только как это сделать при том, что обнаружено в городе – даже не могу себе представить.

Утром я отправлюсь к мэру, чтобы рассказать ему, что посчитаю нужным и попытаюсь понять, кто же может стоять у нас на пути. Если до этого момента не произойдет чего-либо, что даст возможность определить это раньше. С этого момента, ребята, караулы усиливаются, особенно ночью. Освобождаются только научники, если в этом будет потребность.

Тундра и пятеро ребят, с Жуком и его «скаутом» остались в городе. С ними поддерживать постоянную связь, понял Ган? При самом плохом раскладе нам нужно прождать не более пяти дней, потом силы КВБ успеют подтянуться, и нам станет проще. Ночные патрули в городе временно отменяются. Если кого-то из вас попытаются задеть этим в городе – не обращайтесь внимания. Если попытаются задеть посильнее, так самое главное - не очень сильно калечьте тех, кто попытается. Дежурным по отряду назначается Инженер. С ним согласовываются все передвижения вне лагеря. В мое отсутствие основные решения также согласовываются с ним. Всем все ясно? Значит, расходимся, завтракаем и все в распоряжение Мерлина, который каждому определит его задачу в карауле и назначит время. Енот, задержись.

Парень подошел к Капитану только после того, как все, кто стоял на площадке посреди лагеря, разошлись. Командир стоял, прислонившись к борту одного из «жнецов», устало потирая глаза с совершенно розовыми от недосыпа белками. Солнце уже встало, и стало заметно, что командир отряда очень напряжен, что события последних дней и сегодняшней ночи дались этому, очень крутому мужику, не так уж и легко. Морщины в рассеивающейся темноте

прорезались резче, мешки под глазами казались большими и темными. И даже щетина, чего не должно было быть заметно, выделялась своей сединой.

Инженер, молча стоявший рядом с командиром и другом, тоже не поражал свежестью и бодростью. Обычно аккуратно расчесанные волосы сейчас были взъерошены, и торчали в разные стороны. Очки спустились на самый кончик носа, а за ними сквозило очень сильное беспокойство.

- Енот, ммм... - Капитан покрутил мочку уха. – Сынок, нам с тобой нужно серьезно поговорить, так как тебя это больше всего касается, мда...

- Да, Капитан, я понимаю...

- Ничего-то ты не понимаешь, и даже близко не можешь представить, о чем идет речь. – Кэп грустно посмотрел на него. – В дом той девочки, что мы привезли, вошла тварь, которая раньше, возможно, была ее отцом. Только поэтому она смогла попасть внутрь. И ставни, и дверь, и запоры на них – все очень надежное. А вдова взяла и открыла, потому что с той стороны донося голос мужа. Не исключено, что подземники могут использовать какое-то психологическое дистанционное воздействие, и...

- Что? – Енот не поверил ушам. – Как ее отец? Это значит, что...

- Да, молодой человек. – Инженер пальцем поправил совсем сползшие на кончик носа очки. – Именно так. Отрицать, что среди наших объектов мог находиться и ваш отец, мы не можем. Слишком похожа ситуация, если то, что вы нам рассказали, было именно так. Поэтому мы не знаем, как нам поступать дальше с вами. То есть вы, несомненно, останетесь у нас, если захотите. Но вот вопрос с вашим участием в дальнейшей операции здесь – спорен.

- Почему? – Енот стиснул зубы, смотря в его сторону. – Вы думаете, что я могу оказаться самым слабым звеном, из-за которого все провалится? Что если от..., если так оно и есть., и та тварь жива, то она сможет взять меня под контроль?

- Возможно, Енот, нельзя отрицать практически очевидного. Но посмотрим, конечно. Если ситуация пойдет так, что нам придется бросать в бой все ресурсы, тогда придется и вам идти в подземелье. Но подумать вам самому придется, потому что это страшно, надо полагать.

- Инженер говорит именно то, что ты должен услышать, боец. – Капитан внимательно взглянул на него. – Выбор только за тобой. Сегодня ты поедешь с нами в город, будешь в составе охранения. На всякий случай. И самое главное, запомни, обстоятельства новые, и к тебе теперь долго будет особое внимание. Не обижайся, но это только мера предосторожности. От себя отпускать твою персону пока не намерен, временно. Будешь при мне, постоянно. Вопросы еще есть? Если нет, так иди, готовься. Через два часа едем к мэру.

Енот развернулся и пошел в сторону «крузера» Инженера, тупо пялясь себе под ноги и думая над тем, что ему было сказано.

Новость ударила по нему так, как в кузнице молот бьет по металлу на наковальне. Резко, сильно и с отдачей. Он шел на ватных ногах, понимая, что рассказанное Кэпом и Инженером, полностью объясняет все неясности в гибели мамы и братьев с сестрами. Равно как и все те странные случаи, которые сопутствовали большей части смертей в городе. Сколько домов уничтожены изнутри? Десять, пятнадцать? Он уже не помнил. За прошлый год очень много растерзанных в клочья тел предали огненному погребению, чтобы не приведи Мэдмакс, бывшие горожане не восстали из мертвых.

И если так, то ему надо с этим справиться, и доказать, что он может идти плечом к плечу с тем же Ганом, если понадобится. «А если... - мысль мелькнула в голове молнией, и тут же ушла в сторону. – Да даже если я и встречу его, то есть уже не его, то закончу все одним выстрелом, я смогу».

- Огорошили мы парня, командир. – Инженер хмыкнул, глядя на ссутулившуюся спину удалявшегося Енота. – Мне даже неприятно стало.

- А что делать, друг? – Капитан с хрустом потер почти полностью заросший седой щетиной подбородок. – Кроме правды мы ничего не сказали, а он справится с ней. Понимаю, что это жестоко, но как еще?

- Ты действительно его подозреваешь?

- Ну, проверить не помешает, но сомневаюсь, если честно, что он засланный к нам казачок.

- А зачем тогда сказал?

- Да пусть напряжется чуть, может даже поможет разобраться, если не все сами поймем. Я закинул ему удочку о том, что не очень

доверяю, так он теперь сам землю рыть начнет, чтобы доказать обратное. Парню у нас нравится, это же заметно.

- Это да, дело молодое...

- Старый ты развратник, Инженер. Я не про нашу симпатяшку Медовую, тут странно то, что они с Фростом до сих пор морды друг другу не набили, а просто, что ему просто нравится. Ты заметил, как быстро он стал своим для всех? То-то же. Если Мерлин ему доверяет, пусть и не полностью, то это о многом говорит.

- Возможно, что ты, командир, как обычно прав, тут спорить с тобой не буду.

- И правильно, я же командир, со мной разве можно спорить?

Посыльный с администрации прибыл где-то через полтора часа, когда отряд уже успел поесть наскоро приготовленной Мамачолей кашей с мясом. Сейчас все занимались работой с собственным оружием и тем, что потихоньку затаскивали в машины все имущество, находящееся в палатках.

Молодой ефрейтор, судя по форме входивший в состав подразделения, охраняющего господина Батю, осторожно и немного испуганно озирался по сторонам. Оно было немудрено, учитывая факт присутствия рядом охраны. Во-первых, чуть впереди него важно шествовал красавец Хан, изредка порывающийся для пущего страха. А во-вторых, вспоминая самого себя недавно, подумал Енот, еще более страшно становилось от ощущения живой и вооруженной горы Близнеца, бесшумно скользящего сзади.

Капитан, скорее всего увидевший это через маленькое, забранное стальной решеткой оконце собственного механического монстра, видимо решил не терзать служивого пуще необходимого, и вышел навстречу.

- Что хотел, военный? – Командир чистильщиков присел на металлическую приступку у входной двери.

- Вы Капитан? – Ефрейтор вытянулся по стойке «смирно».

- Ну, я Капитан. – Щелчок зажигалки и струйка ароматного дыма, направленная в сторону посыльного.

- Господин Батя приглашает вас к нему, для выяснения некоторых вопросов.

- Замечательно, я и сам к нему собирался, но с приглашением даже лучше. Ты вот что, военный, сделай одно доброе дело. Сейчас

вернись к воротам и свяжись, пожалуйста, с собственным командиром. Передай ему, что у Капитана отсутствует разъездной транспорт, собственный броневик мне в город загонять нельзя. А пешком идти как-то непрезентабельно. И пусть он либо разрешит мне подъехать на одной из других машин, так как мы договаривались о присутствии в городе только «скаута», либо выделит мне какой-то из автомобилей стражи, что на воротах в дежурке стоит. Понимаю, что это не тот случай, что вчера, но всеж таки, пусть уважит. Выполнишь мою просьбу, или мне самому идти звонить?

Ефрейтор явно задумался. Смотрящий за этим действием Енот, для конспирации помогавший Волхву таскать всякую собачью сбрую, вполне его понимал. Наверняка для всей стражи давно не секрет то, что произошло между Тундрой и Грифом, и обращаться к нему с такой просьбой, зная его характер, весьма рискованно. И сейчас ефрейтор, которого Енот практически не знал, решал в голове неожиданно возникшую дилемму. Определить для самого для себя, что хуже – было тяжело. Звонок командира чистильщиков, при котором неясно то, что тот станет говорить вообще, или собственная инициатива, за которую, наверняка, накажут тем, или иным способом?

Судя по всему, стражник выбрал второй вариант. Козырнув Капитану, он развернулся и трусцой направился к выходу из лагеря. Близнец хмыкнул, переглянулся с вывалившимся языком Ханом и спокойно отправился к месту дежурства.

Капитан улыбнулся сам себе и вызвал по станции Инженера. Тот подошел пару минут спустя, одетый в свой обычный комбинезон. Необычным был пистолет, который Енот на нем видел впервые, вороненый револьвер, чья вытертая до блеска деревянная рукоять выглядывала из кобуры.

- Зашевелились? – Борода Инженера встопорщилась вверх, когда он посмотрел на командира.

- Зашевелились. Ну, брат, ты за старшего. С ребятами в городе все спокойно?

- Пока да. Я сейчас свяжусь с Тундрой, предупрежу, что едешь в город. Кого возьмешь?

- Мерлина, он со мной спокойно сможет пройти к Бате, близнецов и Енота, как и говорил. Кстати... Енот, хватит подслушивать, иди и экипируйся по-боевому.

- Да ладно? Ты к мэру поедешь с полностью вооруженными бойцами?

- Они внизу останутся, а вот Мерлину придется идти только с пистолетом. Хотя броню пусть тоже оденет, шлем ребятам отдаст, да и ладно. Ну, все, я пошел, одену жилет под ветровку. Если что – бывай Сергеич, с тобой я всегда был уверен в том, что есть на кого оставить отряд.

- Да иди ты к черту, Кэп. Все будет хорошо, брат, я уверен.

Енот собирался недолго. Тот самый комплект защиты, выданный в ночь боя у фермы, Ган давно подогнал под его физические параметры и особенности. С его же помощью он быстро накинул наплечники с высоким воротником, прикрывающим горло и шею, сверху набросил бронежилет, затянул ремни. Пистолет уже привычно сидел в кобуре как влитой.

- Подсумок вот на этом ремне на левую сторону. Шесть магазинов, разгрузочного жилета под тебя у меня нет. Это, каэшн, плохо, ну, ладно, будем надеяться, что не пригодится. Так... шлем взял? Ну, давай, брат, удачи вам там. Если что – держись Мерлина, он вытянет.

Енот кивнул головой, перевесил через плечо автомат и пошел к выходу из лагеря. Близнецы уже стояли там, возвышаясь над невысоким Капитаном двумя живыми башнями, увешанными оружием, подсумками и прочим снаряжением. Со стороны «жнеца» неторопливо шел Мерлин, экипированный точно также.

- А я думал мы на своей машине... - Протянул Енот, подходя к ним.

- Да? Ты явно ошибался. – Капитан улыбнулся. – Это кто ж нам разрешит сейчас заезжать на броневице в город? Сейчас ефрейтор вернется, и скорее всего, что сразу и машина придет.

- Уже идет. – Неожиданно прогудел один из близнецов. Кто именно Енот не понял. Различать их он пока не научился.

Машина действительно шла. Джип стражи, старый и надежный, латанный-перелатанный корпус которого был так знаком многократно мывшего его Еноту. За рулем, как ни странно, сидел господин старший капрал Штырь собственной персоной.

Неожиданно по коже парня пробежали мурашки. Мысль, нехорошая и злая, внезапно пришла в голову и заставила внутренне

задрожать. Ведь если Капитан прав, то запросто может оказаться так, что в скором времени ему, Еноту придется стрелять вот в этого самого Штыря. А ведь при всей нелюбви к одному из бывших начальников, он не мог не признать, что капрал хороший командир, всегда понимавший подчиненных. Пусть и требовательный, но очень часто справедливый.

Джип подкатил к ожидающим его чистильщикам, развернулся красивым и экономичным движением, не резко, так чтобы не окатить их пылью.

- Садитесь, Капитан. – Штырь нахмуренно глянул на командирское сопровождение. – Все с нами?

- Все, капрал, все. – Капитан сел на продавленную, с вытертой кожей, седушку. – Чего стоим, парни? Грузитесь сзади.

- Здравствуй, Енот. – Штырь оценивающе окинул взглядом своего недавнего караульного. – А молодец, ничего не скажешь. Хорошо все сидит. Ствол, смотрю, тебе прям чуть ли не новым сделали, молодец...

- Здравствуйте, господин старший капрал. – Енот сел на одну из двух металлических скамеек, приваренных по бортам кузова. – Как уж есть.

- Это хорошо. – Повторил Штырь, почесав свою, как обычно гладко выбритую щеку. – Расти начал, тебе надо. Ладно, сели? Трогаюсь, держитесь там за скобы, Енот знает. Подвеска плохая, потрясет даже в городе.

Двигатель машины рыкнул, чуть застучал, и джип двинулся вперед, в сторону городской стены и приоткрытых створок городских ворот. Мерлин, которого немедленно подкинуло, когда колесо проехало по кочке, стукнул зубами и только покачал головой.

Первое, что бросилось в глаза на въезде в город, это увеличенный состав стражи. Раза в два, как навскидку определил Енот. Он открыл рот, чтобы сказать про это Мерлину, но тот чуть качнул головой, и пришлось захлопнуть варежку. Стало неприятно от того, что подумал о себе, как о самом глазастом, в единственном числе. Уж кто-кто, а командир группы, уже неоднократно входивший и выходивший именно через эти ворота, наверняка первым обратил на это внимание.

«Ну и хрен с вами со всеми. – Подумалось парню. – Буду просто по сторонам смотреть, мало ли что увижу из того, что вы пропустите».

И стал смотреть вокруг, высматривая что-то необычное, доступное для понимания только ему, родившемуся и выросшему

здесь. Тем более что Мерлин и вида не подавал, что хочет заметить хотя бы немного странного, а близнецы сидели как статуи, лишь изредка поводя глазами вокруг.

Странно, он не был здесь несколько дней, а город изменился еще больше с того момента, как в салуне произошла та самая драка с горняками. Вон впереди поворот в сторону маленького рыночного пятака. Обычно уже отсюда виднелись повозки, каждодневно пригоняемые самыми близкими фермами. Яйца, молоко, сыр, творог, овощи всегда привозили заранее, сбывая нескольким лавочникам, и уезжали до того, как основная масса горожан просыпалась. А сейчас не было ни одного деревянного задка телеги, или выкрашенных яркими красками с цветами металлических повозок. Никого, лишь один дворник, метлой сметающий пыль и мусор на одной из основных городских улиц, расходящихся от ворот.

Была закрыта дверь пекарни Моржа, а обычно в это время возле нее уже стояли те, кто хотел горячего и свежего хлеба и его знаменитой выпечки, кренделей с маком и пряников. Хотя из трубы самой пекарни, стоявшей глубоко во дворе, поднимался в небо дымок и густой запах сладкий запах чувствовался уже на подъезде к двухэтажному, выкрашенному в белый цвет, дому с большими окнами и жестяной вывеской-бубликом.

Несмотря на утро и вставшее уже солнце, большинство ставней так и остались закрытыми. Не было видно даже пацанву с «Шкуродерки», района у реки, где находилось несколько боен и всегда жила самая беднота. Обычно рано с утра, когда сеновозы, развозившие свой товар по имеющим скотину горожанам ехали по улицам, их всегда сопровождали несколько стаяк ребятни оттуда. Подхватывали выпадающие охапки сухой травы, сдирали маленькие копны с самих возков и быстро неслись к подворотням и сквозным дворам, не обращая внимания на мат возчиков и свист кнутов, которыми те норовили пройти по спинам мелькающих у колес нахаленышей.

Пустой выглядел город, вымерший. На одном из тех перекрестков, которые вели к площади и зданию администрации, Енот с удивлением увидел быстро кидающих мешки с песком патрульных. Уже можно было понять, что прямо на перекрестке вырастает прямоугольник защитного сооружения.

«Что за хрень то? – Подумалось ему. – Неужели Капитан полностью прав?!!»

Он покосился на сидящий короткий ежик волос на голове того, кто сидел рядом с капралом. Командир чистильщиков, спокойный и расслабленный, ничем не напоминал того жесткого человека, который несколько часов назад предрек то, что сейчас уже было на улицах его, Енота, родного города. Совсем даже напротив, вон, понятно по еле слышному вопросу, который тот адресовал Штырю, что даже удивляется не хуже его самого и просит пояснить – что это происходит? Капрал лишь пожал плечами, буркнув что-то о приказе командования в связи с последними ночными событиями.

- Енот... - К парню наклонился Мерлин.

- Что?

- Глаза правильно выпучиваешь. Удивляйся посильнее, только не переигрывай. И еще, слушай внимательно.

- Да, Мерлин.

- Я оставлю тебе свой ствол и шлем. Пистолет у меня никто не заберет, а броню снимать не буду, когда пойду с Кэпом. Держись за Правым, это тот, который с шрамом на подбородке, а если вдруг выстрелы услышишь, так постарайся пробиться к нам с командиром. Мало ли как будет, а с одними пистолетами, если что, много не навоюешь. Хорошо?

- Хорошо.

Джип проехал мимо последнего перекрестка и вырулил на площадь. Тут изменений оказалось не так много, во всяком случае, новых укреплений видно не было. Только возле обоих пулеметов, обычно просто накрытых навощенной кожей, сейчас суетились люди из подразделения охраны мэра. И количество их же, одетых в бронежилеты и каски, стоявших на крыльце, прибавилось.

- Приехали, господа чистильщики. – Штырь притормозил у бордюра, но не заглушил мотор. – Не обессудьте, Капитан, но ждать вас не могу. Приказ таков, что на воротах у нас усиление, так что я назад покатил. В случае – звоните, получится, так приеду.

- Нормально, капрал. – Кэп пружинисто соскочил на асфальт. – Позвоним, не переживайте. То есть приказ на усиление, как вы мне и сказали, вступил в силу только утром?

- Именно. Как раз когда я на дежурство пришел. Причины нам никто не объяснял, м-да...

- Не забивай голову, Штырь. – Капитан неожиданно подмигнул военному. – Помнишь ведь, как мы с тобой в кабачке том сидели? Ну вот, все будет нормально. Закончим работу – вместе пива попьем.

И, развернувшись на пятках, пошел к лестнице, ведущей к входу к обиталищу мэра. Остальные пошли за ним. Старший капрал Штырь, большую часть сознательной жизни прослуживший в Альянсе, и лишь недавно отправленный сюда, на фронт за драку с командиром, только сплюнул в пыль на трескающемся асфальте.

Он не был дураком, этот опытный солдат, за свою не такую уж и длинную жизнь успевший много повоевать, многое увидеть и еще больше услышать. То, что в городе, в котором ему сейчас приходилось жить, назревает что-то нехорошее, понял давно. Сегодня утром убедился, что ждать осталось недолго. Еще чуть, и здесь начнется серьезная заваруха. В которой, крути не крути, придется участвовать. Вот только на чьей стороне?

Штырь проводил взглядом удаляющихся чистильщиков, задержавшись на совсем не могучей фигуре пацана Енота. Вот кого было жаль, этого молодого юнца, не понимающего ничего, и совсем недавно радующегося, подобно ребенку от того, что оказался среди чистильщиков. И еще капралу очень импонировал их командир, и понемногу становилось ясно то, чью сторону все-таки примет, если в ближайшее время в городе начнется стрельба. Майору Грифу он не верил, равно как и администрации, которую не знал, конечно, но чьи действия давно натолкнули на мысль о предательстве.

- Здравствуйте, майор. – Капитан не протянул руки Грифу, подпирающему дверной косяк собственного кабинета на первом этаже. – Нас, кажется, ждут?

- Ждут... только не всех. – Гриф лениво отлепился от косяка. – Кого вы с собой притащили, Капитан, и зачем?

- А мы после разговора пойдем наших ребят поменяем, которые тоннель стерегут. – Кэп насмешливо глянул в рыби глаза главного городского стражника. – Вы же не против?

- Поменять? – Тот отвел взгляд в сторону. – Да, да... конечно. Пойдемте.

- Пойдемте, майор. Только один нюанс.

- Какой еще нюанс, Капитан? – Гриф недовольно шевельнул своими ухоженными усиками.

- Вот это командир той самой группы, что патрулирует улицы по ночам. Вы с ним незнакомы, его зовут Мерлин. Так вот мне кажется, что он обязательно должен присутствовать на сегодняшнем моем докладе у господина Бати.

- Это почему еще?

- Я вчера не был в самой гуще событий, майор. – Капитан, как показалось Еноту, чуть насмешливо хмыкнул. – А вот мой человек полностью сможет все рассказать. Ведь это он спас жизнь и вашему стражнику, которого недавно вам передали. После того, как стало ясно, что разум к нему не вернется. И руководил всей операцией, в ходе которой мы и нашли тот самый выход. Как же ему не присутствовать?

- Ну, хорошо, Капитан, я вас понял. Только что... - Гриф пробежался глазами по угловатой от снаряжения и брони фигуре Мерлина, задержавшись на стволе автомата, чей ремень наискось пересекал грудь чистильщика. – Он так и пойдет, со всем вот этим, в каске?

- Нет, конечно. Автомат я оставляю. – Тихо проворчал Мерлин. – Вместе со шлемом. Но все остальное снимать... времени много уйдет.

- Пистолет? – Бровь Грифа вопросительно поднялась вверх.

- Мерлин офицер, и имеет полное право на ношение оружия в присутствии чиновников Альянса не выше третьего класса, согласно Табеля. А господин Батя, как я понимаю, имеет пятый, да?

- Именно... - Протянул майор. – Ну, хорошо. Про вас я молчу, Капитан, с вами все ясно. Пойдемте, а этих гоблинов, вместе с Енотом, будьте уж добры, оставьте здесь. И попросите своих людей не плевать на полы, не резать ножами похабщины на деревянных панелях в холле и не прожечь бычками обивки кресел, если им вздумается посидеть в приемной для высокопоставленных лиц. Как понимаю, им ведь может прийти это в голову, судя по их не блестящим умам физиономиям?

Мерлин, в это время отдающий Еноту автомат и шлем, чуть дернул шеей, внимательно глядя на Грифа. Близнецы, стоящие истуканами, даже не покосились в сторону своего обидчика. Капитан вздохнул, но не стал ничего доказывать майору, лишь отрицательно помотал головой.

- Ну, хорошо, поднимайтесь, я вас догоню. Вестовой!

Недавний ефрейтор мгновенно возник из ниоткуда, абсолютно бесшумно.

- Проводишь вот этих двух господ в кабинет господина Бати, потом вернешься и отнесешь вот этот конверт моему заместителю, понятно?

- Так точно, господин майор! – Залихвастки гаркнул ефрейтор, поедая глазами начальство, поблескивающее стеклом монокля и злодвигающего острыми усами.

Мерлин хмыкнул, глядя на все это, и направился за Кэпом. Енот и близнецы, сопровождаемые свирепым взглядом Грифа, положившего руку на телефонную трубку, пошли в сторону стульев, стоявших у стены.

- А можно я вырежу, что Файри красивая? – Неожиданно прогудел один из близнецов второму, тому самому, со шрамом на подбородке.

- Я те вырежу, бестолочь! – Громыкнул Первый, и тихо шепнул Еноту. – Готовься.

Компания в благоустроенной и шикарной берлоге медведоподобного Бати собралась все та же.

Сидели, потягивая что-то из высоких стаканов модники Правый и Левый, мрачной громадой высился Краб. Серый господин Герц также, как и в прошлый раз, сидел рядом с еще более мрачным, чем горняк, мэром.

- Здравствуйте, господа. – Капитан широко улыбнулся должностным лицам, сидевшим в кабинете. – Чего это вы такие невеселые?

- Что? – Мэр удивленно уставился на чистильщиков. – А чему радоваться-то, господин Капитан?

- Ну, определенный повод для радости есть. – Капитан бесцеремонно подвинул стул, не дожидаясь приглашения, и сел. – В конце концов, кое-что прояснилось, так что не обязательно сидеть с таким горестным видом. Кстати, вот это господин Мерлин, командир нашей основной группы, работающей по вашей проблеме.

Пять пар глаз, которые уже останавливались на фигуре представленного, вновь воткнулись в стоящего за Капитаном лысого парня в защитном снаряжении.

- Надо полагать, господин Капитан, что вы его сюда привели не для того, чтобы показать нам то, как серьезно выглядят ваши бойцы.

Мы и так этому верим, и в то, что они серьезны. И в то, что бойцы. Причем опасные как для тех, ради кого вас сюда вызвали... - Батя налился кровью, зыркнув в сторону Краба, – так и для обычных горожан. Вот уж в этом вы нас заставили убедиться так основательно, что господин Краб даже хотел обратиться к вам с жалобой.

- Это вы по поводу тех ублюдков, которых мы поучили, как нужно вести себя по отношению к женщинам? – Хрипло каркнул Мерлин.

- Может они и ублюдки, для вас во всяком случае. – Главный шахтер вздохнул. – Но для меня работники, причем хорошие. Это не вы так измочалили моего бригадира, господин Мерлин?

- Мой заместитель.

- Да черт с ними с шахтерами! – Батя, чье напряжение было заметно даже невооруженным взглядом, не выдержал, впечатав тяжелый кулак в крышку стола. Посуда, как и в прошлый визит Капитана, заставляющая всю скатерть, подпрыгнула и жалобно звякнула. – Что с этими тварями, а?!

- Х-а-а-р-о-ш-и-й вопрос... - протянул Капитан.

Сзади колыхнулся воздух, и в комнате появился Гриф. Прошел к столу, сел напротив Бати, чуть сбоку от чистильщиков.

- Я бы сказал, уважаемые мои господа... - Кэп чуть наклонился вперед. – Что вопрос даже и интересный. Причем интересен он тем, что дело даже и не в тварях, которые сами по себе немного необычны, а в обстоятельствах их здесь появления. И теперь самое время мне вам задать несколько вопросов, чтобы хотя бы понять – с какой стороны ветер дует и чего ожидать жителям вашего, и именно так, города в дальнейшем. Очень, я бы сказал, недалеко дальнейшем.

- Что это вы имеете в виду, Капитан? – Герц, до этого момента сидевший неподвижно, щелкнул пальцами. - С какой стати вы хотите задавать еще какие-то вопросы? Это нам впору интересоваться про то, почему за неделю ничего вами не сделано, и опасность до сих пор существует? Что ваши люди караулят возле дома на Седьмой улице?

- А вы как думаете, милейший Герц? Может быть, мы там открыли бордель, небольшой такой бордельчик? Или, возможно, что мои парни нашли потерянные откровения от святого Мэдмакса? – Капитан внимательно посмотрел на безопасника мэра. – Вы же прекрасно знаете, из-за чего на вашей Седьмой улице сейчас находятся наши ребята, и что там делает машина. Так чего мы тут с вами друг

перед другом спектакли разыгрываем, а?! Чай не в единственном на всю Звезду театре сидим.

- Вы нас в чем-то обвиняете?! – Неожиданно вступил в беседу Правый. И голос у него оказался, на удивление, густым басом, так не соответствующим его вылизанному и надутому виду отъявленного хлыща. – Не слишком ли нахально, господин чистильщик?

- А я никого и не обвиняю, уважаемый советник. – У Капитана голос никогда не был настолько богат обертонами и переливами. Вместо них в его хрипловатом карканье лязгала матовая сталь затворов. – Вопрос, повторюсь, очень серьезный. В вашем городе кто-то, специально и намеренно, занимается исследованиями, ведущими к появлению тех самых объектов, что терроризируют его население. Этот кто-то, не очень умен, больше самонадеян, и скорее всего, является эмиссаром кого-то из противников Альянса. Почему? Это очень легко понять, если проанализировать обстановку здесь, на шахтах и в целом на территориях Пяти городов. Понимаете, к чему я клоню?

- Понимаем. – Батя, у которого пурпурный цвет на лице неожиданно стал прореживаться белыми пятнами, кашлянул. – Все понимаем, Капитан. А вы понимаете, насколько опасные вещи только что объявили? Ведь это прямое обвинение в измене, не так ли? Надеюсь, что вы подумали, прежде чем это сказать, и, полагаю, перед этим подумали еще серьезнее и пока не сообщили эти новости в сам Альянс?

В тишине, наступившей после слов мэра, было слышно практически все в комнате. Сопение самого Бати, уставившегося на Капитана маленькими, налитыми кровью глазами. Еле слышную дробь ноги, со стороны кого-то из советников, которые явно занервничали. Тяжелое дыхание Краба, внешне безразличного ко всему происходящему. Постукивание по крышке стола пальцев правой руки Герца, что лежала на столе, а вот вторую не было видно. Скрип стула со стороны майора Грифа, который весь подался вперед. И щелчок зажигалки Кэпа, невозмутимо закурившего свою любимую сигару. Только Мерлин не издавал звуков, неподвижно стоя за своим командиром и убрав руки за спину.

Молчание, повисшее в воздухе, копилось подобно легким клубам дыма, нехорошее, напряженное и тягучее.

- Я хорошо подумал, господин Батя, прежде чем что-то подобное говорить. Именно поэтому и сказал, так как тянуть с этим не вижу смысла. – Капитан медленно стряхнул пепел в тарелку, подвинув ее к себе поближе. Судя по внешнему виду, в ней была курица с густым соусом, наверняка вкусная. Но это уже не было важно. – Что касается вашего второго вопроса... То сообщил, сразу по выявлению подземного хода и двери, которую твари сами открыть явно бы не смогли. Как-то вот так, уважаемые...

Мэр выдохнул, собрал пальцы в кулаки, до той степени, когда костяшки начинают белеть. Герц улыбнулся краешком рта и что-то сделал левой рукой. Господин городской советник Правый, тот самый обладатель густого баса, запустил руку за лацкан стильного пиджака. Его коллега ни сделал ничего. Майор Гриф выхватил из кобуры пистолет, вернее попробовал выхватить. Хотя выстрелы все таки прозвучали.

Мэра откинуло назад, лицо вмялось внутрь, а из его затылка даже не брызнуло, а скорее взорвалось содержимым головы, заляпав красным и тягучим темную бархатную портьеру. «Бульдог», короткоствольный револьвер, который твердо держала рука Левого, штука убойная. Но держала она его недолго, потому что Капитан выстрелил практически из-под стола, по невообразимой траектории, тем не менее, попав в советника три раза. Громадный Краб ударил молниеносно, тяжелым кулачищем засветив Правому в висок и отбросив того на пол сломанной куклой. Тяжелый ботинок Мерлина ударил Грифа в подбородок, хотя тот и успел уйти в сторону, и челюсть не хрустнула сразу в трех местах. Майор перекатился через спину, не выпустив из ладони многозарядный пистолет, и нажал на курок. А вот Герц, нажавший на кнопку сигнализации, оказался намного проворнее его.

Он засветил локтем Крабу, волчком ушел от двух выстрелов в упор Капитана и метнулся к стене, успев нажать на незаметный выступ, и юркнуть в темный проход. Пули командира чистильщиков чиркнули его по голове и плечу, но с темпа не сбили. Кэп откатился в сторону, уходя с линии выстрелов Грифа, перекатившегося за поваленное массивное кресло, бросился к проему в стене, но не успел. Панель встала на место с неприятным металлическим звуком.

Мерлин перевернул стол, за который кинулся Кэп, которого чистильщик прикрыл огнем.

- Гриф! – Капитан подождал, пока майор не выстрелит еще пару раз и покосился на Мерлина. Тот показал ему пять пальцев. – Стоит ли стрелять?

- Стоит, говнюк. – Гриф хохотнул. – Еще как стоит.

- Внизу мои люди, и они не дадут вашим парням что либо сделать. Не дури, бросай ствол и живым окажешься.

- За идиота меня держишь? – Майор, судя по шороху, полностью распластался на полу. – Когда за меня возьмутся комитетчики Альянса, то я лучше буду мертвым.

- А, вот и молодец. – Капитан улыбнулся. – Спасибо за данные, даже от души отлегло.

- Скотина... - Гриф выругался и сплюнул, сообразив, что стало ясно Капитану. Ведь подмога, откуда бы она не шла, не успеет к моменту прихода сил Альянса. – Вот хитрая сволочь!

Мерлин, прислушивающийся к звукам снизу, неожиданно услышал шорох. Оглянулся, пытаясь понять в нарастающем треске очередей с первого этажа, что же это. И увидел, как Краб, скребя пальцами пол, пытается встать. Понял, что сейчас может произойти, но не успел ничего сделать.

- Хоть в чем-то везет. – Голос Грифа стал тверже и увереннее. – Эй, господин главшахтер, хватит из себя ракообразное изображать. И не прикидывайся теперь мертвым, а то проверю выстрелом в твою тупую башку. Вставай, ублюдок, только медленно, и иди сюда, ко мне. Капитан, мне стоит что-то объяснять?

Мерлин глазами показал командиру, что он может прыгнуть, и прижать медленно встающего Краба к полу, закрыв его собственной броней. Капитан покачал головой. У Грифа был многозарядный «Беркут», крупнокалиберный монстр, привозимый с заводов бывшей столицы. Серьезный и быстро стреляющий пистолет, которым вполне можно продырявить жилет Мерлина, не говоря про попадание в голову.

- Ну чего тянем-то? – Майор встал в полный рост, держа Краба на прицеле. – Иди сюда, я сказал.

Шахтер медленно подошел к нему. Гриф немедленно оказался у него за спиной, приставив ствол к голове. И плавно двинулся в сторону

двери, не отрывая глаз от перевернутого стола, из-за которого не торопились показываться противники. Спиной ощутил дверь, чуть выдвинул шахтера вперед, свободной рукой пытаюсь открыть предварительно заблокированный им самим механизм хитрого замка. Майор уже жалел про это, потому что двое охранников, стоявших в коридоре, были верными людьми и наверняка сейчас бы покрошили чистильщиков из автоматов. Хотя они наверняка смогут сделать это сейчас, когда дверь будет открыта. Он нисколько не сомневался в том, что из трех людей Капитана, оставшихся внизу, в живых не осталось никого. Хотя если судить по стрельбе, то может быть выжил кто-то из громил. Но явно не сосунок Енот. И людей внизу хватит на то, чтобы как можно быстрее уничтожить выжившего стрелка.

Майор щелкнул нужным переключателем, разблокировав дверь, и толкнул ее в сторону. Не отводя глаз от стола, позвал охранников, и не успел удивиться тому, что с его головой вошел в краткосрочный, но очень серьезный контакт приклад оружия одного из близнецов. Просто в голове неожиданно и бесшумно взорвалась граната, мгновенно превратив день в ночь, украшенную разноцветными сполохами и кругами. Тело Грифа упало с мягким шумом на пол, а в кабинет мэра ворвались стихающие звуки очередей снизу.

Глава двенадцатая: улицы в огне

«Лишь только отважный сердцем и храбрый душой пройдет по пути Воина

А на пути том ждут его и потери, и боль, и кровь, и пот.

Но без того пути – не будет мира в землях, согреваемым светом солнца,

И благодати господней не быть, ибо Тьма всегда ищет тех, кто слаб.

Встав же на путь – надо идти до конца, даже если силы покинули тебя, Воин.

Так как к цели движется тот, кто хотя бы ползет...»

Книга св. Мэдмакса (апокриф)»

- Пригнись, дурень! – Ган пихнул в спину одного из патрульных, вжимая его в землю небольшого палисадника. Со стороны дома грохнуло, басовито и раскатисто, и еще раз.

Бочка, из-за которой выглядывал горе-воин, задрожала и издала треск. В досках появились сквозные пробоины, в каждую, при желании, кулак можно просунуть. Патрульный, отпущенный, наконец-то, совершенно очумело уставился на дырки там, где совсем недавно находился он сам. Выпученные глаза, на перекошенном и измазанном суглинком лице, шевелящиеся густые усы... Енот, несмотря на всю серьезность положения, чуть не расхохотался. Но вспомнил самого себя во время боя у фермы и передумал.

Из окон, закрытых толстыми дубовыми ставнями и прутьями решеток, грохнуло еще несколько раз подряд. В этот раз стреляли со стороны крайнего к улице, где, скорее всего, находилась кухня. Енот аккуратно высунулся из-за своего укрытия, которым стала поленница в самом углу двора, и тут же убрался назад. В него пальнули из двух оставшихся, и разом с трех стволов.

- Хорошие карабины у ублюдков. – Крикнул ему Ган, прицелился и выпустил короткую очередь. – Это с Кара-кайсацкого эмирата, я знаю. Прав был Кэп, ой и прав. Слышь, брат Енот?

- Слышу. – Парень попробовал проползти за поленницей в сторону пристройки к дому, но не вышло. Фонтанчики земли,

мгновенно возникшие по курсу движения, четко показали, что засевающие в доме и стрелять умеют, и боеприпасов у них хватает. – Чего делать-то будем?

- Уж точно не отходить. – Ган прижался спиной к одному из больших металлических бидонов, во множестве стоявших во дворе. Немудрено, когда хозяин дома молочник. – Их четыре человека, или три как минимум. Один может постоянно позицию менять просто, и это было бы лучше. Но один хрен, братишка, не дадут они мне подползти ближе, а то гранатами бы закидал... возможно. У меня три штуки есть.

Ган посмотрел на собственное войско: Енота и трех патрульных с громоздкими магазинными винтовками, кожаными нагрудниками с плотным подбоем и в тонких, но все-таки металлических, касках. Осмотр вышел невеселым и бодрости не внушал. Если молодец Енот, имеющий совсем скромный опыт, держался хорошо, то двое патрульных явно впервые оказались в подобной переделке и трусили. Третий, высокий, худой и жилистый мужик с рыжими волосами, был хорош. Ну, по отношению к собственным коллегам. Сейчас рыжий залег за одной из трех яблонь, заботливо обхаживаемых хозяином палисадника, и, время от времени, вколачивал пули в окна.

На данный момент в этой отдельной схватке, которых за последние сутки в городе стало не так уж и мало, наступил баланс сил. По какой-то причине противники группы Гана не спешили попытаться уйти по улице дальше, а их противники, которым отступать некуда и нельзя, никак не могли выкурить их из дома. Ган чертыхнулся себе под нос, понимая, что идти на прорыв против десятимиллиметровых пуль эмиратских винтовок есть ни что иное как самоубийство, и тоскливо покрутил головой по сторонам, соображая над тем, как ему поступить. В кармане пискнуло и затрещало.

- Ган на проводе... - Оружейник прижал динамик коробочки станции к уху.

- Ты там как, братишка? – Голос Файри было слышно не очень хорошо, динамик трещал и похрипывал. – И где находишься?

- Да не очень дела, сестричка. Торчу чуть ли в центре, возле перекрестка Каменщиков и Средней, во дворе местного молочника, как его, Енот? Вот, Веселого, короче. У меня тут, то ли четверо, то ли

пятеро ухарей, которые не дают даже головы поднять. Вот такие вот дела.

- Вы там вдвоем что ли? – Голос чистильщицы в кожаном стал звучать сильнее и чище.

- Да нет, пятеро нас, я, Енот и трое местных. – Оружейник пригнулся, услышав новые выстрелы из дома. Рядом что-то сочно чмокнуло, а чуть позже завалилось, звякнув металлом. – Э, нет, сестренка, нас уже четверо... А гранаты кинуть не могу, лупят, сволочи, через ставни с решетками, нас скорее зацепит.

- Поняла. Ладно, Ган. Скоро буду у тебя, вместе с Виннету.

Оружейник довольно кивнул головой и подмигнул Еноту. Потом высунулся из-за бидонов и всадил длинную очередь поперек окон. За одним из них раздался длинный вопль боли, попеременно с матерщиной.

- То-то, деревенщина, знай наших. – Ган хохотнул, глядя на бледного патрульного, совсем вжавшегося в землю. Тот косился совершенно растерянными глазами на труп собственного товарища, плавающий в лужи крови из перебитой шеи, и только и мог, что глупо моргать глазами. Рыжий поднял большой палец и вlepил еще несколько выстрелов в самое крайнее окно.

Файри с разведчиком прибыли через пару минут, ртутными каплями скатившись через высокий каменный забор со стороны соседнего дома. Осажденные не успели среагировать, и девушка, сменившая свой кожаный наряд на штормовку, широкие брюки и бронежилет, проскользнула под самые окна. Возможно, что укpывшиеся в доме стрелки успели бы сделать что-то, например, сдаться чуть раньше Гану, или драпануть. Но они этого не сделали, за что и поплатились. Чистильщица приподнялась на коленях, вскинула руки к двум соседним окнам...

Два языка пламени, жаркие, оранжево-черные, жадно нырнули внутрь дома. Там немедленно заорали абсолютно дикими голосами, перешедшими в совершенно невозможный вой. Ган кинулся к Файри, на ходу сдернув с одного из трупов ветровку, накиннутую сверху. Подбежал, свалив ее на землю и начал сбивать огонь, вспыхнувший на руках.

- Какого хрена костюм не одела, дура!!! – Оружейник злился. Пламя сбить удалось, но было видно, что на предплечьях женщины

кожа не просто вздулась волдырями, она даже обгорела. – Знала ведь...

- Хорош орать, Ган. – Файри стиснула зубы, и прижала руки к груди. – Достань из аптечки мазь, сейчас затянется, смажешь, как обычно. Знала, не знала, ну да, дура, и удобнее скакать через заборы в том, что на мне. Что теперь-то? Поболит, да пройдет, не впервой.

- Глупая ты. А если бы не сбил?

- Слышь, Ган! – Женщина подняла на оружейника карие глаза. – Был бы у бабушки член, была бы она дедушкой, честное слово... спасибо тебе, брат.

Енот, потрясенный до невозможности, смотрел на то, как медленно, но верно, на предплечьях чистильщицы появляется розовая тонкая кожа, расползаясь по красно-черным следам ожогов. И прямо на глазах становится нормального цвета, покрывая все то, что сделал с ней ее собственный дар. Лишь только после того, как Ган, начавший смазывать заживающую кожу мазью, закрыл Файри, он обернулся в сторону бушующего пламя.

Вспышка была недолгой, но успела заполнить собой, казалось, все внутри немаленького дома. Последний крик не затихал долго, повисая в воздухе протяжным звуком, напомнившим Еноту несколько раз бывавшим на шахтах, сирену окончания смены. Но он, показавшийся парню безумно долгим, наконец-то затих. Стрельба, слышащаяся отовсюду, отодвинулась куда-то далеко, оставив после себя только звон в ушах. Звон нарастал, становился все сильнее, смешиваясь с шумом начавшего разгораться обычного пожара, пламени, жадно лизавшего внутри все, что могло гореть, запахом трещавшего под его напором дерева, сладким и отвратительным паленым привкусом сгорающих тел. Потом он, звон, неожиданно прекратился, и Енота согнуло в приступе рвоты.

Ган, дождался, пока парня не перестанет выворачивать, отстегнул флягу с водой. Помог умыться, протянул чистый, хотя и застиранный чуть ли не до дыр, платок. Потом пошел в сторону рыжего патрульного, находившегося в таком же состоянии.

- А Лешего-то когда успело зацепить? – Произнес тот, вытираясь. И показал на второго оставшегося в живых из трусивших. Вернее, совсем недавно бывшего живым, так как после пули в лоб живым остаться тяжело.

- Действительно, вот ведь не повезло... - Присвистнул оружейник.
– Всего ничего осталось, и на тебе. Глупая смерть, да, Енот?

- Может и глупая... - Протянул тот, косясь на отряхивающую, как ни в чем не бывало, брюки Файри. – Зато не такая страшная...

- Привыкай, братишка. Красавица, а, красавица?

- Чего? – Женщина подняла на него глаза.

- А у тебя теперь насколько еще заряда хватит? – Поинтересовался Ган.

- Да есть еще. – Файри чуть улыбнулась, подходя к Еноту. – Ну, ты как? Ты уж прости, но так часто бывает у тех, кто в первый раз видит. Ты же понимаешь, что если бы не я, то они нас?

Парень покивал головой, приходя в себя. Рыжий стражник, к которому женщина не обращалась, тоже покивал и быстро переместился в сторону дальнего угла двора. Виннету чуть покосился на него, и усмехнулся еле заметным движением. Енот вздохнул, понимая, что Файри, с ее такой поразительной силой, все сделала правильно. Но от этого легче не становилось, и на душе стало очень погано. Тогда, в салуне, она могла сделать что-то подобное, но увидеть довелось здесь, в бою, и все равно – было страшно.

Тем временем Ган начал связываться с Капитаном, который руководил всеми боями в городе, и Енот решил пока просто отдохнуть. Сел прямо на землю, прислонился спиной к стволу яблони, у которой теперь, наверное, и не было больше хозяина, и начал вспоминать все, что случилось за последние сутки.

Вчера в мэрии, когда наверху началась стрельба, он даже не успел ничего понять. Первый одним движением просто закинул его за громадную металлическую кадку, заполненную землей, в которой рост какой-то непонятный куст. А сам, перекатившись за колонну, открыл огонь по охранникам мэра. Тем временем Второй прыжком оказался на лестнице и скользнул вверх так быстро, что размазался движением в полосу.

Стрелять Еноту пришлось не так уж и много. Потому что Первый оказался настоящей машиной для убийства, взявшейся уничтожать противника быстро и свирепо.

Трое, оказавшиеся самыми близкими, заработали ровно по две пули в лицо и комками мусора оказались на полу. Близнец не стал тратить время на ожидание их подкрепления, и решительно перешел в

атаку, бросившись вперед. Еноту не оставалось практически ничего, как последовать за ним, стараясь хотя бы прикрыть его спину. Хотя этого тоже практически не потребовалось, потому что боец напоминал бронированное чудовище, которое невозможно остановить и не знающее промахов.

Пять выстрелов из большого оружия, больше смахивающего на пулемет, пять отлетевших фигур, с отлетающими в сторону красными брызгами. Тут же, неуловимым движением, Первый достал из подсумка две гранаты, моментально выдернул кольца и швырнул их в разные стороны, туда, где мелькали головы в шлемах, и укрылся за колонну на входе. Енот еле успел за ним, чтобы не попасть под летевшие осколки. А ствол длинного оружия близнеца уже дергался, снимая тех нескольких оставшихся в живых, что стояли на карауле у пулеметов на самом входе.

Енот смотрел на все это со стороны, едва принимая участие. Да, ему пришлось стрелять, и одного из охранников он положил, это точно. Но то, что творил Первый... это было чем-то странным, необычным даже более того, что можно было предположить. В какой-то момент он показался ему чем-то похожим на бездушный автомат, созданный специально для ведения боя. Автомат, выполняющий поставленную задачу на предельных скоростях и точнейшем расчете, невозможном для обычного человека. Громадный силуэт размазывался в воздухе, мгновенно меняя траекторию движения, стреляя и попадая одним выстрелом и совершая невообразимые кульбиты при прыжках и перекатах. И ему стало страшно от того, что чем больше находится среди чистильщиков, тем больше путается от ощущения, что они даже страшнее тех, с кем призваны бороться.

Но как бы оно ни было, но свое дело близнец выполнил полностью, устранив за неполные пять минут около десяти человек, лучших среди уже бывших охранников администрации. К этому моменту наверху также было чисто. Второй спокойно и неумолимо, и при этом абсолютно бесшумно расправился с двумя охранниками на входе в кабинет Бати. Когда Енот услышал звуки шагов на лестнице и задрал голову, первое, что бросилось в глаза – Второй, несущий на плече связанного собственными многочисленными ремнями Грифа. Следом шел Мерлин, аккуратно поддерживая под локоть чуть

шатающегося управляющего шахтами, Краба. Последним спускался Капитан, явно чем-то недовольный и отдающий приказы через рацию.

Как оказалось потом, ворота, у которых находился лагерь чистильщиков, взял под руководство старший капрал Штырь. Чем он руководствовался, так и осталось неясным, но зато теперь у Краба, оставшегося единственным руководителем в городе, появились лояльные к действующей власти представители закона под командованием капрала. Благодаря этому практически сразу в город смогла войти сначала машина Капитана, немедленно прибывшая с усилением к администрации, а впоследствии и один из «жнецов», который и остался на площади, вместе со всей группой чистильщиков.

Проблем сразу возникло великое множество, и каждый час приносил только новые и новые новости, которые странно было бы называть хорошими.

Первоочередной стал Герц, бывший представитель КВБ, и, по совместительству, агент Эмирата. Майор Гриф, когда пришел в себя, не стал заператься и героически отказываться давать показания. Некоторые из его сведений помогли в самом начале той заварухи, что разразилась буквально спустя час после перестрелки в мэрии. Но по большей части – оперативных данных он выдать так и не смог.

Герц, внедренный давно и надежно, создал в городе собственную организацию, в любой момент готовую к вооруженному противостоянию и перевороту. При необходимости боевые ячейки, входившие в нее, и состоявшие как из стражников, так и из городских обывателей, должны были полностью уничтожить все силы администрации и держать город до прихода военных частей Эмирата. Что они и попытались сделать, поднятые Герцем по тревоге. С помощью собственной системы связи.

Первые столкновения, начавшиеся в Старом городе, постепенно охватили практически все его районы. Возле вторых ворот заговорщики смогли укрепиться, и сейчас устраивали там баррикады и укреплялись.

Часть горожан старалась покинуть город, но на воротах выпускали только женщин и детей, и только на воротах Штыря. На вторых – по горожанам сразу же открыли стрельбу. Это стало их самой большой ошибкой. У многих горожан в домах тут же обнаружилось оружие, пускай и не самое лучшее, но обнаружилось. В ход они его

пустили при первых же жертвах со стороны своих друзей, близких, знакомых. И это изначально предредило то, что люди Герца не смогут реализовать планы. Не говоря уже про отряд чистильщиков, оказавшийся им совершенно не по зубам. Тем не менее, схватки, начавшиеся после вчерашнего обеда, плавно перешли и на следующие сутки. То здесь, тот там, слышались выстрелы. А сразу после полудня следующего дня – силы администрации и отряда Капитана начали выжимать противника в сторону вторых ворот.

Наибольшие опасения Капитана вызывали подземные твари. Выйди они ночью, и город, и без того трясущегося в лихорадке боев, проблем прибавится. Проход, охраняемый Тундрой, немедленно заложили стенкой в несколько кирпичей, и поставили там блокпост, усиленный станковым пулеметом, доставленным от администрации. Но, то ли Герц сам не умел управлять тварями, то ли после последнего столкновения они вышли из-под его контроля, кто знает? Сейчас либо затаились, либо решили вновь нанести удар по шахтам. А с ними у Краба не было связи. Единственная телефонная линия, проведенная туда, глухо и намертво молчала с самого начала боев. Отправить туда некого, все те, в ком главшахтер уверен – воевали на улицах.

Вот такие вышли последние сутки в городе, в котором меньше недели назад появился отряд Капитана. И неизвестно, что было хуже – чудовища из подземелий, или те, настоящие чудовища, что выпустили их ради собственных целей.

- Да, я понял... - Ган прислушался. – Понял, Кэп, выдвигаемся.

Файри вопросительно посмотрела на него.

- Сейчас «скаут» подойдет, садимся на броню и вперед, в старый город. Наши друзья решили попытаться все-таки выбить нас. Там сейчас полная жесть. Они, скорее всего, все силы бросили, что смогли собрать.

- Это хорошо. – Женщина улыбнулась. – Попробуем сразу все закончить.

- Как получится... - Оружейник поморщился. - Собираемся, ребят. Рыжий, отошел?

- Да, командир, отошел.

- Енот?

- Все хорошо, Ган. – Парень поправил сползший подсумок. – Готов полностью.

- Ай, молодец, брат. О, а вот и наша карета, уважаемые господа.

Над забором проплыл ствол пулемета башни «скаута» и голова Тундры, стоявшего на броне.

- Прыгаем, и поехали, быстрее! – Тундра выглядел помятым и абсолютно не спавшим суток около двух. Енот этому даже не удивился, так как, скорее всего так и было на самом деле. Слишком много дыр нужно затыкать, и людей не хватало.

Прислонив к забору садовую лестницу, стоявшую у сарая, перелезли через забор, сразу запрыгивая на броню «скаута». Двигатель рыкнул, выбросив черный выхлоп, и быстро поехал вперед, набирая ход. Хотя Жуку явно приходилось сдерживаться от желания наподдать газку, ведь улицы городка не везде подходили для маневров бронированной техники. В стороне южных ворот и Старого города все сильнее раздавались звуки ожесточенной перестрелки. Стало слышно, что кроме одиночных выстрелов винтовок и карабинов, треска очередей редких автоматов и пулеметов, в бою участвуют представители более крупного калибра.

- Вот черти где... - Тундра поднял щиток забрала, сплюнул и матюгнулся. Очень грубо и чрезвычайно грязно, помянув всех родственников заговорщиков, их половые связи и связанные с ними извращения. Файри отвернулась и ничего не сказала, заместитель Капитана не извинился. – Откуда только прыти и упрямства набрались? То ли к ним все-таки подкрепление может прийти, то ли еще чего.

- А на шахтах-то что, до сих пор неизвестно? – Оружейник устроился возле башни и повернулся к Тундре. – Там ведь вроде рудничной стражи одной до роты всегда стоит?

- Полный крандец на шахтах. Режутся и на поверхности и в тоннелях. Стража-то в основном за администрацию встала, но и там нашлось, кому стрелять в их сторону. У Краба заместитель заодно с Герцем, как оказалось, он там и верховодит. Так что у них там свой шахсей вахсей, и ни мы на них повлиять не можем, ни они на нас. С пограницами связи нет, но на Фронтире беспокойно уже недели как две, так что...

- Ясно. Они там пулеметы крупнокалиберные притащили, или это наши? – Ган внимательно прислушался к стрельбе, выделяя те звуки, которые спокойно определял даже отсюда. – Три пулемета двенадцать

и семь, значит не наши. У одного затворная рама барахлит... да это и не пулемет ведь, да, Тундра?

- Зенитка, старая. Где они ее откопали, понять не можем. Ничего, мы им сейчас сюрприз подкинем. Кувалда из-за Румпеля-то и так злой, а сейчас совсем озверел. Он там несколько зарядов установил, между стенами и домами, у которых кладка слабее. Улицы там расширяются, рванет и все, проход для «жнецов» готов. Тогда мы их и выкурим, как муравьев.

- Серьезно... - Присвистнул Ган.

- А что делать?

Броневик, ворча движком, докатил до подходящего перекрестка и повернул направо, покотившись со спуска. Енот привстал, понимая, что южная часть, Живодерня и причалы горят. Черные клубы поднимались сразу в нескольких местах, восклицательными знаками четко выделяясь на синеве безоблачного небосклона. Неожиданно раздалось несколько глухих взрывов. Один, два, три... облака дыма и поднявшейся пыли вспухли грибами, не торопясь оседать.

- О, как... - Протянул оружейник. – Серьезен у нас Кувалда, ничего не скажешь.

Сейчас они ехали по одной из двух параллельных друг другу улиц Старого города, Третьей и Пятой. И со стороны Пятой уже доносился высокий вой турбины, работающей внутри механического монстра «жнеца».

Он вылетел раньше их «скаута», разом загородив все свободное пространство впереди. Длинная высокая машина на четырех мостах, с покатыми боками, острым, усиленным наваренным ножом носом и башней посередине. Из нее торчали два автоматических орудия, вдобавок к ним чуть снизу были пристроены два обычных пулемета. На боковых пилонах, чуть выступавших в стороны – виднелись вытянутые хищные тушки с оперением на концах. На броне ни одной фигуры в ставшей Еноту такой привычной броне чистильщиков.

- Мерлиновский аппарат. В башне наверняка Варяг сидит... - Крикнул ему Ган, стараясь перекрыть визг турбины. – Он, братишка, и стреляет хорошо из нее, и прется от этого, прям как ты от своего автомата после винтовки. Щас он этим говнюкам устроит такой халамбалам, что мама не горюй, вот увидишь!

«Жнец» плавно понесся вперед, направляясь в сторону наконец-то оседающих серо-черных клубов в стороне южных ворот. Жук пристроил свою машину у него в хвосте, держась метрах в пяти. Тундра наклонился к люку механика и застучал по нему прикладом своего автомата. Металлический диск откинулся, и чистильщик наклонился к проему, в котором виднелась голова в шлемофоне.

- На следующем перекрестке направо уходим, слышишь, Жучара?!

Шлемофон согласно мотнулся вперед, и Тундра опустил люк. Повернулся к остальным, держась за забрало, готовясь, судя по всему, его опустить.

- Файри, где твой шлем вообще, а? – заорал заместитель Капитана. Чистильщица похлопала по рюкзаку, висевшему за спиной. – Так одевай быстро, выпендрежница! И не смей без команды огнем работать, ясно? Ты что думаешь, не заметил, что ты опять опалилась вся, зараза? Еще раз костюм и перчатки не оденешь, накажу. Месяц в рейды ходить не будешь, оставлю на Базе, будешь в трупах ковыряться. И за выздоравливающими парнями утки выносить, ясно? Так, десант, готовимся. Забрала опустили, держимся за мной, передвигаемся короткими перебежками. Енот, ты за Ганом, страхуешь его. Эй, рыжий, ты идешь за мной, понял? Виннету, ведь понятно, что делаешь? И если валькирия будет излишне в бой рваться, разрешаю оглушить, связать и сдать Айболиту в медпункт. Всем все ясно? Сейчас выкруливаем с перекрестка, Жук притормаживает и прыжками с брони, под стены.

Броневик вписался в нужный поворот, оставив удаляющуюся громаду «жнеца» в одиночестве, и понесся вперед, в сторону разом ставшего намного более громким стакато выстрелов. Впереди показался просвет, ведущий к Южному рынку, и Жук резко сбросил ход, давая им возможность покинуть борт.

- Кто в башне, Тундра? – В динамиках шлема Енота, уже приведенного в боевой порядок, раздался голос Гана.

- Волхв.

- Лучше бы меня посадил, честное слово.

- Хорош трюндеть, Ган. Пошли, ребята.

И они пошли, передвигаясь двойками и прикрываясь бортами медленно вкатывающегося на рынок «скаута». А на рынке царил ад.

Рынок у Южных ворот был вторым по значимости и вполнину меньше центрального городского. Но и здесь хватало открытого и насквозь простреливаемого пространства.

Сторонники Герца закрепились у двух трехэтажных домов, стоявших у короткой, прямой улицы, выходившей как раз на ворота. Окна домов, заложенные мешками с песком, полыхали огнем карабинов, магазинных винтовок и однозарядных ружей. Енот вжался в стену, по которой вовсю чиркали долетавшие и рикошетившие пули. Ган метнулся вперед, стараясь укрыться за перевернутой двухколесной повозкой с плетеными бортами, и ему пришлось рвануть следом. Приземлившись в подкате, очень удачно, Енот осторожно выглянул, стараясь понять – что же происходит?

Вся сторона у трехэтажек была перегороджена разноцветной высокой полосой. Бетонные блоки, какая-то мебель, металлический хлам непонятного назначения, несколько фермерских телег поставленных на попу, скреплены тросами и толстыми мотками ржавой колючки из караулки стражи. Мятежники мелькали в редких прорехах этой кустарной, но очень добротнo возведенной баррикады, палили во все, что движется напротив и всем видом показывали, что не собираются легко сдаваться.

С флангов стояли те самые крупнокалиберные пулеметы, которые на слух определил Ган. Толстоствольные агрегаты укрытые металлическими щитами, сработанными также на скорую руку и грубо приваренными к станинам. Стволы ворочались из стороны в стороны, глухо порывивали, украшаясь то и дело появляющимися на их концах венчиками огня.

- Эх, и грамотный у них командир, зараза. – Оружейник матюгнулся сквозь зубы. – И когда успел так все сделать, кто бы сказал, братишка, да? Понятно, почему они так крепко тут вцепились, ведь не пройдешь ни хрена. Отсекают на раз-два любого, кто через площадь рванет. Ну, ничего, щас мы им покажем, почем килограмм счастья от чистильщиков... да и так, вообще-то, глянь-ка, Енотище!

Посередине баррикады что-то дымилось, жирно чадя густым черным дымом. Приглядевшись и приняхавшись Еноту стало ясно, что горело что-то типа рудничного грузовоза. На его платформе вверх торчали две металлические оглобли непонятного происхождения.

- Что это?

- А та самая зенитка, брат. Поставили они ее правильно, на колесах толку больше. Ох и древняя, етит колотит, ты посмотри... а наши грузовик подбили и все, кирдык одному серьезному виду вооружения. А щас броневика подгоним, и все. Должны бы уже понять, дурни.

С этим Енот согласился. Пусть мятежники и серьезно подготовились, и готовы защищать свои интересы как можно дольше и как можно серьезнее, но против бронетехники-то не попрешь. Особенно если ее нечем подбить. Хотя проблем хватало и у людей Капитана.

Краем глаза он увидел, что в одном из проулков, укрытым от обстрела стенами, лежат в ряд с полтора десятка тел. Чуть дальше Енот заметил фигуру Айболита, колдующего над явно орущим парнем из его бывшего взвода.

В это время нос броневика наконец-то выдвинулся на рыночную площадь. Громко заколотило, как будто сразу несколько жестянщиков взялись за работу. По баррикаде пронесся дождь из летевших пуль башенного пулемета, брызнули щепки, пыль и осколки бетона. На какое-то время ее защитники полностью прекратили огонь, прячась от стрелявшего по ним Волхва.

- А где наши-то? – Поинтересовался Енот.

- Они в домах, что напротив. – На вопрос ответил голос Тундры, почему-то перекрываемый треском и шипением. – Времени на что-то типа как у них не было, потому и трупов так много. Ничего, сейчас выбьем, никуда не денутся... твою мать!!!

Из одного из окон, четко видимая, в сторону «скаута» протянулась неширокая дымная полоса. Хлопок взрыва, и прямо под срезом башни лопнул шар огня, и чуть позже рвануло намного громче. Двигатель броневика взревел, он дернулся и задом, чуть не размазав втиснувшихся в стену Файри и Виннету, «скаут» въехал под прикрытие домов.

Люк Жука откинулся, и механик, выскочив на броню, бросился к башне. Стало ясно, что Жук хотел открыть башню снаружи, но ничего не получалось. Фигура в черном комбинезоне кинулась обратно, ловко ввинтившись в кабину. Пули с противоположной стороны зло дырявили воздух, рикошета от стальных листов. Лязгнуло где-то в задней части машины, и подбежавший Айболит бросился туда. Он,

механик и рыжий стражник, оказавшийся быстрее остальных, выволокли наружу безвольное тело Волхва и потащили в проулок, ставший полевым госпиталем. Кинолог, выполнявший на время боя обязанности пулеметчика, в лучшем случае - был без сознания. Голова моталась в такт бегу несущих его людей, руки висели обрубленными плетями. На пятнах камуфляжа, с левой стороны, уже расплылись темно-красные пятна, роняющие капли на асфальт.

- Ох, и серьезная заваруха тут готовилась, брат. – Ган покачал головой, провожая взглядом Айболита и его помощников. – Гранатометы даже завезли, ну надо же. А ведь их очень мало, видно и правда думали удерживать военных до прихода поддержки. Ладно, что подвесную активную броню установили на все машины, может и вытянут Волхва.

- А как же теперь быть?

- Да молча, Енот, молча. У нас есть чем ответить...

Ответ оказался практически незамедлительным и намного более серьезным, чем выстрел с гранатомета.

Сначала в воздухе засвистело и оба дома мгновенно оказались невидимыми из-за разрывов и разлетающихся в крошки кирпичей. Потом тоже самое произошло и с баррикадой, на которую вдобавок обрушился настоящий свинцовый ливень. Еноту было видно, как забор, находящийся напротив ее правого фланга с грохотом рухнул, и в клубах пыли на площадь высунулось стальное и хищное рыло «жнеца», изрыгающего огонь из орудий и пулеметов. А с пилонов башни сорвались и ушли вперед два последних их тех самых цилиндров с оперением, добавив еще больше разрушений.

- Ну, вот теперь практически и все, брат. – Ган устало и довольно вздохнул. – Учись, как нужно действовать. Жаль, конечно, что раньше не успели, и не получилось малой кровью, но уж как есть. Только не расслабляйся. Зуб даю, что за сегодня мы с этими упырями до конца не управимся.

- Готовность раз, три зеленых. – В динамиках раздался голос Капитана. – Отряд, идем вперед двойками, не по пересекающимся. Работаем в шахматном порядке и прикрываем друг друга. Ну... пошли!

И они снова пошли, дождавшись заморгавших огоньков на крошечных мониторах внутри шлемов. Следом, не так смело,

пригибаясь, пошли стражники и местные, те, кто решил взять оружие в руки. Енот бежал за Ганом, стараясь не отставать, быстрее пересечь площадь и добраться до остатков баррикады. Пыль оседала, и ее защитники, те, кто остался, уходили по улице к воротам, даже не пытаясь отстреливаться. И молодому чистильщику-новобранцу не было стыдно, когда в первый раз в своей жизни поднял оружие, целясь в спину отступающего и бегущего врага, и нажал на курок. Враг есть враг, и он это уже понял. Враги начали эти бои и нельзя давать им возможность продолжить их. Спина в кожаном панцире стражи и в такой же, как и у Енота, совсем недавно каске, только с белой полосой, попала в срез прицела.

Парень чуть выдохнул и потянул на себя пальцем выгнутую металлическую скобу. Приклад мягко ударил в плечо, фигура в прицеле сбилась с бега, дернулась и полетела на асфальт, нелепо раскинув руки.

Странно, но тогда в степи у него даже и не возникло желания открыть свой собственный счет. А вот сейчас...

Раз - щелчком отметилась в голове первая зарубка.

Глава тринадцатая: раскрытие тайн, будущее скорое и будущее наступившее

«Чистыми ли помыслы должны быть у Воина?

Нет, если это уничтожит противника рода человеческого.

Честным ли должны быть действия его?

Никогда, если тем самым близится конец врагу изначальному.

Ибо только на том свете, перед лицом высших судей,

держит Воин ответ за действия свои, непонятые часто людьми, здесь и сейчас»

Книга св. Мэдмакса (апокриф)

Вечером следующего дня, когда глаза уже не на шутку слипались от усталости, рация Тундры затрещала, вызывая его на контакт.

- Да, Кэп, на связи.

- Чуть еще простоишь и все, снимайся.

- А что такое?

- Первый отряд безопасников в километре от города. Они сразу разделятся, часть пойдет к тебе, часть останется на наших воротах.

- Вот это хорошо, спасибо, командир.

- Да не за что. Расслабляться не стоит, нам еще под землей всем работать.

- Это точно.

Тундра отключился от канала, довольно улыбнулся и подмигнул практически валившемуся с ног Еноту. Тот недоуменно уставился на него:

- А что такое случилось?

- С Альянса силы подошли, так что, боец, все, конец плохим ожиданиям.

Енот улыбнулся, широко, довольно и совершенно по-детски. Тундра посмотрел на него, хмыкнул и повернулся в сторону лестницы в караульное помещение, на ходу бросив:

- Ты пока не расслабляйся тут, бди, и присматривай за напарником.

Парень кивнул и продолжил то, что прервал поднявшийся на вышку Тундра, слежение за движением внизу.

Мысли в голове разом заворочались, выскочив из состояния оцепенения, и приняв намного более радужные очертания. Подумать только, неделю назад он также точно торчал на вышке, задроченный по самое не хочу, а сейчас? Все было таким же сложным, непростым и тяжелым, да вдобавок перспектива насильственно погибнуть стала намного ближе, ну и что? То, что было в отряде Капитана, стоило того.

Покосившись на стоявшего с другого края рыжего патрульного, Енот снова задумался, не забывая следить за чем-то подозрительным. Пока, слава Мэдмаксу, не было ни столбов пыли за невысокими холмами, разрезанными неширокой рекой, ни рычания моторов с той же стороны, откуда люди Герца ждали вооруженной помощи от Эмирата.

Мысли крутились вокруг событий последних дней, перескакивая с одного на другое, выбрасывая разные воспоминания, которых хватило бы прошлому Еноту на целую жизнь. Новому это казалось само собой разумеющимся и привычным. Даже вчерашний городской бой, оказавшийся самым серьезным за все время нахождения в отряде, не ударил так, как мог бы. Нет, ничего подобного. Наверное, свое боевое крещение он уже смог пройти, и так, что не стыдно перед новыми товарищами.

« Не товарищами, - мысленно поправился Енот, - братьями».

Именно братьями, как и следовало воспринимать тех, кто теперь рядом. И что говорить – от таких братьев и сестер, которых судьба послала ему, парню с неудачной судьбой, сироте, потерявшему все, отказаться было невозможно. Да, своим уже практически стал, это заметно. Но все равно, надо и дальше стараться, чтобы отношение к нему стало совсем другим. И этого Енот решил добиваться всеми методами и способами, что стали доступны.

Вчера, видя, что Мусорщика и Толстого, первыми успевшими попасть к южному рынку, практически качает от усталости, он сам вызвался занять пост до утра. Одобрительный взгляд Тундры, выдавшего ему толстую коробку прибора ночного видения явно говорил о том, что решение выбрано правильное. Спасибо рыжему стражнику, который сейчас, после короткого отдыха стоявшего здесь же, и тогда вместе с ним заступившему на дежурство. С ним стоять было не так скучно и не так тоскливо.

Когда схлынула горячка, накатившая там, на площади, Енот стал мысленно возвращаться назад, вспоминая все, что сделал. Как вместе с Ганом и Виннету они выскочили за бежавшей впереди них Файри и приняли в три ствола нескольких мятежников, чуть не пристреливших ее сзади. Или то, как достаточно долго не хотели сдаваться не успевшие уйти в ворота трое южан, незнакомых и ни разу не виденных в городе, оказавшихся серьезными бойцами. Виннету так пришлось уходить в лазарет, но при этом не он тащил Файри. А наоборот, чистильщица поддерживала его, раненого в ногу. Караулку с тремя ее защитниками закидали всякой вонючей дымящей дрянью, выкурили и разоружили. А уже потом, после окончания стрельбы, проветривали ее не меньше часа. И все равно она до сих пор ужасно воняла горячей бумагой и птичьими перьями, вперемежку с мусором и кусками застывшей смолы. Да вообще вчерашний день был богат на события, о которых раньше и в голову не приходило подумать. Но все равно, они отодвигались перед тем, что Енот услышал из разговора Тундры и Капитана.

Волхв остался жив. Его очень сильно поранило осколками, обожгло от взрыва заряда гранаты, но организм чистильщика выдержал, не дав умереть от потери крови. На том же самом «скауте» Жука, у которого не работал поворотный механизм башни, но который не взорвался благодаря подвесной защите, его отправили в городскую больницу, откуда Айболит хотел забрать его не раньше чем через три дня. Тундра злился и переживал, но одновременно радовался, что на самом деле в башне не был Ган. Оружейник нужен был там, куда им предстояло вскоре отправиться.

Впереди ждало самое сложное, в чем он, скорее всего, тоже будет участвовать: зачистка подземных коммуникаций. И серые подземники, до которых нужно добраться и уничтожить. Вот тут-то и станет окончательно ясно то, сможет ли он быть с отрядом до конца. Если тот самый конец не наступит для него под землей. Енот поежился, вспомнив изломанное темно-серое тело, лежавшее на стальном столе в блоке Инженера, вытянутые длинные пальцы с внушительными когтями, частокол острых конических зубов в пасти... и то, что узнал совсем недавно о происхождении подземников. На душе снова стало не совсем спокойно, но что оставалось, кроме как не пройти путь, лежащий под ногами, до конца?

Стражник, смотревший в сторону закругления стены, уходящей направо, протянул руку и толкнул его в плечо. Когда Енот повернулся, безмолвно ткнул пальцем в ту сторону, где параллельно городскому ограждению, когда-то давно слепленному из блоков, кирпича, строительного мусора и металлического лома, двигалась небольшая колонна. Броневи́к, точь-в-точь как у Капитана, два грузовика, открытая машина с высокими дугами над пассажирами и пулеметом на станине посредине. И на борту каждой машины, выведенная белой краской, виднелась большая звезда с алыми кончиками.

Енот вздохнул, понимая, что безумные двое суток наконец-то вроде закончились. Он поднял трубку телефона, покрутил ручку и дождался ответа Тундры. Сообщил о прибывшем караване, внимательно следил за процедурой проверки, не убирая ствола с борта вышки и не поднимая забрала шлема. А мало ли, вдруг военная хитрость от представителей Эмирата? Подумав такое, он грустно усмехнулся про себя: тот, оставшийся позади Енот, такого бы не подумал. Всего одна неделя, возможно ли такое? Как оказалось – возможно.

Потом машины заходили внутрь, слышались звуки приземляющихся на асфальт подкованных сапог, когда солдаты выпрыгивали из грузовиков. Четкие звуки команд, перед воротами расчехляли странные штуки, которые были прицеплены к обоим грузовикам и катились на небольших колесах. Они оказались похожи на ту самую сгоревшую зенитку, только имели по два ствола и большие короба, присоединенные с каждого бока. И где-то минут через двадцать лестница задрожала под ногами поднимающихся на вышку людей. Сразу стало тесно, так как вместе с Тундрой наверх поднялся подтянутый офицер в темно-зеленой форме и двое солдат, в обычном камуфляже, бронежилетах и касках.

А Енот и рыжий стражник отправились наконец-то вниз, чтобы отдохнуть и прийти в себя. Попрощавшись, рыжий пошел по разрушенной, все еще заваленной кусками отбитой штукатурки, битым кирпичом и с присыпанными песком красными лужами, улице куда-то вглубь города. Енот еле-еле перебирая ногами и ощущая разом навалившуюся усталость, взобрался на броню «жнеца», уже начавшего ворчать турбиной. Прислонился спиной к нагретому осенним солнцем

металлу башни, и провалился в глубокое, без каких-либо снов, забытье.

Тундра недолго сдавал дежурство прибывшим воякам. Через пятнадцать минут он вышел из караулки, махнул на погрузку ожидающим чистильщикам, забрался сам сверху, мотнул головой Гану в сторону мирно спящего Енота, и «жнец» мягко стронулся с места, поехав в объезд к северным воротам, в лагерь.

Утро следующего дня выдалось бодрым и богатым на события. Спозаранку в город примчался разъездной автомобиль рудничной стражи, остановившийся прямо перед лагерем. Вскочивший из него растрепанный малый в рабочем комбинезоне метнулся к проему между машинами и был моментально остановлен разом возникшими с трех сторон собаками. Чуть позже к ним присоединились как всегда невозмутимые близнецы. Как оказалось, ночью на шахтах все же началось то, чего и следовало ожидать...

Подземники прошли через один из основных коридоров на поверхность, уничтожив пост дежуривших стражников и наполовину вырезав наружное охранение, состоящее из солдат Альянса. Потом твари двинулись в сторону бараков рабочих, но были остановлены огнем единственного броневедомоуля, приданного командиром отряда КВБ, на усиление. Но, тем не менее, человеческие потери составили около двадцати семи человек. Такого кровавого урожая в городе еще не было.

Капитан, которого на удивление легко вытащил из постели вышедший по маленькому Инженер, и первым узнавший новости, ругался долго и с фантазией. Енот, спавший во вновь поставленной палатке, проснулся именно от одной из виртуозных нецензурных пирамид, выдаваемых неожиданно разозлившимся Кэпом.

Лагерь поднялся на ноги с потрясающей быстротой. Мерлин получил задание готовиться к серьезному и долгому походу внутрь угольных копей. Тундра, также ругаясь себе под нос, отправился думать над тем, кто еще сможет пойти под землю. Айболит, не споря с командирами, взяв с собой Фроста, Файри и Медовую, пошел готовиться сопровождать отряд и собирать все возможные для применения медикаменты. Рядовой состав, осознав то, что обещанного дня отдыха не предвидится, перекурил, поругался и разошелся готовиться. Енота, под руководством Гана проверявшего экипировку,

амуницию и боеприпасы, через час после всеобщей раздачи задач и звездюлей, неожиданно вызвали к Капитану.

- Едешь со мной в город. – Капитан, старательно мыливший щеку помазком, хмурился в маленькое зеркало. – В качестве ординарца. Все понял?

- Да.

- Попроси Гана сделать все за тебя. Начнет ворчать, скажи, что я приказал, хотя он и не начнет. Э, Енот, подожди.

Он повернулся к нему. Вид у командира отряда сейчас был далеко не командирский, и даже не совсем и воинственный. Старая, застиранная футболка, обтягивающая совсем не атлетического сложения торс, шлепки на босу ногу, вместо стоявших в углу и зеркально блестевших тех самых ботинок, что в первый раз Енот увидел раньше их владельца. Одна половина лица в густой пене, вторая гладко выбритая и ставшая еще более худой. Обычный мужик уже не молодого возраста и стандартного обличья, если не считать большого количества шрамов разного размера и вида, избороздивших белыми полосами темную кожу и татуировки, такой же, какую Енот уже видел у некоторых чистильщиков. Черная рука с мечом, на фоне алого косматого солнца на левом плече, в обрамление переплетающихся странной вязью черных острых полос.

- Ты вот что, сынок... - Кэп задумчиво пожевал верхнюю губу, прежде чем продолжить. – Находишься всегда рядом со мной, или с Инженером. Если вдруг кто-то из безопасников начнет задавать вопросы без нас, думай что говоришь. Понимаешь, дело тут такое... они всегда копают и копают. Кто-то без этого уже не может, а кого-то бесит и выводит из себя то, что статус отряда не дает им возможности выдрать из нас то, что им хочется узнать. Ты еще ничего не знаешь, но опыта общения с такими людьми у тебя нет. Так что будь осторожнее. Хорошо?

- Конечно, командир. – Енот кивнул головой. – Я пойду к Гану. Через сколько быть у машины?

- Через двадцать минут. Успеешь поесть, если захочешь. Один Мэдмакс знает, сколько мы там будем. Давай, иди.

И Капитан отвернулся, продолжив скоблить лицо опасной, блестевшей на пробивающемся через тучи солнце, изогнутой бритвой.

Енот пошел к оружейнику, на ходу обдумывая все то, что сказал командир.

Про Комитет Внутренней Безопасности он, как и любой гражданин Альянса, слышал и не раз. В городе его представлял так и не найденный Герц, отвечавший как за безопасность мэра, так и за выявление всего, что может грозить общей безопасности Альянса. Как оно оказалось на самом деле, Енот прекрасно помнил, и понимал, что прибывшие безопасники сейчас наверняка злы вдвойне. Как же, такой прокол в их собственном хозяйстве, тут ведь и не скажешь ничего, вот они, последствия, налицо. «Звезда» разом могла потерять как один из самых окраинных городов у Фронттира, так и драгоценные шахты, дававшие такой необходимый уголь. Можно и не сомневаться, что настроение у серьезных мужчин в черной форме, что вчера, когда они прибыли в лагерь, уже уезжали, куда как плохое. И ждать от них можно чего угодно.

Перекусить сделанными на скорую руку бутербродами он успел. Там же у Гана, который новость воспринял спокойно, отложив собственный комплект защиты в сторону, и взявшись за Енотовский. А парень сидел на верстаке, запивая сухие куски вчерашнего хлеба с колбасой обжигающим чаем и слушал то, что оружейник ворчит под нос.

- Кэвэбэшники, мать их, чучела картонные. Вот не люблю я их, брат, страх как не люблю. Постоянно крутятся, норовят к тебе в кунг залезть, вынюхивают что-то. Как с рейда вернемся, так обязательно они тут как тут. А где были, а что видели, а что привезли? Да какая тебе хрен разница, чего я привез, да, братишка? Так ни хрена, обязательно начнут интересоваться еще серьезнее, если ненароком захочешь вежливо послать.

- А что ищут-то? – Енот поперхнулся, быстро глотнул и поморщился, когда понял, что обжегся. – Отряд же неприкосновенен?

- Неприкосновенен, это точно. Только, видишь ли, Енот, в Альянсе есть еще санитарный контроль, мимо которого после рейда не пройдешь. Нас и наши осматривают, и те. А каждый второй у санитаров – безопасник. А что ищут? Ну, скажешь тоже. А вдруг наш Кэп решил взять и разом угрохать всю верхушку Альянса, которая, к примеру, собралась на озерах под Пармой рыбки половить, водки покушать и девок по саунам позажимать? Мы же постоянно

сталкиваемся с «консервами», рассказывал уже. И вот нашли мы, к примеру, опять же, какую-то старую хрень, которая может распылить яд так, что никто и не поймет что случилось. Или найдем образцы стрелкового оружия непередаваемой мощи и убойного эффекта, а им не захотим показать... аяй, непорядок, мать их.

- Ясно... - Протянул Енот. – Плохо.

- Да ладно тебе. – Ган смахнул пот со лба и нацепил маску, которая разом жикнула зуммером, помогавшим оружейнику лучше видеть то, что творилось в потрохах Енотовского оружия. – Ты это, бестолочь, пока не уехал, сходи к Медовой. Обижается ведь девчонка, понятно, что ты вчера вырубился, но ведь...

Енот встал, понимая, что краснеет и ничего не может с собой сделать. И дело было не в том, что ему первый раз в жизни сказали о том, что его ждет женщина, вовсе нет. Дело было в самой Хани, которую не видел несколько дней. А ведь вчера вечером, когда он пробрел в сторону палатки и рухнул на койку, еле скинув защиту, она зашла. Но что говорила, что ответил – не помнил, вырубился. В суматохе утра оказался рядом, но потом девушка быстро ушла помогать Айболиту, а он отправился к оружейнику. Лицо перестало пылать, и Енот бегом, бросив кружку с недопитым чаем дымиться на верстаке, бросился в сторону медицинского блока.

- Эх, молодежь. – Ган покачал головой, слыша, как подошвы ботинок простучали дробь по кунгу Инженера, по лестнице и пропали. – Ничего сами не умеют, все подсказывать нужно.

Медовая сидела на земле у «крузера», спрятавшись в тень от солнца, начавшего неожиданно припекать. Дымила сигаретой и гладила по громадной башке довольно ворчащего Хана. Енота, подбежавшего к ней, встретила прищуренным и злым взглядом из-под своих густющих и длинных ресниц.

- Привет. – Брякнул парень, подходя ближе.

- Ну, привет. – Хани выпустила струйку дыма и посмотрела вопросительно. – Ты чего это вдруг?

- Я это... - Он замялся, стараясь подобрать слова, которые хотел ей сказать. Ведь сказать было что. И то, что он никогда не встречал никого, похожего на нее. Про то, что виноват, баран и дурак, и плевать должно было ему на усталость. А также про то, что она ему очень

сильно нужна, и без нее неожиданно становится пусто где-то глубоко-глубоко внутри. И про...

Женщины часто мудрее мужчин, и могут понять и простить даже без каких-то там лишних и ненужных слов. Девушка, которую он практически не знал, не дала ему что-либо сказать. Встала, подошла, закинула руки на шею. И мир сразу стал яснее, добрее и понятнее. Ведь в нем сейчас были только теплые руки, веселые глаза, прикрытые теми самыми ресницами и мягкие губы, которым не нужно было ничего говорить.

- Эм... Енот, Хани... - Голос Инженера, стоявшего так, чтобы его не было видно, привел обоих в себя. – Нам ехать пора уже. Так что, Енот, давайте-ка говорите до свидания и на броню.

Парень вздохнул и заставил себя оторваться от Медовой, грустно улыбнувшейся. Девушка чуть придержала его, уткнувшись лбом в подбородок:

- Сегодня вечером опять не будем вместе, подожди чуть-чуть... вот так. Енотище, возвращайтесь быстрее, что ли. Хоть пара часов чтобы была...

И он пошел в сторону уже ждавшего его одного броневика Кэпа, сидевшего в командирском люке на сиденье, вытасченном чуть ли не наружу. Тот ничего не сказал, и даже не покосился с неодобрением. Также как и пусть и пыхтящий, шевелящий своим породистым носом, Инженер. Енот подошел, быстро вскарабкался, помог подняться бородатому гению в очках, и машина плавно тронулась в сторону города, подняв пыль.

На воротах, перед которыми стояло два бронированных чудовища, напоминающих «жнецы», все посты занимали солдаты КВБ. Стражники Штыря, так помогшие в самом начале беспорядков, всем составом сейчас проходили через «головомойку» безопасников. Доверять этим людям, два дня назад воевавшим на собственных улицах, представители Альянса не спешили.

На улицах встречалось много жителей. В основном все они занимались тем, что убирали следы протекших схваток, сметая мусор в громадные кучи. Это было одним из первых требований администрации, которую, скорее всего, должен возглавить Краб. Пока же всем в городе распоряжались несколько офицеров КВБ, заседавших в мэрии и наводившие порядок в городе как внешне, так и внутренне.

И кроме горожан на улицах торчали патрули солдат Альянса, высоких и крепких парней в темно-зеленой форме, стальных шлемах с защитными сетками, вооруженных автоматами, похожими на те, что использовали в отряде. В их взглядах, направленных в сторону жителей, читалось лишь безразличие, смешанное с легким презрением.

Сначала Енот не понял, почему, и лишь чуть позже догадался, что все те, кто сейчас работал граблями, метлами, лопатами и тачками — подозрительны. Подозрительны для солдат метрополии, которые приехали на подавление мятежа, который затеяли земляки вот этих самых горожан. Ему стало неприятно, так мерзко, как будто вляпался босой ногой в свежую лепешку коровьего навоза. Да, в чем-то солдаты могли бы быть и правы, но зачем же смотреть с презрением на старого маляра Квача, сейчас старательно ремонтирующего стену одного из домов? Или на сестер близняшек Соек, таскавших мешки с мусором в общую кучу. Хотя как раз на них-то солдаты смотрели с заметным интересом. Енот отвернулся, понимая, что никуда не деться от того, что произошло.

Броневик достаточно быстро добрался до площади, на которой стояла основная часть техники, прибывшей из метрополии. Неровный прямоугольник, залитый серым асфальтом, сплошь заставили темно-зелеными палатками, грузовиками и бронеавтомобилями. Солдат было не очень много, виднелись лишь несколько фигур, застывших по стойке смирно у палаток, да человек пять суетились у двух полевых кухонь, дымивших трубами.

Перед зданием администрации сделали настоящее укрепление, намного серьезнее того, что было, с пулеметами и дежурным полувзводом. Заметив подъезжающих чистильщиков, от крыльца здания отделился подтянутый офицер в черной с серебряным шитьем форме, высоком кепи со звездой и в начищенных сапогах. Подождал, пока представители отряда спустятся, козырнул и пригласил Капитана с сопровождающими двигаться за ним. Еноту стало заметно, что офицер относился и к Кэпу, и к Инженеру с заметным уважением, но с тем небольшим оттенком, который сразу говорил: вы-то круты, но мы еще круче.

Они вошли в фойе администрации, заметно преобразившееся после разгрома, учиненного близнецом по имени Первый. Поднялись

по лестнице, прошли по ковру к кабинету мэра. Вернее – кабинету бывшего мэра. Возле дверей стоял караул из пяти солдат в такой же, как и у офицера, черной форме, высоких и кряжистых. В глаза сразу бросилось одинаковое выражение лиц: спокойное и какое-то механическое.

Створки дверей разошлись в стороны, и Капитан вошел первым. Енот чуть запнулся, ожидая, что один из невозмутимых часовых не пропустит его внутрь. Но никто не сделал ни одного движения, и парень зашел туда, где никогда бы не смог оказаться в прошлой жизни.

Стол, памятный Капитану по прошлым посещениям кабинета бывшего мэра, отсутствовал. Тот, что сейчас стоял посреди просторного помещения, заставил Енота внутренне поежиться. Длинный, накрытый зеленым бархатом, за которым сидело несколько человек, а перед ними...

Перед ними, выпрямившись на стуле, сидел Гриф. Бывший майор выглядел довольно паскудно: с белым, покрытым мелкими каплями пота, лицом, в кровь разбитыми губами, в большой, явно с чужого плеча, простой рубашке-«белке». Он не шелохнулся, когда двери встали на место, впуская вошедших чистильщиков. Все его внимание было обращено только на тех, кто сидел напротив. Тем более, что даже единственный знакомый ему человек, Краб, явно сторонился предателя. Не странно, памятуя про приставленный к голове горняка ствол собственно его, Грифа, пистолета.

Рядом с Крабом, у которого под глазом темнел и начинал желтеть синяк от локтя Герца, сидел невысокого роста, плотный и улыбчивый колобок в черном мундире с богатой серебряной вышивкой по воротнику и по сложно-плетеным погонам. Поблескивающие стеклышки очков в золотистой оправе повернулись в сторону Капитана и сопровождающих, обнаружив под ними небольшие серые глаза, с россыпью морщинок, бегущих от их краев.

Справа от него высился мрачный детина в таком же мундире, разве что не с таким набором серебряных нитей. У Енота пробежали мурашки по спине, когда тот повернул к ним лицо. До этого была видна лишь левая его часть, гладко выбритая, с желваком у скул, прямым носом и твердой линией подбородка. И лучше бы он не поворачивался, потому что остальное полностью покрывала

бугрящаяся кожа, пересекаемая глубокими шрамами, с глубоко запавшим слезящимся глазным яблоком.

Третий из «черных», вернее третья, отошла от окна, у которого стояла, и присела на свободный стул, сразу, как они зашли в кабинет. Среднего роста, худощавая женщина, с русыми волосами, собранными в пучок, серая и незаметная. Лишь взгляд, которым она окинула чистильщиков, был не таким, как усамах обычных, похожих на нее сотен женщин. Цепкий, жесткий, пробирающий насквозь.

- А, вот и наши друзья. – Густо-серебряный колобок широко улыбнулся, демонстрируя ровные и белые зубы. – Добро пожаловать, проходите, присаживайтесь. Уж не обижайтесь, но стулья возьмите сами, вон там у стенки. А что это за молодой индивидуум с вами, Капитан?

- Мой ординарец, господин полковник. – Кэп взял стул и присел сбоку от Грифа. – Здравствуйте, господин Краб, Полковник, капитан, госпожа майор, и вам всего доброго. Вы хотели нас видеть?

- Хотели, Кэп. – Полковник, имя которого Еноту было неизвестно, бодро закивал головой. – Выражаю благодарность за проявленную вами находчивость, героизм и мужество. Все, что сделано вашим отрядом здесь – будет учтено нами при составлении рапорта и результатов расследования. К вашим обычным премиальным уже добавлены определенные суммы. Естественно, что получить их можно будет после окончания вашего задания, вы понимаете?

- Несомненно, полковник. – Капитан согласно кивнул. – А что вы нам приготовили на второе?

- Хм... - Колобок довольно улыбнулся. – На второе я вам приготовил не больше, не меньше, чем отповедь вот этого сукиного сына, которая напрямую касается завершения работы чистильщиков. Да, господин Гриф?

- Так точно. – Майор чуть шевельнул губами. Нижняя немедленно лопнула, и по подбородку вниз побежала тоненькая алая струйка. – Кого-кого, а чистильщиков касается абсолютно напрямую.

- Правда? – Инженер чуть заинтересованно выгнул бровь. – То есть, вы, Гриф, можете рассказать нам то, где находятся камеры с монстрами, механизм их появления на свет, то, как их можно легче уничтожить? Как интересно...

- Ну, как вас там, Инженер? – Гриф посмотрел на него. – Ба, и Енот здесь. Смотрю, парень, ты не терял времени зря... молодец. Что касается тварей, то расскажу что знаю, смысла молчать и отпираться не вижу. На многое не рассчитывайте, так как Герц не подпускал меня к своим тайнам вплотную.

- Ну, это мы посмотрим, майор, посмотрим... - Колобок в погонах наклонился вперед, разом потеряв всю свою доброту и став тем, кем и являлся: полковником Комитета внутренней безопасности, грозой всех тех, кто работал против Альянса. – А вы знаете ординарца Капитана, майор?

- Знаю я этого поганца, как же не знать. – Гриф хотел усмехнуться, но губа треснула еще больше. – Мой бывший подчиненный, городской стражник. Понять не могу, какого черта он здесь делает, а, Капитан?

- Он здесь, потому что один из всего отряда был в шахтах. – Капитан посмотрел на Грифа, покачал головой и повернулся к полковнику. – Действительно, мой ординарец еще совсем недавно числился в составе городской стражи. Его потенциал, который заинтересовал нас сразу, оказался подходящим для того, чтобы требовать его зачисления в отряд чистильщиков. Плюс к этому – Енот местный житель, что уже помогло нам в тот момент, когда потребовалась помощь для спасения хутора «Бобровый хвост». Как понимаю, майор, основным вопросом тогда было то, что бы степняки изрядно проредили моих людей, так?

- Так, Кэп, так. Только вы, крутые перцы, мать вашу, оказались куда как круче того, что мы предполагали.

- А вот в этом сомневаться не стоило, майор. – Капитан ухмыльнулся. – Полковник, стажер Енот присутствует здесь потому, что нам, скорее всего, придется последнюю стадию работы делать в шахтах. Отец Енота, к слову, был горняком, так, господин Краб?

- Да. – Молчавший и хмурый как туча главный шахтер кивнул головой. – Я помню и знаю каждого из них, сколько бы их не было. Он не вернулся из забоя, как раз...

- Именно. – Капитан перебил Краба, невежливо и нетерпеливо. – И мой ординарец, как я успел выяснить, не раз бывал в шахтах. Его помощь нужна именно там, плюс, у него же собственный счет к тварям. Я понимаю, что он не настоящий горняк, и нам потребуются провожатые... но, тем не менее, считаю, что он должен

присутствовать. Тем более, что вся информация, что скажет майор, так и так станет известна всем членам отряда.

- Согласен. – Полковник кивнул головой. – Что-то мы ушли в сторону от основной темы, ради которой и собрались. Приступайте, Гриф, мы все с нетерпением ожидаем вашего рассказа. А уж потом вы нам поведаете про все остальное из того, что вам известно.

Майор-заговорщик согласно кивнул головой, и начал рассказывать:

- Не знаю, как на свет появляются эти серокожие выродки, да меня это и мало интересовало, это дело Герца. Он около года двух лет назад поймал меня на одном некрасивом деле... Каком? А есть разница, господин полковник? Есть?..

Малолетняя шлюха в борделе, я забил ее до смерти. Не помню, как оно вышло, все было красным, она что-то кричала, ну а я... короче, забил насмерть. Долго думал, пока не понял, что это Герц тоже спланировал заранее. Подсыпал чего-то в выпивку, которую я тогда взял, вот и все, раз... и у него на крючке. И даже не обратил внимания на то, что он появился практически сразу. Казалось бы – шлюха и шлюха, но и хозяйка поперла на меня буром, что не станет прикрывать и не даст просто убрать труп. Денег ей обещал, помощь если что – без разницы, орала как заведенная, что не оставит этого без наказания. Тут Герц и появился, разрулил всю ситуацию, при мне припомнил ей то, что несколько совсем молодых девочек из переселенцев прошли через ее руки в Эмират. Сами же знаете, чем это светит. Что за бордель? Да конечно, полковник, конечно, «Страстоцвет», что на Десятой улице. Вы уж прищучьте эту тварь, прямо умоляю. Что, не мое дело? Ну, хорошо, продолжаю.

Взял меня в оборот Герц быстро. Привязал еще несколькими делами с контрабандой, теми же самыми переселенцами, которых он периодически делал погибшими на фронтире, а сам продавал на юг. И так далее, до самого момента, когда открыто предложил помочь ему в отделении города в пользу Эмирата. А что я?!! По уши уже тогда был в таком дерьме, что никто бы меня не отпустил, хоть и приди я с покаянием. Да, господин полковник? Возможно, только у меня информация чуть другая, да и что сейчас про это вообще говорить-то?

Я согласился, понимая, что в случае выигрыша нашей партии – светит мне только плюс во всем. Людей подбирали вместе, и господ

помощники мэра в этом тоже принимали участие, равно как и помощник господина Краба. Да-да, милейший, помощничек ваш тот еще ублюдок. Не представляете, какое удовольствие получил вчера, когда слышал, как он орет где-то по соседству. Жаль только, что Герца у вас нет, так хотелось бы насладиться его воплями напоследок...

Год назад он в первый раз показал мне подземников, двоих, в шахте «Красотка Ксю». Чуть в штаны не наложил, когда они из темноты появились. Сначала их было не очень много, но потом стали появляться новые особи. Я пытался что-то узнать, но Герц молчал. Что-то, наверняка, знает помощник Краба, потому что его Герц не мог не посвятить в тайну. Все же делалось на их территории. Мне было дано задание – разобраться в планах подземных коммуникаций города, чтобы начать выпускать тварей в сам город.

Справился достаточно быстро, так как господину мэру давно по барабану на любые архивы и то, что в них можно найти. Интересовало его только количество серебра, что проходило мимо его кармана. Это, кстати, и помогло шахтерам. Если бы не то, что они начали отказываться заходить в забой – хрена лысого бы он всполошился и начал вооружать стражу автоматическим оружием. Куда как проще было бы продать стволы в Степь, что он и так делал постоянно и удачно.

Что, Капитан? Да, банду на ферму натравили мы с Герцем и оружие возле нее, в тайнике оставили наши люди. Потому что вы очень усиленно начали копать сразу же по прибытию. Надавить на врача, который понял, кого из себя представляют твари, было легко. Ему тоже не очень интересно жить без прибыли и доступных баб, а перспективы, которые ему нарисовал Герц, наверняка оказались заманчивыми. Хотя, вероятнее всего, он его еще и тупо припугнул, главврач наш - известный трус.

Когда я прочел его отчет об исследованиях трупов подземников, то почему-то не удивился. Странно было то, что вы, господин Краб, не смогли провести параллель между количеством пропадающих шахтеров и увеличением количества тварей. Протупили, аяй...

Все, полковник, говорю по сути дела, пусть только ваш красавец подчиненный не пытается сделать мне что-либо, все расскажу сам. А то и так зубов во рту уже не столько, сколько было еще вчера.

Твари выходят в город через один единственный старый тоннель, который проходит через самую короткую линию между городом и шахтами. Там есть несколько действующих дрезин, аккумуляторы для них регулярно заряжают в шахтах, под видом оборудования для проходчиков. Да, Краб, тебя водили за нос так, что только держись. Сам виноват, старый дурак, надо думать не только о том, как бы улучшить условия труда твоих дурней. О себе думать надо было больше, глядишь, не крутили бы тебя на одном месте, да с проворотами и лихим свистом.

В конце маршрута, в самых старых выработках, есть несколько каверн, которые искусственно сделали пригодными для размещения кого, либо чего, угодно. Да откуда же я знаю, кто сделал, сами увидите... если живыми останетесь, Капитан. Там вообще – километры тоннелей есть за некоторыми из дверей, и никто про них не знает, ну, или почти никто. Размещаются твари именно в них, в специальных загонах. Скорее всего, что Герц ушел туда. Во всяком случае, там все готово к тому, чтобы отсидеться какое-то время и уйти.

Сколько тварей есть сейчас? Да, откуда же я знаю, господин полковник, много, вот и все. Но этим разве можно напугать таких отважных людей, как Капитан и его товарищи?

А там одна дверь, код скажу. Направо от выхода в город, и идти прямо не более ста метров, прямо в нее и упретесь. Дальше уж сами как-нибудь, тут я вам не помощник. Меня туда возили всего один раз, и многого так и не увидел. А много можно увидеть, если вам глаза завязали? Вот-вот, и я про тоже...

Майор откинулся на спинку, смотря на допрашивающих его людей из-под сведенных вместе бровей. Енот сидел, понимая, что многое из того, что ему говорили в отряде про тех, кто жил здесь раньше, есть полная правда. Какие, казалось бы, тоннели в районе угольных выработок? Но не верить Грифу ему не хотелось. Положение, в котором оказался его бывший командир, было не то, в котором можно было бы врать. Странно, но на душе почему-то стало спокойно.

Одно дело, когда думаешь о том, что подземники выходят откуда-то из самых глубин ада, созданного дьяволами Прорыва, или оборачиваются из мертвых шахтеров под воздействием некросферы. И совершенно другое понимать, что все эти процедуры над ними

проводили люди, пусть и не совсем нормальные, а кто в здравом уме будет натравливать монстров на обычных горожан даже ради выгоды? Понятно, что от этого не пропадало то, что ожидалось впереди, но немного легче становилось очень ощутимо.

- Вот такие дела, Капитан. – Полковник, имя которого Енот так и не узнал, посмотрел на командира чистильщиков. – Что думаете делать?

- А что тут думать? – Кэп зевнул. – Под землю выходим сразу после проведения разведки. Стенку в подвале, которую сделали на время боев, уже разламывают. Скоро смогу отправить туда разведгруппу, и по результатам их похода будет ясно, что да как делать дальше. Скорее всего, что сегодня ночью мы, как минимум, будем на выходе из шахт. А максимум – пойдем через тоннель внутрь логова тварей, оставив снаружи только прикрытие.

Полковник кивнул, соглашаясь:

- Что потребуется от нас?

- Усиление у шахт. Не один, а два или три броневика, поставленные так, чтобы полностью перекрывать все входы и выходы. Посты возле того самого дома с входом в подземные коммуникации, как в доме у тоннеля, так и снаружи. Не знаю, сколько моих людей пойдет под землю, но то, что их на все не хватит, это точно.

- Вообще-то, господа офицеры, – Инженер вступил в беседу, нахмурив брови, шевельнув бородой и поправляя очки, - мое личное мнение таково - нас вынуждают спешить. Понимаю, что делать нечего, но лезть под землю, не зная того, сколько против нас будет подземников – не самая лучшая и удачная мысль. На месте Капитана я все же подготовился бы основательнее, с возможным вызовом еще нескольких отрядов.

Кэп наклонился к нему и что-то прошептал. Енот, сидевший рядом, сумел разобрать только что-то вроде «некогда» и «придется». Инженер согласно, хотя и недовольно, кивнул головой:

- Вопросов больше не имею, господа офицеры, приказ командира не обсуждается. Хотя... есть один вопрос.

- Какой, Инженер? – Голос у женщины оказался на удивление волнующим. Низкий, бархатный с неуловимыми нотками хрипотцы

- Господин бывший майор должен нашему товарищу дуэль согласно всех регулирующих вопросы чести положений Альянса, и мы

про это не забыли.

- Батюшки-светы... - Протянул полковник-колобок. – Вот дела так дела. Это правда, подозреваемый Гриф?

- Правда... - Майор сплюнул на пол. – А толку-то?

- Я понял, Инженер. – Полковник хлопнул по столу ладонью. – По окончанию выяснений интересующих нас данных, трибунал предоставит возможность удовлетворения вашему офицеру. Как понимаю, это будет Тундра?

- Именно. – Сказал Капитан. – Прошу вас не пока не запускать Грифа на «головомойку», господин полковник. Пока хотя бы не вернется группа разведки.

- Хорошо. – Тот сделал утвердительный жест. – А возможно, что этого и не понадобится, да, подозреваемый Гриф?

Тот не стал ничего говорить, лишь опустил глаза вниз, глядя на плитки паркета, широкими навощенными квадратами покрывающего пол всего кабинета.

- Мы поедем, господин полковник. – Капитан встал. – Наше время не ждет, как и твари под землей.

- Конечно, конечно, Капитан. – Колобок улыбнулся в спину уже уходящим чистильщикам. – Да, совсем забыл сказать...

- Что? – Обернулся Кэп.

- С вами пойдет капитан Циклоп. В качестве офицера контроля, так как в деле выявилось новое обстоятельство. Сами понимаете, что КВБ никак не может пройти мимо факта тех самых тоннелей, равно как и возможных исследовательского центра и лаборатории под землей. Вы меня понимаете?

- Конечно, господин полковник. – Капитан кивнул. – Скажу более, что я даже доволен возможным присутствием господина Циклопа. Хотя бы не придется после работы никаких актов сочинять, чтобы скрыть от вас утаенные образцы, и найденное нами сверхсекретное вундерваффе наших далеких предков.

- Вот и славно. – Колобок вновь расплылся в улыбке. – Тогда не могу вас даже задерживать. Удачи, Капитан.

- Спасибо.

Задумчивый Инженер молчал всю дорогу до лагеря, также как и Капитан. Еноту волей неволей приходилось смотреть по сторонам и думать о том, что будет дальше. Ему хотелось пойти в разведку, про

которую говорил командир. Никакого страха, бывшего совсем недавно, не наблюдалось и в помине. Хотелось уже начать что-то делать, чтобы быстрее закончить то, к чему он так стремился.

Судьба, не так давно заставившая его потерять все, что было дорого, вплотную подвела сейчас к тому, чтобы отомстить. И в голове не было никаких колебаний, только ожидание самого боя.

Броневи́к поднял тучу пыли, вывернув из ворот на широкую полосу утрамбованной земли на дороге, ведущей со стороны тракта, и покатился к лагерю.

- Тундра, возьми пятерых человек, и дуй в сторону того самого дома, где вход в тоннель. Пройдешь по правой стороне, найдешь стальную дверь с кодовым замком. Замок механический, код «два-три-два-пять-два», только входите осторожно. Если найдешь что-то типа дрезин, так будет просто замечательно. Осмотришь ходовую часть и питание, на предмет понимания того – сможем воспользоваться, или нет. Идите втроем, двое на подстраховке, на всякий случай.

- А стенка? – Тундра посмотрел на командира.

- Что стенка? – Капитан недоуменно посмотрел на него.

- Чего с ней делать-то? Там же раствор намертво схватился наверняка.

- Вот засада-то, да?!! Кувалду возьми, он тебе ее расковыряет за несколько минут. Стены там крепкие, не обвалятся, не на такое рассчитаны были. Давай, давай, Тундра, у нас на все-про-все часов шесть от силы, езжай.

- А я-то, дурень, подумал что ты и правда послал кого-то стену убирать. – Усмехнулся Инженер. – Рисуем, Капитан, рисуем.

- И что? – Кэп закурил, окутавшись клубами ароматного дыма. – У нас с тобой вся жизнь один сплошной риск, так что не в последний раз явно.

- Ты уверен, что не стоит вызывать кого-то ни было из наших?

- Не успеют, они, Инженер. – Капитан задумчиво смотрел на то, как команда Тундры под раскатистые команды и матюги грузится на его, Капитана, собственный броневи́к. – Связывался уже я с нашими, еле достали, но все-таки справились с Ганом. Младший Мастер сейчас на Оке, он не успеет. Князь у Мурмана, так что сам понимаешь, а вот Голландец уже вышел, и прет напрямик сюда. Но не успеет он, ему дня два на дорогу надо, а твари скорее всего не сегодня, так завтра выйдут

снова. Так что, крути не крути, вынуждены мы идти туда, вниз, хоть и не хочется использовать только тех, кто есть. Не верю я Грифу, сам понимаешь, не с чего ему верить.

- Это точно. – Инженер потрепал себя за бороду. – Ублюдок он еще тот, скотина мстительная... думаешь, хочет подставить напоследок?

- Да кто же знает-то? – Кэп затаился поглубже, чуть кашлянув. – Сам пойду, близнецов подготовь тоже, проверь, что да как у них там со всеми системами. Деваться нам некуда, сам понимаешь. Если тварей там действительно много, и Герц там, то он может их выпустить в любой момент. Представляешь, что будет в городе, особенно если он их выпустит не ночью. А днем, когда горожане сейчас все на улицах? Представил?.. Вот и мне страшно, брат, да еще как.

- Пойду с вами, куда деваться... - Инженер кивнул, как показалось Капитану – сам себе. – Всем идти вниз, так всем.

- Не дури. – Голос командира сразу стал жестким. – Вот кому-кому, а тебе я идти запрещаю. Фрост пойдет, Медовая, Файри, Ган, все, кроме тебя и Лисы. И не спорь! Я погибну – другой появится, ты останешься внизу – где нам найти такую голову, не скажешь? Все, Инженер, не обсуждается. Или, готовь Первого со Вторым, инструктируй там и прочее.

Он посмотрел на уходившего в сторону своего «крузера» товарища и покосился на Енота, все еще торчавшего рядом:

- А ты чего стоишь, Енот? Иди, давай уже, тебя наверняка кто-то да заждался.

И поднялся по металлической приступке штабного механического монстра, чтобы достать из стенного шкафа давно не использовавшийся комплект собственной бронезащиты, проверить старый, надежный и безотказный «Питбуль»... да и просто подумать перед тем, как спускаться вниз. Туда, где, возможно, этой ночью останется весь его, Капитана, отряд. Группа людей, и не только, объединенных общим пониманием того, где и зачем они родились и живут теперь. Коллектив, который давно стал внутри себя большой и дружной семьей, где находилось место всем.

И вечно ворчащему собачнику Волхву, и доброй стряпухе Мамачоле, и неразговорчивому, надежному, в отличие от двигателя его собственного «скаута» механику-водителю Жуку. Он собирал их долго,

настойчиво и упорно, создавая из пусть и похожих, но разрозненных людей то, что помогало им все те годы, что отряд провел на развалинах рушащегося мира. Стоило оно все того, что может ожидать их впереди? Да, мысленно ответил сам себе Капитан, конечно. Ведь самое главное – делать то, что нужно и что ты сам любишь. И всегда идти до конца по той дороге, что выбрал сам.

Енот пошел в сторону машины Инженера, понимая, что Ган наверняка уже успел сделать все, что он его просил, и сейчас занимается чем-то еще. Тундра уехал, не захватив его с собой, и сейчас Енот не знал чем заняться, ожидая вечера и внятной команды. Пока в лагере царил рабочий беспорядок, в котором каждый его участник хоть и двигался вроде хаотично, но делал что-то нужное. Он прошел большую часть расстояния до своей цели, когда его окликнули от палатки.

Парень оглянулся и не поверил собственным глазам. Навстречу шел худой дылда Ферзь, полностью свободный от бинтов и довольно улыбающийся. Да, на его лысой голове были четко заметны новые шрамы и поврежденные участки кожи. Но шрамам на вид было не меньше месяца срока, тогда как на самом деле им едва исполнилось трое полных суток. Тоже самое и с кожей, которая уже не была тонкой и розовой. А просто казалась более бледной, чем соседние участки.

- Здорово, брат! – Ферзь поздоровался. – Ты чего так вылупился на меня. Как будто увидел Мэдмакса, раздающего новогодние подарки?

- Но... шрамы вон...

- А, это... ерунда, Енот, заживает все как на собаке, вот и все. Ты это, идешь куда?

- К Гану, у него оружие и прочее все. Заберу, проверю еще раз...

- М-м-м... понятно. Ты это, зайди вон в палатку, где мы с тобой валялись. Давай, давай, на процедуры, так сказать. Ну, все, пошел я.

Енот посмотрел ему вслед, пожал плечами и пошел к палатке. Ухо у него уже не болело, да и перевязки делать не нужно было. Корка, образовавшаяся на ране очень быстро, отвалилась сама собой еще утром. Но мало ли? Вдруг перед каждым запланированным боем существовал какой-то особый осмотр? Он подошел к палатке и отодвинул входной клапан в сторону.

В палатке, на удивление, было достаточно темно. Лампа, обычно светившая на столбике-держателе, была выключена. Енот постоял, привыкая к темноте.

- Прикрой вход. – Голос, раздавшийся с той стороны, где стояла его кровать, идентифицировался просто. Так как это оказался не слегка хрипловатый голос Лисы. Темнота скрывала Медовую. – Закрывай, дурень, и иди сюда.

Пальцы автоматически затянули шнуровку сверху донизу и завязали на узел. Сердце глухо бухало в груди, на лбу неожиданно выступил пот, совсем-совсем холодный. Енот сделал несколько шагов, аккуратных, чтобы не наткнуться на спинки еще двух кроватей. Глаза вроде бы привыкли к полутьме. Медовая сидела на краю кровати, одетая только в майку и узкую полоску трусиков. Ботинки стояли рядом, одежда лежала на тумбе.

- Иди ко мне, Енотище... иди сюда. Вот глупый, чего встал столбом? Да ладно... сладкий ты мой, как же такое могло получиться-то? Иди сюда...

В палатке было не так темно, чтобы не видеть каких-то деталей, но Еноту было глубоко наплевать. Не существовало ничего, кроме мягкой, пахнувшей чем-то цветочным, кожи, маленькой и нежной груди, прикрытых глаз с длинными ресницами и рук, вцепившихся ему в затылок и в спину. Он чувствовал ее, такую нежную и одновременно жесткую, сжимающую его крепкими и сильными бедрами, засасывающую куда-то глубоко-глубоко, откуда не хотелось выныривать, и где было мягко, тепло и хорошо. И когда она вздрогнула, подавшись к нему всем телом и вцепившись еще сильнее, то он не смог больше ждать конца этого падения. И мир вокруг взорвался на много-много разноцветных и красивых кусочков, закружившихся вокруг в бешеном калейдоскопе.

Спустя какое-то время он сложился вместе в картинку, в которой были темный матерчатый потолок с несколькими прожженными дырками, светлую ткань белья на кровати и глубокую зелень глаз напротив. И когда эти глаза снова стали близкими-близкими, Енот понял, что ради этого просто стоило жить.

Глава четырнадцатая: разведка боем и погружение во мрак

«Встать тогда, когда нет сил – да, если враг стоит напротив Воина.

Сжать зубы и стоять до конца, когда ноги не держат – да, если враг сильнее Воина.

Не отступать перед сотнями будучи одному – да, если враг враг пришел в дом Воина.

Лишь дав жизнь слабым, можно умереть – да, в этом и есть правда Воина»

Книга св. Мэдмакса (апокриф)

Жахнуло негромко, но дом затрясся. В какой-то момент Тундре показалось, что сейчас он не выдержит, и сложится пополам. Но стены, казавшиеся такими слабыми, выстояли, и, дождавшись, пока дым и пыль выветрятся и осядут, группа смогла войти внутрь.

Солнце, светившее на удивление все также ярко и по-летнему, било в спину шести людям, осторожно входившим в дом. Мусорщик, мягко прокравшись вдоль стены, опустил забрало, всматриваясь в темный проем впереди. Толстый, прикрывая компаньона, немедленно возник за его плечом.

- Все чисто, Тундра. – Мусорщик усмехнулся. – Ну, Кувалда, ты и монстр, я тебя опасаюсь. То здания рушишь, то вот так, ювелирно вышибаешь куски стен. Ты крут, брат.

- Не то слово. – Кувалда довольно улыбнулся. – Это врожденное братишка, со мной не шути, если не хочешь полетать без помощи крыльев, ага.

- Хватит триндеть, балаболы. – Тундра посветил фонарем в сторону двери. – Пойдем вперед. Мусорщик, первым, за ним Толстый. Я, потом Кувалда, и вы парни – замыкающими.

Парни, оставшиеся от пятерки Виннету после боя у фермы и боев в городе, заняли свои места.

Чистильщики аккуратно спустились вниз, стараясь не шуметь. Дверь, обычная металлическая дверь, с облупившейся краской, отделяла их от тоннеля, в котором запросто могли караулить те, за кем

они и охотились. Мусорщик, осторожно подошел к ней, и быстро, , пнул, распахивая створку. Все шесть стволов уставились в темноту, ожидая любой реакции на их действия. Но чернота не спешила расцветать блеском зубов или когтей, не рвалась на части ревом или движением стремительных и гибких тел. Щелкнули фонари, прикрепленные на цевье каждого автомата, и группа продолжила путь, стремясь к цели, указанной Капитаном.

Низкий потолок, сложенный из серых, покрытых трещинами плит. Ржавые металлические скобы и куски арматуры, виднеющиеся там, где бетон раскрошился в труху. Широкий желоб стока посередине, в котором, наполовину заполняя, лениво текла какая-то темная жидкость, на воду похожая мало. Узкие, два человека еле разминутся, подъемы по краям, огороженные тонкими поручнями, кое-где проржавевшими настолько, что они полностью отвалились. Пыль, толстым слоем лежащая на стенах и полу, плесень, давно и надежно оккупировавшая потолок, темными мазками спускалась вниз.

- Как все привычно и родно. – Прорезюмировал Мусорщик, после того, как группа убедилась в отсутствии движения на расстоянии хотя бы в пятьдесят метров в обе стороны. – Слышь, Толстяк, скажи – прям как дома оказались.

- И не говори, друг. – Толстый хохотнул. – Даже соскучиться успел по таким вот милым местам. Последнее время мы все больше на свежем воздухе, да на свежем воздухе, по полям по лесам.

- Вот вам лишь бы поугарать... - Сплюнул Тундра. – Пошлите уже, герои, искать то, что нам надо.

- И так всегда, не дают даже радостями поделиться от любимой работы и новой встречи с ней. Нет в жизни счастья, с годами все больше убеждаюсь в этом. – Мусорщик вздохнул и перекосил лицо в такую гримасу неудовлетворенности собственной судьбой, что Тундра еле удержался от неуместного хохота.

Искомое нашлось быстро. Действовать по принципу: самое главное всегда должно быть на виду и одновременно незаметно, Тундра научился давно. Стальная простенькая пластина в человеческий рост, грубо приваренная ручка, и только поблескивающие шпешки кнопок замка говорили о том, что это не дверь в подсобку. Код, переданный Капитаном, оказался верным, замок звучно щелкнул. Мусорщик взялся за ручку и потянул дверь на себя.

Петли, на которых крепилось металлическое полотно, не скрипнули, смазанные недавно и надежно. Бледно-мертвенный свет скользнул внутрь, осветив небольшой участок бетонного пола и железную табуретку.

И снова ожидание того, что может произойти, перекрещивающиеся лучи фонарей, настороженно рыскающие зрачки стволов и напряженная тишина... и ничего. Ни движения, ни шороха, абсолютно ничего. Мусорщик скользнул внутрь, чуть пригнувшись, чтобы Толстяку было удобнее взять противоположный сектор под контроль многозарядного автоматического дробовика. Тундра вошел следом, стараясь не задеть притолоку и не споткнуться обо что-то, что не зацепил свет фонарей. Когда, сразу после него, в дверь шагнул Кувалда, из глубины помещения к ним метнулась масляной каплей темная фигура, мелькнувшая в луче от фонаря Толстяка. Но он успел первым, нажав на спуск своего оружия, рыкнувшего в замкнутом помещении так, что только шумовые фильтры шлемов не дали оглохнуть всем окончательно.

Тело отбросило в сторону, чуть не сбив с ног еще одного нападающего, успевшего метнуться в сторону. Его зацепил Мусорщик и Тундре, чуть запоздавшему, досталось успокоить подземника выстрелом в грудь. Он помнил про то, что говорил Инженер про изменения в костной структуре монстров, из-за которой верхушка их черепа могло выдержать даже выстрел в упор. В случае с попаданием в грудь — гарантия успеха была намного больше, что и продемонстрировало попадание заместителя командира отряда.

Грудную клетку, в которую одна за другой, с сочным чмоканьем вошел чуть ли не полный десяток девятимиллиметровых гостинцев из «трещотки», разворотило во все стороны. Чудовище грузно осело, захрипело и не поднялось в следующую атаку. Но Толстяк, так и не углядевший еще нападающих, решил, что этого мало. Прижал широкий хобот собственного монстра к лобастой, покрытой матово поблескивающей кожей, голове и еще раз нажал на спуск. Стену украсило содержимым черепной коробки, а тело, почти полностью ее лишившееся, упало на пол.

- Ну, ни хрена себе они с нами поздоровались... - Протянул Мусорщик после того, как стало ясно, что в помещении тварей больше нет. — Зато нам ясно, что на верном пути, да, командир?

- Типа того. – Тундра подсветил в ту сторону, откуда появились монстры. – Кувалда, Знич, Ухорез, проверьте, что там дальше. А мы пока здесь осмотримся.

- Слышь, командир. – Толстый потыкал стволом в сохранившуюся, в отличие от грудной клетки, голову первого нападающего. – Ты посмотри, эти ведь не такие, как те, что мы в городе завалили. Голова более вытянутая, челюсти вон вперед прям торчат, а те все-таки на людей были похожи. Да и лапы у них, посмотри, что на руках, что на ногах – пальцы почти одинаковые. Хрень какая-то...

- Это точно. – Тундра присел рядом с телом, рассматривая погибшее существо. Удивленно покрутил головой, понимая, что подчиненный полностью прав.

Существо выглядело другим. В мелькании света при нападении рассмотреть его естественно было некогда, а сейчас стало заметно, что различия серьезные.

Затылочную часть прикрывал толстый костяной нарост, и такой же переходил по верху черепа на лобную часть, делая его вытянутым и чуть заостренным. Челюсти, и верхняя и нижняя, торчали вперед, больше напоминая звериные. Клыки, выпирающие через почти черные губы, внушали уважение и длиной и диаметром. Руки и ноги практически одинаковые по длине, заканчивались широко разведенными пальцами с дополнительной фалангой на каждой. Когти на них оказались не такими, как у экземпляров подземников, изучаемых Инженером после ночного боя в городе. У тех они короче, более загнуты, явно предназначены для удержания жертв. У двух тел, лежащих на полу, ногтевые пластины отросли длинные и прямые, заканчивались ровной острой полосой. Которой, скорее всего, можно запросто перерубить шею или ударить по конечности, вскрывая сосуды.

- Вот еще сюрпризец-то... - Тундра сплюнул, встав и автоматически отряхнув коленный щиток от густой серой пыли. – Кувалда, что у вас там?

- Тут что-то типа платформы, командир. – Пробасил динамик наушника. – Рельсы, в два полотна.

- Есть дрезины?

- Так точно, командир. Только у них гнезда под аккумуляторы расхерачены так, что сутки убьешь на то, чтобы понять, как их сделать, или заменить. Вот так-то.

- Херово. – Тундра еще раз сплюнул.

Мусорщик и Толстый тем временем полностью изучили небольшое, как оказалось на самом деле, помещение. Оно напоминало комнату ожидания или отдыха. Во всяком случае - в углу нашлись две кушетки, полностью уничтоженные грызунами и насекомыми, просевшие и какие-то склизкие на вид. Рядом с ними в стену давно врезали несколько железных шкафов, с полностью сгнившей и слезшей краской. В помещении было сыро, пахло затхлостью и мышами. Тундра поморщился, так как мышей он не любил с самого своего крестьянского детства.

- Интересного ничего нет? Планы, схемы, документы какие-то?

- Ничего, в тумбах пусто, одни мокрицы, тьфу ты, дрянь то какая. Командир, они тут здоровые, бледные и светятся. – Пожаловался Толстяк. – Ненавижу их, честное слово, мерзкие такие, фу...

- О-о-о, Толстяк! – Мусорщик радостно осклабился. – Я теперь знаю, как тебя достать, спасибо.

- Хорош трепаться, Мусорщик. – Тундра задумался. – Остаешься здесь. С тобой Толстяк, это понятно и оба парня Виннету. Мы с Кувалдой наверх, он остается у входа, на всякий случай, я на броневик и в лагерь. Все ясно?

- Конечно, командир. – Голос чистильщика мгновенно стал серьезным. – Не переживай, если полезут – мы их прижучим прямо здесь.

- Да я в вас и не сомневаюсь, как ты мог такое подумать, а? Ты ж у меня орел просто, или беркут там, царь птиц. – Тундра посмотрел на своих ребят, понимая, что может видеть их и в последний раз. – Если что, парни, не геройствуйте, очень прошу, просто уходите и все.

Енот защелкнул последний карабин на где-то найденном Ганом в своих закромах разгрузочном жилете. Попрыгал, проверяя экипировку на звон и то, настолько хорошо все подогнано. Может то, что оружейник выдал ему, и считалось чем-то типа «второй сорт – не брак», но ему положительно нравилось.

Дисковые магазины к выданной ему «трещотке», сидели в нижних под сумках плотно, не мешая и не сковывая движений. Верхний ряд, в

который он вложил несколько гранат, не закрывал клапаны карманов, и не давил тяжестью. Сзади, в районе поясице закреплен небольшой рюкзак, в который вошли еще два диска и несколько пачек с патронами. Самое главное, что «сбруя» легко легла на кирасу и надежно притянула своим весом наплечники, при этом не давя на мышцы и ключицы. Что-то похожее он видел у Штыря, когда ходил в караул на воротах, но даже сейчас, чувствуя за спиной некоторый опыт, Енот понимал, что до старшего капрала ему как обезьяне до нормального человека. У Штыря все было подогнано как-то настолько аккуратно и верно, что ничего не мешало ему с полным боекомплектom двигаться также как и без него. Этому бывшему стражнику еще только предстояло научиться.

- Ну, ты мой герой... - Протянула откуда-то сзади Медовая, незаметно войдя в помещение оружейки. – С тебя хоть прямо сейчас пиши портрет Мэдмакса перед его походом в Старую столицу.

- Смеешься? – Он покосился на нее и нахмурился. Потом разглядел пляшущих бесенят в ее глазах и не выдержал, засмеялся сам.

- Ну, ты такой серьезный стоял, даже со спины заметно. – Девушка улыбнулась, обнимая его за шею. – Страшно, только честно?

- Конечно. – Енот уткнулся лицом в ее волосы, пахнущие именно медом, таким сладким, таким желанным...

- Это хорошо, родной. – Прошептала девушка, чуть касаясь пальцами его лица. – Если бы я, к примеру, не боялась, то точно пошла бы к Айболиту. Даже Мерлин, и тот боится, наверное. Хотя кто его знает, но я так думаю.

- Выходим скоро?

- Еще минут двадцать от силы и по машинам. Слышал, что пойдем пешком через какой-то тоннель?

- Да, мне Ган рассказал.

- А где он, кстати? Вроде бы я не видела, чтобы выходил...

- Да здесь я, радость моя... - Донеслось с самого верхнего стеллажа. – Устал уже висеть на руках, а вы тут все никак романтику свою не закончите.

- Вот ты нахал, а?! – Медовая нахмурилась. – Да и ты тоже, мое солнце, хорош. Я тут его обнимаю, всяко разное говорю ласковое и интимное, а он хоть бы сказал, что этот извращенец болтается под потолком! Вот ненавижу тебя, Енот, брошу и забуду, ясно?

- Не надо... - Енот улыбался, прижимая к себе возмущенную Хани, и старательно не думал о том, что минуты уходят. – Я не специально, честное слово.

- Эх ты, енот-полоскун несчастный, или потаскун... так оно лучше будет. – Девушка чуть отстранилась, потом мягко и нежно коснулась его губ. – До чего ж ты у меня и хороший и глупый. Ну, скажи, какая мне разница на то, что Ган там из себя летучую мышь изображает, когда я тебя обнимаю? Ты же мой, зараза, запомни это – ты мой. Ладно, хорошего помаленьку, радость моя. Мне тоже осталось немного собрать, и я готова. Встретимся у машин, ага?

Енот только улыбнулся, глядя вслед ее стройной фигурке, скрывшейся за тихо закрывшейся дверью.

- Ох ты ж, брат, повезло тебе. – Оружейник наконец-таки спустился вниз. – Таковую девчонку отхватил, а ведь без году неделя в отряде! Ай, малацца!

- Да ладно. – Парень снова привычно почувствовал, в который уже раз за неделю, что краснеет. – Хотя ты полностью прав. Она чудо, я никогда не встречал таких.

- Хорошо, брат, если ты вообще встречал... да не обижайся, я ж любя. – Ган внимательно посмотрел на странного вида кургузый ствол, который вертел в ладонях. – А Медовая, она как кошка. Такая же ласковая и злая одновременно. Да нет, не было у меня с ней ничего не смотри волком, просто опыт большой, вот и все. Во, смотри чего нашел.

- А что это? – Енот посмотрел на двухствольный обрубок, с длинной рукоятью с шаром на конце.

- Это, брат, самый натуральный обрез. Патроны с картечью тебе как раз войдут вот в эти кармашки, раз уж у тебя нет подствольника. И чего пропадать пустующему месту, согласись? А кобуру под него мы тебе закрепим на левом бедре, будешь у нас настоящий техасский рейнджер.

- Техасский рейнджер? – Енот недоуменно посмотрел на оружейника, полезшего в стеллаж с ремнями и кожаной амуницией. Взял в руку обрез, покрутил, погладил металлические накладки, идущие по остатку ложа.

- Да вроде как были когда-то такие крутые парни. – Ган подошел к нему с необходимой сбруей. – Давай примеряй и подгоняй, времени

уже мало. А я сейчас патроны достану.

Когда они вышли на площадку, где проводился общий сбор отряда, солнце уже уходило за горизонт. Енот подошел к Медовой, молча слушающей перебранку Ферзя и Кота, и встал рядом, внимательно смотря на тех, с кем волей судьбы встретился.

Мерлина, баюкающего в руках любимый автомат, и невозмутимо поплеывающего на землю. Варяга, положившего руки на талию Файри, сегодня обтянутую своим кожаным костюмом, застегнутым под самый подбородок. Дылду Ферзя, обвешанного подсумками с боеприпасами и спорящего с флегматично и спокойно отвечающим Котом. Волка, который не теряя времени даром, правил свой клинок, такой же как у всей группы Мерлина, закрепляемый сзади на пояснице. Темнокожего здоровяка Чунгу, сосредоточенно жующего бутерброд. Тех самых трех молчаливых девушек с винтовками, с которыми он так и не успел познакомиться, и сейчас вооруженных короткими автоматами. Близнецов, вооружившихся сегодня пулеметами, калибром явно не уступающим станковым. Фроста, который, не смотря на защитную экипировку и шлем, все также выглядел всезнающим умником, лениво жующим сорванную травинку. Айболита и Хирурга, снаряженных так, что они ничуть не уступали основным ударным силам чистильщиков. Механиков, которых он тоже еще не знал, стоявших своей собственной кучкой и пахнувших густым ароматом горячего и смазки.

Всех впереди ждал бой, но никто не показывал и вида того, что боится. Их спокойствие, так четко ощущаемое без каких-то лишних слов, передалось и ему. В конце концов, то, что предстоит делать – просто необходимо для жителей его родного города, многих из которых он знал с самого детства. Кто его знает, может, удайся план Герца – и все стало бы наоборот хорошо, и даже лучше, чем есть сейчас, при руководстве Альянса. Но Еноту про это думать не хотелось. Он вспомнил горящую ферму, на которую натравили степняков, серые тела в фургоне Инженера, свой собственный дом, залитый кровью, и понял, что сейчас он будет сражаться за то, что считает правдой для самого себя.

- Строится. – Каркнул хриплый голос Мерлина, увидевшего подходящих командиров.

Небольшое движение и стройная шеренга, выгнутая по окружности, внимательно смотрела на трех человек, оказавшихся в центре. Капитан, державший в руке шлем, украшенный большой россыпью белых точек, шагнул вперед. Приглядевшись, Енот понял, что каждая точка есть ни что иное как изображение черепа. Подсчитать их количество с такого расстояния он точно не смог, но понять то, сколько лет Капитан провел, охотясь и убивая тварей, у него получилось.

- Отряд, слушайте меня. – Резкий голос был четко слышим. – Сейчас мы все пойдем в город, где нас ждет очень сложное и опасное дело. Вы все прекрасно понимаете, что подобных ситуаций, когда под ружье встают практически все, у нас было немного. Но мы с вами не можем ждать прихода отряда Голландца, который сейчас идет к нам. Потому что там, за линией нашего лагеря, почти два десятка тысяч беззащитных людей, которых могут не спасти все те крутые перцы, что прибыли с Альянса. Мы не можем пойти по другому пути, кроме как спуститься под землю и там завершить начатое снаружи. Я только прошу вас быть внимательными и осторожными, не забывать о тех, кто пойдет рядом с каждым из вас, плечом к плечу, хотя вы это и так знаете. Тянуть время - смысла нет. По машинам, отряд, выдвигаемся.

Двигатели двух «жнецов» и броневика Капитана дружно рыкнули турбинами, разгоняясь в сторону города. Металлические махины, густо облепленные людьми, прокатились мимо патруля солдат КВБ, стоявших на дороге и поднявших руки в приветствии. На воротах, заранее широко распахнутых, стояла вся смена, таращившаяся на них. Когда они проезжали через город, то горожане, которые, не смотря на опускавшиеся сумерки, продолжающие приводить улицы в порядок, долго смотрели им вслед. И много рук, махавших им вслед, были хорошо видны с высоты машин, на одной из которых сидел совсем еще мальчишка Енот.

- Идем в две шеренги вдоль рельсов, по обоим путям. Фонари включить, смотреть по сторонам и под ноги. Кувалда, возьмешь Глазастика и идешь впереди, мало ли, какие сюрпризы нам могут подготовить.

Капитан еще раз осмотрел свой отряд, стоящий на грузовой платформе, так странно выглядящей здесь, в том месте, где ее не должно было быть вовсе. Для каких целей здесь проложили эту ветку,

куда она вела раньше, вот что интересно. Ни разу за все время, что он провел в Пустошах, на Диких землях, в руинах старых городов, в подземельях бывших военных объектов, Капитан не видел, чтобы подземные ветки делали просто так. Возможно, что все беды этого города крылись именно в том, что ждало их впереди, кто знает?

Что там могло быть? Секретный центр по разведению очередного суперсолдата? Лаборатория вирусных культур или генетических изменений? Радиоактивный могильник или шахты ракет, которые давно прогнили и теперь выпускали наружу свое смертельное наполнение? Или одно из мест Прорыва, которое кому-то так интересно было исследовать, и теперь доказывающее с помощью разорванных в клочья людей, что делать этого нельзя? Все ответы крылись где-то там, впереди, куда сейчас настойчиво и смело вышагивал крепыш Кувалда, ведя на поводке спаниеля Глазастика, бывшего единственной собакой в отряде, нацеленной не на поиск тварей. Пес был сапером, умевшим почуять взрывчатое вещество за несколько метров, что ни раз спасало чистильщиков в катакомбах бывших военных объектов, зачастую густо начиненных смертельными сюрпризами для тех, кто проникнет на территорию без ведома давно погибших хозяев.

Отряд шел вперед, пусть и медленно, но зато не останавливаясь и понимая то, что назад дороги сейчас нет. Там, около платформы, сейчас должны суетиться солдаты КВБ, устанавливающие пулеметные станки на тот случай, если твари пойдут по тоннелю. На поверхности, возле всех известных выходов из шахт дежурили боевые машины, включая и его, Капитана, «жнецы». Личный броневик остался стоять у входа в систему коммуникаций, на тот случай, если нужно будет спасать раненых. Хотя... Кэп сильно сомневался в том, что кого-то они успеют вытащить. Во время только одних раздумий и автоматического аккуратного и опасливого движения, внутренний счетчик Капитана успел отсчитать не меньше полутора километров пути. Если что-то пойдет не так, то вытаскивать раненых через эту каменную кишку, в которой негде укрыться, будет практически невозможно.

Он посмотрел по сторонам. Ему это было достаточно удобно, так как Капитан все-таки сидел на одной из дрезин, приводимых в действие мышцами спокойно толкавших ее Близнецов. На дрезине лежали два пулемета, станковый огнемёт, и боеприпасы к ним,

которые, памятуя про опыт Чунги, Инженер настойчиво заставил его взять с собой. То, что Близнецы спокойно дотолкают средство передвижения до конечного пункта и не устанут, Кэп знал точно и только мог радоваться тому, что они есть у него в отряде.

Десять лет назад, да... десять лет прошло с того времени, когда он столкнулся с ними. Тогда, будучи только начинающим командиром, он взялся за заказ на двух монстров, угрожающих нескольким деревням пахарей на границе с Итилем. Прибыв на место увидел странную картину: крестьяне густо обложили небольшую рощицу, в которую палили из всего возможного оружия. Как ни странно, но побеседовав с ними, теми, к кому его направил заказчик, Капитан понял, что твари были необычными. Они никого не убивали, в основном таскали у крестьян продукты урожая с сараев, никогда не резали скот и изредка наведывались в единственную мастерскую, чей хозяин вообще был против охоты на непонятных монстров. Невысокий щуплый мужичок с громадными консервами очков на глазах, сначала долго отнекивался, но потом все-таки выдал свою тайну, которой не хотел делиться с собственными земляками. После этого Капитану не оставалось ничего другого, кроме как дать приказ прекратить стрельбу и самому отправиться в густые заросли берез и невысокого кустарника, густого заросшие ежевикой.

Продравшегося через ее шипы, ругающегося и злого, его взяли в плен быстро и практически бесшумно, не дав пикнуть и замотав в большой мешок. А через полчаса он уже сидел в самой середине рощицы, до которой пули так и не долетели, курил единственную целую сигару, прихлебывал травяной чай и счастливо паялился на двух громадных, абсолютно одинаковых организма, стоявших перед ним навтыжку.

Извилистая и прихотливая судьба послала ему подарок в виде спокойных и человеколюбивых генетически измененных и сопряженных с механической частью солдат-штурмовиков одного из самых засекреченных проектов прошлого. Не воспользоваться этим было бы грешно. Да, у Капитана возникли сложности при введении Близнецов в общий состав отряда, но решить их удалось достаточно быстро, а польза, полученная от двух неприхотливых машин смерти, оказалась очень большой.

Близнецов редко использовали при проведении чисток и охот, больше доверяя им полную охрану лагеря и членов отряда. Но если становилось необходимо, например как сейчас, Капитан не сомневаясь отправлял обоих на задания любой сложности. И ни разу не раскаялся в тех моментах, когда это приходилось делать. Был минус в том, что во время серьезной работы, когда Близнецы работали на пределах возможностей, могли выйти из строя и механические, и органические части. А восстанавливать их, не имея оборудования тех лабораторий, где их когда создали, было весьма сложно. Только по этой причине Кэп старался как можно дольше не рисковать их мощью.

- Командир... - В динамиках тихо прошелестел прокуренный голос Кувалды.

- Что такое?

- Впереди звуки какие-то, и они мне не очень нравятся.

- Понял. Возвращайся назад, быстрее. – Капитан поднял оружие. – Отряд, приготовиться к бою.

Дважды повторять никому не пришлось. Сзади и сбоку послышались звуки, знакомые командиру чуть ли не с самого детства: лязг металла, шорох жесткой ткани подсумков и скрип кожи. Кувалда, торопливо топающий к ним, был достаточным доказательством того, что пришло время действовать.

- Ни хрена себе... - Присвистнул Кэп, глядя на экран датчика движения, сейчас сканирующего темную пустоту перед ними. Зеленоватые точки, густо усеявшие его, не давали надежды на то, что Кувалда ошибся и испугался эха от собственных шагов.

Они подпустили их на минимально возможное расстояние, позволяющее безошибочно рассмотреть тех, кто шел навстречу. И только это спасло несколько десятков шахтеров, изможденных, покрытых пылью и пропавших потом и страхом, вышедших прямо на чистильщиков.

- Господи-Спаситель, что же там творится... - Худой бородач, одетый в грубый комбинезон, торопливо глотал воду из фляги, протянутую ему кем-то из отряда. – Там бойня, там такое сейчас! Как вышли – сами не поняли, спаси Мэдмакс. Бежали через верхние тоннели, свернули где-то у основного коридора, когда увидели тварей. И то, господин чистильщик, не успели. Они крошат там наших в капусту, в каждом тоннеле, в каждом забое, повсюду.

- Много тварей? – Капитан, терпеливо слушающий его причитания, решил вывести разговор на нужную тему. – Эгей, любезный, давай уже излагай экстрактно и по сути, да?

- Тык я и говорю, господин чистильщик, что повсюду они там, как муравьи просто. Куда не ткнись – отовсюду лезут. Мы ж давеча, как только первый раз они ночью поперли, решили бросить работу. Но господа офицеры, что заместо администрации, севодни нас погнали назад, дескать, нечего прохлаждаться. Солдат дали, которые вместо стражи нашей, и что? Где те солдаты-то? Да все там же, иль сожрали их твари, иль на клочки мелкие порвали, вот и все.

- За вами они не гнались? Ну, когда вы сюда в тоннель вошли?

- Упаси Мэдмакс, господин чистильщик, не было вроде никого.

- А как нашли его?

- Да случайно, как еще-то? Перли как стадо, прости Спаситель, и вышли не пойми где. Да меня сейчас заставь обратно пройти – не получится. Как в тумане все случилось, чесслово, бежали да бежали, а тут раз, и вы...

- Это точно. Ладно, борода, идите дальше. А мы с вами не пойдем, нам наоборот, туда и нужно. Жаль, что не помните, как шли. Бегите, только смотрите, чтобы вас на выходе не положили. Где-то километра через три – начинайте орать громко, что вы идете. Ясно?

- Так точно, господин чистильщик. А что, правда, не сможете никого с нами отправить?

- Нет, уважаемый. – Капитан покосился на трясущегося от страха горняка. – Не могу, сам понимаешь.

- Ну да, ну да, это мы понимаем, не без понятия же, ага.

К входу внутрь запутанной системы ходов, с бетонными полами, ровными стенами и частыми металлическими дверями, отряд вышел минут через тридцать. Откуда выбрались шахтеры, стало ясно сразу: широкая, крашенная серым полоса на роликах, была откачена в сторону, открывая вход в коридор прохода в шахту. Рельсы упирались в большие ворота, на первый взгляд казавшиеся очень давно не работающими. Ржавчина на гофрированных листах облицовки, темная пластина запорного устройства, с которой прямо таки свисали вниз бурые лохмотья коррозированного металла. Чистильщики остановились.

- Да уж... - Протянул Капитан. – Забавная складывается ситуация. Интересно, и куда нам дальше? Фрост?

- Да, командир. – Молодой ученый выступил вперед. – Попробую что-то сделать...

- Мерлин, выставь посты, отправь трех человек в шахту, пусть пройдут до ближайшей развилки и займут там позицию. Проверить двери, предварительно просканировав датчиками. Работаем, парни и девушки, работаем.

Чистильщики быстро рассыпались, занимая места, указанные Тундрой и Мерлином. Мусорщик, Толстый и Варяг скользнули в проем, по которому совсем недавно бежали горняки. Фрост, вместе с Файри, начали внимательно рассматривать механизм, запирающий ворота. Если учесть, что рельсы были с четко видимой полированной полосой от двигавшихся по ним платформ, заканчивающихся прямо у ребристой наружной стороны, то становилось ясно, что возможно усилия «головастиков» прикладываются не напрасно.

Енот отошел к Медовой, укрывшейся за несколькими давно ставшими насквозь трухлявыми ящиками, и возившейся с каким-то хитрым прибором. Экран прибора светился чистым голубоватым светом, изнутри доносилось деловитое и ритмичное попискивание, а сама девушка внимательно следила за кругами, плавно разбегающимся на его фоне. Присел рядом на корточки, смотря за тем, как она хмурит брови и чуть шевелит губами. Нажал на кнопку, отключающую микрофон, встроенный в боковую часть шлема, и которую ему показал Ган:

- Солнце мое, самое лучшее и родное...

- Да? – Девушка нахмурилась, а потом повернулась к нему, блеснув в слабом свете глазами. – Что ты сказал, Енот?

- Ты мое солнце. – Он несмело улыбнулся. – Я просто хочу тебе это сказать, понимаешь? Не могу молчать, и так веду себя как дурак последний, а мало ли? Ты ведь не будешь против?

- Нет... - Хани, не глядя, положила прибор на бетонную плиту. – Я... ты прости, просто не ожидала, что назовешь родной, правда.

- Да я понимаю... - Енот улыбнулся, глядя на нее, ставшую всего за несколько дней такой близкой, нужной и любимой. – Не перебивай меня сейчас, ладно? Говорить такого никогда не говорил, не умею, но буду стараться. Сейчас... Хани, понимаешь, у меня раньше и девушек

практически не было ведь, не говоря о том, чтобы...а-а-а, вот я дурак. Что сказать то хочу... Ты мне нужна. Никогда бы не мог подумать, что смогу испытывать такое, честное слово. Сначала думал, что ты просто красивая девушка, не более. Сейчас понял, что для меня ты не просто больше, чем стройная и интересная. Ты то, что мне было нужно всю мою жизнь, наверное, пусть я и прожил-то всего ничего. Зато успел, также как и ты, наверное, многое потерять. И часто думал – что может помочь мне снова чувствовать жизнь. Не только просто вставать с утра, идти куда-то и делать что-то. Оказалось, что это ты, и понял это совсем недавно, вчера практически. Ведь то, как ты на меня смотришь, что говоришь и что делаешь, наверное, не заслужил, а мне оно все равно досталось, это чудо, которое ты. Стоило пройти через все то, что было, чтобы найти тебя, ту, без которой теперь уже не могу представить себе что-то дальше. Радость моя, я хочу окунуться в тебя, как в воду и долго-долго не выныривать, чтобы ты была повсюду. Когда это все закончится, мы будем с тобой вместе?

Енот замолчал и посмотрел в ее сторону, глядя прямо в бездонную зеленую глубину глаз, окруженных длинными ресницами. Хани молчала, смотря на него как-то по новому, чуть задумчиво. Она чуть шевельнула губами, наклоняясь к нему, когда со стороны ворот послышался лязг. Девушка вздрогнула, глянув в ту сторону, а потом наклонилась, и, не говоря ни слова, просто поцеловала его, на миг, краткий-краткий миг прижавшись.

- Готово, командир. – Голос Фроста в динамиках был злым и веселым. – Чуток кислоты, немного умения и хорошие инструменты, никакие запоры не устоят.

- Вот и хорошо. – Капитан легко спрыгнул с платформы. – Близнецы, поставьте пулеметы и огнемет. Пулеметы в сторону ворот, огнемет в шахту. Здесь остаются механики, валькирии и старшим Кувалда. Остальные идут за мной. Кувалда, закрой рот и выполняй приказ, внимательно следи за шахтой.

- А почему мы не пойдем туда? – Шепотом спросил Енот у оружейника. – Ведь там сейчас бойня...

- Бойня. – Согласился тот. – Только если не уничтожить то, что вот здесь за воротами – она и дальше будет. Пойми, брат, что надо думать не о том, что на поверхности, а о том, что в глубине. Шахтеры не виноваты в том, что в метрополии нужен этот сраный уголь, а нам надо

думать не только о них, а и о тех, кто в городе. Капитан мыслит правильно, хотя и жестоко.

- Понятно...

Сзади кто-то чуть тронул его локоть. Енот обернулся, и увидел Медовую.

- Я тебя люблю, дурень. – Она улыбнулась. – И хочу быть с тобой. Береги себя, Енотище, мне очень интересно узнать твое настоящее имя.

- Работаем тройками, ребята. – Капитан одел шлем. – Первые – Мерлин, Варяг, Фрост. Следующие: Кот, Ферзь, Файри, параллельно идут Волк, Чунга и Ган. Замыкаем я с близнецами и Мусорщик, Толстый, Енот. Тундра, Медовая, Айболит и Хирург – в центре. Все, ребятки,

Глава пятнадцатая: те, кто живут во тьме, новая загадка и то, чего не должно быть

«Если наступит час битвы последней, и силы мрака станут стеною – стой...

Стой так, как стоял всегда, Воин.

Лишь только силой своей, честью, душой и любовью к жизни – сможешь...

Сможешь одолеть, выстоять, победить и спасти тех кого должен.

Не плачь, ведь жизнь не есть лишь один миг, не бойся...

Не бойся того, что за гранью, ибо там ждут тебя те, кто любят и те, кто гордятся.

И помни, Воин, что лишь ты можешь спасти и мать, и дитя, и стариков тогда,

когда падут сильные и обнищают духом великие.

И это есть то, для чего рожден был ты женщиной, матерью твоею»

Книга св. Мэдмакса (апокриф)

- Твою мать, сколько их?!! – Мусорщик торопливо сменил магазин, стараясь успеть за то время, что дал ему Енот, временно прикрыв фланг. – Лезут и лезут, как тараканы!!!

Данг-данг-данг!!! Очереди, одиночные, выстрелы из всего, что у них было с собой. Темные силуэты, скрывающиеся в черных провалах, метались в свете ночников шлемов, не давая возможности лучше прицелиться, выстрелить так, чтобы больше они и не встали. Получалось плохо. Вся огромная подземная полость густо изрезана кавернами, напоминая ноздреватую головку сыра. Тем, кто здесь оказался противником чистильщиков, это лишь на руку. Или на лапу, если посмотреть с точки зрения физиологии.

Сколько они находились здесь, внутри? Этого Енот не мог сказать и предположительно, но не более часа. И только то, что Капитан выбрал настолько правильное прохождение запутанной системы ходов,

почувствовав его интуитивно, не дало отряду понести потери в самом начале этой, самой страшной и серьезной бойни.

Широкий проем, через который они прошли в самый предбанник этого странного места, закончился быстро, оборвавшись точно такой же грузовой платформой, на рельсах у которой стояла пара десятков металлических самобеглых тележек. Два параллельных пути, по которым сюда пребывали необходимые грузы и пассажиры. В самом конце вереницы дрезин находились несколько, на которых крепились клетки, сваренные из толстых труб. Для кого они были, для людей, привозимых сюда из забоев, или для тварей, в которых потом превращались? Хотя это и не играло никакой роли сейчас, когда все хозяйство, находившееся под землей, нужно было уничтожить, в груди Енота все-таки екнуло. Несколько секунд он, ничего не замечая вокруг, смотрел на них, говоря одними губами только одно слово. Ведь именно здесь, скорее всего, оборвалась жизнь его отца, здесь, а не где-то глубоко под землей чуть в стороне.

Кто его знает, сколько уставших, замученных тяжелой работой мужиков оказалось здесь, начиная самый страшный путь, который только мог предположить человек? Везли ли их сюда без сознания, накаченных каким-нибудь газом или медицинской дрянью? Скорее всего, что нет, доставляли связанных по рукам и ногам из забоев, которые «якобы» обрушивались, хороня под собой всех, кто там был. Тащили вон туда, дальше, где еле видно светилась цепочка электрических ламп, уходя в высокий тоннель, пробитый в толще породы, с полированными от времени стенками и полом... и там же, сейчас ожидая появления отряды, ждали передовые твари.

Первым среагировал Мерлин, выпустив в сторону шевеления несколько коротких очередей подряд. Пули пошли вперед, разрывая воздух своим злым жужжанием, и нашли цель, практически не причинив ей вреда. Почему? Да потому что сложно пробить полторы сотни килограммов мышц, поверх которых наклеплен защитный слой твердой костяной брони, от которой половина свинцовых гостинцев срикошетила, уйдя в сторону. А темные и огромные живые валуны, до того спокойно и беззвучно таившиеся в тени, рванули вперед, сразу покрыв четверть расстояния до отряда.

Высокие двуногие фигуры, напоминающие выросших до безобразия людей, покрытые матово поблескивающими в лучах

фонарей темными щитками на груди, брюхе и по плечам. Небольшие головы, утопленные в высоких плечах, острые зубья, пилами торчащие из предплечий. Они неслись вперед молча, не издавая ни единого звука, гоня перед собой волну страха перед собственной мощью. Но их приняли во все стволы те, кого уже давно было не запугать подобными вещами. Калибра пулеметов Толстого, Чунги и близнецов хватило полностью, а остальным пришлось лишь участвовать в добивании пятерых колоссов, снесенных с ног волной свинца и стали, размазанных ими по бетону пола.

Капитан покачал головой, только глянув на них.

- Проверка... - Он сплюнул. – Скорее всего, лишь проверка, все основное впереди. Внимательно идем, ребятки, очень внимательно. А так-то – хороши выродки. Айболит?

- Чего?

- Вот ты мне как медик медику скажи – сложно такое чудо создать? Ты ж посмотри только: в нем мяса центнера полтора, не меньше. Кости эти вот, по всему телу, клинки вон торчат... прям страх ужасный. А управились с ними быстро, как объяснить?

- Мне, Капитан, потом поковыряться бы в них, может чего и придумал бы. Страшные да, а толку? Большие, глупые, да и не кость это, видимость одна. Хрящи какие-то, вон, в лохмотья издырявили все. Толстый, ты не можешь в следующий раз стрелять аккуратнее, а?

- На хрена? – Здоровенный чистильщик даже не повернулся, но тон был явно удивленным.

- Для последующих научных экспериментов, на хрена еще то? – Айболит, переложил короткий толстоствольный автомат на сгиб руки и присел возле одной из туш. – А знаете что, Кэп?

- Что? – Капитан подошел поближе, наблюдая, как абсолютно спокойный доктор ковыряется пальцами в развороченной грудине.

- Странно это как-то. Вот смотрите, на поверхность выходили все-таки только твари совершенного другого типа, созданные из местных жителей. А вот эти вот живые танки ни разу не показывались.Пусти их на улицы во время боев, так неизвестно, какой результат был бы. Хотя... - Айболит перестал рассматривать внутренности чудища. – Тут вообще все неясно. Скорость, с которой появились первые подземники, их количество, растущее практически в геометрической прогрессии, ну, поначалу, в смысле. Мы с вами исследовали один тип

мутантов, за которыми сколько дней гонялись. А сейчас, в течение дня, видим уже третьих, которые весьма значительно отличаются от первых двух видов. Не нравится мне это, очень не нравится.

Капитан кивнул, оглашаясь с врачом, мысли которого совпали с его недавними, очень четко. Эх, сюда бы еще пару отрядов, карантин по полной программе, и Инженера подключить... да все это мечты. Но ситуации в этом месте ему нравилась все меньше и меньше. Валяющиеся на полу громадные, бывшие страшными, быстрыми, но очень глупыми, трупы – заставляли призадуматься еще больше. Такое за год не соорудишь, да и не только за год. Пусть и на самом краю Альянса, с полностью продавшимся, или внедренным, главным агентов КВБ, проверить такое...

Он полностью отдавал себе отчет в том, что здесь могло быть. Скорее всего, что бывший исследовательский центр, построенный задолго до Полуночи, по каким-то причинам либо наглухо «законсервированный», либо восстановленный в кратчайшие сроки кем-то очень умным и знающим свое дело. Чистильщикам приходилось сталкиваться с теми, кто пытался использовать знания и умения, созданные давно ушедшими предками, и направленные на производство генетических солдат. Чаще всего его отряду приходилось выжигать такие места, уничтожая все, что было в них уже готовым, или могло послужить отправной точкой для последующих экспериментов.

Кэп знал, что часть исследовательских материалов, оборудование, аппаратура, образцы (как действующие, так и нет), и самое главное, то есть умников, пытающихся восстановить былое, у чистильщиков зачастую забирали «безопасники». Во всяком случае в Альянсе. При работе на сопредельных территориях лично он, Капитан, уничтожал все, что разрешал Инженер. Часть же, после вдумчивого изучения на месте, доставляли, тайно и осторожно, на Базу. Именно благодаря подобным местам, тому, что когда-то создавалось для войны, чистильщикам и удалось когда-то создать собственное братство. Только воплощенные в реальность записи на разных носителях, ставшие теми, кто сейчас шел рядом с ним – могли бороться с творениями Прорывов, некросферы и мутантами, и выходить победителями с минимальными потерями.

Но с таким размахом, какой легко угадывался даже в этом, темном и невзрачном «предбаннике», ему приходилось сталкиваться лишь раз. Далеко отсюда, практически под самой старой Столицей, на территории огромного исследовательского центра-полигона, и в циклопических подземельях под ним. Тогда вместе действовали семь отрядов, самых первых, когда он, Капитан, был еще просто посыльным у Алладина. И именно тот рейд не дал отрядам чистильщиков, объединившихся для самого серьезного дела в их жизни, стать более многочисленными и весомыми. Тогда в строю осталась лишь четверть из всех, вошедших через большие ворота с двуглавым орлом с мечами в лапах. А сейчас? Что может быть сейчас, если впереди ждет что-то подобное, пусть и слабее в разы?

Напротив него стоял Мерлин, лицо которого было наполовину закрыто матовым армированным пластиком забрала. Но почему-то Капитану показалось, что его лучший боец смотрит именно на него, и в его глазах стоит понимание того, о чем думает командир отряда. Кэп вздохнул... пожалуй впервые за много лет ему стало страшно, действительно страшно. Нет, не за себя, свое он пожил, за них, тех, кто рядом:

- Маски надеть всем. – Капитан отстегнул крышку небольшого прямоугольного контейнера, висевшего на задней части разгрузочного жилета-«сбруи». – Мало ли...

Енот последовал общему примеру, чуть запнувшись с тем, что извлек из своего контейнера. То, что он держал в руках, напоминало по форме намордник, только не очень вытянутой формы. Маска была сделана из плотной резины, изнутри выложенной чем-то, что на ощупь оказалось вполне мягким, скользким и не раздражающим кожу подбородка, после того, как Ган помог ему прикрепить ее к специальным пазам в шлеме. Торчащие сбоку неширокие шпешки легко утопились в выемках, щелчком сказав о том, что маска закреплена. По бокам торчало два цилиндра.

- Фильтры. – Голос оружейника из-за маски казался немного незнакомым и чуть глуховатым. – Помогут, братишка, если что. Неудобно, но поверь, что лучше уж так, чем сдохнуть на пустом месте в луже собственных выблеванных кишок.

- Я понял. – Енот кивнул головой, уже привыкая к новой для него вещи. – Нормально.

- Идем, отряд. – Капитан чуть двинул стволом автомата в сторону коридора. – Нечего стоять.

Мерлин, на пару с Варягом, выдвинулись вперед. Для Енота это было немного странно, так как сложно было понимать то, почему командир идет вперед. Откуда ему было знать, что это не какая-то там традиция, а годами отработанная привычная связка, создавшаяся только из-за того, что эти двое понимали друг друга без слов. И что Варяг мог чувствовать опасность за несколько метров, пусть и не всегда. А Мерлин, сейчас шедший сразу за ним, ни разу не дал никому зацепить друга, если был на ногах и в здравом уме, опережая на шаг всех, кто пытался это сделать. Ничего это Енот не знал, да и некогда было удивляться.

Шаг, второй, осторожный и чуткий. Ребристая мягкая подошва, только на самом носу и на невысоком каблучке бывшая по жесткости сравнимой с металлом, тихо-тихо опустилась на бетон, покрытый легкой пылью. Ее здесь немного. Заметно, что коридором пользуются постоянно, но все-таки, если приглядеться, вокруг высоко шнурованного и затянутого вдобавок двумя ремнями ботинка, поднялось легкое светлое облачко. Свет от ламп под потолком дает возможность делать это, практически не напрягая зрение. Следом за первой фигурой, кажущейся такой массивной, но передвигающейся легко и непринужденно, в коридоре выросла вторая.

Варяг кивнул массивным набалдашником ствола в сторону одной двери, находящейся справа и потом вторую, практически напротив. Мерлин показал, что понял, жестом подозвал еще четверых. Можно было говорить в микрофон, но зачастую привычка бывает сильнее, да и мало ли, кто может ждать их здесь? В коридоре немедленно появились Мусорщик, Толстый, Волк и Чунга. Командир группы вместе с напарником прошли чуть вперед, дав возможность остальным заняться помещениями.

Мусорщик, чуть тронул ручку перчаткой, готовясь в случае чего успеть хотя бы крикнуть. Как-то раз Толстяк только ударом приклада своего автоматического агрегата смог спасти его от смертельного поражения электричеством. Но в этот раз не было ничего похожего, а дверь оказалась заперта. Чистильщик коротко выругался сквозь зубы, вызывая Мерлина:

- Вскрывать надо, судя по всему.

- Понял. У тебя есть с собой чем открыть?

- А то... - Мусорщик ухмыльнулся. – Толстый, прикрывай если что.

- Не сейчас. – Мерлин отрицательно мотнул головой. – Сначала вторую.

Волк скользнул вперед, взялся за ручку. Его напарник шагнул следом, встав напротив проема и подняв трехствольное чудовище, которое по недоразумению называли пулеметом. Сказать, что же и кто именно планировал сделать из этого чудовища – не смог даже Ган. Но он, в свое время, когда довольно ухмыляющийся темнокожий великан принес ему ЭТО, не растерялся. Здравомысленно рассудив, что если два ствола можно проворачивать взад-вперед, а третий напоминает заготовку для подствольного гранатомета, оружейник надолго заперся в своей части «крузера». Результатом его действий оказался пулемет калибром в девять миллиметров, у которого в случае перегрева ствола второй вставал на место испорченного одним движением и нажатием рычага. А в качестве бонуса – нижний, широкий и ребристый, шедший третьим, был преобразован в пятизарядный, правда, вручную перезаряжаемый, гранатомет. Чунга очень любил собственное оружие и даже гордился им, не обращая внимания на подколки со стороны Толстого или Мусорщика.

Волк резко дернул на себя ручку двери, когда понял, что она, в отличие от соседней, не заперта. Чунга шагнул вперед, включив фонарь, закрепленный сверху, вместе с электронным прицелом. Спустя секунду его огнестрельный монстр рыкнул, выпустив вперед небольшой шквал огня и металла.

- А вот теперь чисто... - Довольный голос великана, раздавшийся в наушниках остальных чистильщиков, заставил всех облегченно выдохнуть. – Да и вообще... что-то оно слабое какое-то оказалось...

- Вот, блядь, балбес! – В сердцах ругнулся Тундра. – Волк, проверь что там.

Волк скользнул в просторное помещение, заставленное стеллажами, на которых практически ничего не было. Быстро прошелся по нему, стараясь усмотреть что-то, похожее на опасность, не увидел и решил посмотреть на то, что было в комнате из живого. Ну, или бывшего живого, вошедшего в контакт с огнестрельным монстром его напарника.

- Вообще-то это была собака, как мне кажется... - Протянул он чуть позже. – Но чтобы ты, брат, не обижался и чувствовал, что достойно выполняешь заповеди Воина, скажу следующее: таких собак быть не должно, это во-первых. А во-вторых – какого хрена она здесь делала?

- Мусорщик, вскрывай дверь. – Мерлин чуть дернул щекой. Неприятная странность этого места заставляла немного нервничать.

Тот не заставил себя долго ждать, достав из одного подсумка звякнувшую связку и начав колдовать над замком. Заниматься этим ему пришлось недолго, тот сухо щелкнул, и дверь подалась. Толстый, плечом отодвинув в сторону не успевшего даже возмутиться компаньона, спокойно вошел внутрь. Немного спустя он удивленно присвистнул.

- Чего там? - Мусорщик нетерпеливо ввинтился следом за ним. – Твою мать, здесь же пусто, Толстый! Какого хрена ты тут свистишь?!!

- Попался, братишка? – Глухой голос пулеметчика даже в наушниках был довольным. – Наколот, эт точно!

- Да иди ты! – Мусорщик хотел сплюнуть, но из-за маски у него это не получилось.

- Идиоты. – Мерлин разозлился. – Идем дальше, Капитан.

Коридор остался позади, перейдя в низкое и длинное помещение, напоминающее склад. Оно было плотно заставлено прямоугольниками квадратами, укрытыми еще крепким, но зато очень пыльным брезентом. И еще из него было несколько выходов.

Фрост вышел вперед, достав из кофра, висевшего на боку, большой прямоугольник с толстым кругляшом линзы на конце. Подключил к нему плотный провод в светлой оплетке, второй конец, заканчивающийся толстым металлическим стержнем, присоединил к своему шлему.

- Тот, что справа, точно постоянно используемый. – Помощник Инженера говорил также спокойно, как будто находился в собственном грузовике. - Оставшиеся... есть следы, которые сканируются в двух диапазонах, есть что-то от Прорыва и другие, стандартные для мутаций с применением радиации. А вот некроидных следов... ох, ты ж черт!!!

Сложно было не предполагать, что у Герца еще есть люди. Так оно и оказалось сейчас, за одним небольшим исключением – людьми

их назвать было достаточно сложно. Стволы винтовок и автоматов направляли на чистильщиков руки уже умерших солдат и стражников. Только они, в отличие от того, что слышал про оживших мертвецов Енот, не были заторможенными и еле передвигающимися.

Около двадцати быстрых фигур в робах, мундирах стражи и пограничников открыли огонь по отряду, появившись из-за нагромождений накрытой брезентом грузовой тары. Какими бы мертвыми они не были, но расположение, которое выбрали для себя неупокоенные, было очень удачным. Отряд попал под перекрещивающийся огонь, и даже защита, в которую был упакован почти каждый боец, не смогла помочь полностью.

Вскрикнула Файри, которой пуля из магазинной винтовки бледного парня в полностью окровавленном комбинезоне, навывлет прошила мякоть предплечья. К ней бросился Варяг, сбил с ног, прижимая к полу. Безмолвно, с силой ударившись об стену, опустился на пол здоровяк Хирург, с развороченным в местах стыка пластин, горлом. Карминные струйки, брызнувшие из лохмотьев того, что оставили после себя девятимиллиметровые пули автомата «Бульдог», били в течение нескольких секунд. Ругающийся матом в эфире Айболит, пытавшийся остановить кровь, ничего не смог сделать. Рядом с ним, продырявленный в нескольких местах по корпусу, вздрагивал всем своим длинным телом Ферзь. Кот, стоя над ним на одном колене, короткими очередями садил в сторону тех трех мертвецов, что смогли попасть в напарника. Енот, краем глаза успевший заметить, что Тундра рукой отшвырнул Медовую за два больших ящика, вжался между поставленных друг на друга громадных покрышек, и старательно выцеливал противника.

Мусорщику пуля высокого пограничника с огромной дырой на месте правого глаза, прошла по касательной по шлему. Чистильщик сунулся на колени, не подавая признаков какого-либо движения. Толстый, на несколько мгновений замер, глядя на него, а потом с ревом устроил то, что Еноту показалось адом. Громада чистильщика мгновенно размазалась в воздухе, оказавшись впереди, там, где сидящие высоко мертвые и никудышные стрелки не могли взять его в вилку. Очереди слились в одну, длинным грохотом заставившую слуховые фильтры внутри шлема среагировать, после чего все происходящее воспринималось глухо, как будто на голову с дух сторон

накинули большие и толстые подушки. А с боков, прыжками передвигаясь по странным, кажущимся хаотичными, зигзагами, мелькали высокие фигуры близнецов.

Краем глаза Енот заметил Капитана, коленом придавившего к бетону Фроста, прижавшего к плечу автомат и экономично стрелявшего в сторону уже затихающих одиночных выстрелов мертвых противников. И оттуда же, куда пробился Толстый, неожиданно раздался рев страшилища Чунги, перекрывший даже выстрелы крупнокалиберных машин Первого и Второго. И чуть позже наступила тишина, продлившаяся пару коротких мгновений перед тем, как в динамики ворвалось сразу очень много голосов:

- Чисто. Занимаем позиции у всех трех входов.
- Мерлин, аккуратнее, от Герца можно ожидать и заминирования.
- Понял, Капитан.
- Как там Мусорщик?!!
- Ферзь, Ферзь!!!
- Не кричи, Кот... бесполезно.
- Айболит!
- Чего Айболит? Кончено, Кот, конечно, он уже мертв.
- Файри, потерпи, милая...
- Господи Спаситель, как же больно...
- Кто это?
- Айболит, ко мне, Фроста зацепили!
- Иду, Кэп.
- Енот, чего стоишь, быстро проверил всех трупиков, добей при необходимости.
- Есть, Тундра.
- Как проходы, Мерлин?
- Нормально, заняли позиции. Близнецы в крайних, по одному. Чунга и Волк в центральном проходе. Я с Толстым прикрываю.
- Как Фрост?
- Жить будет.

В помещении уже не пахло пороховой гарью, которую Енот чувствовал даже через фильтры маски. Пахло кровью, сладковатым запахом разложения от мертвых стрелков, пылью и еще чем-то едким, напоминающим о больнице.

Парень шел между ящиков, в некоторых местах поднимавшихся на пару человеческих ростов, стараясь огибать углы как можно аккуратнее. То, что случилось в течении всего пары минут – было страшно. На улицах города, в степи был тот простор, что позволял и заметить противника издали, и укрыться, а здесь... в этом рукотворном лабиринте, произошла именно бойня. Енот понимал, что их противники никак не могли быть настоящими противниками, и им всем повезло, что здесь не было настоящих живых солдат. Тогда потери наверняка были больше, хотя...

Перед тем, как отряд вошел на это кладбище тары, тот самый Фрост, которого сейчас бинтовал Айболит, проверил его датчиком, встроенным в собственный шлем. И не увидел никаких признаков живых людей, либо просто движения теплокровных созданий. А загадка разрешилась вот как, быстро, жестоко и беспощадно. Двое убитых чистильщиков, один из которых прошел такое, что Еноту даже и не снилось. Файри, которой Варяг с матом и практически со слезами, накладывал тугую повязку на пробитую руку. Фросту пули вошли в корпус, и он не успел упасть на пол, и его наверняка пробило бы еще в нескольких местах первой, самой длинной очередью, если бы не Капитан, мгновенно оказавшийся рядом. И еще Енот помнил, что когда он пошел в свой обход, Медовая бинтовала ногу Тундры, накладывая повязку на бедро, и это было очень плохо.

Он завернул за поворот и еле успел вскинуть автомат, когда на него, с рычаньем, метнулась фигура в разодранном кителе городской стражи. Очередь «трещотки» снова вспорола воздух, откинув мертвеца на дерево той пирамиды, что стояла позади. Памятуя о том, что ему говорили, Енот шагнул вперед, всадив еще одну пулю в голову. Чуть задержался, впервые вблизи видя то, про что только слышал рассказы тех, кто сталкивался с мертвецами в пустошах и на караванных дорогах.

Странно было видеть ставшее уже достаточно давно мертвым, тело, лежащее перед ним и только что кинувшееся на него. Был заметно, что это один из тех, кто совсем недавно воевал на городских улицах, поддерживая агента Эмирата. Он даже помнил его, это мужика, работавшего на южных воротах. Темные пятна, уже выступившие на коже, ставшей бледной, пористой и грубой. В местах, куда кучно легли пули, не было крови, только развороченное темно-

багровое мясо, которое сейчас воняло так, что Енот был очень рад тому, что к шлему пристегнута маска. Он поежился, и пошел дальше, понимая, что тот порог, которого он боялся, им уже пройден.

Енот прошел по всему периметру склада, или что там это было, старательно вспоминая все места, откуда велась стрельба. Три раза ему приходилось сначала расстреливать пытавшиеся шевелиться тела, и лишь потом добивать их выстрелами в голову. Один раз он запнулся, когда увидел дергающееся и встающее тело сержанта-пограничника, которого помнил по его приездам в город. Как он оказался здесь, почему?

- Молодец. – Голос Мерлина раздавшийся в динамиках, заставил его вздрогнуть. – Помни, так всегда нужно поступать.

Енот посмотрел в его сторону, вернее в сторону темнеющих тоннелей. Ведущих еще куда-то. И только тут его наотмашь хлестнула плетью мысль о том, что ничего еще не закончено, и что впереди самое сложное. А у них уже нет нескольких человек, и надеяться на чью-то помощь не приходится. На какой-то миг стало не по себе, но потом, глядя на спокойно застывшие фигуры чистильщиков, держащих под прицелом все возможные подходы со стороны врага, Еноту стало легче. И стало чуть понятнее то, как жили эти, в общем-то, очень хорошие люди и как теперь предстоит жить ему. Ведь каждый из них мог не пойти сюда, струсив или решив прожить чуть подольше, но никто этого не сделал.

Простая истина, которая стала ясна Еноту, поражала: если не мы, то кто? Кто еще решит заняться этой страшной, убийственной и неблагодарной работой? И можно ли называть ее таковой, как называл тот же Капитан, или Толстый, возможно потерявший своего друга, но сейчас понимающий свою задачу и надежно прикрывающий живых друзей. Да никто не сможет сделать это, если не поймет, что это именно его призвание. Его, Енота, если он останется в живых, скоро будут уважать, смотреть в спину с завистью и неприязнью. Будут рассказывать про таких же, как он, сказки и небылицы. И всегда, зная, что его, или Мерлина, или Гана, или Медовой нет рядом – крутить пальцем у виска и называть идиотами. Конечно, кто же кроме идиотов полезет туда, где можно сдохнуть намного более стопроцентно, чем встав под падающий с крыши кирпич. «Да и по хрену, - неожиданно

подумалось ему, - зато я сейчас делаю то, что считаю нужным. Потому что кто-то должен защищать людей, и точка».

Со стороны импровизированного перевязочного пункта к нему уже шел Ган, видимо уже успевший закончить помощь Айболиту. Оружейник, которого даже в броне легко можно было угадать по двум пистолетам и по рюкзаку, с той самой хреновиной, из которой палил по степнякам, немного не дошел до него. Остановился, поднял «трещотку», выстрелил.

- Халтуришь, братишка. – Голос у него был немного усталым. – Ну да ничего, с кем не бывает. В конце концов, на то есть старшие товарищи, чтобы помогать новичкам и подправлять их ошибки. Как сам-то?

- Нормально. – Енот понял, что не хвастается, потому что ему и правда было вполне хорошо. Страх ушел куда-то подальше, голова была ясной, усталости не ощущалось. Даже наоборот – в крови бурлило и просило продолжения. – С Медовой все хорошо?

- Да, что ей будет-то. А вот с Фростом и Тундрой намного хуже... да. – Ган крикнул. – Как бы не пришлось оставлять с ними Файри, а самим идти дальше. Боюсь, что наш Тундра один не сможет ни дойти назад, ни говоря про то, чтобы Фроста утащить. Станция не принимает, вызвать никого не сможем.

- А Мусорщик?

- Пришел в себя, хотя контузию-то точно заработал. Не знаю из чего в него палили, брат, но там калибр был явно двенадцатый, вмятина на шлеме от касательной – как будто кувалдой влупили со всей дури. Бля... ну и рейд у нас получился, Енот. Ферзя убили, Хирурга, и мы его еще не закончили...

- Жалко их. Знаешь, ведь и не знал практически, а жалко.

- Потом жалеть будем, брат, потом. Сначала дело до конца доведем, а потом, если живы останемся, и вспомним ребят.

- Ган, Енот, хорош трепаться. – Голос Капитана, резкий, хриплый. – Бегом сюда, время дорого.

Им на самом деле практически пришлось оставить ребят. Пока Варяг, обычно никогда не спорящий с приказами командира, не решился начать спор. Что заставило Капитана пойти навстречу его предложению, было непонятно. Ясно было только одно, того построения, что было в самом начале, уже не получится. Плюс к этому,

оставшейся группе наверняка придется расходиться по трем ответвлениям ходов, ведущим все дальше вглубь.

Оставив Мерлина сторожить входы в тоннели, Капитан с остальными смог быстро дотащить раненых до платформы. К счастью Варяг оказался прав, и на двух дрезинах аккумуляторы были рабочими. Файри отчаянно спорила, но Кэп наорал на нее, доступно объяснив, что жизни ее подопечных намного ценнее, чем вся та помощь, что девушка пирокинетик сможет оказать. Тем более, что Тундра, потерявший много крови, и ставший совершенно белым, начал прямо на их глазах заваливаться на бок, а его повязка. Которую Айболит сменил прямо на дрезине, очень быстро начала сначала розоветь, а потом и вовсе в центре стала густо-красной. Фрост впал в забытие еще тогда, когда Енот с Ганом тащили парня по коридору с дверями.

Отсюда Капитан смог связаться с Кувалдой. Оказалось, что с шахты все-таки поперли, и несколько трупов подземников у них уже имеются. Варяг издал какой-то непонятный всхлип, когда дрезина покатила по рельсам, постукивая металлом колесных катков. И Енот, глядя на него, какое-то мгновение назад прижимающего к себе эту красивую женщину, понял, что теперь было бы хорошо отправить вместе с ней и Хани. Спрятавшийся глубоко внутрь страх за самого себя так и не проснулся. Но вместо него пришло что-то новое, будоражащее еще сильнее и заставляющее смотреть на тонкую фигурку Медовой со все более нарастающей тревогой. Но девушка, которая теперь единственная могла помогать Айболиту, конечно же осталась. Когда они быстро возвращались назад, Енот успел поймать в руку ее ладонь, чуть подержав ее. Хани не сказала ни слова, только провела свободной рукой по щитку его забрала.

- Мерлин... - Капитан стоял перед тремя темнеющими провалами, по очереди оглядев каждый из них.

- Да, командир?

- Пойдем все вместе по правому.

- Согласен. В конце концов, если они даже смогут помочь тварям, или кто там, выбраться, то парни их встретят там, сзади.

- Вот и я также думаю. Справимся, Мерлин, что-то мне это подсказывает.

- Тоже так думаю, Капитан. – Мерлин чуть задумался. – Только какой...

- А это уже не так уж и важно. – Капитан прощупал собственные под сумки. – Лишь бы патронов хватило, вот что главное. Идем до конца, уважаемый мой господин командир группы, вот и все тут. А цена... она не страшнее того, что может произойти, если мы не сделаем свое дело. Боюсь, что тут применяется такая дрянь, про которую я не слышал уже давно. И это очень плохо, и еще хуже, что мы можем не уничтожить все, что уничтожить следует полностью. А Голландец может и не успеть завершить то, что останется после нас.

- Я понял, командир. – Мерлин кашлянул. – Постараюсь сделать все что можно.

- А я на это и надеюсь, ты, что себе подумал-то? Ладно, проверяем боеприпасы, набиваем магазины и идем. И так копаемся непозволительно долго, заметил?

- Это точно. Слишком сложно все, командир, мне это совсем не нравится.

- Хочешь верь, хочешь нет, но мне тоже. Ган!

- Да, Капитан?

- Остальные тоннели, ты в них подарки оставь, хорошо? И не жадничай, а то вдруг потом Кувалде из-за тебя работы будет намного больше. Давай, пять минут тебе.

- Понял, командир, сейчас в лучшем виде все оприходуем.

Оприходовали в лучшем виде даже быстрее, чем за пять минут. Несколько растяжек, которые Енот при всем желании так и не увидел, Ган, Мерлин и Варяг сделали очень быстро. Сразу после этого изрядно поредевшая группа двинулась вперед по центральному коридору. Выстроившись по двое, выключив ночники и подсвечивая фонарями темное пространство, с еле-еле моргающими редкими лампами. Идти пришлось совсем немного, коридор закончился сразу, оборвавшись в большую полость, изрытую темными провалами ходов и лабиринтом между стен, ведущим вперед. Здесь отряд уже ждали...

Их было много, очень много. Уже ставшие знакомыми серые худые фигуры, некоторые в остатках рабочих роб, некоторые уже полностью без них. Более крепкие чудовища, как те, что встретились Тундре с бойцами на платформе. Несколько высоких мощных силуэтов, похожих на те, что встретили группу чистильщиков на

самом входе в подземелье. Твари, прятаясь в кем-то и когда-то пробитых в каменной толще, и просто созданных временем, сделали первую попытку смять чистильщиков сразу же.

Ведомые в самоубийственную по сути своей атаку, они хлынули вперед, мгновенно заполнив собой все, очень немалое пространство, открывшееся перед группой людей, решивших покончить с теми, кто был создан для убийства. Продукты непонятного механизма Прорыва, скрещенного с гениальными и безумными результатами давних экспериментов, не могущие ничего, кроме как рвать на части, попытались смять чистильщиков одной своей массой. Енот, успевший присесть за большой отвал породы в углу, нажимал на спуск, понимая, что надо стрелять, мгновенно перезаряжать и открывать огонь снова. Полукруг огня, вспыхнувший вокруг них, только он мог помочь сдержать первую волну, накатывавшую на них неудержимо и страшно.

Автомат дергался в руках, отдавая в плечо быстрыми толчками, выплевывая пули, окруженный венчиком огня. Рядом, точно также, припав на колени, стрелял Ган. Медовая, зажатая между ними, закрывающими ее от накатывающего частокола клыков, когтей, шипов и острых наростов, тоже не теряла времени даром. В наушниках не было слышно ни звука, скорее всего глубина все-таки глушила любые волны, лишь треск очередей, вопли, рык и рев.

Они встретили тварей плотно, не дав основной массе добраться, чтобы попытаться задавить их просто весом, сжать между искореженных тел, разорвать в клочья. Краем глаза Енот видел, как рядом, прикрывая друг друга, работают Мусорщик и Толстый. В какой-то момент, поняв, что весельчаку-чистильщику нужно успеть перезарядиться, он рискнул чуть оторваться от собственного сектора, перенес огонь на быстро приближающиеся к Мусорщику высокие и знакомые фигуры «серых».

- Твою-то мать! – Мусорщик выругался. – Да сколько же их тут, лезут и лезут, как тараканы!!!

- Оп-па! – Ствол пулемета Толстого перешел вбок, срезая какую-то хитрую и подвижную паскуду, решившую подкрасться к Еноту. – Весело брат, ай как весело, да?!!

- Обхохочешься просто... - Мусорщик прицелился и срезал сразу двоих. – Никак решили отойти?..

- Да куда там... - Ган, переместившись ближе к ним, выстрелил очередью. – Хотя, отходят, что ли?

Твари отступали, не справившись с отрядом своим первым натиском. Они быстро отошли, спрятавшись в проходы, выемки и углубления, оставив очень много тел своих собратьев. Енот огляделся, мгновенно покрывшись испариной, в горячке боя он и не предполагал, сколько их было. Те груды окровавленного мяса, что сейчас окружали чистильщиков, поражали одним количеством и видом. Повсюду, куда не посмотри, изломанные странные фигуры, плавающие в темных лужах собственной крови. Зато и подсумки у него стали почти на две трети пустыми. А что с другими? По спине пробежали мгновенно выступившие мурашки, и внутри стало жутко холодно...

Не было видно одного из близнецов, но чуть позже его громада появилась откуда-то из выступа, за которым скрывался один из проходов. Мерлин бинтовал предплечье Варягу, прислонившемуся спиной к каменному наросту, свисающему с низкого у входа в пещеру потолка. Капитан, оглядевшись вокруг, передал приказ забивать патронами магазины и пересчитать боеприпасы.

- Мерлин, как закончишь, иди сюда.

Чистильщик подошел чуть позже, подняв щиток забрала и внимательно глядя на командира:

- Лабиринт видишь?

- Вижу, Кэп.

- Нам точно в него, разветвления два. У тебя есть детектор излучений? Уже проверил, да ты мой молодец... тогда тебе тоже все ясно. – Капитану очень хотелось снять шлем, давивший свой тяжестью, ставшей неожиданно непривычной, стащить маску... но нельзя. А детектор, тот самый, что он забрал у Фроста, весело и жизнерадостно вещал о том, что впереди, возможно, лежит источник всех их неприятностей, где-то там, в глубине лабиринта, то ли рукотворного, то ли нет. - Связь работает все хуже, сам видишь. Патронов у нас осталось меньше половины из того, что взяли. А сколько впереди наших клиентов осталось, даже предположить не возьмусь. Положили мы их очень много, но все же...

- Согласен командир. А что делать, отступать?

- Может быть, и придется. Я не вижу смысла терять весь отряд здесь, совсем не вижу. Значит так, Мерлин... слушай внимательно. Я

беру с собой близнецов и Волка с Чунгой, не спорь, за ногу тебя. Ты с остальными входишь во второй проход и двигаешься вперед. Если вдруг у тебя погибнут хотя бы два человека – выходи отсюда и выводил оставшихся.

- Но, Капитан...

- Отставить, чистильщик! – Капитан, до этого смотревший в сторону темного провала лабиринта, повернулся к Мерлину. И тот поразился, увидев то, сколько боли было в глазах командира, такой явственной и такой ощутимой. – Отряд не должен погибнуть, воин. Ты понимаешь это? Весь он погибнуть не должен... а дело ты сможешь закончить с Голландцем, он все равно скоро будет здесь. Так что не обсуждай то, что я сейчас говорю. Возможно, что я вообще ошибаюсь, и именно тебе придется выполнять основную работу, такое очень даже вероятно. Если связь пропадет, и я постараюсь пустить красную ракету, чтобы ты ее заметил – тоже отступай, сразу уходи и вытаскивай тех, кого сможешь. Все сынок, принимаемся за дело, поднимай людей.

Отряд, разделившись на две неравные по количеству группы, не стал задерживаться перед тем, как войти в лабиринт, вырубленный в высоких, в два человеческих роста каменных стенах. Стенах, возникших по какой-то неясной причине прямо посреди пещеры, и ведущий... куда?

Капитан шел между Первым и Вторым, старательно старающихся прикрыть его. Волк и Чунга, замыкавшие движение группы, отставали совсем ненадолго. Пятерка чистильщиков пока двигалась спокойно, не было даже попыток нападения со стороны тварей.

Лабиринтом, конечно, называть странную прихоть природы, а может и человека, было неправильно. Два основных хода, в которые разошлись чистильщики, продолжались дальше практически без каких либо ответвлений и отростков, уходящих вглубь. Виднеющиеся проемы небольшие, зачастую затянутые светлой паутиной, либо с обрушенными фрагментами стен. Чувствовалось, что здесь сухо, никакой плесени, ручейков воды с затхлым запахом и большого количества насекомых, так любящих подобные места.

Группа Капитана,двигающаяся по левому из двух входов, какое-то время могла поддерживать связь с теми, кто остался с Мерлином. Потом наступила полная тишина, даже без обычного треска статических помех в динамиках переговорных устройств.

Закат

В комнате, небольшой и узкой, за грубо сколоченным столом сидели трое. Каждый из них был тем, кто сейчас мог принять решение, после чего, рано или поздно крови на многострадальной земле прибавится. Вопрос только в том: чьей?

Первый, еще молодой, но уже с густо прореженными сединой волосами, собранными в хвост на затылке и аккуратной бородкой и усами, придвинулся поближе к лампе, мягко заливающей комнатенку желтоватым светом. На спинке его стула висела светлая, затертая и застиранная штормовка. Брюки из того же комплекта аккуратно заправлены в высокие ботинки со шнуровкой и двумя ремнями, плотно обхватывающими голени. Черный свитер с высоким горлом выпущен поверх брюк. Из-за этого не видно, что под ним, но знающий и опытный сразу догадается, что вон тот выступ с левой стороны – рукоять ножа.

А если наблюдатель действительно опытный, то для него не будет секретом и то, что это даже скорее не нож, а кинжал. Длинный, широкий, с глубоким долом по клинку, массивной пластиной гарды и прорезиненной ручкой, украшенной тяжелым металлическим навершием. Ножны, скорее всего, крепятся к кожаной, из очень толстой бычьей кожи, португее. А справа, где свитер ничего не оттопыривает, вниз от нее уходит другой ремень, синтетический. Достает до середины бедра, соединяясь со вторым, плотно обхватывающим крепкие мышцы. А на нем, с наружной стороны, держалась очень удобная кобура, в которой сейчас мирно дремал большой автоматический пистолет из дымчатой стали и гравировкой змеи по ствольной коробке.

Напротив него прихлебывал из старой, наверняка солдатской кружки, ароматный чай другой, полная противоположность первому из сидящих. Он такой же высокий, но если у соседа худоба похожа на ту, что есть в поджарых степных волках, то второй скорее худ из-за какой-то болезни.

Тонкое и умное лицо, с тонкими очками в золотистой оправе, светлые и коротко стриженные волосы. У него бледная, редко видящаяся

солнце кожа на лице и руках, с вытянутыми ладонями и длинными пальцами. У того, с пистолетом кожа темная, выдубленная солнцем и ветром, теми, что бывают на открытых пространствах. И даже пальцы и ладони, которые выглядят очень сильными, у них разные. У первого с набитыми мозолями костяшек, покрыты шрамчиками, ожогами и заусенцами. У второго же – руки очень ухоженные и чистые, несмотря на то, что заметна сила, дремлющая в них.

Второй и одевался совершенно по-другому. Его свитер тоже с высоким горлом и из натуральной шерсти. Но если у «хвостатого» свитер свободно болтался, то у второго он узкий, сидящий в обличку. И не темный, нет. Этот связали из пряжи трех цветов, с непонятным рисунком на левой стороне груди. Брюки, аккуратные и отглаженные, в темно-серую клетку, свободно опускаются на невысокие и мягкие туфли. У первого ботинки блестят, отражая свет лампы, у второго же обувь пыльная и по торцам совершенно затертая.

Третий собеседник, рокошующий низким и гулким басом, явно не хотел оказаться на свету. Сидел, откинувшись на спинку очень массивного кресла, так явно отличающегося от одинаковых стульев соседей. И это немудрено, потому что он громаден, с большими тумбами ног и широкими плечами, в которых утопает квадратная голова с ежиком густых волос. У третьего собеседника всего один глаз, отблескивающий в свете лампы зеленцой, дыхательная маска, проходя через которую голос становится еще глуше. И всего три пальца на каждой руке, толстых, длинных, заканчивающихся острыми недлинными когтями. Кожа с чешуйками, покрытая темными жесткими волосками, темная, желтоватая.

Его кресло металлическое, крепко прижималось к полу толстым стальным стержнем, со специальными кожаными ремнями, туго затянутыми на руках, ногах, торсе третьего. Сейчас один из них чуть расслаблен, давая ему возможность хоть немного двигаться. Но он старался не делать этого. Потому что знал, что хвостатому ничего не стоит мгновенно выхватить свою металлическую игрушку... И еще к его запястьям, лодыжкам и вискам, густо смазанным отвратительно воняющей мазью, прилеплены датчики, передающие информацию о физическом и психическом состоянии на монитор, стоящий перед очкариком.

Хвостатый отбил по крышке стола причудливый ритм, саркастически ухмыльнулся, поворачиваясь к соседу:

- Проф, тебе не кажется, что наш друг решил поиграть в молчанку?

- Не иначе, Мастер, не иначе. – Проф нагнула вперед, направив лампу прямо в лицо третьему и подкрутил верньер, сделав свет ослепительным до невозможности. – Так, Шестьдесят дробь пятнадцать, будем говорить?

Неподготовленному, хоть и опытному наблюдателю, наверняка сейчас стало бы очень неприятно. Поименованного числительным явно сложно назвать красавцем. Кожа на лице в таких же, как и на руках, крупных чешуйках, темных и выпуклых. Единственный глаз, круглый, с вытянутым как у кошки зрачком, полностью залит зеленоватым белком. На месте второго диковинное механическое приспособление, сдвигающимся с еле слышным звуком окуляром, матовым, поглощающим свет лампы. Нос, запавший в толстые складки, с вывернутыми ноздрями шумно втягивал воздух. Губы, тонкие, плотные и темные, за которыми чуть поблескивали зубы, хоть и очень острые, но удивительно маленькие для такого существа. Ежик волос очень жесткий, напоминающий щетину. Существо шумно дышало, но говорить все-таки начало. У него оказался сухой и шелестящий голос, и слушать его очень неприятно.

- Меня зовут не Шестьдесят дробь пятнадцать, мертвец. Меня зовут Ящер, и ты это прекрасно знаешь.

- Хм... - Проф удовлетворенно улыбнулся. – Ну те-с, уважаемый, во-первых строках моего письма – никакой я не мертвец. Скорее даже наоборот. А во-вторых – какой из вас Ящер? Ящер был главарем банды генетически измененных ублюдков, которые могли терроризировать крестьян и слабеньких таких торговцев. Где те ублюдки, и где ты, Шестьдесят дробь пятнадцать? Ты даже не смог заставить себя срезать тот кусок кожи, на котором этот номер выколот очень давно.

- Меня зовут Ящер! – Существо явно хотело дернуться, но застыло, когда пистолет Мастера мгновенно уставился на него.

- Рот прикрой, чудовище. – Мастер ухмыльнулся, расплываясь в очень гадкой и хищной улыбке. – Ящер... то же мне, крокодил блядь, варан или там кайман. Сюда слушай, шваль чешуйчатая, мне уже надоело пытаться ждать результата там, где можно этого не делать.

Слушай и отвечай: где находится то место, где собираются такие же, как и ты?

- Да хрен что я тебе скажу, говнарь. – Существо засмеялось, облизываясь длинным языком. – С какого хрена я тебе, засранец, чего-то должен говорить?

- Вы посмотрите-ка, экий у нас тут храбрец! – Проф восхищенно покачал головой. – Чего ж тогда, Ящер, вы так вздрогнули, когда Мастер достал свою пушку, а?

- Я бы на тебя посмотрел, чмо очкастое... - Ящер вновь откинулся на спинку, насколько позволил плотный ремень. – Чего, дальше будете тут передо мной выеживаться. Или просто шлепнете? Ни хрена вам ваши приборы не помогают, да, умник? Не помогают психотропы, аяяй, обидно наверное?

- Достал! – Проф неожиданно резко хлопнул ладонью по столу. – Будешь говорить?..

- Иди в жопу, червяк! – Ящер оскалился, разъяренно смотря на него.

- Ну и дурак... - Человек в очках успокоился также быстро, как до этого вспылil. Но от этого спокойствия громада, сидящая в металлическом кресле, неожиданно поняла, что очень сильно хочется вжаться в холодную спинку так, чтобы стать совсем незаметным.

- Не то слово дурак... - Мастер покачал головой, повернувшись к Профу. – Зову?

Тот кивнул головой, продолжая смотреть на существо с чешуйчатой кожей, поблескивающее глазом в его сторону. Мастер встал и подошел к двери. За ней оказался широкий бетонный коридор, двое часовых у самой двери, толстой, сваренной из металлических пластин, глухой и не проводящей звуков. Отступил в сторону, пропуская чуть грохочущий стол с поддонами, едущий на колесиках. Стол катил крепкий высокий парень, с очень холодным и неподвижным лицом, одетый в свободный серый комбинезон, поверх которого крепко зашнурован длинный кожаный фартук. Следом вошел мужчина средних лет, выглядящий точно также.

Ящер устался на то, как Проф встает, подходит к стене, что-то нажимает и та отъезжает в сторону. Свет юркнул в большое помещение, до этого времени скрытое, выложенное плиткой, с яркими лампами под потолком и несколькими желобами на полу. Кресло, в

котором пристегнут мутант, оказывается, закреплено на простой шарнирной системе с закрепленными роликами. Молодой в фартуке подошел к нему, отщелкнул стабилизатор и покатил, без какого-либо видимого напряжения, покатил тяжеленное кресло в сторону ламп и кафеля. Ящера начала бить резкая и крупная дрожь.

- А кто тебе виноват, ублюдок? – Лениво процедил Мастер. – Нам от тебя нужно было всего ничего, и только для того, чтобы как можно больше людей остались живыми и здоровыми...

- Ценой крови моих братьев и сестер? – Мутант яростно вскинулся, но крепкие ремни лишь сильнее врезались в мощное тело. – Их кровь на мне?!!

- Да она так и так на тебе будет, не волнуйся. – Проф недовольно покачал головой. Он не любил подобных процедур, не одобрял то, как с их помощью достают информацию, но что делать сейчас-то, если нет другого выхода? – А ведь мы предлагали тебе простой вариант. Может, подумаешь?

Ящер покосился на него, дико и разъяренно. И одновременно с этим, с гневом и бессильной злобой, в его единственном глазу заплескался ужас. Мутанту страшно, очень страшно, дико и безудержно страшно. Второй из «фартучников» медленно, чтобы сидящему в кресле было видно все, и как можно подробнее, снял ткань с лотков.

Блестящие хромом и никелем инструменты, аккуратно разложенные по эмалированным больничным судкам. Хищные острые грани, зубцы, вытянутые щучьи морды клещей, острые пластины режущих кромок, бриллианты на концах прямых и изогнутых игл.

Молодой, установив кресло посередине помещения и прямо над желобом стока, пока еще чистым, стерильным и сверкающим в ярком свете, подошел к утопленному в стене шкафу. Открыл и выкатил к креслу штатив с креплениями под колбы. Сами стеклянные пузатые банки там же в шкафу, вместе с длинными пучками прозрачных шлангов и комплектами толстых острых игл.

Проф посмотрел на Мастера, ожидая: пойдет ли он туда, где хром, никель и плитка. Тот отрицательно покрутил головой. Мастер не мальчик, его нервы давно выдерживают все, что ему дает рухнувший мир, разваливающийся на куски. Ему доводилось делать многое из того, что не выдержит психика нормального и обычного человека. Но

то спокойное и методичное доставание информации, которое сейчас произойдет... этого он не может.

Когда Мастер вышел в коридор, оставляя позади того, кто молчит, и тех, кто будет заставлять его говорить, оттуда раздался первый, дикий, безудержно безумный крик, переходящий в еще более протяжный вопль. Часовые у дверей стояли спокойно, но их зрачки мгновенно расширились, чтобы потом сжаться до размера булавочной головки. Мастер закрыл дверь, и в коридоре наступила тишина.

Деревня была большой, в сто дворов, что по нынешним временам куда как большая редкость. Хорошо видно, что часть домов, бережно восстановленная из разнокалиберного кирпича, возвели еще до Полуночи. Но большая часть сложена уже позже, из толстых бревен, с крышами, где из редкого здесь листового железа, кусков старого-старого шифера с разрушенной лесопилки, а где – из дранки, которую смогли сделать местные умельцы.

Название у нее простенькое, и оставшееся с тех времен, когда мир был еще нормальным. Георгиевка, то ли в честь кого-то из святых, бывших в чести у церкви Спасителя, то ли в честь основателя, кто ж знает. Одно можно сказать точно – и название, и сама деревня... БЫЛИ. Потому что то, что сейчас лежало перед отрядом Мастера, нельзя назвать даже отчасти сохранившейся деревней. Перед группой людей, выстроившихся в цепочку, лежало пепелище, смешанное с кладбищем и скотобойней.

Остовы домов из ставшего черным кирпича, глядели на них пустыми, похожими на глазницы черепа, проемами окон. Хозяйственные постройки, включая даже омшаники, тоже полностью выгорели. Целыми осталась лишь часть высоких частоколов, которыми давно привыкли огораживать дома новые поселенцы, когда-то пришедшие сюда. Деревню почему-то не огородили стеной-тыном, что наверняка сыграло решающую роль для тех, кто напал на нее.

- Я хренею, Мастер... - чистильщик, стоящий рядом с командиром, не веря глазам, потряс головой. – Как же это так могло получиться? Ведь пограничники же есть...

- Да не причем тут погранцы. – Мастер внимательно смотрел на то, что сначала не бросалось в глаза. – Это не те, что с Гиблых земель, и это не Прорыв. Смотри вон туда...

Он взглянул в ту сторону, куда указала затянутая в кожу перчатки рука Мастера. Сначала ему пришлось прищуриваться, но потом ветер снес в сторону жирный черный дым, и стало видно, что прямо посреди главной улицы лежала массивная туша, чуть обгоревшая, но все же четко различимая.

Тело при жизни весило никак не меньше ста килограмм, и состояло из застывших после смерти бугров мышц, канатов сухожилий, выступов хрящей и блестящих хитиновых пластин. Корпус прикрывал очень грубо переделанный из трех бронежилетов панцирь. Сверху на него натянули толстую кожу, скорее всего сваренную в масле и с набитыми металлическими бляшками. Гиганта свалила крупнокалиберная пуля, снеся ему большую часть головы, но и так понятно, что это последствие старых генетических опытов, мутировавшее за долгое время в еще большее уродство.

- Странно... они ведь стараются забирать тела... - Протянул чистильщик. – Если это именно Братство.

- Значит, что-то помешало. – Мастер сплюнул. – Какая хрен разница теперь, свое дело они сделали, причем так, что теперь нам пенять будут на все это. А ни хрена не пограничникам, или внутренней страже.

- Это точно...

- Барсук... Барсук... - Мастер нажал на танкетку радиостанции.

- Да, командир?

- Входим в деревню. Аккуратно, машины по периметру, идем, не растягиваясь, по центральной улице.

- Понял.

Отряд медленно втягивался в то, что осталось от не так давно живой, полной людей и надежды на будущее, деревню. Мастер по праву гордился своими людьми, которых смог собрать среди тех, кого находил в пустошах, руинах и пепелищах умиравшей, но сумевшей выжить земли. Мысль, полученную в старой столице от живой легенды, он уже начал претворять в жизнь.

Тридцать бойцов, не самое большое по численности подразделение тех, кто решил взять хотя бы что-то в свои руки. Но зато каждый третий в нем не просто человек, хотя и уступал тем, на кого они охотились. Но такого пока не было в других группах, даже если брать в пример самый большой отряд, сформированный в

Заитилье Беркутом. У того уже около ста двадцати человек только бойцов. Хотя основной костяк ветеранов составляло пятьдесят бывших солдат, сейчас уже преклонного возраста.

Мастер шел по достаточно широкой основной улице, на которой спокойно могли бы разъехаться два еще довоенных больших трактора. Смотрел по сторонам, узнавая все те же, повторяющиеся вновь и вновь детали нового мира.

Вон в стороне, свернувшись в клубок, зажимая между широко разведенных в стороны рук, лежит то, что совсем недавно было женщиной, матерью, чьей-то любимой. Она так и погибла, пронзенная насквозь несколькими ударами чего-то очень острого, с зазубринами по краям. Рваные раны, через которые орудие убийства извлекали назад, говорили про это весьма явно. И под ней, пробитые наверняка теми же ударами и погибшие вместе с нею, лежали две маленьких фигурки. Пламя не тронуло их, и ветер, так неожиданно поднявшийся, развеивал длинные золотистые волосы у всех троих.

Прямо посередине дороги, покрытые густой коркой из пыли и крови, сплелись вместе два тела. Мужчина, коренастый и невысокий, с распоротым бедром, из-за кровопотери и погибший. Но он, возможно отец тех самых двух малышек, смог, преодолевая и смерть и ужасную боль, достать врага. Вытянутая худая фигура, имеющая вполне человеческие черты, если бы не вытянутое рыло, больше напоминающее странно деформированный противогаз. Знакомая тварь, один из самых многочисленных проектов, которые разрабатывались в лабораториях накануне Полночи. Основа взята у тварей прорыва и потом совмещена с человеческими ДНК. Боец-разведчик, могущий спокойно передвигаться как по земле, так и по воде. Мастер помнил, как им пришлось разбираться с такими вот уродами в дельте Итиля, после чего отряды, его и Мамонта, наткнулись на «законсервированную» лабораторию. Да... сколько же им тогда удалось узнать...

Он показал на все четыре тела двум ближайшим бойцам, хорошо узнаваемым жестом приказав не бросать их здесь после того, как отряд полностью осмотрит всю деревню. Бросать трупы собственных земляков и сородичей не входило в привычки тех, кого уже начали называть чистильщиками. И чьего прихода очень часто ждали как просто спасения. Каждый из бойцов понимал это, и старался, когда

было нужно, платить той же монетой. Даже в том, что касалось простого погребения останков тех, кого они не успели защитить. Но потом, после того, как дело будет сделано, и можно будет хотя бы немного освободиться от дикого напряжения нервов в ожидании боя с теми, кто быстрее, сильнее, выносливее.

Чистильщики заходили в деревню все глубже, видя то, как твари, когда создаваемые такими же людьми для одной единственной работы, для войны и уничтожения, делали то, что умели. Сколько жителей погибло здесь, сметенных теми, для кого люди стали просто самыми лютыми врагами, которых надо уничтожать везде, где можно достать – сказать было практически невозможно. Многие тела обгорели практически до неузнаваемости, некоторые превращены в разодранный в клочья фарш. Но Мастер подозревал, что часть из них, самых молодых, и особенно женщин, мутанты увели с собой. И это оказалось самым тяжелым и болезненным.

Все и всегда повторяется, это непреложный закон. Командир отряда, взявшийся за свое дело пять лет назад, давно понял, что и им тоже придется идти по опасному пути генетических изменений и мутаций. Слишком много потерь случилось за эти годы, слишком много ушло простых, хоть и очень хороших в своей страшной работе людей.

Проф, старый друг, тот человек, что сейчас начал наконец-то организовывать то место, где отряды могли получать квалифицированную помощь, необходимое оборудование, медикаменты и оружие, не так давно общался с ним. Мастер тогда не понял, почему именно к нему обратился с вопросом, который волновал его самого очень давно, этот худой умник, резко и прочно вошедший в только что образованный состав Совета чистильщиков. Но все то, что они тогда проговорили, было правильным, нужным и сказанным вовремя. А потом, подтверждая сказанное, была Москва...

Какое-то время назад, когда уже стало ясно, что человеческая цивилизация вовсе и не собралась отбрасывать лапы и сдаваться на волю такой озлобившейся на нее судьбы, многое вокруг резко стало другим. Единое и могучее государство, погибшее под огненным дождем, не выдержало его напора. Но зато выдержали те, кто и являлись им, люди, населявшие эту землю. И пусть сейчас они грызлись между собой за крохи того, что осталось, за то, без чего жить

было невозможно, но и Мастер, и Проф, и все, кто входил в братство людей, борящихся за остатки прошлого, понимали – это не навсегда. И поэтому они и не собирались сдаваться там, где опустились бы руки у других, может и таких же сильных, но более слабо верящих в то, что в жизни должна быть цель.

А эта цель, до которой они, чистильщики, точно не доживут... стоило того, чтобы бороться за нее. И для простого ее достижения подходили все возможности, которые были разбросаны по еще незажившей до конца земле. И вот уже пять последних месяцев Мастер и все, такие же, как и он, рыскали по ней в поисках того, что поможет им стать сильнее, пусть и в будущем. И самое главное – это дети, мальчишки и девчонки, со способностями, слишком сильно отличающимися их от обычных детей. Сколько раз чистильщики не успевали, и наталкивались на обуглившиеся, корчащиеся от ран, забитые камнями маленькие фигурки...

Но так было далеко не всегда, и уже сейчас, в том месте, которое для своих называлось Базой, становилось немного тесновато от притока тех, кто должен был стать ядром отрядов в дальнейшем.

- Командир... - Хриловатый голос Барсука донесся из основного блока станции, висевшего на боку Мастера. – Тут кое-что интересное.

- Тут это где?

- Три дома на самой окраине, почти целые. Подойди, будет интересно.

Когда Мастер наконец-то добрался до указанного одним из младших командиров ориентира, то «интересное» уже было извлечено из подвала. Им оказался небольшой, худощавый мутант, явно бывший последствием собственных экспериментов генноизмененных по выведению потомства. Как он оказался в подполе, что там забыл и почему забыли его самого – Мастера интересовало мало. Намного интереснее было то, что этот трясущийся и пускающий зеленоватую слизь из развороченного ударом кулака одного из чистильщиков носа, задыхлик мог выдать то, что они так долго искали. Место, где обреталась одна из самых больших шаек генноизмененных, ведомых ублюдком, который называл сам себя Ящером. А то, что уничтожение Георгиевки его лап дело – сомнений не вызывало. Так любимый уродом знак, выполненный из содранной с живого тела кожи – стоял прямо на деревенской площади.

- Говорить умеешь, чудовище? – Мастер внимательно посмотрел на мутанта.

- Д-а-а-а-а... - Проблеял тот, глядя на своих так недавно появившихся и ставших самыми главными и злыми, врагов.

- Где Ящера искать, не подскажешь?

- Н-е-е-е-т... я не могу, ну правда, не могу...

- Барсук, притащи веревки, колья и железо. И костер сделайте, парни. – Мастер нарочно отвернулся от мутанта, громко зевнув и, казалось, полностью потеряв к нему интерес. И тому это очень сильно не понравилось.

- Я-а-а-а скажу! – Дохляк дернулся, удерживаемый двумя здоровяками, увешанными с ног до головы боеприпасами и экипировкой.

- Да умница ты мой... - Мастер ухмыльнулся, довольно и хищно. – А костер сделайте ребята, да побольше. Местных упокоить нужно.

Проф сидел перед большим монитором, просматривая статистику по подразделению «Красные-12». Цифры, которые выводились на экран, впечатляли. То, чего достигли воспитанники также постаревшего уже Мастера, давали надежду на то, что работа ведется правильно, и, возможно, что получится-таки возродить то, что чуть не погибло десять лет назад.

Он кашлянул в платок, который постоянно держал в кулаке. Покопался на красные пятна, усеявшие белую ткань, глубоко вдохнул, стараясь унять следующий приступ. Вот так-то, имей под руками одну из лучших лабораторий, оставшихся в этом мире, и не сумей помочь самому себе... жестокая ирония. Но, хотя бы, он успел сделать что-то, после чего не жаль и умереть.

Тщательнейшая селекция воспитанников, отбор, обучение. Специально созданные программы для обычных людей, которых к ним попадало, может и немного, но зато тех, которые понимали, на что и зачем они идут. Созданная практически с нуля научная база, позволившая им стать значимой и серьезной силой. Силой, с которой уже очень давно считались все местные власти. Сама База, находившаяся на сопредельных территориях Альянса «Звезда», Северных земель и Итиля, была одним из главных доказательств этому. Не говоря про Положение о статусе каждого отряда и каждого

из его членов, позволяющее чистильщикам многое из того, о чем не могло бы подумать большинство населяющих относительно цивилизованные земли населения.

Техническая и материальная часть, долго и кропотливо собираемая каждым членом тех, самых первых отрядов. Все то, что зачастую рискуя жизнью, вытаскивали эти храбрые мужчины и женщины из заброшенных подземелий, залитых водой бывших секретных объектов, населенных новыми, очень опасными жителями заводов. Оружие, которое смогло дать так необходимое преимущество с созданиями, пытающимися захватить как можно больше пространства для себя и вытеснить людей.

Проф вполне справедливо считал, что жизнь, пусть и идущая к концу, прожита им не зря. Они смогли сделать то, что хотели. Он сам, Мастер, Прапор, Гвидон и другие, не сдавшиеся после страшной бойни у Старой Столицы. И Генерал, тот, кто не сдался, не опустил руки после ужасной неудачи.

Когда погиб тот, кто стал примером, не доведя дело до конца, не сумев отвести угрозу. Когда отряды, только-только созданные и начавшие спланироваться в единый и мощный кулак, были брошены на убой теми, кто испугался их силы и все более возрастающего влияния. Тогда они ушли оттуда, где все начиналось, начав все с чистого листа и не опустив рук. Или не ударившись в откровенный разбой, как бывший когда-то героем Беркут, которого им же самим и пришлось, в конце концов, останавливать.

« Ну, надо же... - неожиданно подумалось старому и умирающему чистильщику-научнику, - а ведь если бы тогда мы не смогли разговорить того генноизмененного, Ящера, то ведь могло и не получиться ничего... если бы не тот самый случай»

Тогда чистильщики уничтожили большое поселение мутантов, терроризировавших Центр и поселения на Вятке. Тогда они получили первые знаки своего признания и смогли начать создавать будущее. И даже бойня под землей не смогла их остановить, хотя некоторые и подумали, что это закат... глупцы. После каждого заката – всегда придет рассвет, и про это не стоит забывать.

Проф вернулся к монитору, внимательно смотря на показатели, доставленные ассистентом. Глаза автоматически отмечали имена, мелькающие перед ним: Мерлин, Варяг, Волк, Чунга, Кот, Ферзь,

Мусорщик, Толстый, Пиноккио, Крот, Рыжий, Оборотень... это их будущее. И это уже не *закат*...

Outro

- Осторожно, Капитан... - Пророкотал Первый, подняв автомат и выпустив очередь в коридор. Патроны в его пулемете еще не закончились, но тот висел на спине. Близнец тащил на себе брата. – Они очень уж активные какие-то.

- Спасибо. – Кэп поморщился, зацепив раненой рукой за один из каменных выступов. А их здесь, в природных катакомбах, было больше чем достаточно. Он оглянулся, надеясь увидеть темнокожего гиганта и его партнера... но нет. Ребята остались там, позади, прикрывая их проход вперед, когда в узком коридоре на них неожиданно, возникнув из скрытых до времени каверн, бросились подземники.

Какое-то время стрельба была очень активной, но постепенно становилась все более еле слышимой. Капитан надеялся на то, что это сказываются особенности подземелий и то, из каких пород они состояли. Что просто на просто звуки поглощаются и не распространяются дальше. Слишком много он потерял за этот рейд, и слишком много тех, кого он помнил еще совсем юнцами, и ставших ему очень близкими.

Но мысли мыслями, а двигаться вперед нужно было как можно быстрее. Его чутье, никогда не подводившее и всегда подсказывающее правильные ходы и выходы, вело вперед. Хотя сейчас, после того, как они ушли под землю так глубоко, Кэпа неустанно дергало какое-то очень нехорошее предчувствие. Насколько бы не стал силен за последнее время Эмират, но он никак бы не мог представить все то, что они оставили позади. Слишком серьезно было все, что осталось позади, начиная от громадных монстров на входе, и заканчивая лабиринтом, из которого не было видно выхода. Хотя больше всего Капитану хотелось бы найти не выход. А его центр. Именно там, как он понимал сейчас, находилось то, что привело в действие это непонятный и страшный механизм, наполнивший каменные галереи страхом и смертью.

Близнеца Второго сумели здорово повредить несколько небольших существ, больше всего похожих на рудничных крыс, только

выросших в два или три раза, отрастивших жесткую чешуйчатую защиту по всему телу и зубы с палец длиной. Пять мерзких дряней, затаившихся до времени в тени, накинулись на него все разом, сумев пропороть защитную ткань на сгибе у колена. Первый, увидев то, что происходит с братом, раздумывать не стал. Трех крыс снесло ударами приклада пулемета, закончившихся короткими и точными очередями. Еще одну он сломал пополам ударом ноги, а последней, той самой, что смогла пустить кровь – просто оторвал туловище от головы.

Капитану осталось только успеть наложить жгут поверх хлещущей крови и постараться наложить повязку. Теперь они передвигались очень медленно. Близнец не терял сознания, но и не мог нормально двигаться. Скорее всего, что острые клыки смогли повредить не только сосуды, но и сухожилия со связками. Из-за этого его правая нога постоянно сгибалась в колене, не давая перенести на нее немалый вес. Газовая маска тоже не помогала, но разрешить снимать ее Кэп не решился. Сюрпризов это место преподнесло уже достаточно много.

Они шли вперед, понимая, что на самом деле осталось наверняка немного, так как ни один коридор не может вести в никуда и продолжаться бесконечно. Вот только что было там впереди, что ждало? И, самое главное, что с остальными? Капитан очень надеялся на то, что Мерлин плюнул на все и вывел оставшихся ребят туда, где можно выжить и остаться хотя бы относительно целыми. Но хорошо зная его, становилось ясно, что это вряд ли...

Мерно менялись цифры на дисплее детектора, показывая, что идти остается действительно совсем немного и что скоро все может закончиться. Впереди коридор, который теперь уже вообще ничем не освещался, неожиданно стал светлее.

- Приготовились, парни... - Капитан провел пальцами по разгрузочному жилету, оценивая то, что осталось. А осталось немного, от силы минут на пятнадцать активного огневого контакта, либо на три поединка со средним противником. Или на один с многочисленным и серьезным. Первый аккуратно посадил брата на пол, передвинул пулемет вперед и быстро поменял коробку, достав ее из рюкзака Второго. Заправил ленту, тихо взвел мощную пружину и не стал поднимать флажок предохранителя вверх.

- Последняя полная, Капитан. В той, что отстегнул...патронов двадцать пять, не больше.

- Я понял... попробуем справиться, брат.

- Попробуем...

- Дай мне подняться. – Второй оторвался от камня стены. Достал закрепленный сбоку короткий, как у Кэпа, «Питбуль», вставил магазин. – Здесь не останусь, у меня сил еще хватит.

- Кто ж тебя оставит-то? – Показалось ли Капитану, или во всегда невозмутимом голосе Первого мелькнуло что-то, похожее на горечь и боль?

- Вот и хорошо.

- Прикрой, Енот!!! – Мусорщик торопливо выхватил магазин, пригнувшись, чтобы не попасть под шквал огня, который выпустил поверх его головы молодой чистильщик. Да, теперь уже чистильщик, потому что экзамен выходил серьезным.

Енот торопливо сбил выстрелом метнувшихся к ним двух подземников, встретил третьего ударом приклада в голову и... и покатился по земле, сбитый прыжком просто огромной крысы, которой он успел подставить перед пастью собственную руку, закрытую бронещитком. Ее немедленно сдавило, и еще и еще раз. Тварь скалилась и брызгала слюной, старательно грызя защитные пластины, прикрывающее такое вкусное и сладкое человеческое мясо. Она яростно смотрела вперед черными горошинами глаз, топорщила ставшую острой и жесткой щетину и наверняка сейчас яростно шипела, хотя этого и не было слышно. Вокруг грохотало, ревело и рычало.

Мерлин вел группу вперед без каких-либо происшествий до того самого момента, пока пол под ногами неожиданно не пошел под уклон. Датчики и детекторы, встроенные в шлемы, немедленно залились в бешеном писке, сходя с ума и показывая, что впереди очень много целей. Но для начала на них напали с тыла, вынуждая идти вперед.

Не очень узкий коридор немедленно заполнился темными силуэтами. Они возникли из спрятанных до времени потайных ходов, укрытых хитрой механикой, заполнив собой высокую и темную галерею. В воздухе мгновенно повис острый и будоражащий запах сгоревшего и сгораемого пороха, выталкивающего вперед тяжелые

куски свинца. Цель нашел каждый, некоторые из пуль наверняка нашли сразу нескольких последних адресатов, пройдя навывлет, так тесно было в темном пространстве. Но отступить группе все же пришлось, нападающие добились того, чего хотели.

И здесь, в месте, где собрались, наверное, все оставшиеся твари, бой распался. Вольно или невольно, но не получилось сохранить монолитного и цельного построения, при котором шансы на победу намного возрастали.

Распластавшись в прыжке, Толстого сбила с ног единственное на первый взгляд вытянутое и приземистое тело, обладающее длинными лапами и головой, чьему оскалу мог позавидовать любой крокодил, которого Енот, понятное дело, видел только на картинках в старых школьных книжках. Чистильщик откатился в сторону, успел сделать выпад пулеметом, чей ствол моментально оказался в захвате выгнутых и длинных челюстей. Толстый пинками, несколько раз, ударил твари в мощную шею, стараясь отпихнуть ее подальше от себя. Задача удалась, и очередь срезала «крокодила» во время прыжка повторной попытки добраться до цели. Массивные пластины, закрывающие грудь и шею не выдержали, брызнув осколками и густой, темно-багровой кровью.

Ган, Енот и Мусорщик, оказавшиеся вместе, пробились к нему, отстрелявшись и отбив попытку подземников достать их. Хотя попытка могла завершиться успехом, когда накоротке, пробуя вклиниться между ними, на помощь худых силуэтам пришел человеко-медведь, похожий на тех, что были в самом начале. На него, рыкнувшего и повисшего над не успевающим Ганом, Енот выпустил практически весь магазин, разнеся в клочья голову и подставив самого себя под удар. И этим не замелила воспользоваться ближайшая к нему тварь.

Мощный толчок сбил его с ног, заставив потерять из поля зрения все, что творилось вокруг. Следующий, пришедшийся в голову, кинул Енота на колени. Он успел повернуться, когда прямо перед забралом, забрызгав слюной и слизью, щелкнули торчащие вперед кривые и загнутые зубы. А потом глаза человека встретились с глазами того, кто пытался уничтожить его. На миг, растянувшийся на долгое время...

Нет, тварь никак не могла быть отцом, якобы погибшим в шахте и потом вернувшимся к себе домой. Слишком было бы даже для

жестоких вершительниц судеб, постоянно крутящих свою пряжу и думающих только о том, как ее посильнее запутать. Но глаза, бывшие напротив Енота, были когда-то человеческими. И сейчас, сквозь пелену злобы и ненависти, где-то там, в самой их глубине, померещились боль и страдания. Они накатывали волной, физически ощущаясь всем телом, пробирая до последнего нерва, отдаваясь глубоко внутрь. Енот всхлипнул, чувствуя, как глубоко-глубоко, там, где на самом деле нет никаких внутренних органов, а есть только пустота и отчаяние, заворочался ледяной ком. Он становился все больше, толкаясь, разрывая что-то по дороге, пытаясь вырваться, растя сам по себе, выпуская острые холодные иглы, проникающие везде, заставляющие слабеть и чувствовать ту боль, что сейчас испытывало существо, замершее напротив... какая же боль, какая пустота, какое одиночество, незаполненное ничем, кроме отчаяния...

Подземник наклонился ближе, дрожа от нетерпения и стараясь просунуть когти через плотную и металлизированную ткань под броней, зацепиться, рвануть и достать это существо...

Вытянутая башка твари лопнула, разлетевшись во все стороны, забрызгав забрало чем-то липким, стекающим по нему. А запах, запах!!! Он проник даже сквозь маску...

- Енот! Енот, твою мать, да что с тобой!!! Вставай, братишка, вставай!!! – Ган выстрелил в очередного нападающего, мелькнувшего в неярком красноватом свете, мягко льющимся из глубины пещеры. – Вставааай, блядь, вставай!

- Толстый, сука, держись! – Откуда-то издалека, сквозь звуковые фильтры на него снова находило ощущение жизни и того, что действительно нужно вставать, что им нужна его помощь... ну же, ну!!!

- У меня ночник ни хрена не работает!

- Мусорщик, куда, бля! Стой, стой!!!

- Айболит, сзади!

- На, паскуда, на на на на на..!

- В кольцо парни, в кольцо!!!

Енот смог преодолеть чугунную тяжесть, сбившую его с ног в тот момент, когда сила, таящаяся в глазах подземника, шутя сломала волю, заставив сжаться как обиженному щенку и попискивать, ожидая конца.

Он встал на колени, автоматически вогнав один из оставшихся магазинов в «трещотку», вскинул автомат и начал стрелять, видя, как:

Мусорщик, стоя над неожиданно странно сломанным телом Толстого орет, содрав маску и подняв бесполезное забрало, поливает вокруг себя свинцом. Когда заканчиваются патроны и к нему бросаются сразу несколько прижавшихся к полу силуэтов – бьет одного прикладом, с хрустом заставляя несоразмерно большую голову повиснуть на бок. Ногой откидывает в сторону мешающее тело и успевает выхватить клинок из-за спины. Блестят зубы, на которых так четко выделяются ниточки слюны и крови, текущей из разбитых губ. Один молниеносный удар, стремительный всплеск второго и твари разлетаются, брызгая темными фонтанами.

- Не надо, брат, не дела-а-а-й!!! – Крик Айболита, неожиданно высокий и резкий, взмывает к потолку. Чего не надо и кому не надо что-то делать?!! Енот непонимающе смотрит и замечает, как свободная рука чистильщика, стоящего над телом друга, ныряет в аптечку. Летит в сторону темный колпачок самовпрыски, когда Мусорщик подносит ее к шее. Звук, почему-то так четко слышимый в какофонии звуков. Тихий, шипящий, тот, с которым поршень выдавливает ее содержимое. И темное, вытянутое тело, мягко и плавно скатившееся с потолка и метнувшееся к застывшей фигуре со все также блестящим клинком в опущенной руке...

Енот понимает, что он просто не успеет поднять руки, стиснувшее оружие, и Ган, который отбросил за спину ставший ненужным автомат, и успевший разрядить в толпу вдалеке свой гранатомет – не успевает схватиться за рукояти пистолетов.

Тварь летит, плохо различимая, похожая на человека со странно вытянувшимися конечностями и ставшей продолговатой головой, а Мусорщик все также стоит, неловко опираясь на левую ногу...

Рядом слышатся выстрелы автомата Мерлина, которые уже можно различать на слух и его же, забористый мат. Кажется, там что-то случилось... с кем?!! С кем случилось? А тварь в эти мгновения, ставшими такими длинными, резко прыгает с места. Один сильнейший, невозможный для человека, прыжок, и метит в Мусорщика...

С кем что-то случилось там, где видно только темные спины подземников и слышен их же рык попеременно с высоким воем, с

кем?!! А Мусорщик сейчас наверняка видит, как очень красиво и очень страшно, застыв в мгновенном напряжении мышц, летит к нему смерть...

Близнец резко выдохнул, всадив клинок прямо в грудь, сумев пробить твердый щит мышц и широкие, выступающие ребра. Тварь всхрипнула, застыв на мгновение, упала. Засучив лапами. Первый уже не смотрел в ее сторону, сшибаясь со второй, сейчас пытавшейся навалиться на Капитана, которого она успела оглушить. Та не успела повернуться, когда толстый и твердый носок ботинка ударил ее в то место, где череп соединяется с шеей. Мощные мышцы запоздало среагировали, вздуваясь волнами, но удар Первого был страшен, коротко хрустнуло, морда существа, вытянутая и плоская на конце дернулась вперед, выплескивая из широких ноздрей две темные струйки.

Позади, скрытый от глаз высоким каменным порогом, редкими очередями прижимал к полу трех оставшихся крепышей Второй. Одним рывком, которым чистильщики преодолели свободное пространство, они смогли уйти от них, но воевать пришлось. Толстую стальную дверь на роликах заклинило, и потому раненый близнец сейчас отстреливался от оставшихся в живых ревущих здоровяков, покрытых толстыми костяными панцирями идвигающимся с легкостью кошки.

Впереди оставалась единственная дверь, которая начала закрываться когда Первый и Капитан влетели в большую комнату, больше всего напоминающую то, что находилось в кунге Инженера. Первый успел метнуть нож в еле заметный электронный блок с кнопками, треснуло, и дверь застыла, совсем чуть не закрывшись совсем. В ней было два монстра, новых, раньше не встреченных, но удивляться этому было некогда. Автомат Первого улетел в сторону от удара неожиданно быстрого противника, а второй, прятаясь в углу, успел оглушить Капитана. Первый, увидев это, сработал так, как смог, выдав все, на что был способен, размазавшись в воздухе неуловимой тенью. И победил.

Капитан странно дернулся, вставая, оперся на левую руку, застонал, но смог встать на колени. Выпрямился, шатаясь и держась за правую, неожиданно обвисшую и неподвижную. Подхватил «Бульдог», стараясь повесить его удобнее, так, чтобы можно было стрелять с

левой. Повернулся в сторону Первого, медленно сползающего по стене, глянул на валяющихся тварей, который близнец убил практически голыми руками и понял. Подошел к Первому, поднял забрало и сел на корточки, глядя в его все больше закатывающиеся глаза:

- Спасибо, друг... вытянешь?

- Не знаю, очень тяжело... - Голос близнеца звучал глухо. Он поднял руку и начал возиться с маской, пытаясь отсоединить ее. Капитан неловко, пальцами целой левой, помог ему. – Не за что, Капитан. Мы с братом жили, а не существовали, как звери. Так что...

- Второй? – Кэп повернулся в сторону высокого порога. Никто не отозвался. – Помоги мне еще раз, Первый, мне нужна твоя помощь.

- Дверь?

- Да... сам не смогу откатить. А Герц наверняка там, и это дело надо закончить...

- Я попробую.

Громадная пятерня схватила Капитана за плечо, близнец навалился, вставая, командир выдержал, помогая ему вставать.

Когда громада, навалившаяся на стальную пластину, катающуюся на роликах, рыкнула и навалилась – дверь пошла в сторону. Чуть позже раздались хлопки выстрелов и чмокающие звуки, с которыми пули вошли в тело Первого. Капитан рыкнул, схватил из подсумка близнеца последнюю гранату, зубами выдернул кольцо и катнул рубчатое яйцо внутрь, одновременно падая на пол и закрывая собой Первого.

Мусорщик среагировал сразу, успев вывернуться из-под цепких лап твари, летевшей на него. Неуловимо ушел в сторону, рубанул, сместился, вогнал клинок по самую рукоять, выдернул и рубанул еще раз, наотмашь, одним ударом отделив массивную голову. Время понеслось вперед, глухо отдаваясь в висках кровью. Енот отвернулся, вскинул автомат и бросился вперед, туда, где рев подземников стал все сильнее.

Выстрел, выстрел, еще один. Две фигуры, одетые в лохмотья падают вниз, открывая проем. Мгновенно вклинился туда, успев снести еще одну паскуду, собравшуюся было скакнуть Варягу на спину. Выстрел за выстрелом, автомат дергается в руках, отдавая в плечо отдачей, перевернуть его, когда слышен только металлический лязг, ударить кованым прикладом в морду. Кровь брызжет в лицо,

автомат летит на ремне за спину, руки сами выхватывают пистолет и всаживают свинец в тех, кто к нему спиной. И одним прыжком к тонкой фигурке, лежащей на камне пола, вывернувшись в сторону, с руками, неловко раскиданными в сторону. Присесть на одно колено, рванув на себя маску, не слыша щелчка дергая пластик забрала, стараясь поднять его вверх, увидеть тонкое и любимое лицо...

Стук в висках. Мутно, все мутно. В груди тот же комок, разогревшийся до того, что вот-вот прожжет и ткань, и броню и само тело и выскочит, наполняя все вокруг оглушающим боем своей металлической середины. Взглянуть на закатившиеся глаза, прижать пальцы к шее и... пустота. Рушащаяся камнями бездна под ногами. Разрывы боли внутри, рвущийся наружу вопль, дикий крик, перекрывающий все... темнота, а потом вспышка, резкая, помогающая увидеть все вокруг. А после... красное и черное, мечущиеся тени, гнев, ломающий все и вся, тех, что окружили со всех сторон...

Чуть позже, когда в голове был только звон, а руки с ногами не слушались, откуда-то издалека пришел чей-то смутно знакомый хриплый голос:

- Есть кто живой?..

Хотелось ответить, но неожиданно в груди что-то хрустнуло, и темнота накатила вновь, поглотив Енота полностью

В помещении с большим и толстым стеклом в самом его конце, воняло гарью и порохом. Дым вытягивало в решетки на потолке, встроенные в стальные короба вентиляции. Капитан хромая, не обращая внимания на кровь, все больше пропитывавшую обе штанины комбинезона, шел вперед.

Там, за стеклом, он знал, было самое страшное из предположений. Большие резервуары с жидкостью, чей состав до сих пор не могли до конца разгадать на Базе. Мощные генераторы излучений, работающие в нескольких диапазонах. Высокие металлические шкафы мощных вычислительных установок, руководящих всем этим адом. И самое главное, в центре, как он и думал – стоящее на ребро кольцо, ограничивающее своим полем участок пространства, повсюду называемый Прорывом.

Сбоку раздался стон. Кэп повернулся в ту сторону, понимая, что там увидит, и понял, что время удивления еще не прошло. Лицо Герца плавилось, горящим пластиком вминаясь внутрь и превращаясь в

странную маску, горячим воском застывающую, и не никак становящуюся стабильной.

- Да что ж ты за ублюдок на самом-то деле? – Капитан дохромал до него, поднял автомат и, не обращая внимания на еле заметное сопротивление, ударил прикладом в голову. Герц, или кто там это был, вырубился. – Хрен ты у меня сдохнешь, урод...

Кэп покопался в сумке, висевшей сзади, достал две пары гибких наручников. Аккуратно зафиксировал руки и ноги существа. Покосился в сторону двери, за которой хрипло, с надрывом, дышал Первый, все-таки оставшийся пока в живых. Медленно спустился вниз, прислонившись спиной к стене. Ухмыльнулся, достал из кармана портсигар, щелчком открыл крышку, задымил. Пододвинул к себе отстегнутый чуть раньше рюкзак близнеца. Открыл крышку, доставая на свет небольшую металлическую полусферу. Отщелкнул крышку и нажал на большую, под стать лапам Первого, кнопку. Подождал, пока замигает красный огонек и улыбнулся:

- Ну, наконец-то можно спокойно покурить...

История мира (по материалам просветительского отдела КВБ Альянса «Звезда»)

Борьба с люциферианством: 18-19-ый в. н.э.

В связи с широким распространением в Старом и Новом Свете сектантских лож и орденов т.н. «люцифериан», повсеместно учинены следствия, проводимые (совместно) светскими и духовными властями. В связи с наличием в рядах «люцифериан» большого количества философов и литераторов, произошло полное уничтожение «энциклопедистов» и запрет на «просвещение», борьба с некоторыми отраслями науки, усиление теологического подчинения народонаселения в большинстве цивилизованных стран мира.

Великая Война: 1914-1918 г. н.э.

Война, начавшаяся с убийства крон-принца Германо-Латинской Империи Фердинанда, завершилась в 1918-ом году мирными соглашениями между странами прогерманской коалиции и Британским Союзом и САСШ (Северо-Американскими Соединенными Штатами). Франкония оказалась разделенной на две части, равно как и Бельгийское ланд-герцогство, Нидерландская республика, Датское королевство и Франконские Кантоны.

РИ выбыла из войны после масштабного теракта на Ходынском аэродроме во время проведения парада в честь побед на фронте. Вместе с большинством членов императорской семьи погибло не менее 1 200-т мирных жителей, потери среди личного состава войск, принимавших участие в параде, составили не менее 900-т человек.

Акция, призванная уничтожить правящую верхушку, была проведена совместными боевыми группами эсеров и анархистов. После проведения следствия Чрезвычайной Комиссией, созданной в кратчайшие сроки, были выявлены следы британской шпионской резидентуры. Результаты следствия, широко освещенные в народных массах, равно как и гибель огромного количества москвичей, привели к варианту развития событий, в корне отличающемуся от запланированного Британским Союзом.

РИ, возглавленная Михаилом Александровичем Романовым и наполненная искренним народным гневом, выставила на фронт те самые, необходимые Британии, дивизии по «зову мести». Но, при этом, бои с германскими и австро-венгерскими войсками оказались прекращенными на линии фронта: Ревель-Юзовка-Констанца. Равно, как и на фронте Осама войска остановились на границах Малой Армении и Гянджи. После чего, заключив мир, страна выбыла из войны.

Революция в Осае, с приходом к власти партии националистов. Начало экономической и военной блокады Осама со стороны РИ, в связи с постоянной угрозой южным провинциям империи.

Принятие Конституции и преобразование РИ в конституционную монархию: 1918 г. н.э.

Исходя из сложившейся критической ситуации, ЕИВ М.А. Романов принял решение о введении Конституции, равно как об изменении частей уголовного, гражданского и земельного права, направленного на снижение градуса напряжения в стране.

Конфликт РИ с САСШ: 1928 г. н.э.

Неудачное тайное выступление САСШ на стороне Японского Сёгуната во время конфликта, связанного с борьбой за Сахалин, отданный Японии в аренду на 50 лет (1875-1925 г), привело к затянувшейся морской войне во всей акватории Тихого и Северного Ледовитого океанов.

Европейские войны: 1935-1946 г. н.э.

Война за освобождение захваченных Германо-Латинской Империй лотарингских провинций Франконии. Война Южной Славянской Конфедерации с Унгарским курфюршеством. Война РИ с Велико-Жемайтией из-за Кийска и правобережной Украины.

Создание Европейской Федерации: 1949 г. н.э.

Объединение франконских государств (Франкония, Кантоны, Бельгийское королевство, Баскские провинции, Римская область, Эспаньол, Эллады) в единое государство федеративного устройства.

Русско-японская война: 1950 г. н.э.

Конфликт, связанный с попыткой аннексии Японией Сахалина и части Курильских островов.

Применение снарядов с химическим вооружением 2-ой эскадрой Тихоокеанского флота ЕИВ.

Семидневная аляскинская война (РИ-САСШ): 1957 г. н.э.

Столкновение за возврат проданных САСШ территорий. Основой для интервенции на территорию САСШ послужили действия последних, неоднократно пытавшихся осуществить установку на Аляске первых ракетных комплексов с термоядерными боеголовками. Разделение Аляски на две части, с протекторатом РИ и столицей в Ново-Архангельске.

Полет майора ЕИВ военно-воздушных сил, светлейшего князя Гагарина Ю.А в космос: 12.04.1961 г н.э.

Судная Ночь: 13.09. 1966 г н.э.

Уничтожение части острова Формоза ракетами с ядерными боеголовками, выпущенными подводной лодкой «Адмирал Нельсон» Королевского Флота Британского Союза как предостережение формирующемуся Китайско-Корейским Протекторат-провинциям Японии. Основным мотивом данного акта агрессии стали неоднократные покушения флота Провинций на британские владения Тихого океана.

Мировой предвоенный конфликт: 1966-1970 г. н.э.

Пятилетка постоянных локальных столкновений, активной работы служб внешней разведки и контрразведок основных мировых лидеров. Голод и полное обнищание Африки и части азиатских государств, за исключением стран Залива. Вследствие данных проблем - возникновение большого количества фанатичных религиозных течений различных конфессий в вышеозначенных частях земного шара.

Заключение Всемирного ядерного пакта: 1977 г. н.э.

Организация встреч монархов и глав государств лидеров сразу же после взрыва трех «грязных» зарядов на территории САСШ и Британского союза, собранных на основе выкраденных английских боеголовок.

Создание первой мегакорпорации « New World Creators»: 1978 г. н.э.

Сразу же по окончанию мирового противостояния и начала деколонизации, часть государственных исследовательских институтов стран Европейской федерации оказались на грани банкротства. Будучи выкупленными финансовыми и промышленными структурами,

преобразовывались в теоретические отделы начавших объединяться корпораций.

Основной задачей создания данных образований являлась попытка борьбы с прогрессирующей экономикой САСШ и Китайско-Корейскими Протекторат-провинциями. Тем не менее, первая корпорация (45% государственного капитала) была создана в САСШ.

Научное исследование Ниссельроде-Гауфа-Войтинского: 1985 г. н.э.

Обоснование гипотезы межпланетного сообщения с помощью т.н. «кротовых ходов». Исследование объединенной группой ученых САСШ, РИ и Европейской федерации на базе специально созданного института в окрестностях Глазго. Доклад Ганса-Марии Ниссельроде, Александра Гауфа и Романа Войтинского на встрече монарших особ и глав САСШ, РИ, Великобритании и Европейской федерации. Присоединение к исследованиям ученых Германо-Латинской империи.

Временное прекращение теоретических работ по вышеуказанной гипотезе. Полная секретность по результатам работы и создание многослойной псевдо-научной легенды с несколькими «отростками», призванной полностью убрать все упоминания о эксперименте среди обычного населения тех государств, где проходили этапы изысканий.

Демонстрация прототипа кибернетического устройства «Сторож-1» на Всемирной выставке в Париже: 1987 г. н.э.

Контролируемая Личной ЕИВ канцелярией корпорация «Вычисления и роботехника» демонстрирует прошедший испытания образец кибернетического организма, созданного на основе трансплантации нейронно-механического каркаса в тело бордосского дога, являющегося инвалидом. Начало кибер-революции 90-00-ых.

Открытие Анной Колль начального генного кода: 1990 г. н.э.

Профессор Шведского королевского научного общества Анна Фреймар Колль, работая над генным материалом остатков неизвестного подвида *Megaloceros giganteus*, найденных во время археологических раскопок близ Гётеборга, обнаруживает исходный код генома.

Отчеты и результаты открытия, не успевшие оказаться защищенными, мгновенно попадают как в руки мировых разведок, так и к частным мегакорпорациям. Евгеника, как прикладная наука, оказывается последним великим достижением человечества.

Создание базы комплекса «Нить»: 1999 г. н.э.

На основе исследований группы Ниссельроде-Гауфа-Войтинского, исходя из все более надвигающегося кризиса (перенаселение планеты, истощение недр, катаклизмы) правительством Европейской федерации начато строительство комплекса «Нить», призванного создать пробный переход к одной из планет Солнечной системы.

Строительство комплекса «Argus TESH», легенды для соблюдения секретности основной стройки и одновременное создание на его базе опытных образцов генетически созданных разумных механизмов, т.н. «солдат Полуночи». Подобные же евгенистические изыскания производятся в других государствах.

Великий экономический кризис: 2008 г. н.э.

Начало экономического краха Европейской федерации. Полное отделение части колоний Британской империи. «Великое переселение народностей» на территорию Европы. Биологическое заражение в Юго-Восточной Азии и уничтожение части ее государств не ядерными ударами объединенными группировками вооруженных сил Европы, САСШ и РИ.

Религиозные столкновения: 2010 г. н.э.

Неоднократные столкновения конфессий по всему миру. Обострение религиозной вражды на фоне стихийных бедствий и обостряющегося голода, связанного с ними.

Запуск комплекса «Нить»: 2014 г. н.э.

Полностью засекречено. Последствия эксперимента, спровоцировавшие появление Прорывов и активизацию некросферы, засекреченные и поданные в виде наказания Божьего, стали основой для религиозных течений, оккультных сект и прочих нюансов уже после Полуночи.

Первое появление Прорывов: 2015 г. н.э.

Первое появление Прорывов (одновременное) на территории Монголии и Северного Китая, с захватом части Сибири. Начало проекта по созданию генетических солдат, ставших в будущем «солдатами Полуночи», на базе евгенических исследований Военно-научным институтом ЕИВ.

Гибель Осама: 10.06. 2019 г. н.э.

В связи с появлением на берегах озера Туз следов возникновения Прорывов, правительством Осама было принято решение о попытке

ликвидации их с помощью ядерных зарядов. Результатом стало возникновение геологического разлома на территории Осама. Государство оказалось разделенным пополам разломом, заполненным морской водой, исчезновение части Визаса (Истанбул) и нескольких других городов. Пролив «Коровий брод» (Боспор) в самом широком месте увеличился с 3700 метров до двух десятков километров, фактически отрезав Осам от Европы.

Полностью исчезли такие города, как Анкара и несколько других. Также оказался уничтожен остров Кипр.

Гибель центральной Югославии, появление Гнилых Земель: 09.07. 2019 г н.э.

Сейсмические возмущения, возникшие после точечных ударов, направленных на закрытие Прорывов, уничтожили Кийскую и Днепроградскую ГРЭС, Казачинскую АЭС. По течению реки прошло огромное, сметающее все на своем пути цунами, вызванное разрушением плотины. Погибли города: Кийск (Киев), Днепроград (Днепропетровск), Каменское (Днепродзержинск), Казачинск (Запорожье), Кремень (Кременчуг), Каховка и Николаев. На их месте появились т.н Гнилые Земли.

Полуостров Таврос (Крым) отделяется, разделяя себя с материком рукотворным каналом, созданным с помощью сейсмических зарядов.

Полуночная война (Последняя война, Полночь): 2021 г. н.э.

Максимальная концентрация военной мощи основных государств мира, создание большого количества «солдат Полуночи» и схожих организмов, боевых робото- и кибернетических систем, необходимых для ликвидации Прорывов и использованных как «пушечное мясо». Усиление религиозного влияния всех имеющихся конфессий, постепенное и неумолимое введение правила «скрытого имени» и применение «имен-прозвищ», как средства от сглаза, порчи и ведовства.

Создание оси: Германо-Латинская Империя и Европейская Федерация, ее противостояние Британскому Союзу и РИ на западе, и САСШ-КША-РИ на востоке, для противостояния Японскому Сёгунату. Сближение непримиримых врагов, широкое взаимопроникновение культур и языков в страны-союзники.

Цепная реакция, запущенная во время конфликта на границе Российского Туркестана и Персиды, поддерживаемой Германо-

Латинской Империей, привела к началу последнего глобального конфликта на Земле. Обмены ядерными ударами, химическим и бактериологическим оружием, десанты солдат Полуночи и боевых роботизированных систем. Мясорубка, всемирно пожирающее пламя и частично пропадающие Прорывы. Падение человечества, минув «закат» в «Полночь». Широкое проникновение некросферы и ее созданий в мир.

Появление первых отрядов чистильщиков: 2075-2080 г н.э.

Созданы несколькими бывшими сотрудниками Военно-Исследовательского комплекса ЕИВ, бывшим командиром одной из армий и оперативниками нескольких ОСпН. Основные руководители: Генерал, Доцент и Мэдмакс.

Венцом и закатом первых отрядов стало вооруженное противостояние «чистильщиков» и формирующегося Альянса, равно как и гибель Мэдмакса во время похода в Столицу (209.. г. н.э).

Именно в период с 209.. по 2105 года сформирована легенда о Мэдмаксе, запущенная «в народ» с помощью операции, спланированной Генералом.

Уничтожение первой Базы объединенными отрядами Итиля и кочевых степных мутантов в 209.. году.

Пакт с Альянсом «Звезда» и основание Базы (второй): 2100 н.э.

После ряда столкновений между Альянсом и Итилем, равно как некоторых локальных конфликтов, руководство «чистильщиков» (Генерал, Доцент, Мастер) и представители Альянса «Звезда» заключили соглашение.

Взамен уничтоженной Базы чистильщики получили территорию для строительства новой. Единственной поправкой стало наличие обязательного карантина под наблюдением сотрудников Комитета Внутренней Безопасности Альянса по возвращению из рейда.

География и политическая ситуация:

Известные государственные образования на территории РИ и сопредельных стран:

Альянс «Звезда»: территории Удмуртии, Пермского края, Челябинской и Оренбургской областей, Башкирии и северного Казахстана нашего мира. Союз городов-государств,

мультирелигиозного направления. Столицы: Челябин, Парма, Стерля, Оренбург и Ижевск.

Великая Жемайтия: территория Польши, Западной Украины и Белоруссии нашего мира. Ортодоксально-католическое государство. Столица: Краков.

Итиль: территории Татарстана, Чувашии, Саратовской и Самарской областей нашего мира. Авторитарное государство мультирелигиозного направления с преобладанием исламского населения шиитского толка. Столица: Итиль (Казань)

Караибы: объединение нескольких островов Британского Союза и части восточного побережья САСШ. Судя по продуктам, поставляемым ими в Северные Порты, перенесли катастрофу очень хорошо. Основной морской импорт: лимоны, табак, кофе, тростниковый сахар, спиртные напитки, хлопковая ткань. Исповедуют две религии: христианство смешанного толка и вудуизм. Столица: Новый Орлеан.

Осам: территория Турции нашего мира. Националистическое исламское государство. Столица: Визас.

Северные Порты: территории Архангельской, Мурманской областей нашего мира. Тоталитарное православное государство. Столица: Мурман.

Сибирь: Информация отсутствует.

Союз «Триада»: территории востока Югороссии (Украины). Как и Альянс «Звезда», «Триада» - союз городов-государств, мультирелигиозного направления Столицы: Юзовск (Донецк), Ольховск (Луганск), Харьков (Харьков).

Таврос (остров Таврос): территория полуострова Крым нашей реальности. Города: Акмеджит (Симферополь), Керкинита (Евпатория), Янкиз (Джанкой), Омуль (Судак), Вольный город Бертег (Ялта), Кортияр (Севастополь), Бухча (Бахчисарай).

Хевсури: территория Кавказа, населенная разобщенными воинственными племенами.

Эмират: территория Закавказья, Ирана, Средней Азии и Центрального Казахстана нашего мира. Нестойкий союз раздробленных государств суннитского толка.

САСШ: остатки центральных и западных штатов, включая присоединенные КША. Столица – отсутствует. Существует несколько

Анклавов, включая Город ангелов, Фриско, Вегас, Нью-Техас, Бостон.

Некоторые определения мира Руин:

Пустоши – обширные пространства, практически оставленные человеком. Земли, населенные по большей части представителями животного мира, мутантами и опасными существами.

База (Дом, Крепость) – пункт постоянной дислокации командования отрядами чистильщиков. Также на Базе находятся медицинский и исследовательский центр, место отдыха и восстановления личного состава, «школа» для новичков, склады оборудования, боеприпасов и т.д. Создана Мэдмаксом, Доцентом и Генералом в первое десятилетие официального существования самих отрядов. Упоминание об уничтожении первой Базы, равно как и ее существование – внутри отрядов не приветствуется. Место ее нахождения известно лишь высшему руководству Альянса Пяти городов «Звезда».

Креатор (англ. Создатель) – специфичное обозначение данного мира. Под «креатором» понимается ученый-генетик, обладающий необходимым набором знаний, навыков и механизмов, позволяющих создавать нестандартные формы жизни. Было введено в обиход незадолго до Полночной Войны, первоначально несло в себе определение для ученых, работающих над созданием кибернетических организмов и биологически созданных генетических солдат. На момент упоминания Инженером, «креаторы» являются официально признанными «врагами цивилизации», преследуются силовыми структурами большинства вновь созданных государств (за исключением некоторых). Неофициально «креаторы» есть в каждой крупной державе, не говоря про чистильщиков, которые с самого детства и инициации находятся под наблюдением подобных специалистов. Двойные стандарты одинаковы в любом мире и в любое время.

Комитет Внутренней Безопасности Альянса «Звезда» (КВБ): одно из трех силовых ведомств объединения городов-государств. В подчинение входят политическая полиция, таможенная и пограничные службы со всеми необходимыми отделами. Наиболее развитая структура после объединенных по принципу выполняемых задач, но разрозненных по своей принадлежности войсковых структур. Корпус жандармов выполняет в Альянсе функции органа внутренних дел.

КВБ является контрольным органом для «чистильщиков», и, априори, ее люди нелюбимы в отрядах.

ВИИ ЕИВ: Военно-исследовательский институт Его Императорского Величества, структура, до Полуночной войны входившая в состав вооруженных сил. Создана в 1985-ом году от Р.Х путем слияния Военно-научной академии и нескольких институтов АН ЕИВ, работавших над заказами министра обороны. На основе именно ВИИ ЕИВ были разработаны проекты большей части биологически созданных существ, впоследствии называемых на территории Пустошей солдатами Полуночи.

Оружие и техника, встречающиеся в Пустошах (плохо известные базовые модели):

«Питбуль»: короткоствольный и компактный автомат, используемый командами чистильщиков в качестве дополнительного оружия. Калибр 9-ть миллиметров, емкость магазина – 25 патронов. Создан на основе обнаруженного на территории одного из бывших оружейных КБ ВС Российской Империи оборудования, опытных образцов и технической документации. Являлся одним из разрабатываемых образцов для полицейских операций, городских отрядов СпН и прочих схожих силовых структур.

«А-115»: боевой тактический многоцелевой модуль А-115-ть создан учеными Военно-исследовательской Академии ЕИВ незадолго до Полуночной войны. Гибрид кибернетического организма и многоцелевой бронированной артиллерийской платформы Т-115-ть. Управление осуществляется боевым процессором, соединенным с подготовленным головным мозгом кибернетического организма, созданного с применением добровольцев из числа военнослужащих армии ЕИВ.

Являлся одним из самых удачных и боеспособных ударных комплексов времен Полночной войны. Встречается на территориях, исследованных чистильщиками крайне редко. Вследствие отсутствия технического обслуживания на протяжении времени, превысившего гарантийное, и срок работы системы самодиагностики и ремонта, чаще всего дееспособны максимум на 50% мощности. Также, в связи с вышеуказанными вопросами, подвержены дестабилизации ЦПУ и, вследствие этого, крайне опасны для человека.

«КОН»: боевой андроид серии «кибернетический охранный наноорганизм». Редкая, крайне опасная форма подвижных оборонительных систем. Плохо изучена, информация крайне разрозненна и запутана.

«Скаут»: небольшая разведывательно-посыльная бронемашина. С нуля на территории Альянса не создавалась, поставляется из речных земель, лежащих по Итилю. Вероятнее всего, является вынужденной переработкой бронемашин на базе схожего с «нашим» БТР, либо БРДМ. Вооружается на усмотрение владельцев, как правило, максимум является 12,7 мм пулемет «Гранит».

«Крузер»: тяжелое колесное транспортное средство. Большая часть «крузеров», обладая схожими узлами и запасными частями, отличается друг от друга внешним видом. Созданы на основе относительно хорошо сохранившихся и сделанных на восстановленных предприятиях деталях. Тем не менее, минимальное количество мостов «крузера»: три. Зачастую выполняет функцию объединенных внутри одного, сложносоставного, кузова сразу нескольких помещений. «Дом на колесах» для большей части научных подразделений отрядов чистильщиков. Применяются исключительно ими.

«Жнец»: боевое транспортное средство, используемое в некоторых силовых подразделениях Альянса (ОСНАЗ), и в отрядах чистильщиков. Создан на основе тяжелых штурмовых бронемашин эпохи Полночной войны. Ходовая часть – четыре ведущих моста, двигатель – мультитопливный. Вооружение – пулемет 7,62 мм, крупнокалиберные (12,7 мм) пулемет и авиационная (30 мм) двуствольная пушка, НУРСы на башенных пилонах. Экипаж – два человека, механик-водитель и наводчик. В идеале комплектуется и радистом, также отвечающим за стрельбу бортового пулемета.

Для Альянса делаются схожие копии по чертежам научного сектора Базы. Но, тем не менее, «альянсовские» машины не обладают всеми характеристиками машин чистильщиков. Очень малочисленны.

«Серв»: тяжелый андроид последнего довоенного поколения. Создавался как средство транспортировки грузов и людей в условиях крайнего бездорожья, войны и/или стихийных бедствий.

Центральные фигуры руководства чистильщиков:

Доцент: один из основателей всей структуры отрядов чистильщиков. Ученый «самородок», воспользовавшийся результатами секретных исследований и опытов, проводимых в различных НИИ ЕИВ, для создания основы научного потенциала Базы. Немалую роль в последнем сыграли два похода «первых» в бывшую Столицу. Наряду с Мастером и Генералом (оставшимися в живых «первыми»), являлся главой Совета. На данный момент— умер.

Генерал: один из основателей всей структуры отрядов чистильщиков. Военный, на момент начала Полночи находившийся на экспериментальном лечении в районе секретного медицинского центра на Урале. Смог выжить только благодаря вживленным опытным и кибернетическим образцам новых органов и конечностей. Впоследствии, во время гибели первой Базы, практически погиб еще раз. Но был спасен Доцентом с помощью погружения в искусственную кому и последующее преобразование организма под специально созданное транспортное средство (автономное кресло) с комплексом жизнеобеспечения. Именно из-за большого процента не своих органов и постоянно обновляемых «запасных частей» является единственным живым членом Братства из всех.

Великолепный стратег и прекрасный тактик. Инициатор написания «Книги св. Мэдмакса», получивший широкое распространение на территории бывшей РИ, но признаваемой официальными остатками официальных конфессий за апокриф и еретическое письмо.

Мастер: один из первых командиров вновь создаваемых отрядов. Чистильщик т.н. второго поколения. Оперативник, лично знавший Мэдмакса и способствовавший созданию легенды о нем. Является первым оперативником, пришедшим к мысли о поиске детей с мутациями, способными помочь во время сложнейшей работы в Пустошах. Именно он, спустя двадцать лет после гибели Мэдмакса, нашел и собрал вместе группу Мерлина.

Профессор: второй руководитель научно-исследовательского сектора отрядов. Постоянный член Совета со времен его основания. Теоретик и практик, выдающийся инженер, после падения первой Базы – практически с нуля создавший технический, транспортный и оружейный парки отрядов.

ПАМЯТКА КУРСАНТА ОПЕРАТИВНОГО И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЛИЧНОГО СОСТАВА ОТРЯДОВ ОЧИСТКИ ТЕРРИТОРИЙ АЛЬЯНСА «ЗВЕЗДА». ОДОБРЕНА КВБ (КОМИТЕТОМ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ) АЛЬЯНСА ПЯТИ ГОРОДОВ «ЗВЕЗДА».

Положение о статусе отрядов чистильщиков, согласованное главами пяти городов альянса «Звезда» и командованием отрядов, содержит в себе:

а) Отряды чистильщиков создаются на территории бывшей Российской Империи (РИ). Командование отрядов подчиняется приказам руководства Альянса «Звезда», включающего в себя города-метрополии:

Челяба

Парма

Ижевск

Стерля

Оренбург

Поскольку на территории Альянса не признаются т.н «наследники Его Императорского Величества (ЕИВ)», то таковые не имеют прав командования личным составом отрядов в любой ситуации.

Чистильщики не входят в состав народных ополчений, сил быстрого реагирования и военизированных пограничных отрядов. Использование живой силы, механизмов и разработок «чистильщиков» носит исключительный характер противодействия Прорывам, созданиям некросферы, солдатам Полночи и агрессивным мутантам.

Все действия любого подразделения чистильщиков подлежат оплате в денежных единицах согласно договоренности между администрацией населенного пункта и командования отряда (группы), либо любому другому материальному эквиваленту, предоставленному нанимателями. Также, за выполнение заданий на территории Альянса, отряды получают бонус от руководства Альянса.

б) Деятельность чистильщиков, пределы их полномочий, особые условия и привилегии, равно, как и обязанности:

право ношения полу- и автоматического оружия внутри городских образований,

право найма личного состава согласно выданных годовых и территориальных квот,

право суда над членами отрядов только в городах-метрополиях,
предоставление отчетов и материалов по требованию КВБ,
содействие следственным органам КВБ и пр.,
Все мероприятия отрядов контролируются КВБ.

Не возбраняется деятельность некоторого количества отрядов (не более 15 (пятнадцати) процентов от общего численного состава) на землях сопредельных Альянсу государств и прочих территориальных формирований.

в) Отрядам чистильщиков предписываются следующие действия по отношению к некоторым категориям агрессивных жизненных форм, а также некротических созданий:

Солдаты Полуночи.

Действие отрядов и единичных представителей чистильщиков:

Выявление подобных существ, исследование и классифицирование. В случае неоднократного проявления агрессии к человеческому населению Альянса – подлежат уничтожению. В случае миролюбивого поведения и подписания соглашения о «непричастности к собратьям» - подлежат занесению в реестр и выселению в резервации (согласно отдельной инструкции каждого из городов метрополии).

Командование отрядов чистильщиков вправе обратиться к руководству Альянса с заявлением о рассмотрении введения «солдата Полуночи» в число личного состава, после обязательного прохождения обследования служащими научного персонала КВБ.

Справка:

Создаваемые с помощью евгеники биологические организмы, предназначенные для борьбы с тварями Прорывов. Также, пусть и негласно, основной задачей Солдат Полуночи являлся захват территорий противника, граничащего с РИ. Многообразие форм продиктовано несколькими причинами, в том числе и большим количеством прототипов, созданных Креаторами в разных лабораториях ВИИ ЕИВ, равно как и в некоторых других исследовательских центрах.

Высшие мутанты.

Действие отрядов и единичных представителей чистильщиков:

Выявление подобных существ, исследование и классифицирование. В случае неоднократного проявления агрессии к

человеческому населению Альянса – подлежат уничтожению. В случае миролюбивого поведения и подписания соглашения о «статусе высших мутантов» - подлежат занесению в реестр и выдаче разрешения на проживание в населенных пунктах метрополии (согласно отдельной инструкции каждого из городов метрополии).

Командование отрядов чистильщиков вправе обратиться к руководству Альянса с заявлением о рассмотрении введения Высшего мутанта в число личного состава, после обязательного прохождения обследования служащими научного персонала КВБ.

Справка:

Люди с «сверх» способностями, дремавшими, либо полученными под воздействием Прорывов. В их число входят: телепатия, теле- и пирокинез, «гипер» возможности биологического характера, предрасположенность к симбиозу с организмами-«паразитами» некротиферы.

В случае нахождения некротического симбиоза Высший мутант не может рассматриваться как сотрудник отрядов чистильщиков, равно как и поселению в населенных пунктах метрополии, и выселяется в резервации (согласно отдельной инструкции каждого из городов метрополии).

Создания Прорыва.

Действие отрядов и единичных представителей чистильщиков:

Полное и немедленное уничтожение, как самих созданий, так и останков их жертв, мест обитания и кормления. Также, в случае невозможности полевого экспресс-анализа жителей зараженных населенных пунктов, граждане также подлежат уничтожению вследствие потенциальной опасности прочему населению Альянса.

При нахождении оригинального и ранее не встречавшегося создания Прорыва сотрудникам научно-исследовательских подразделений отрядов разрешается проводить изыскания с целью полного изучения для поиска эффективного противодействия. Обязательным условием является предоставление копий материалов изыскания в КВБ Альянса «Звезда».

Справка:

Существа, вероятнее всего являющиеся отдельными представителями охранной системы Прорыва, представляющего собой биологический механизм непонятной природы, служащий переработке

самой земной поверхности под условия жизни своих существ. Данные разработок по остаткам ликвидированных очагов на территории РИ строго засекречивались и на данный момент чистильщики не располагают какой-либо конкретной информацией по самой сути явлений. В отличие от практических случаев уничтожения.

Существа некросферы:

Действие отрядов и единичных представителей чистильщиков:

Полное и немедленное уничтожение, как самих созданий, так и останков их жертв, мест обитания и кормления. Также, в случае невозможности полевого экспресс-анализа жителей зараженных населенных пунктов, граждане также подлежат уничтожению вследствие потенциальной опасности прочему населению Альянса.

При нахождении оригинального и ранее не встречавшегося существа некросферы сотрудникам научно-исследовательских подразделений отрядов разрешается проводить изыскания с целью полного изучения для поиска эффективного противодействия. Обязательным условием является предоставление копий материалов изыскания в КВБ Альянса «Звезда».

Справка:

Существование некросферы научно доказано Жаном-Огюстом Батиньоле в 2016-ом году. Проведенные аналитические изыскания, в совокупности с открытием церкви Святого Креста собственных архивов, дали четкий ответ на существование бок обок с человечеством существ, не являющихся живыми в самом понимании этого определения. Активизация некросферы, т.е. пограничной области «жизнь-смерть» связали с активизацией Прорывов по всей площади земного шара. Как и Прорывы – некросфера практически не изучена.

Чистильщики пустошей: великая степь (ознакомительная выкладка продолжения)

Глава 1: день, зной, охота в степи и душевная боль

«Война есть нормальное состояние человечества.

Но умирать на полях сражений должны те, кто любит войну.

Если необходимо раскатать государство, следует сделать так,

Чтобы в бойню попадали все, от мала до велика»

Из наставления

« Biblionecrum », гл. «Война».

М.А. Erynn, ph.d., Culto Nocto

Солнце стояло в зените. Трава, волнуясь под ветром, блестела своей, до конца не выгоревшей, стальной зеленью. Лишь кое-где травяное море пятнали яркие краски разнотравья. Пушистые метелки ковыля, густо торчавшего повсюду, дрожали под порывами, дующими с севера. На степь накатывала осень, но пока солнце, торчавшее ярко раскаленным гривенником на бездонном небе, жарило изо всех сил. Лохматые спины курганов еще выжигало, нещадно и яростно.

Человек, замерший на одном, в плотном кожаном костюме с защитными вставками, казался чужеродным. Он, сидя в седле потрепанного мотоцикла-эндуро, не шевелился. Плевать хотел на раскаленный, густой воздух, маревом дрожащий перед глазами. Чернел неподвижным монументом на верхушке степного горба, покрытого проплешинами и желтыми пожухлыми пятнами. Лучи солнца бликовали на матовом забрале шлема, треснувшем в нескольких местах и лежащем на сгибе локтя. Изредка к звуку холостящего двигателя, испугивая начавших привыкать к нему сусликов, добавлялось протяжное потрескивание.

- Как у тебя? – хрипнуло в динамике радиостанции, закрепленной на поясе.

На правом плече чернела небольшая коробка переговорного устройства.

- Пока спокойно. Жду. Не переживай, Мерлин, не проморгаю.

- Уж я надеюсь, Енот. До связи.

Отвечать мотоциклист не стал. Лишь покрутил головой, стараясь не упустить - когда в волнении ковыльно-полынного моря появится что-то неправильное. За свой тыл Енот был спокоен. Датчик движения, собранный Инженером, опробовать уже приходилось. На сто восемьдесят градусов позади чистильщик защищен. Небольшой монитор, крепившийся к выступу над баком, не показывал крупных живых объектов в радиусе ста метров. Этого расстояния ему хватит по уши, если что. Можно рассматривать красоту перед собой.

Седое, со стальным отливом, колыхающееся море, лежавшее под ногами, было спокойно и прекрасно. Густые светлые метелки ковыля, маленькие и пушистые головки типчака, изредка прореживаемые чертополохом и желтыми цветами шалфея. Запах трав, густой и обволакивающий, чуть сладковатый, с еле заметной горькой примесью полыни. Здесь, на юго-востоке, степь взяла свое. За последние сто лет никто не стремился вогнать лемех плуга в жирные, разваливающиеся под сталью ножа черноземы зеленовато-стального живого моря. Люди не могли себе позволить распахивать ее так, как раньше. И степь забрала назад все, положенное ей, принадлежащее по праву и отнятое людьми в прошлом. Мирная, тихая и спокойная степь... Еноту даже не верилось порою в ее смертельную опасность для большинства обычных людей, оказавшихся среди бескрайних просторов. Возможно, причина скрывалась в его собственной «необыкновенности»?

Через степь шли несколько, относительно безопасные, тракты-дороги. Один, соединяющий пограничные земли Альянса, Эмирата, Сибири и предгорий Камня, в последнее время стал очень... неудобен. Если не сказать серьезнее. Именно его широкая светлая полоса виднелась у горизонта. А Енот торчал на самом солнцепеке на верхушке кургана и ждал. Чего?

Уже две недели караванчики старались ходить не просто большими отрядами. Караван торговцев, будь в нем всего с десяток машин, мог потерять минимум две во время перехода через местный участок пути. Шайки бандитов не совали сюда носа, а это Еноту казалось очень удивительным. Что думали степные мутанты, он не знал, с этим разговор всегда короток. Не языком и словами, нет. Только сталью и свинцом. С ними по-другому больно-то не договоришься. Начнешь говорить и не заметишь, как отрежут голову.

Если сам первый не пустишь пулю в лоб зарвавшемуся зверю. Но даже эти сюда старались не соваться.

Инженер, собравший все рассказы, слухи и байки, осмотрев два вырытых трупа, сверившись с имеющейся архивной и оперативной информацией, сделал предварительный вывод. Совсем не утешительный и абсолютно туманный.

По его мнению, которое сомнению не подвергалось, отряду придется иметь дело с новым видом живых организмов, подвергшихся реактивным эволюционным изменениям. Скорее всего - из-за попадания в зону действия биологического влияния одного из Прорывов. Результатом является выводок не-пойми-кого, потрошащий отставших людей и отбившиеся от караванов машины с повозками. Для того чтобы с этим покончить, надо для начала уничтожить тех, что здесь. Разобраться, изучить, понять, как с ними бороться. Новые виды опасных существ всегда опаснее вдвойне. Потому как ничего про них неизвестно. Вплоть до того, что совершенно непонятно – куда, чем и как надо попасть, чтобы вырубить зверюгу. Устранив угрозу напрочь, сразу и гарантированно насовсем.

Пограничье, Фронтيرا, как его называли приезжавшие с Запада переселенцы, славилось предприимчивыми и умными людьми. Глупые, слабые неумехи здесь просто не выживали. А еще здесь немало группировок и кланов, деливших между собой все окружающие земли, большую часть как бы охраняемого населения и области их жизнеобеспечения. Между Челябой и Сорокой лежало много километров дороги, в меру сохранившейся и удобной для использования и развития деловых отношений. Клан транспортников из Сороки последние десять лет занимался только этими перевозками. Грузы, почта и люди. Неизвестно, что перевозить сложнее, но для перевозки людей даже приспособили восстановленные по чертежам и сохранившимся остаткам длинные четырехосные рыдваны, собранные руками механиков-умельцев.

Длинные металлические коробки, даже с окнами, забранными решетками. Автобусы с опускающимися изнутри дополнительными металлическими жалюзи и бойницами для стрельбы, с закрепленными на массивной стреле переднего форкопа треугольным выступом-тараном. Транспортники неплохо заработали с начала их эксплуатации, умудряясь обеспечивать относительно безопасные, разумно дорогие и

позволительные по времени перевозки. Вернее – умудрялись, до поры, до времени. Как животные, пусть и не совсем обычные, смогли уничтожить три из них, сожрав всех пассажиров, для Енота было загадкой.

Сейчас одинокий человек оказался приманкой, Мерлин назначил его живцом. Енот не обрадовался, но и не сильно расстроился. В себе он был уверен. В технике Гана, сейчас мерно ворчавшей мотором под ним, тем более. А не повезет? Что же тут поделаешь, судьба, значит, такая. Капитан не стал отменять приказ старшего группы, только подошел к Еноту перед самой отправкой сюда. Положил руку на плечо и попросил быть осторожнее.

Да уж, осторожнее. Он улыбнулся, вспомнив про напутствие Кэпа. После бойни под городом, откуда треть отряда не вернулась вообще, даже он, уже не новичок, сейчас на вес золота. Треть отряда, кого он успел узнать, с кем сдружился... кого полюбил.

Тонкий, резкий писк и появившаяся на прямоугольнике экрана зеленая отметка заставили сразу же прийти в себя. Одна, за ней вторая, третья. После седьмой, включившейся в широкую дугу, окружившую курган, Енот нажал на кнопку вызова:

- Они здесь, Мерлин. Начинаю движение.

- Понял, мы у тракта, на десять часов. Гони до сожженных грузовиков, укроешься за последним. Ждем.

Енот привычно, как делал несколько последних месяцев с получения мотоцикла, надел шлем. Оглянулся, всматриваясь в волнующиеся живые волны под ним. С прошлого века степь не просто взяла назад свое. Она увеличилась в размерах как воскресший Арал, и многое в ней тоже стало больше. Как иначе можно отвоевать принадлежавшее тебе что-то, если не стать сильнее, злее и живучее? Трава ростом по пояс взрослому мужчине, густая, жесткая, в некоторых местах не поддающаяся даже тракам гусениц тяжелой техники. В которой так удобно скрываться, если хочешь подкрасться незаметно. Ветер все также продолжал волновать светлые колосья ковыля, мотая их из стороны в сторону, играясь и мешая увидеть нужное. Но Енот заметил, опыта уже хватало.

Рассекая траву, к нему двигалось одиннадцать острых, желтовато-коричневых спин. Он выжал газ, заставив двигатель взреветь, рванул машину вниз. Трава взорвалась от мощных толчков, разбрасывая

выдранные корни и куски земли, выпуская загонщиков. Но этого Енот уже не видел, сосредоточившись на скорости и управлении. Выходило очень сложно даже на эндуро.

Амортизаторы хватало лишь для того, чтобы ничего не сломалось. Нестись вперед Еноту приходилось почти стоя. Оглядываться ни возможности, ни смысла. Одиннадцать зеленых точек, отображенных экраном, не отставали. Двигатель ревел и выл, гоня машину вперед. А преследователи, как бы странно это не выходило, приближались. Все лошадиные силы механического коня не дали перед ними преимущества, существами, рожденными в степи для охоты на ее просторах. Но Енот уже забыл о том времени, когда мог сдать перед обстоятельствами. Оно давно осталось позади. Двигатель ревел и гнал мотоцикл вперед, туда, где ждет отряд.

Он выругался, увидев совсем уж непозволительное приближение одного из хищников. Опасно в такой ситуации контролировать тяжелую машину только одной рукой, но что оставалось?

В креплениях, специально сделанных Ганом ниже бака, дожидались своего времени стальные друзья Енота. С магазинами, полными девятого калибра, чтобы бить сразу и наверняка, с режимом автоматического ведения огня. Бери и стреляй. А за последние два года стрелять его научили хорошо.

Енот, протянул правую руку за «питбулем»*. Рукоятка легла в ладонь, удобная и знакомая, покрытая рубчатой резиной. Приклад-рамка прижался к предплечью сверху, надежно зафиксировав короткий и не очень тяжелый автомат. Впереди мелькнула сносная широкая полоса, петляющая до самого тракта. Мотоцикл ощутимо трянуло на высоких кочках, но Енот справился и одной рукой, не потеряв управления. Придержал руль левой, повернувшись назад.

Трава за ним резко вспучилась, брызнув зеленью, взорвавшись метнувшимся к нему телом. Времени на разглядывание нет, в руку дробно ударило отдачей. Автомат выплюнул первую порцию, плеснуло густым и багровым, преследователя отбросило в сторону. Заросли сбоку и позади Енота рванулись еще несколько раз, выпуская догонявших. «Питбуль» стучал без остановки, отбиваясь от наседавших справа. Монитор спокойно попискивал и моргал, показывая - слева скоро станет намного жарче. Но пока Еноту оказалось не до того.

Мотоцикл снова тряхнуло, рука дрогнула и две пули для ближайшего противника ушли в белый свет, как в копеечку. Преследователь, низкий вытянутый, со слишком длинными лапами, прикрытый по бокам странной кожистой попоной, прыгнул. Прыжок вышел невообразимо высоким и глупым, успел подумать Енот. Зверь ничего думать не стал. Подлетев в воздух больше чем на два метра, разом раскрыл кожаные складки, превратив их в крылья. Небольшие и какие-то куцые, но позволившие ему начать планирование, и преследовать уходящую добычу в совершенно новом качестве. Енот выстрелил, преследователь качнулся в сторону, уходя от выстрелов человека. Пули прошли мимо, боек щелкнул вхолостую, Енот выругался. Впихнул автомат в крепление и вильнул вправо, интуитивно почувствовав момент атаки. Не ошибся.

Двигатель мотоцикла взревел после ручки, выкрученной до предела. Машина скакнула козлом, чуть не улегшись на бок. Колено Енота, прикрытое дополнительной вставкой щитка, проехало по кочкам, за лето затвердевшим до состояния камня. Внутри что-то хрустнуло, налилось горячим и болезненным. Чистильщик охнул сквозь зубы, еле удержав машину и поднимая ее из этого пике. Зато серо-желтый силуэт, мелькнув сбоку, промахнулся, чуть не пропахав землю, но зверь смог выправиться. Когтями задних лап задел метелки травы, выгнувшись в невозможном усилии, рванул вверх, сильно взмахнув крыльями. Но Енот уже не следил за ним.

Главным стало поднять машину и вырулить в сторону места randevу с отрядом, неожиданно ставшего очень близким. Пустыковая задача внезапно превратилась в очень сложную. С левого бока, который он временно оставил без присмотра, к нему неслось уже трое видимых преследователей, желтеющих спинами.

Мотоцикл, наконец-то, выпрямил, Енот снова поддал газу, поднял эндуро на дыбы, перелетая первый из признаков близости к тракту – задний мост сгоревшего грузовика. Машина перемахнула его, чуть чиркнув задним колесом. Этого хватило, чтобы сбиться с ровного темпа. Мотоцикл вильнул, Енота кинуло на руль, зубы клацнули друг о друга, во рту стало солоно. Он навалился на правую сторону, стараясь вырулить, выдохнул, увидев - что его ждет.

Переднее колесо Енот успел уберечь от столкновения с остатками проржавевшей тракторной телеги, густо разбросанными по земле,

заднее – нет. Удар вышел сильным, но Енот сгруппировался, успел выдернуть ногу за секунду до того, как правая сторона машины начала рыхлить землю. Выучка и тренировки помогли. Он смог не просто схватить заряженный автомат и спасти самого себя от перелома. Нет, Енот исполнил настоящий акробатический трюк, встав на роющем кочки и траву мотоцикле. Оттолкнулся, взмыв в воздух и улетел в сторону. Приземлился, ударившись плечом о металл тележной рессоры, в плече хрустнуло, но он уже бежал вперед, успев сбить пулями одного из зверей.

Те полным составом оказались рядом, догоняя, или, что вернее, загоняя одинокого человека. Только человек попался очень упорный, да и полностью человеком называть его не стоило. И догнать его сразу не получалось. А еще у него были очень хорошие друзья. Они-то еле смогли выждать, терпя до последнего момента. Последний момент наступил, когда Енот споткнулся, отстреливаясь сразу от двух наседающих преследователей.

Мерлин устроил засаду грамотно, с точным расчетом на выход стаи именно сюда. Понимая, что запах металла, смазки и людей спугнет зверей, на холмах, оставшихся позади Енота, никого из бойцов не было.

Но Толстяк с Мусорщиком успели добежать, зайдя в тыл зверью. Остальные встретили нападающих в лицо, затаившись до поры до времени. Енот заметил мелькнувшие силуэты между остовов техники только сейчас, мгновенно поняв, что произойдет дальше. Метнулся вперед, дотянув до проржавевшего громадного цилиндра, бывшего в прошлом не иначе как цистерной.

Успел выстрелить, попав в самого нахального из преследователей, прежде чем пришлось вжиматься в землю. По ушам ударило резким и пронзительным звуком, заставившим сбросить уже не нужный шлем и плотно зажать уши ладонями в толстых перчатках. Над ним с воем пронеслось серо-желтое вытянутое тело, и Енот поздно сообразил, что мог погибнуть в самом конце всего дела. Еще бы немного... но это уже лирика. Наступила развязка. Отряд из засады бил точно, прямо по целям, почти как в тире. Выхода у зверья, кроме как помереть, никакого и не осталось.

Грохот выстрелов, визг и дикий ор позади, резкие запахи пороха и крови. Все привычно и знакомо. Результат тоже не стал чем-то

выдающимся. Когда Енот наконец-то выглянул из-за своего укрытия, все уже закончилось. По склону холма спускались довольно склабящийся Мусорщик и бережно несущий своего металлического друга Толстый. На небольшом пятачке у самого края тракта валялись, разорванные прямыми попаданиями остатки стаи, уничтожавшей караваны и путников одиночек. Из-за прикрытий, по одному, все еще держа на мушке пару дергающихся и издыхающих чудищ, выходили остальные.

Енот отряхнул рукава, полностью заляпанные густой зеленью от травы, содранной в падении. Начал выбивать пыль из куртки и брюк, но понял, что бесполезно. Поправил бедренную кобуру и пошел смотреть – что случилось с мотоциклом.

Машина валялась метрах в двадцати от места, где Еноту пришлось прятаться. Наполовину скрытая из вида навалившейся сверху тушей одного из зверей, покрытая грязью и спекшейся кровью. Енот ругнулся про себя, вцепился в толстые, как оказалось, кожаные крылья, потянул труп к себе. На удивление тварь оказалось не такой уж и легкой, какой виделась со стороны. Как ей удавалось не только носиться, будто ужаленной черными шершнями, но еще планировать, было совершенно непонятно. Да это и не его, Енота, дело. Будет, кому заняться подобными вопросами. Пришлось напрячься, но сероватая туша, покрытая короткой шерстью, ударилась, наконец, о землю.

- Чтоб тебя перевернуло и трахнуло... - присвистнул Енот, глядя на седло, полностью заляпанное кровью и требухой.

- А вот это вряд ли, малыш. – За спиной гоготнули. Он покосился, хотя и так понимал, кого увидит. – Если только ты ее сам не перевернешь и прочее.

- Смешно тебе, Мусорщик... - Енот еще раз тоскливо окинул взглядом кроваво-мясной натюрморт пред глазами. – А мне теперь всю эту дрянь оттирать.

- Вот балбес. – На плечо опустилась тяжеленная рука. Толстый еще и похлопал, заставив Енота и охнуть вдобавок. – Живой остался, так и хорошо. Отмоешь, в первой что ли?

Задерживаться рядом с ним парни не стали. Медленно и вальяжно прошествовали в сторону укрытых в низине машин отряда. Зато вместо них рядом с Енотом выросла строгая фигура командира боевой

группы. Мерлин с неодобрением окинул его взглядом, не выражающим ничего хорошего, с ног до головы:

- Ну, боец, и что это было? – Скрипящий металлом по стеклу голос чистильщика в такие моменты становился чрезвычайно неприятным.

- Что именно? – Енот непонимающе уставился на него.

- Ты где таким трюкам обучился, Енотище? – Мерлин пожал плечами. – Расслабился? Ты даже труп предварительно не упокоил, мало ли. Изобразил из себя святого Мэдмакса, отбивающегося от мегалокефалов, и контрольный звонок в голову забыл сделать. Тебя кто научил так хреново рулить этой смесью из велосипеда и швейной машинки? И промахиваться с расстояния в пяток метров, а?

- Мерлин, ты чего?

- Чего я? – Командир группы обошел столбом стоящего Енота, остановился. Покачался на каблуках, заведя руки за спину, и продолжил. – Мы ведь рано начали стрелять, Енот, понимаешь? Ты не вытянул даже до контрольной отметки, представь себе. А если бы прибор Инженера не сработал, и твари взялись бы за тебя там, на холме, наверху? Скажи спасибо Кримхильде, ее выстрел тебя и спас. Что с тобой, Енот, ты устал, парень?

- Мерлин...

- Мерлин, Мерлин... да я черт его знает сколько Мерлин. Ты же ветеран, малыш, почти как Фрост. Как ты мог так глупо и безответственно себя повести, не скажешь? Машина была в порядке, подвеска, руль?

- Все в порядке. – Енот начал закипать. Он понимал, что старший прав, что в чем-то ошибся, хотя не признался в этом и самому себе. Но не мог успокоиться и продолжал злиться.

- Хорошо, значит Ган не причем. – Мерлин закинул автомат на плечо. – Поступим так... Тебя, на какое-то время придется освободить от операций. Не вскидывайся, Енот, не стоит. Официальный рапорт Тундре я напишу, пусть он и решает.

Старший группы замолчал, глядя на валяющееся под их ногами тело. Енот ничего не ответил, замерев и не веря ушам.

- Ты такой не один, поверь мне. – Мерлин снова начал говорить, кривя узкие жесткие губы. Шрам, начинающийся от глаза и теряющийся только под костюмом, извивался змеей. – Все устали, без

отдыха скоро как полгода. Енот, ты не бери близко к сердцу. Рисковать тобой, не говоря про молодняк, мы себе не можем позволить. Тебе просто надо отдохнуть, вот и все. Добраться бы до Базы*...

Он резко прервал монолог, развернулся и пошел к высокой и худой фигуре, появившейся на залитом кровью пяточке. Инженер, его новые помощники, Скат и Змей, уже подросли к таким необходимым экземплярам существ. Судя по расстроенному лицу Инженера, Мерлина сейчас ожидало не много не мало, а рассуждение о неумении группы хорошо стрелять, из-за чего просто нет ни одного нормального экземпляра. Впрочем, Еноту было уже все равно на ворчание недовольного командира научного сектора. Он с натугой поднял мотоцикл и покатил его в сторону лагеря. А что еще оставалось?

- Что скажешь, Инженер? – Кэп хлебнул густо пахнущую мятой и душицей жидкость из кружки. – Есть интересное?

Тот задумчиво посмотрел на пальцы правой руки. Видимо ничего не нашел и посмотрел на левую. Постучал по столу карандашом и пододвинул к командиру несколько скрепленных друг с другом бланков на желтой, плотной бумаге. Ничего не сказал, лишь кивнул в их сторону и вопросительно изогнул бровь.

В небольшом отсеке командирского механического чудовища было тесно. Кроме самого Капитана, сидевшего на откидной койке и Инженера, занявшего стул, здесь же находились Тундра и Мерлин. Тундра, убрав трость, решил не стоять, бесцеремонно подвинув Кэпа. Мерлин же остался подпирать косяк овальной двери, хмурясь и не ожидая ничего хорошего от разговора.

Кэп дернул щекой и потянулся за сигарой. Получил от Инженера по рукам, сплюнул, и взялся за бланки. Строчки, ровными рядами идущие под оттиснутым черной краской гербом Альянса, оказались заполненными аккуратным и убористым подчерком Фроста. Хватило нескольких минут чтения, чтобы командир отряда удивленно взглянул на Инженера:

- Ты серьезно, ошибки нет?

- Никакой ошибки, Капитан. – Инженер побарабанил пальцами по крышке стола. Переложил лежащий на краю пистолет командира, подумал и вернул его же назад.

- Почему так нервничаешь?

- Как тут не нервничать? Ты же видишь, что и почему. Было бы просто зверье, пусть и необычное, а тут...

- Так что за звери, установили? – Капитан положил листы.

- Белки, мать их, летяги, командир. Или очень похожие организмы. Только плотоядные, в отличие от грызунов с хвостами. Возможно такое? Вот и я не знаю, если честно. Понимаешь в чем дело... изменения организмов чрезвычайно странные. Полное впечатление того, что все они созданы специально, кем-то очень талантливым. Служат одной, узконаправленной цели, подчиняются и контролируются на расстоянии. Если бы вот эти раздолбаи, гомонящие сейчас за бортом, хотя бы старались стрелять аккуратнее, да, Мерлин?!

- Они старались. – Мерлин смотрел на причудливый узор разошедшейся краски, освещенный лампами на стене командирской машины. – Как могли.

- А могли бы и лучше! – Инженер невесело улыбнулся. – Крошево, фарш, и мне из этой каши как прикажете делать выводы, анализы проводить? Не знаешь, Мерлин? Может быть, твой командир знает?

- Ты чего кипятишься, Инженер? – Тундра покосился на него из-под нахмуренных бровей. – Это бой, хорошо, что вообще что-то осталось.

- Ну, конечно, – протянул тот, – еще бы их не защищал, естественно. Уничтоженный образец наземного компактного датчика движения тоже не считать? Его делали всю последнюю неделю, а Енот его раскокал за пару секунд.

- Может, хватит? – Тундра поморщился. – Парень еле живой остался, а ты про прибор говоришь...

- Прекратить. – Капитан, все-таки доставший сигару, задымил. Подчиненные, только услышав его тихий хриплый голос, замолчали. Авторитет командира, как обычно, был непререкаем. – А теперь по порядку о главном. Потом разберемся и с поломками, и с тем, почему Енот еле выжил. Так, Инженер, излагай, только кратко, без специфических терминов и определений.

Бородатый умник кивнул, продолжая прерванный им самим краткий отчет:

- Исследованное существо является гибридом, созданным из хищников семейства куньих, либо неизвестного пока вида. Как я и

говорил, звери созданы креатором* высочайшего уровня. Я не шутил по поводу белок, но данный вывод не является однозначным. Большая часть генома существ является прямым заимствованием у такого, весьма специфичного хищника, как росوماха. Отсюда и своеобразное строение костного и мышечного скелета, средства нападения, необычайно высокие по уровню организованности и хитрости повадки, обходящие нормальные для росوماхи, как одиночки.

Гипертрофированный рост легко объяснить вмешательством некоторых внутренних и сугубо специализированных биологических механизмов, полученных на территории Прорывов. Известно, что часть обычных представителей фауны зон, захваченных территориями Прорыва, видоизменялась, в том числе и в сторону увеличения формы и массы тела. Объяснить природу катализатора, вызвавшего рост данных объектов нашей последней охоты, в полевых условиях не представляется возможным. Оборудование есть, а вот реагентов и прочей химии у меня уже нехватка. Так что, господа, выводы мы сделали только предварительные. За исключением вот этого, указанного в отчете. Существа управлялись при помощи прибора, выделяющего ультразвук и работающего на принципе его модулирования. Определенная последовательность волн указывала стае на то, что от них требовалось. А также прибор защищал его владельца от самих зверей. И человек не мог находиться на расстоянии большем, чем сто или сто пятьдесят метров. Выводы напрашиваются сами собой. Все просто, прямо как гречневая каша с маслом.

- Ну, не скажи... - Капитан нахмурился. – Каша она тоже, знаешь ли, разная бывает. Но это так, к слову пришлось. Кто может создавать подобные устройства?

- Интересный вопрос... - Инженер неодобрительно посмотрел на затушенную, наконец, сигару. – Не меньше, чем когда ты совсем курить бросишь?

- Отстань... - Кэп прихлебнул из кружки. – Мерлин, а Мерлин?

- Кофе принести?

- Если не сложно. Ну не могу я эту бурду хлебать, честно. Полезно, не полезно, какая разница. Мне уже по всем срокам пора было давно и прочно сдохнуть, а меня тут все лечат и профилактият, сколько можно? Так кто?

- Повторюсь, командир... - Инженер машинально снял очки и покрутил их в пальцах за одну из дужек. – Это очень интересный вопрос. Но нам интереснее другой, а именно, для чего? Караваны не грабили, только гибли люди и все. Понимаешь, к чему веду?

- Сложно не понять. – Капитан тоскливо посмотрел на дно кружки. – А что мы знаем наверняка, друзья и подчиненные? Кому может быть выгодна такая интересная и кровавая забава, как содержание стаи хорьков-переростков и какую выгоду эти таинственные анонимы могут преследовать?

- Причина и ее следствия. – Тундра с хрустом поскреб жесткую щетину на подбородке. – Задача по нахождению причины, как мне кажется, не такая и сложная. Караваны и транспорты с людьми, перевозки именно людей. Отлаженная сеть, которая неожиданно дала сбой. Я узнавал, командир, насколько выросла стоимость поездок из Сороки до Челябин, и еще кое-куда.

- И? – Капитан внимательно покосился в сторону двери. Мерлин возник в дверях неслышно, но даже прокуренное обоняние Капитана уловило его появление заранее. – Кофе?

- Кофе, кофе... - чистильщик аккуратно поставил на стол парящую кружку. – Айболит...

- Сказал, что себе? – Командир отряда строго уставился на него.

- Да... но мог не поверить.

- И хрен с ним, я тут главный, в конце концов. Продолжай, Тундра.

Заместитель кивнул и продолжил:

- Одна очень хитрая компания из двух бывших граждан Итиля, сваливших оттуда явно с большими деньгами, и совсем уж хитрый Высший мутант, вхожий в коридоры управления Альянса, недавно организовали некое общество. Обозвали его довольно замысловато – «Первое сухопутное пароходное товарищество на паях», и решили заняться неблагодарным делом.

- Совсем неблагодарным? – Инженер заинтересованно посмотрел на него.

- А вот это как повернуть... - Тундра почесал в затылке. – Вымыться нормально хочу, в парилке деревянной, блин. Ладно, иду дальше.

Значит смысл компании в чем? Верно, в восстановлении железнодорожных путей сообщений для торговых фирм и частных лиц, соответственно. Идея не нова, но мало кто ей занимался всерьез. Что у нас сейчас имеется? Оставшаяся часть полотна дороги, идущая отсюда и до Камня, да и в сторону Итиля, имеет строго стратегическое назначение. Уголь для топок дорог, дизель еще дороже, и его мало, сами знаете. В последний раз, Кэп, я очень долго бился с одним комендантом, чтобы баки залить, и цистерну...

- Хорош ныть, Тундра. – Довольно улыбающийся командир сделал несколько первых обжигающих глотков и потянулся к портсигару. Показал Инженеру, встрепенувшемуся было, кулак и с удовольствием закурил. – Ты это, излагай по сути дела, а про горючку мы с тобой потом поговорим, хорошо?

- Договорились. – Заместитель Капитана довольно улыбнулся. Напомнить командиру о решении с дополнительной горючкой во время серьезного разговора посоветовал Мерлин. Сработало, в этом Тундра был уверен. – Рассказываю дальше. Эти три умных деловых человека запустили два первых поезда. В прошлом месяце, взяв подряд на присоединение дополнительных товарных вагонов с грузом для тамошней фабрики. В качестве обеспечения безопасности – две бронированных платформы, плюс посты по крышам вагонов, с пулеметами и прочим необходимым инвентарем. За месяц количество пассажиров и перевозимых грузов выросло в три раза. И это несмотря на мародеров, которые регулярно пытаются их кусать. И степняков.

- То есть, Тундра, дела у умников пошли в гору? – Капитан вкусно допил оставшийся и успевший заметно остыть кофе. С сожалением посмотрел на чистое дно кружки и вздохнул. – Вместо Тракта люди занимают очереди в железнодорожные кассы? Ба-а-а... прогресс просто-напросто с цивилизацией. Нам остается порадоваться, полагаю, за этих человеколюбивых умников?

- Прямо мои слова, командир, – хмурое лицо Тундры стало еще более хмурым. – Так оно и вышло. Только радоваться не будем. Жадины они, иначе...

- А-я-я-й, какие негодяи, подумать только... - протянул Кэп, перебив заместителя. – Ну, надо же, какие они жадные люди.

- Доказательств ваших предположений о связи зверей и этих пароходчиков нет. – Инженер недовольно дернул щекой. – Это

недоказуемо.

- А нам и не надо ничего доказывать, что ты, что ты. – Капитан усмехнулся. – Пусть этим КВБ* занимается. В Сороке есть, кому слить информацию, вот и сольем. Пусть разбираются. Меня совершенно по другой причине это дело беспокоит, уважаемые мои господа подчиненные. Зверье это... ничего не напоминает?

Трое собеседников переглянулись, понимая и молча.

Два года назад отряд положил треть своих людских ресурсов под одним из шахтерских городов Альянса. Не зная плана выходов из катакомб под ним, не имея плана коммуникаций, настоящих, а не только тех, что были указаны на имеющемся у них документе, Капитан пошел на крайнюю меру. Все, кто мог держать в руках оружие, пошли под землю после того, как непонятные твари, жившие там, попытались прорваться к живой плоти людей за стенами города. Безумное предприятие, не имеющее никакой подготовки, закончилось ожидаемо. Отряд, не поддержанный ни силами КВБ, занявшими городок после пресечения попытки мятежа, ни местным ополчением, едва не погиб.

Свою численность отряд восстановил, набрав молодежь и приняв нескольких ветеранов, ушедших со своих отрядов с одобрения командиров. Бросать братьев, когда у с теми беда, у чистильщиков не принято. Восстановить былой уровень Капитан и командиры подразделений пытались до сих пор. Выходило неплохо, но не так, как им бы хотелось. Не хватало пар в группе Мерлина, и оставалось надеяться лишь на ближайший выпуск в Школе. А до него ой-ой, как долго.

А история в том городке вышла темная. Не светлее, чем нынешняя. Твари не просто убивали горожан и уходили в подземелья. Ими управляли, и лишь в самом конце, в кровавой развязке, они сорвались с цепи. И что Капитан имел здесь, в Степи, спустя два года? Практически тоже самое, только более уверенное и надежнее сработанное. Это не просто очень плохо, нет-нет.

Командир отряда еще раз посмотрел на отчет. Провел пальцами по гладким листам, понимая весь груз ответственности. Надо принимать решение. Одно уничтоженное гнездо ничего не давало. Надо снова начинать копать, рыть землю, искать тех, кто стоял за этим. Не смогут Капитан и его люди сейчас найти умников, создающих подобные дилеммы, через какое-то время появится кто-то еще. И так

постоянно появляются новые виды, новые проблемы. Растущие как грибы после дождя, возникающие то тут, то там. А если производство управляемых существ, как уничтоженных сегодня отрядом, станет живым конвейером? Капитан посмотрел на подчиненных, нет, не так. Он посмотрел на старых друзей, которые думали сейчас о том же.

- Отдохнуть, говоришь, Тундра?

Хмурый здоровяк согласно кивнул.

- А это хорошо... - Капитан подмигнул Мерлину. – С утра выезжаем. Мерлин, доставишь Ската в Сороку, с телами и отчетом. Потом едешь на Базу. Всем все понятно?

Инженер удивленно крикнул, глядя на него. А Тундра с Мерлином переглянулись, расплывшись в довольных улыбках и удивляться не стали. Уже когда они выходили, командир окликнул:

- Мерлин, ты это... - палец Капитана выписал в воздухе странную фигуру. – Не наказывай Енота, не стоит. Лучше на Базе займешься его подготовкой серьезнее. Сдается мне, что разведка в целом и Виннету в частности, переживут без него. Попробуем его к тебе, как ты считаешь?

Мерлин только коротко кивнул в ответ.

Енот сидел на колесе транспортного «круизера» и ковырялся ложкой в плоской пластиковой тарелке. Есть не хотелось. Макароны, притушенные в густой мясной подливке, пахли безумно вкусно. Его собственный нос, научившийся за прошедшее время оценивать кухню отрядной стряпухи Мамачоли, сразу выделил густой аромат базилика и еле заметный тон душистого перца. Запах заставлял слюну выделяться с удвоенной скоростью, но вот беда, есть он не мог. Даже уйдя от непонимающе посмотревших на него друзей за общим столом, не мог. Енот злился.

Что сегодня сделал не так? Ведь все шло правильно, ну, кочка. А что кочка? Выводок он подвел как раз под удар группы. Все живы и здоровы, а на душе осадок. Такой очень ощутимый, тяжелый, мерзкий. Вроде и не виноват он ни в чем, а ощущение такое, как будто подставил ребят. Енот посмотрел в сторону их, весело и радостно гомонящих под навесом походной столовой. Минут десять назад Тундра сказал о возвращении домой. Домой...

База стала домом и для него, хотя...

Енот больше любил дорогу. Так как сейчас, находиться где-то далеко, посреди степи. Или в очередных развалинах. Спать урывками в кузовах, на броне, на земле, в палатках, внутри машин. Почему? На этот вопрос проще промолчать, чем ответить. Он помнил свой дом уже взрослым. Не так, как остальные. Большая часть ребят, с самого своего детства, не знала ничего другого. Только отряд, только База. Но сейчас Енот тоже радовался, как и они. Что-то надломилось за последнее время, не давало найти немного покоя. Который стал так нужен.

Он зачерпнул, наконец, ложкой из тарелки, почувствовал безумно прекрасный вкус. Вспомнил, как в первый раз, затюканным городским стражником, сидел за столом и смотрел на тех, кто стал его новой семьей. Как было удивительно видеть тех, о ком рассказывали страшные сказки на ночь. Обычными, живыми, смеющимися. Сколько их уже нет? И кого, самое главное, это самое главное. Енот не донес до рта следующую ложку, слепо уставившись перед собой.

Вспомнил, ощутил кожей: легкое касанье плеча, обтянутого красной тканью, ехидные и добрые одновременно зеленые глаза, ласковые губы. Вздрыгнул, неожиданно поняв – сложенная из нерушимых кирпичей стена внутри, отгораживающая его от воспоминаний, дала трещину. И еще более ясным стало – почему он так не хочет возвращаться на Базу. Ведь там оставаться наедине со своими мыслями, несмотря на постоянную усталость от тренировок, станет сложнее. Енот скрипнул зубами. А ведь, казалось, смог отодвинуть в сторону.

- Енот... - Мерлин, как обычно, подобрался неслышно.

- Да?

- Сможешь ночью подежурить?

- Конечно. – Он пожал плечами. Почему бы и нет?

- Спасибо. И это... - Мерлин замялся. – Извини, я сегодня был не совсем прав.

- Все нормально, у меня хватило ошибок. – Енот тоскливо посмотрел в тарелку. Есть ему расхотелось... совершенно. – Когда заступать?

- Часов в десять. В два тебя Первый поменяет. Он просто сейчас на профилактике у Инженера. Возьмешь двух молодых, Змея и этого... как его, Ската. Пусть привыкают тоже, а то засиделись

- Хорошо, я понял.

- Енот?.. – Мерлин все не торопился уходить. Переминался с ноги на ногу, стоя на одном месте, явно не решаясь что-то спросить. Еноту даже стало интересно, настолько это необычно выглядело. Лысый чистильщик потоптался на одном месте, переместился на другое, не выдержал. – Что с тобой происходит?

- Ты про что?

- Это ты мне скажи, малыш. Я ведь мысли читать не могу, а с тобой прямо сейчас что-то не так.

- Все нормально, Мерлин, честно.

- Не ври, Енот, не стоит.

- Что ты к нему прицепился? – Файри, возникшая рядом с ними неожиданно и сразу, подхватила командира группы под локоть. – Устал парень, не видишь, что ли? Енот, ты чего не поел? Не хочешь?

Ему оставалось только развести руками.

- Ну и ладно, не маленький же мальчик. Захочешь, так сухариков погрызешь. Пошли Мерлин, дай человеку отдохнуть.

Они отошли метров на десять, когда Файри остановилась и повернула назад. Подошла, наклонилась и пошарила руками в траве. Енот молча смотрел на нее. Не поднимая головы, но четко и ясно она сказала:

- Снова?

- Да. – Енот давно не пытался обмануть Файри. Как не пытался, так ни разу и не вышло.

- Плохо. Держись, друг.

- А есть другие варианты?

Она встала, посмотрела на него. Высокая. С самой лучшей фигурой, что доводилось видеть Еноту. Со своей татуировкой на гладкой коже головы. С добрыми карими глазами с пушистыми ресницами. Страшная и очень опасная женщина-чистильщик, Высший мутант, прекрасный друг и все понимающая жилетка, в которую Еноту приходилось плакать после смерти Хани. Провела ладонью по его щеке, чуть пожала плечо. Повернулась и пошла, оставив его наедине с самим собой. Прекрасно зная, что сейчас ему нужно и необходимо только это.

Чуть позже он отнес чистую посуду на кухню, незаметно для всех скормив свою порцию замечательного ужина Хану. Потом взял оружие, подсумок с магазинами, бронежилет со шлемом и ушел на

внешнюю линию охранения. Сел, привалившись спиной к колесу одного из «крузеров» и смотрел в темнеющий горизонт, глядя мягкий и теплый бок Хана, ровно дышащего и довольно вывалившего красную лопату языка.

Псу было достаточно друга рядом, ему было хорошо. Мохнатая громада подставляла лобастую голову и урчала как котенок, радуясь ласке. Ночь полностью спустится через час, и пока можно немного расслабиться. Тем более что уже около года как отряд пользуется датчиками движения, которые выводят данные на монитор дежурного офицера. Так что Енот с полным правом мог позволить себе минут так около сорока безделья. Чем он и занялся. Сидел, гладил собаку, гонял между зубов сорванную былинку и смотрел перед собой.

Солнце уже спряталось за курганы, казавшиеся отсюда совсем невысокими. Алый полукруг, с отливающим золотом ободком по краю, скоро должен совсем пропасть, спрятаться до утра. Степь понемногу остывала после яростного дневного зноя, неожиданно вернувшегося в этом году осенью. На прошлой неделе были дожди, и густое травяное одеяло, покрывающее землю вокруг настолько, насколько хватит взгляда, запоздало делало последнюю попытку прорасти и раскинуть семена.

Густой и сладковатый запах, прореживаемый резкими нотами от редких и невысоких акаций, мягко поднимался вверх. Енот вдохнул как можно глубже, всей грудью, неожиданно почувствовав себя лучше. Полдня назад, когда под ним диким козлом скакал мотоцикл, это густое зеленоватое море он практически ненавидел. А сейчас, когда адреналин полностью растворился, степь вдруг успокаивала. Если бы не дежурство, он бы лег на одном из «крузеров», расстелив спальник, и заснул прямо так, на не успевшей остыть от жары крыше. Лежал бы, наслаждаясь воздухом и тихим, убаюкивающим волнением густых и пушистых поверху живых волн. Рассматривал россыпь отдельных звезд и четкие рисунки созвездий. Здесь они висели очень низко, сверкающими и огромными, мягко мигающими алмазами.

Но не сегодня, не этой ночью. Что будет завтра - Енот не знал и не загадывал. Получится осуществить непонятно откуда возникшее желание, станет вообще хорошо. Он улыбнулся, поняв, наконец-то, что ему здесь просто нравится. Будь его воля, так обязательно задержался бы еще ненадолго. Свобода, ветер, бьющий в лицо при поднятом

щитке, рев двигателя, когда он вел разведку перед колонной машин отряда. Сложно было ожидать такой радости от заурядного занятия, но он ее получил.

Именно в степи Енот неожиданно не ощутил в какой-то момент глубокий и очень большой рубец, прорезавший его изнутри после того, как Медовая вздрогнула и замерла в его руках. Навсегда. Будет ли такое же ощущение на Базе? Сзади раздалось легкое металлическое позвякивание и шелест сухой сожженной травы. Енот обернулся, думая увидеть кого-то из новичков, и не ошибся.

Близко со Змеем ему пока ещё познакомиться не удавалось. Его прикомандировали к отряду чуть ли не в последний день перед выходом и сразу закрепили за Профессором. Пересекались они лишь в лагере вечером, чаще всего за ужином. Разведка, в которой Енот остался после экзаменов на Базе, на месте не сидела. Люди Виннету, оседлав тройку мотоциклов и один багги, рысили по округе, высматривая любые зацепки, что могли бы рассказать о цели экспедиции. При желании и умении, а и того и другого хватало, находок находилось достаточно. Только иногда приходилось не слезать с седла и сутки, если вдруг обнаруживался горячий след. Так что в лагере, за все несколько месяцев последнего рейда, Енот появлялся лишь заправиться, отоспаться и загрузить закрепленные сумки необходимым в пути. Зато сейчас, судя по всему, появилась возможность рассмотреть нового товарища в деле. Пусть и не самом сложном, но зато очень ответственном.

И хотя ночные дежурства при включенных сигнализаторах стали проще – сон от этого точно не убежит. А желание поспать во время караулов Енот из себя изживал не меньше полгода. Да, учили на Базе молодняк на совесть, но это База. Не то, что тут, где возможностей напакаться за день, да так, что валишься с ног, просто предостаточно. Поэтому отчасти он остался доволен, оказавшись в компании с молодежью. Посмотреть, как будут себя вести, когда вокруг пустая степь, чернильная и ночная. Понять, как станут ощущать ответственность за мирно спящий отряд, поймут ли, что от них зависит жизнь трех с лишним десятков братьев и сестер. Хотя бы просто уловить какие-никакие наметки характеров тех, кто должен войти в его семью на правах полноценных ее членов. Как без этого? Его самого приняли в отряд без обязательной сдачи нескольких

экзаменов, из которых два были просто убийственными. И доверяли с того самого момента, когда вошли в подземелья. А вот этого, несмотря на несколько лет на Базе, надо проверять. Пока каждый в отряде не станет считать его полностью своим.

Змей подошел, но садиться рядом не стал, прислонился спиной к металлу борта. Енот спокойно и безразлично смотрел на него, ждал что скажет. Рассматривал, пытаясь сложить в голове какое-то первое впечатление. Пусть и темно, на зрение Енот не жаловался. Да и специалисты на Базе не зря свой хлеб ели. Использовали врожденные особенности организмов чистильщиков, доводя их возможности до самых лучших результатов. Енот, например, ночью стал видеть намного лучше.

Высокий, худой, светловолосый, патлатый. Последнее немного странно для чистильщиков, ходивших под руководством Тундры, но Инженер вопросов к внешности своих подчиненных не задавал. Вот и у этого спереди еще коротко подстрижено, а сзади, спускаясь на затылок, волосы торчали непокорными клоками. Лицо вытянутое, сужающееся к подбородку, нарочито небритое, с бородкой, неравномерно вылезшей и смотрящейся смешно. Комбинезон, покрытый сплетением камуфляжного хитрого рисунка, кое-где обвисает, оно-то немудрено. Мышечную массу не набрал еще из-за возраста, а Мамачоля хоть и кормит на убой, но в поле не отъешься. Шлем висит на сгибе правой руки, свободно и непринужденно, это хорошо. Заметна выучка инструкторов, несмотря на «научное» направление основной стадии обучения. Черная кожаная кобура на правом бедре закреплена именно так, как требуют все инструкции, пистолет сидит как влитой. На ремне через грудь, виднеясь срезом ствола, на правом боку висит «трещотка» с торчащим карандашом стального цилиндра ночной подсветки. Не придерешься, одним словом.

- Мне где нужно будет находиться? – Змей додумался первым прервать затянувшееся молчание. – Мерлин сказал, что ты объяснишь.

- Объясню. – Енот встал, одним плавным движением приподнявшись за счет усилий бедер и голеней. – Пошли. С Ханом ты знаком?

- В смысле? – паренек явно опешил. – Это же собака...

- Ну... - Енот хмыкнул. – Так-то ты прав, конечно. Только собака-то не самая обычная, понимаешь? А еще нам с ним караул всю ночь нести. Знакомиться будешь?

Змей вздохнул, зыркнув на него растерянными глазами. Про себя Енот широко и довольно улыбнулся. Вполне понимал этого парня, старше которого от силы года на три. Учиться, сдавать один за другим выматывающие зачеты, почувствовать себя, наконец, не просто школяром, хоть и не обычным. И оказаться среди тех, кто уже давно забыл теорию и занимается только практикой. И понять, что все, бывшее таким правильным и строгим на Базе, здесь оказывается не таким уж и нужным.

Что даже вот эта собака оказывается не просто животным кинологической службы, а таким же, как и он, человек, членом отряда. И неизвестно, кто из них двоих лучше, к слову. А почти ровесник чистильщик, которого сегодня прилюдно, говорят, распекал Мерлин, рядом с ним, вчерашним выпускником, кажется ветераном, видевшим очень многое. Змей еще раз вздохнул и присел, оказавшись на одном уровне с широкой вытянутой мохнатой мордой. Протянул руку ладонью вперед, замер в десяти сантиметрах от чуткого и большого черного носа.

Хан втянул запах нового человека, который до этого момента лишь осторожно и чуть опасливо проходил мимо. Потянулся вперед мордой, чуть коснулся ладони, посмотрел на своего друга и одобрительно рыкнул.

- Ну, вот и все. Теперь точно пошли. – Енот повернулся и потопал в сторону одного из двух отрядных «жнецов»*. Пес неторопливо пошел за ним, дождавшись Змея.

**«Питбуль» - короткоствольный и компактный автомат, используемый командами чистильщиков в качестве дополнительного оружия. Калибр 9-ть миллиметров, емкость магазина – 25 патронов. Создан на основе обнаруженного на территории одного из бывших оружейных КБ ВС Российской Империи оборудования, опытных образцов и технической документации. Являлся одним из разрабатываемых образцов для полицейских операций, городских отрядов СпН и прочих схожих силовых структур. Прим. автора.*

**База (Дом, Крепость) – пункт постоянной дислокации командования отрядами чистильщиков. Также на Базе находятся*

медицинский и исследовательский центр, место отдыха и восстановления личного состава, «школа» для новичков, склады оборудования, боеприпасов и т.д. Создана Мэдмаксом, Доцентом и Генералом в первое десятилетие официального существования самих отрядов. Место нахождения известно лишь высшему руководству Альянса Пяти городов «Звезда». Прим. автора.

*Креатор (англ. Создатель) – специфичное обозначение данного мира. Под «креатором» понимается ученый-генетик, обладающий необходимым набором знаний, навыков и механизмов, позволяющих создавать нестандартные формы жизни. Было введено в обиход незадолго до Полуночной Войны, первоначально несло в себе определение для ученых, работающих над созданием кибернетических организмов и биологически созданных генетических солдат. На момент упоминания Инженером, «креаторы» являются официально признанными «врагами цивилизации», преследуются силовыми структурами большинства вновь созданных государств (за исключением некоторых). Неофициально «креаторы» есть в каждой крупной державе, не говоря про чистильщиков, которые с самого детства и инициации находятся под наблюдением подобных специалистов. Двойные стандарты одинаковы в любом мире и в любое время. Прим. автора.

*Комитет Внутренней Безопасности Альянса «Звезда» - одно из трех силовых ведомств данного объединения городов-государств. В их подчинение входят политическая полиция, таможенная и пограничные службы со всеми необходимыми отделами. Наиболее развитая структура после объединенных по принципу выполняемых задач, но разрозненных по своей принадлежности войсковых структур. Корпус жандармов выполняет в Альянсе функции органа внутренних дел. Прим. автора.

*«Жнец» - боевое транспортное средство, используемое в некоторых силовых подразделениях Альянса (ОСНАЗ), и в отрядах чистильщиков. Создан на основе тяжелых штурмовых бронемашин эпохи Полночной войны. Ходовая часть – четыре ведущих моста, двигатель – газотурбинный. Вооружение – пулемет 7,62 мм, крупнокалиберные (12,7 мм) пулемет и авиационная (30 мм) двуствольная пушка, НУРСы на башенных пилонах. Экипаж – два человека, механик-водитель и наводчик. В идеале комплектуется и

*радистом, также отвечающим за стрельбу бортового пулемета.
Прим автора.*

«Чистильщики пустошей: первая кровь» (Хроники Руин, потерянный том)-1

Моим однополчанам, вернувшимся и нет

Ох, да, нам же так много платят. Столько, что порой не унесешь. Деньги же все решают, абсолютно и полностью. Ну, а как еще-то?

Нет руки? Не беда, что ты. Заплатили, да хорошо, новую отратишь.

Погибли друзья? Не стоит переживать, серебро покроет все, найдешь новых.

Как это, не беретесь? Вы же продаете себя за нашу оплату! Эй, эй! Куда, тварь?

Как-то так, это же знают все, кто в курсе про нас. Купить? Легче легкого. Отправить сложить голову? Еще проще. Вернуться калекой? За такую сумму любой согласится. Ага, да-да...

Нет, правда тут есть. Серебро решает многое. Серебро легко обменять на теплую квартиру зимой, на хорошие обувь и одежду, есть натуральное мясо и покупать настоящий табак. Никто не спорит. И кому какая разница – как мы зарабатываем на жизнь? Именно, никакой. Завидуют ведь не способу. Завидуют тому, что потом.

Верит ли кто-то в глупые надежды каждого из Братства на возрождение? Вряд ли. Ведь нам так хорошо платят. Когда есть кому платить. Когда из катакомб под городами или с заброшенных ферм возвращается... треть ушедших. Мы же сволочные жадные выродки, готовые убивать кого угодно за деньги. И наплевать, что никогда первыми не поднимем оружие против людей. Всем наплевать. Мы чистильщики, мы убиваем чудовищ. Нас любят кабатчики, продажные девки и оружейники. Они нам всегда рады. Хотя и им накласть на мечту, общую для нас всех. Единую для каждой и каждого в наших редких рядах.

Хотите правду? Получите:

Нам, всем вместе и каждому по отдельности, наплевать на многое. Есть цель, важная и нужная. И Братство идет к ней. Какая цель?

Сложная. Опасная. Тяжелая.

Нам хочется совсем немного. Возродить людей. Поднять нас с колен. Убрать всю грязь, что мешает. Хотя, кто знает, нужно ли это самим людям? Но... хотите совсем честно?

Люди частенько желают вовсе не правильное. Сладкое лечит, горькое калечит. Делать выбор между покоем и потрясением тяжело. Сниматься с места – тяжело. Рвать жилы ради неясного – тяжело. Как тут не понять обычных людей? Только деваться некуда. Можно есть сладкую кашку с клубникой и радоваться. И толстеть. Зато даже жевать не надо. А можно рвать зубами жесткий кусок мяса, зажаренного на костре. Вопрос только в том, кому и что лучше.

Когда твой мир умирает, что сделаешь ты? Ответ себе на этот вопрос и поймешь многое. Может быть, согласишься в нашу мечту. Может быть, решишь уйти к Порталам и сделаешь все, чтобы удрать отсюда. Только ведь не поможет. От Полночи не убежишь. Она найдет тебя везде. Скрутит, раздерет когтями, разжует клычищами и выплюнет кровавый сгусток, бывший тобой. Полночь окутала весь мир черной паутиной страха и смерти. Полночь, хозяйка душ и тел, выпивающая кровь нашего мира. Именно она.

Не пустоши с их зверьем и кочевниками. Не север с его монстрами и корсарами. Не Степь или Эмират с их жаждой рабов и чужой земли. Нет. Не они наш настоящий враг. Наш главный враг нигде и повсюду. Наш главный враг прячется во мраке ночи и крадется под мостовыми городов. Наш враг кутается в темный плащ Полночи. Потому что это она и есть.

Полночь мира людей. Полночь, разорвавшая планету Последней войной и пытающаяся доглотать оставшееся мясо на костяке мира. А лекарство от нее, от новой чумы, известно давно.

Огонь. Сталь. Кровь. Кровь ее детей, умирающих на наших клинках. Смерть ее воинов, сгорающих на наших кострах. Хруст плоти ее порождений, разрываемой нашими пулями. Сталь и огонь, кровь и смерть, больше ничего не спасет людей. И раз так, то нужны руки, что сделают все это, руки, сжимающие сталь, руки, льющие черную кровь. И они, эти руки, наши. Чистильщиков пустошей. Братства.

«Чистильщики пустошей: первая кровь» (Хроники Руин, потерянный том)-2

Вечерело.

Солнце не хотело уходить с неба, и все себе лениво падало в белесую от жара чашу неба. Облака еле-еле текли к северу. Ветер полз где-то у самой земли, прокаленной за день. Висели ветви трех старых ветел у почти высохшей речушки. Старики, сидя на бревне по-над берегом, угрюмо молчали, крутили самокрутки, рыхлили песок клюками. Пот катился по черным и выщербленным временем лицам.

За пока еще открытыми воротами села гомонили. Детвора гоняла палками обручи от бочек. Бондарь Липа ругался, но не отбирал, обручи давно пришли в негодность. Пацанва и девчонки катали их, соревновались, кто быстрее, ловчее и дальше. Часовой на вышке не зевал, торчал черным мрачным силуэтом. Старики, глядя на родное и свое, плевались и ругались.

Все, кроме деда Стаха. Дед Стах плевать хотел на все и всех. Чего уж там, даже пользовался именем, данным отцом-матерью. Многие ему завидовали, еще больше считали старым дурнем. Все же знают, нельзя просто так имя называть, нельзя никому говорить, нечистый да его дети услышат и все. А он?..

А дед Стах плевать на всех хотел. И на все. Клюкой он не пользовался. Опирался на тяжелую офицерскую трость, полученную на выпуск из юнкерского училища. Гербовой орел набалдашника почти стерся, но веса трость не потеряла. Хотя сейчас, ненужная, лежала на самом краешке бревна. Дед Стах занимался вторым из своих неживых друзей.

«Слоновий» пятизарядный штуцер не блестел на солнце. Матовое покрытие выдержало больше гербового орла и не сдалось. Чуть посверкивали серебряные накладки приклада и ложа. Остальные деды косились на него и его хозяина, что-то там перешептывались между собой, сплевывали. Кто-то незаметно крестился. Тяжело пахло

стариковскими телами, потом и страхом. Острый опасный запах страха чуть колыхался в тяжелом нагретом воздухе.

- Трусы, - дед Стах сплюнул желтой табачной слюной, - были ими и помрете также.

- Чего ты, а? – дед Кругаль виновато пожал плечами. – Чего ты, вашбродь, снова собачишься?

- Трусы потому как! - дед Стах дернул щекой с седым и все равно щегольски торчащим вверх усом. – И вы, и бараны ваши толстопузые. Детишек не жалко?

- Жалко. - легко согласился Кругаль.

Остальные закивали. Пусть Кругаль говорит за всех. Все равно разговор что прощание с покойником. Вроде вот он, живой сидит, ворчит больше обычного, и что? Завтра утром от него только кишочки да косточки и останутся. И то, про ливер-то неизвестно. Тварь-то все подъедала, чего уж там.

- Так раз жалко, чего ночью сидите за тынами? – Дед Стах сплюнул совсем уж презрительно. – Не отсидитесь. Сама придет.

Кругаль лишь повел виновато плечами. Мол, да, придет.

- Люди-люди, как же вы так? – Стах провел масляной тряпкой по стволу. Достал и покрутил в руках дождавшийся своего времени патрон. Один из пяти. Больше у него не осталось, и эти-то сберег неизвестно как.

С тоской посмотрел на кроху Милашку, с визгом гонящую обруч лучше остальных. Ни семьи, ни внуков. Кто его помянет если что, кто похоронит, кто на могилку ходить станет? Да, почитай, никто. Хотя бы нашлось кому похоронить оставшееся от него, поручика стрелкового батальона Его Императ... Дед Стах снова сплюнул. Где оно, время-то, когда страна была, люди были, жизнь была. Все Полночь сожрала в один единый мах. Прожевала зубищами, втянула в непроглядную пасть и проглотила. А что осталось, сами понимаете, через что вышло. Вот и люди, после Полуночной Войны, если уж вдуматься, почти все такие же. Ну, из дерьма сделанные.

Вечер катился на лощину и село-городок неумолимо. Солнце, еле тащившееся по небу, решило все же не сжалится над людишками. Палило так, что куда там твоей печке. Одинокая острая кривая чертила раскаленное небо. Кречет рыскал поживу. Стах усмехнулся. В такое палево какой суслик вылезет? Только люди взад-вперед, взад-вперед.

- Это чей там? – Кругаль приложил широкую кривую ладонь к глазам. – А? Идет кто?

Дед Стах покосился на него. Кто, где, пень ты старый, откуда кто в такую-то жа...

- Твою-то Мать Богородицу приснопамятную, да окладом золотым увесить... - он присвистнул. – Чтоб мне никогда бабьих сисек больше не видеть.

Старики, плюясь, отодвинулись. Вона чего, сисек, Богородицу поминает почем зря, бес чертов, неймется ему на восьмом десятке. Дед Стах, покачав головой, прищурился, вглядываясь в марево горизонта и желтую дорогу-змею, выющуюся посреди выжженной травы. Хм, а идет, и впрямь идет. Ну-ну, что за дурак там прется? Еще пожалеет.

Хотя...

Старики, чего-то шепчущиеся и смолящие одну за одной, разом выдохнули. Дед Стах, сукин кот, вытащил из специального поясного чехла предмет лютой их зависти. Старинную, но на диво работающую, медную подзорную трубу. В селе биноклей-то две штуки и на каждый ровно по одному работающему окуляру. А тут целая труба. Тьфу, и все достается только таким вот, как Стах!

А тот, чего-то там подкрутив, уже не отлипал от трубы.

- Ты смотри, ты смотри, - Дед Стах усмехнулся кончиком рта. – А ведь не простой засранец какой-то.

- Неужто купец? – не веря и радостно ойкнул Кругаль. – Ох хорошо б...

- Торгаш?! Ну!

- Вот удача, откуда ж он!

- Бабам иголок надо, ниток там, да и дратву бы городскую.

- Табаку привозного, вкусного.

- Сахарок вдруг...

Дед Стах покосился, жучино шевеля жесткими острыми усами, сплюнул.

- Чей-то? – удивился Кругаль.

- Наемник, - буркнул дед Стах, - натурально, самый настоящий.

Старики замолчали. Сердито. Купца им хотелось куда больше. Чуть меньше, чем спокойных ночей, ставших редкостью.

- Пряма наемник? – Кругаль недоверчиво сморкнулся, покосился на липкие пальцы и долго стряхивал. – Чё, с кулеметом прям?

- И еще с гранатометом и ранцем на три выстрела. И с зениткой в тачке.

Деды замолчали сильнее.

- Да ну вас, - дед Стах убрал трубу и взялся за «слонобой». – Ни хрена не понимаете, ни умного чего, ни шулки. Пойду встречу. Крикните часовому, чтоб стрелять не вздумал.

Старики поворчали, но отрядили младшего, всего шестой десяток доедающего Сурка, к воротам. И остались сидеть, интересуясь и сверля глазами то крепкую, чуть косоватую спину Стаха, обтянутую оливой офицерского френча, то еле видного и спокойно идущего парнягу с животиной. Ишь, однако, наемник. Эвон, откуда да зачем он здесь?

Дед Стах шел, скрипя гравием под подошвами. В такт, пусть и тихо, скрипели сапоги. Хорошие сапоги, пятая пара, оставшаяся с самой Полуночи, и им конец приходит. А такие сейчас запросто так никто и не стачает. Разве в городе... только в город не ходок же. Жалко сапоги. Да и много чего жалко. Детишек вон, к примеру, жальче сапог.

Купец, ага, держи карман шире. Наемник, хоть и давненько Стах таких не видывал. Когда там?.. Ну да, как Альянс вроде сообразили создать, так попритихли этикие господа. Кто притихать не хотел, развесили вдоль дорог, или навтыкали на кольях, как жуков на булавах. И правильно. А то раньше-то... Раньше не продохнуть было. Туда-сюда, туда-сюда, банда за бандой, сволочи. Село это заново раз пять отстраивали. Сколь баб попортили, сколь пацанвы перебили.

«Слонобой» дед Стах, дойдя до нужного места, положил на каменюгу, скрытую за густым колючим кустом и решил передохнуть. Понятно, один в поле не воин, пыли ниоткуда не видать, знать никакой отряд к ним не идет. Но мало ли, стоит выждать парня с кибер-мулом. Минут пять еще, и выйдет тот на поворот, ведущий к селу.

Наемник... Дед Стах сплюнул. Этого брата он за версту отличит от других. Все при нем.

Когда кто кибер-мула видел? Шкура вытертая, но с латками, так положенными, что в трубу еле рассмотрел. Два приклада по бокам торчат, заводские, тут не перепутаешь. Кто другой подумал бы про новодел, но уж точно не бывший юнкер. Эти самые приклады Стах столько раз чистил, складывал, ломал, что не забудешь.

Куртка не наша, хотя с армейских запасов. Помнится, что с Северо-Американских Штатов такая темно-зеленая форма приходила перед самой Полуночью, как дружеский знак. Или подачка, тут не поймешь. Кожаные ремни с подсумками по груди, на бедрах две кобуры, из-за плеча тоже приклад. Оборудованный по самое не балуй, значит. Ну, надо же, каков серьезный парень.

Дед Стах взвел «слонобой», недовольно прищурился, все еще не видя наемника на дороге. Он так ничего и не услышал, только сзади, чуть мерзко холодя, в затылок уперся ствол.

- Моложе никого не нашлось? – голос неприятный, колкий, дерущий наждаком, такой... офицерский голос-то. – Руки убери с ружья.

Дед Стах руки убрал. Влип, черт бы его побрал. Старый стал, чего уж.

- Повернись.

Повернулся. Да, внешность у парня под стать. Неприятная наружность, даже очень.

Высокий, кожа да кости, хотя руки, видные из-за закатанных рукавов, крепкие, свитые канатами из мускулов и сухожилий. Глаза темные, злые. Волосы короткие, торчат еле заметными неровными прядями вверх. Весь он такой, похожий на ежа, колючего и острого.

Наемник покосился на «слонобой», оглядел деда Стаха и уверенно вытащил из потайного кармана френча плоский пистолет. И убрал собственный, серьезный такой револьвер, в кобуру.

- Здравствуйте.

Дед Стах подкрутил ус, сплюнул.

- По здорову.

- Нет никого моложе в селе? Или так уж вышло?

- Правильное замечание.

Наемник кивнул.

- Вы знаете Исаака Вайссмана?

А вот здесь пришлось удивляться. Но уж кого-кого, а Исаака Вайссмана, второго человека на селе, живущего со своим собственным именем, дед Стах знал.

- Зачем он тебе?

Наемник убрал револьвер, пожал плечами.

- Он меня позвал. Передал письмо, сказал, есть работа. Кто-то у вас здесь людей жрет.

Дед Стах сглотнул слюну, не веря услышанному и перевел взгляд на широкий пояс остро-колючего незнакомца. Туда, где ждали своего часа револьверные пули. И взгляделся в их головки. Выпуклые миндалины бликовали от уходящего солнца чистым прозрачным блеском. Таким, как бывает только у хорошего серебра.

- Не врал, значит, - дед Стах вздохнул, - и впрямь есть охотники за полуночными тварями, выходит. Так?

- Выходит так, - кивнул наемник, - проводите к Вайссману?

- Да. Пистолет отдай.

- Там отдам. Не обижайтесь. Нравы сейчас у всех простые, сами понимаете. Вернешь такую штуку, а ее хозяин тут же норовит тебе из нее мозги вышибить.

Дед Стах не стал спорить. Зачем? Прав по-своему человек, как не крути.

- Пойдем, что ли. Провожу к Вайссману.

Наемник кивнул. Выглянул из-за каменюги, щелкнул пальцами. Мул появился быстро, чуть скрипя механическим суставом задней левой ноги. Дед Стах уважительно кивнул головой, поглядев на инженерное чудо. Кибер-звери появились на его памяти как раз перед Полуночью. И было-то их немало, но, чего уж, осталось не так и много. Хотя механика полезная, куда там порой колесным машинам.

А это зверь, кстати, был совсем уж интересной моделью. Дед Стах разглядывал настоящего мула и дивился гению человеческому. Ну, как еще, когда такое придумать? Сколько ему лет, механическому труженику? Чуть меньше, чем самому Стаху, а он-то довольно прожил на свете.

Шкура аккуратно заштопана чуть ли не везде. Искусственная шерсть вытерта почти до основания. Глазные вставки давно заменены на матовые пластиковые, и сам мул вблизи совершенно не выглядел хотя бы чуток живым. Но от того хуже не стал. А стволы, и впрямь, старые-добрые Стаховы знакомые. Автоматическая винтовка и дробовик с магазином на восемь зарядов картечи. Хорошее оружие.

Старики, так и сидевшие на бревне, заметно волновались.

- Это, Стах... - Кругаль привстал, почесывая ногу, - эт самое...

- Чего? – буркнул Стах. – Не мычи.

- Куда идете-то?

- К Исааку.

Наемник на стариков не смотрел. И вряд ли слушал. А Стаху услышанное давно стало знакомым. Люди, само собой, свиньи неблагодарные.

- Жид крещеный, что вор прощенный.

Дед Стах сплюнул. Свиньи и есть свиньи. Сколько их Вайсманну обязаны самым дорогим, а? Жид да жид, на веревочке бежит, сколько время – две еврея... скоты.

Часовой на вышке шума не поднимал, завидев чужака. Кивнул деду Стаху, мол все хорошо? Дед мотнул головой, да-да, все прекрасно. Выругался еле слышно.

- Дисциплина... - протянул наемник. – Спокойно у вас.

- Куда как спокойно, - дед Стах неожиданно ощутил тяжесть «слонобоя» вернувшегося на плечо, - вот спасибо тебе, добрый человек.

- Да не добрый. Осторожный. И то, не особо. Любой бы другой на воротах мне бы голову снес, увидь чужое оружие у моих сумок. О, не часто у вас чужие, что ли?

Дети стояли кучкой сбоку от ворот. Глазели на чужака, на мула, на оружие, на пыль, покрывающую обоих от ушей и до земли. Не часто захаживают, верно. Но Стах этому даже радовался. А коли чего надо кому из села, то раз в месяц обоз ходит на рынок, верст за пятьдесят отсюда.

Лучше пусть вот так глазеют на незнаемого человека, чем бегают и истошно кричат из-за чужаков, гоняющихся за ними. Так дед Стах и думал... до поры, до времени. Совсем недавнего времени. Иногда, чего уж, думалось такое, что лучше бы и нагрянули чужаки, что малышню переловили и продали. Чем находить поутру кого-то из них растерзанных.

Чужак шел спокойно, головой по сторонам не крутил, хотя дед Стах не обманывался. Опытные незаметные взгляды, рыскнувшие несколько раз, подметил. Понятно, нового ничего, что тут нового?

Частокол из бревен пополам с притащенными бетонными столбами и толстыми трубами. Ржавая провисшая колючка. Дома, собранные из чего попало, и только к площади, крохотной и узкой, становящиеся основательными. Деревя вокруг хватало, только к

стройке-то не каждое пойдет. А вот остатки кирпича с бывшего завода местные возили долго, пока кто другой не найдет.

- Сколько людей живет? – поинтересовался наемник. – Больше двухсот? Триста?

Дед Стах вздохнул.

- Уже меньше. С позавчерашней ночи меньше на пять человек. На здорового мужика, красивую бабу, умного старика и двух детишек. И до этого тоже. Несколько раз.

- Ясно.

Дед Стах остановился. Дом Исаака Вайсмана прятался точно между домами головы и единственного бакалейщика. Бывшего бакалейщика. У ворот, подпирая их, как всегда стоял Битюг, немой и кажущийся малахольным сирота, выпестованный Исааком. Стоял, полностью загораживая широкую калитку и почти доставая головой до самого верхнего края воротных створок.

- Подвинься, - буркнул дед Стах. Битюг, косясь на наемника, а может и на робомула, скрипнул открываемой створкой.

- Здесь. - чужак ткнул пальцем на угол, рядом с большим сараем. - Жди.

Механизм послушно встал и замер. Битюг восхищенно таращился на него, забыв закрыть ворота, уже облепленные детворой. Взрослые, совсем так нехотя и незаинтересованно, стояли поодаль. Смолили махру-самосад, гудели разговорами-пересудами и все такое. Ну да, совсем никто не удивлен, прямо каждый день тут всякие-разные хаживают.

Однородная жужжащая слепнями толпа. Знакомая, своя и... и так и не ставшая родной. Теснились, задевая друг друга вытертыми-выжженными белыми пыльниками, одинаковыми домоткаными рубахами, брезентовыми штанами, широкополыми шляпами. Смуглые до черноты, с широкими сильными руками, вислыми, ниже подбородка, усами, с прорехами в зубах, пахнущие потом, землей, навозом, табаком и постоянным перегаром от дымки, ядреного самогона. Селяне, чего уж.

Дед Стах куда больше уважал редких окрестных фермеров и ранчеров. Хотя и у тех хватало дурости и глупости. Но те хотя бы не напоминали стайку выросших отяжелевших детей, шушукающих за

спиной и боящихся настоящих мужчин. А ведь он помнил их совершенно другими. Почти каждого. Он помнил.

- Пошли, - дед Стах толкнул широкую тяжелую дверь, - Исаак почти не ходит.

Наемник зашел за ним, огляделся чуть удивленно. Да уж, было с чего, дом Исаака Вайсмана отличался от многих в селе... Если не ото всех. Да и дом деда Стаха тоже. Потому как жил тот именно здесь.

«Чистильщики пустошей: первая кровь» (Хроники Руин, потерянный том)-3

Стены, оббитые опаленными и залакированными досками. Разводы от огня складывались в красивый неправильный узор черных полос. Ровный пол из плашек, подогнанных одна к одной. Дорожки, еле заметно зеленые и затертые почти полностью, но чистые. Вместо крючков для одежды – сайгачьи рога. Из остальных трофеев в глаза бросалась только башка огромного странного волка.

- Мутант? – кивнул наемник. – На что взяли?

- Жакан. - пожал плечами Стах. - Три пули всадить пришлось, пока подох. Двух последних собак мне порвал, курва. Забрел откуда-то с Пармы, не иначе. У нас таких никто и не видел. Куртку сними, взмокнешь.

Он показал рукой, куда идти. Поставил «слонобой» к стене и прошел следом. Чуть поднырнул под низкий косяк, заходя в натопленную, несмотря на жару за окнами, комнату. Исаак недавно стал мерзнуть постоянно. Приходилось терпеть.

Наемник огляделся. Комнатой называть не хотелось. Кабинет, больше никак и не скажешь. Тяжелые шторы-портьеры, совершенно неуместные в сельском, пусть и очень добротном, доме. Шкафы с книгами, высокие, до потолка. Дико смотрящаяся ИД-панель на стене. Низкий широкий стол с пепельницей, папиросными гильзами и початой пачкой табака. Дымящийся чайничек с чем-то травяным. Два низких, с высокими спинками, стула. И большое кресло на колесах, оббитых резиной. Кресло с хозяином, желтым и высохшим стариком, хитро и цепко смотрящим на вошедших.

- Прибыли... - Исаак Вайсман прищурился, сразу став еще хитрее.

Наемник кивнул. Дед Стах, показав ему на правый стул, налил себе отвара, бросил ложку меда из стоящей рядом сахарницы с отколотой ручкой. Сел, начал набивать папиросы. Разговор, судя по всему, складывался не быстрый.

- Меня зовут Исаак Моисеевич Вайсман, молодой человек, - представился хозяин, - а это мой компаньон, Евстахий Игоревич Лукашинский, поручик Его Величества Императорской армии. Заметьте, не бывший и не запаса, потому как таковым стать не успел, да и офицеры бывшими не бывают.

Наемник снова кивнул.

- А как обращаться к вам?

- Вы же знаете.

- Действительно.

- И давно ты послал за ним? – поинтересовался дед Стах. – Изя?

- Давно. Две недели назад. А перед этим, как смог, все вызнал.

- Чертов старый интриган.

- Я вам не мешаю? – поинтересовался наемник. – Господа?

- Простите. – Исаак Вайсман взял протянутую ему папиросу и закурил. – Угощайтесь.

- Спасибо, - наемник мотнул головой, - мне не стоит курить. Обоняние становится плохим.

- Разумный молодой человек, да, Стах? – Исаак уважительно покивал. Стах не ответил, оскалился, сидя на стуле.

- Хорошо... - Вайсман кивнул, явно соглашаясь со своими мыслями. – Тогда я немного поговорю за вас. Тем более, приятно поговорить с новым человеком, когда встретить его у нас, в глуши, тяжело. Сами понимаете, к нам даже корабейникам тяжело добрести, или, к примеру, продавцам вроде как лекарств. А эти куда угодно дойдут.

- Изя! – дед Стах чуть было не сплюнул. – Хватит трепаться!

- Ох, простите старика... - лицо Исаака сморщилось сушеным яблоком, так и побежали морщинки, - скучно.

- Понимаю, - кивнул наемник, повернулся к деду Стаху, - меня зовут Мэдмакс.

Дед Стах хмыкнул.

- Интересное у вас... прозвище.

Наемник не ответил, пожал плечами.

- Вроде как в нашем детстве даже был какой-то старый-престарый фильм, да? – Исаак посмотрел на товарища.

- Не знаю, - мотнул головой дед Стах, - да и какая разница?

- Правильно, правильно...

- Перейдем к делу? – Мэдмакс перевел взгляд на Исаака. – Что у вас?

Старики замолчали. Тяжело и мрачно. Молчание было знакомым. Охотник уже сталкивался с ним. Постоянно и везде, там, где приходилось работать. Это стало ясно сразу, как только вошел в село.

Взгляды цепляли со всех сторон. Колкие, острые, прямые. И испуганные. Страх плыл в селе плотной осязаемой пеленой.

- Могу попробовать угадать. – Мэдмакс посмотрел на стариков. – Да?

Вайсман согласно кивнул, состроив хитрую гримасу. Мол, друг Стах, посмотрим на молодого человека. Тоже, надо ж как, таких старых кремней и в городе не встретишь.

- Нападения постоянные, ночные, странные и не оставляющие следов.

- Прямо Шерлок Холмс, право слово, - хмыкнул Стах, - про ночные угадал. Прямо в точку.

- М-да... - вздохнул Вайсман. – Думаю, что чаще всего именно так все и происходит. Во многих прочих случаях. Вот только у нас...

- Что? – Мэдмакс всмотрелся, пытаясь уловить что-то странное в выражении лица нанимателя.

- Следы находят. Вот только после нападения они... Они не уходят к стене. Они пропадают здесь, на площади. Где вымощено булыжниками. И их не обнаруживают за стеной. Никогда.

- Пытались отследить?

- Пытались. – Дед Стах сплюнул в пепельницу. – На ночь выливали дегтя, смолы. Сейчас жара, не застынет. Нет там следов, за стеной. Здесь она, тварь, у нас.

Мэдмакс не ответил.

- Последние пару месяцев, без порядка, без какой-то связи. Дети, женщины, старики, мужчины. На караульных не кидается. От патруля прячется. И постоянно труп, снова труп...

Дед Стах сплюнул еще раз. Провел ладонью по рту и усам, всмотрелся в собственную слюну. Сердито кхекнул, удерживая кашель.

- Вот такие у нас дела, молодой человек, - Вайсман развел руками, - плохая ситуация, как думаете?

Мэдмакс кивнул. Задумался. Плохая? Хреновая ситуация, если честно.

- Вы не предупредили меня.

Вайсман вздохнул и виновато пожал плечами.

- Соглашусь с вами, молодой человек. Ситуация такая, сами понимаете. Ну, не мог взять и не участвовать в этом. Не за себя же страшно, поймите, пожалуйста. Что я? Старый еврей-докторишка, не более. Стах? Он давно не боится смерти. Деток жалко. Я же многих из них принимал, лечил. Сколько их уже сами стали отцами-матерями, представляете? И тут такое...

- Подождите! – Мэдмакс помотал головой. – Дети, родители, кошки с собачками, это понятно. Переживания ваши, страх там, еще чего-то... Я не тупой и могу все уяснить. Вопрос другой. Вопрос в вашей ситуации.

- Сложность выше? Опасность? – Дед Стах покосился на него. – Что?

Мэдмакс почесал нос.

- Все. Ну... это самое, как его...

- Сколько тебе лет, сынок? – Дед Стах уставился на него. – А?

- Да какая разница?

Стах не ответил. Засопел, откинувшись на спинку, прижал ее к стене.

- Мне одному будет тяжело. – Мэдмакс покачал головой. – Если тварь внутри села, и ее ни разу не видели, ни разу не нашли следы, ведущее к ее дому, понимаете? Здесь нужна команда. Вся наша команда.

- Вы не возьметесь за дело? – Вайсман разом поменялся. Нет, он не собирался возмущаться, шуметь, ругаться. Старик, сухой и желтый, выпрямился. Гордо и независимо, готовясь принять выбор.

- Возьмусь, - буркнул Макс, - вопрос в оплате. В письме указали...

- Кхм... - откашлялся Вайсман. – Видите ли какое дело, молодой человек. Указанной в письме суммы у меня нет.

Мэдмакс выдохнул. И еще раз. Прикусил губу и покосился на старика. Тот смотрел честно, открыто и немного по-детски.

- Вы... - охотник покачал головой. – Даже не знаю...

- Знаете, - обрадованно кивнул Вайсман. – Точно вам говорю, молодой человек, что знаете. Более того, вполне понимаю, окажись вместо меня кто моложе и сильнее, вы сейчас били бы морду. Или морды, это уж как выпало бы. Но!

- Что?

Вайсман усмехнулся. Хитро, по лисьи, перестав быть больным стариком и превратившись в опытного и умелого игрока.

- Я дам вамного больше, молодой человек. Столько, что вам хватит. И я не про вас одного. Я про всю вашу команду, про всех мальчиков и девочек, живущих под крышей дома Братства. Хотите взглянуть?

Ночь пришла быстро. Как и всегда, впрочем. Смазала небо полупрозрачным серо-голубым покрывалом, моргнула сквозь него искрами звезд, разлила густое черное марево. Сухой трескучий воздух уходил, опускался к раскаленной за день земле. Ветер, пробившись через тягучее уснувшее марево, нес еле уловимую свежесть.

За стеной-заплотом, собранной из заостренных бревен, торопливо доделывали оставшееся люди. Село-форт стояло крепко, но не особо широко. Не из-за кого, народа в нем селилось не так и много. Не с чего, если честно. Скотина, кожа, мясо, больше ничего здесь не водилось. Всего добра – луга за холмами, рядом с рекой. Само село там не строили, опасались речных жителей. То ли зря, то ли нет, за временем не разберешь.

По трем улицам, ведущим к площади, сторожа разжигали редкие факела и костры. Не для обогрева, для сбережения. Ночь здесь накрывала темнотой глухо, напрочь, а караулить стоило постоянно. Степь она и есть степь, кого в ней только не носит, особенно по нынешним временам.

Сторожей у сельского головы много никогда не случалось. Хорошо, хватало выставить на четыре вышки, торчавших по углам и оставить двоих бродить промеж домов. Еще лучше, что смог их вооружить. Может, в городе те карабины и за оружие б не сошли, то ладно. Здесь радовались любой нужной вещи. А уж настоящим нарезным, на семь зарядов, самовзводным железякам – в особенности. Только вот с патронами с недавних пор стало совсем не ахти. Одна надежда, что Альянс все же наведет порядок, хотя верилось в то с трудом. Что должно снова случиться, Господи милосердный, чтобы города объединялись? Ох и брешут чать люди, чтоль, а?!

На вышках, натужно пялясь в тьму за стеной, стояли всяк по-своему. Кто вертел головой по сторонам, стараясь если не увидеть, так хоть услышать, кто сидел смирно. Да и верно, чего уловишь

человеческим-то ухом ночью посреди бескрайнего травяного моря? Скорее запутаешься, сам себя накрутишь и натворишь чего ненадобного. Но то всего на одной вышке, где елозил по узковатому коробу совсем зеленый Мураш. На остальных, хвала Всевышнему, голова сподобился найти нормальных взрослых мужиков. Что там тот Мураш, только-только пятнадцатую весну разменявший?

Джонбуль, из бывших наемников, уже с сединой в башке, Лешак, разменявший двадцать пять и Бредень, годившийся в свои тридцать с гаком, небольшим таким гаком, тому же Мурашу в батьки. Вот эти-то, становой хребет, на них селяне полагались как на самих себя. И уж ладно, что Бредень через день на вышку именно бредет, заплетая да еле волоча ноги.

Все знают, горе у него, три года назад из городских охранников выгнали. Страдает человек, не видно, что ли? Кто ж после такого в самый зад округи ехать захочет? Зато опытный, умелый, стреляет, когда трезвый – любо да дорого. А что руки каждый день трясутся, так то не страшно. Как что случись, уж не подведет. Точно вам говорю, ни за что не подведет.

Мураш, потихоньку становящийся опытнее, на себе понявший многое, ладил себе стульчак из обрубка бревнышка и прихваченного тулупчика. Знаем мы эту вот жару, ага. В мае жди-не жди, а холодину ночную проморгаешь легко. Точно, как пить дать, это Мураш помнил до сих пор ноющим пахом, куда отдавал воспаленный пару недель назад пузырь.

Факела, потрескивая, разгорались от ворот и до второго въезда, открываемого только для стада. Мураш, нахохлившись, ловил ртом воздух, становящийся все прохладнее. Навалившаяся неожиданно жара выматывала. Чего уж, самому себе не наврешь, а в сторожа он пошел и из-за лени. Ну не любил днем работать, пасти, рыть, косить, таскать и остальное. Остального хватало по египецку макитру, а Мураш ей как-то пользоваться не хотел. Днем спишь, ночью торчишь. Раз в неделю выходной, делай чего хочешь. Не жизнь, сказка.

Из степи, переливаясь длинными сбивками, накатил вой. Пронзительный, тоскливый, глухо затухающий злым рыком, ушедшим в еле слышное ворчание. Глухое, неожиданно низкое, поднявшее все волосы дыбом. Мураш, замерев, не уловил упавшее бревнышко,

точнехонько жбьякнувшее его по ступне. И смог удержаться, закусив рукав и ловя глазами блескучие белые звезды боли. Кто там, что, а?!

Уронив тяжело упавший тулуп, ухватил карабин. Упер ложем между ошкуренных верхушек бревен, приложился к прицелу. Еле-еле работающий ночник, в половину ружья длиной, вспыхивал мерцающей зеленью, ловя обманные тени, падающие повсюду. Сопя, Мураш водил стволом, пытался поймать хотя бы что-то... Не выходило.

Сердце билось внутри как у кролика. Дыхдыхдыхдых, Мураш старался не шуметь, но не выходило. На соседней вышке Джонбуль еле слышно звякал ложкой и в ус не дул. Ну, как же так, а? Мураш злился, но ничего не говорил. Хотя вой вроде бы больше не повторялся.

- Эй, ты чего там елозишь?

Полторашка, старшой караульных, стоял внизу, не поднимаясь вверх. Неужто тоже ничего не слышал?

- Вой слышал?

Тот сплюнул, поправил кобуру с большим «люгером» на торчащем животе.

- Ну, слышал. Волк, че уж.

Мураш закивал. Ну да, волк, чего ж еще-то?

В волка верить хотелось куда больше. Но как-то... не верилось.

Мураш хмуро посмотрел на старшего, топчущего дальше по улице. Да и ладно, и хорошо б, что бы там волк оказался. Но если чего...

Звезды кружились, нарезая хитрые кривые и закручиваясь спиралями. Ночная прохлада обернулась стужей. Сковала пальцы, ломала дыхание острыми кристалликами, трещала деревом карабина. Нахлынувшую тишину разрезал странный свист, соловьино летающий где-то внизу. От него хотелось зарыться в густой и воняющий недавно выделанной овчиной тулуп, читать вслух молитовку и страшно жаждаť хотя бы краешек рассвета. Хотя немного, хотя самую тонкую розовеющую полосу...

Мураш, скрипнув выстуженным горлом, ухватился еле слушающейся рукой за бортник. Скрипнул треснувшим деревом, охнул от щепок, впившихся под ногти. Кровь закапала тут же, не лениво, а совсем даже весело покатилаь вниз торопливыми темными

шариками. Снизу, смешиваясь со свистом, поднимался вверх сопящий и ухающий хрип. Поднимался вместе со стуком от лестницы, ходившей ходуном. Ступени скрипели, прогибаясь под кем-то тяжелым.

Тело не слушалось, голова отдавала колоколом часовенки брата Петра, колени тряслись, не давая встать. Мураш всхлипнул, ухватившись за валяющийся карабин. Оперся, подтягивая себя к краю площадки, как мог – нажал на предохранитель, боясь выглянуть вниз. Зубы стучали, дыц-дыц, друг о друга, с костяным противным звуком.

Он перевалился, нацелив ствол на пыхтящего кого-то. Заорал, почувствовав ледяной металл спусковой скобы и стараясь нажать, вдавить ее, потянуть сильнее. Но пока у Мураша получался только крик. Рвущийся из озябших до дрожи легких, из ледяного горла, рвущийся наружу, но никак не мешающий тому, кто старательно шел за ним.

Джонбуль, дрожа бледно-мучнистым лицом с плачущими кровью глазами, дергано полз вверх. Скалился белыми зубами провал рта, надсадно хлюпал горлом. Лестница тряслась, мертвец, недавно бывший товарищем Мураша, рвался к живому.

Карабин грохнул, еще, еще. Пламя высветило погибшего ярче, выхватило безумие, искорежившее лицо. Мураш кричал, давился слезами от страха, приклад снова вмазал в плечо. С лестницы несло кровью и гречневой кашей с мясом. Той самой, что Джонбуль только вот-вот ел на своей вышке. Мураш бормотал под нос, читал защитную, еле вспоминая слова. И, скрежеща латуnią о сталь, поспешно заряжал карабин. Не-не, с поста он спускаться и не думал, ни за что. Хватит, здесь посидит, с высоты поглядит.

Лучше бы он...

Черную кляксу он рассмотрел сразу. Увидел метнувшуюся к тыну тень, подхватился углядеть ее в ночной прицел. Факела по улице не горели, лишь ветер разносил остатки вонючего дымка. Тень прыгала ломаными быстрыми прыжками, пряталась в темноте у домов. И что-то несло. Что-то...

Когда Мураш уже захотел стрелять, «что-то» еле слышно пискнуло и заплакало. Спуск сторож так и не выбрал. Подруга «тени» все это время пряталась под вышкой. Так что... не вышло.

«Чистильщики пустошей: первая кровь» (Хроники Руин, потерянный том)-4

Живой-1:

Голова стонала и почему-то звенела. Таким, ну... Настоящим и тяжелым звоном тех самых церковных колоколов. Д-до-о-он, д--до-о-он... ох, бывает же.

Нет худа без добра. Только вот думал, что нечему болеть будет после взрыва, обрушившего коридор. А раз думал и раз болит, то живой. Интересно, надолго? Интересно, а что дальше?

Ответы пришли сами. Притопали, отдавая жутким грохотам в голове, скрежетали чем-то, навалившимся на него сверху. Пыль, поднятая кем-то, оседала гуще, клубилась вокруг, забивала нос, сочащийся кровью. И даже успел испугаться, когда воздуха вдруг стало не хватать. Горло, перекрытое пробкой из сгустков крови, грязи, цементной крошки, хрипело, прогоняя его в легкие. Из обеих ноздрей при выдохе вылетали колкие и затвердевшие ало-серые сгустки.

В спину что-то упиралось. Твердое и тяжелое. Еще когда не опасался на жизнь, попытался разобраться. Показалось или нет... хотя нет, точно, нет. Не показалось. Балка перекрытия, стальная и негнущаяся, рухнула, упершись одним концом точно между стеной и полом. Не придавила, прижала его к плитам, защитила, приняв на себя вес рухнувшего перекрытия. И теперь не отпускала. Вон, только левая рука торчит куда-то между куском потолка и несколькими кирпичами. Не пошевелить, не вздрогнуть, ничего.

Ну, и где те самые грохоталы?! Дышать-то все сложнее...

Заскрипело, балка неожиданно пошла вверх и в сторону. Застучали, падая, обломки, куски штукатурки, осколки бетона и арматура. Пыли стало больше, зато получилось вдохнуть. От ведь, неужели он просто-напросто боится замкнутого пространства?! В жизни бы не подумал.

- Быстрее, - пророкотало сверху, перекатываясь горным обвалом, - нужен ей живым...

В ответ рывкнуло, да даже сильнее. Его могильная насыпь затряслась, заходила ходуном.

- Аккуратнее! – обвал превратился в лавину. – Олухи!

Захрустело медленнее, осторожнее. Балку, с уханьем и руганью, не опускали. Держали, оберегая его, заваленного, от нечаянной возможности покалечиться. Хреново. Друзей здесь он не ждал.

Свет лег на лицо, заставил зажмурить и без того слипшиеся ресницами веки.

- Живой... - довольно пророкотал хозяин баса-лавины. – Вытаскивайте. А ты, человек, теперь пожалеешь, что не умер.

Ну да, это и так ясно. Он уже пожалел. Тут его рванули сильнее и получилось спрятаться от страха. Прямо в густую вязкую тьму беспмятства.

- ... там вас встретят. Следите за ним, требуется живым.

Голос... женский. Красивый и страшный одновременно. Голос отдавал медом наслаждения и сталью боли. И почему-то думалось, что он его уже слышал. Где, когда?

Неважно. Все, случившиеся за последние сутки, наваливались непроницаемо-черной глыбой, вбивали мысли внутрь, не давали соображать. Все, что успел заметить, о хорошем не говорило.

Пристегнут к откидной лавке внутри КУНГа. Эт точно, ее ребра ни с чем не спутаешь. А машина явно стояла на консервации, не скрипит, не стучит, даже все ящики родные. Да что ящики... Краска на потолке родная, защитная до той степени, что никогда не забудешь. Сволочи, чего только у них нет.

Перед глазами появилось лицо. Рожа. Морда. Харя. Как хочешь назови, не ошибешься. Белесое, до синевы, местами точь-в-точь пластик, плавающий пузырями. С медными контактами, вросшими вокруг левого, полностью искусственного глаза. Кто это? Станный вопрос для текущего года от рождества Спасителя.

Солдат Полуночи. Порождение человеческого гения, восставшее против создателей. В случае этого солдата – именно так. Иначе, взялся бы он за лицо прикованного человека именно таким макармом? Издевательски, стальной хваткой, до боли и хруста зубов?

- Пришел в себя, а? – Живой глаз плескался изнутри безумием. – Пожалеешь, что не умер.

Осталось только оскалиться. В курсе он, в курсе. Харя исчезла. Вместо нее появилось вторая. Этот смотрелся лучше. Хотя, чего уж, не был Солдатом. Мутантом – скорее всего. А вот каким... да какая разница. Выглядел самым обычным человеком с открытым и располагающим лицом. Без особых примет, так сказать.

- Мне дали указание подлечить вас, - откуда-то появились очки, тут же оседлавшие переносицу, - я это сделаю. Хотя, конечно, это хуже для вас. Пожалеете, что...

- Знаю, - слова вышли наружу с трудом, раздирая глотку, - но я не умер.

- Очень хорошо. – Очки довольно мотнулись вслед за лицом. – С разумом явно все в норме. Начнем.

- Куда меня везут?

Врач не ответил. Чем-то звенел, шелестел, изредка звякал. Краем глаза стали заметны два больших пузыря с прозрачной жидкостью. Ясно, сейчас внутривенно вольют чего-то для бодрости. Что тела, что духа. Значит, нужен. Кому?

Сверху снова заблестел рожей Солдат.

- Уже жалеешь?

Хотелось плюнуть прямо ему в харю. Только сил не было.

- Курить хочешь? – Солдат покрутил в руках толстую «гавану». – Ан хрен тебе.

Хрен так хрен. Захотелось закрыть глаза. Вместе с чертовыми лекарствами наваливалась свинцовая усталость. Солдат закурил. Дымок настоящей «кубинки» поплыл внутри машины, сладкий, густой, настоящий до жути. И откуда у них такая радость, интересно? Хм, тоже мне, загадка... Оттуда же, откуда и у остальных. Из Портов.

Порты. Архангелогородск и Романов-на-Мурмане, Архангельск и Мурманск, северные ворота страны, ледяная прихожая Империи. Два города, выжившие и восставшие из пепла войны. Вставшие на ноги и держащиеся до сих пор. Осколки державы, ставшие чем-то другим. Не пахло там остатками государства.

Пахло дельцами, огромными барышами, рабами в трюмах, апельсинами и табаком с Караилов, ароматными маслами Осама на чистых и гладких шлюхах, терпким темным ромом и соленой икрой, засахаренными лимонами и сталью бронепоездов, сторожащих Порты

с суши, порохом и потом тяжелых артиллерийских комплексов, охраняющих оба города с моря.

Ровные улицы, чистые окна и стены домов, форты, вынесенные далеко за городские линии. Фонари, запитываемые электричеством и газовое отопление. Чистая публика, гуляющая по бульварам и яркие витрины магазинов морской торговли. Моряки, моряки, моряки. Всех цветов кожи, всех языков, всех флотских форм. Тех, что смогли выжить и заново открывать для себя океаны.

Если бы люди не выходили в море, что стало бы с ними? А они выходили. Тысячу лет назад, сто лет, сейчас, когда море стало смертельно опасным. Когда у сторожевика и рыбацкого баркаса зачастую равные шансы вернуться. Морские твари разные. И если хитрых среди них много, то тупых, жадных и голодных – куда больше. А ведь чем крупнее добыча, чем лучше пожива. И если рыбацья артель Моржа могла пройти на крохотном сейнере до Каниного Носа и вернуться, то экипаж Убера, идущий на эсминце «Разящий» к Кондопоге, мог остаться на дне. Морская русская рулетка. Выживет более везучий.

Но люди не сдавались. Не того покроя, не того крутого засола. Их деды выдержали Полночь, отвоевав Архангелогородск у стальной орды взбесившихся боевых автоматизированных систем. Их отцы выстроили города заново, назвали их Портами и наладили связь с остатками Империи, нашли таких же, нестигаемых людей моря и позвали к себе. А им, живущим сейчас и здесь, досталось продолжать воевать за два выхода в другой мир. Относительно удобных и безопасных. Порты стояли гордо, как оба ракетных крейсера первого ранга, «Аскольд» и «Рюрик» на рейде Мурман. И пусть ржавчина видна даже с прогулочного бульвара... это не страшно. Куда страшнее ржа, проникшая в города с первыми же гостями.

Офицеры, мичманы и матросы Его Императорского Величества Военного флота держались дольше остальных. Некоторые держатся до сих пор. Вот только есть нужно каждому. И если выпадает сопровождать транспорт с закованной рабочей силой, идущий под флагом Карайбов на плантации тростника, везущий живой груз рядом с рудой, деревом, воском и пшеницей, то велик ли выбор? Хотя выбор каждый делает сам для себя. И выбор главных людей Портов совершенно не совпадал с выбором Братства.

Братство относилось к царящим в Портах порядкам... с пониманием. И принимало их. Слишком многое стояло на кону, слишком многое требовалось не имеющегося ни в Альянсе, ни в Итиле, ни где-то еще. Рогатинами и арбалетами, все чаще мелькающими на землях Фронтира, много не навоюешь. Особенно если против тебя, наливаясь огромным нарывом, вздувается непроницаемо черный пузырь Прорыва, готовясь выпустить своих чертовых детишек.

Так что, окажись кто-то из Братства в Мурмане в самом начале, ни за какие коврижки не стал бы коситься или провожать злым взглядом крепкие фигуры в черной, синей, коричневой или любой другой моряцкой форме. Выпендриваться и бороться за права человека – все потом. Сейчас за жизни бороться надо, за людей, за территории, вычищая их от всей дряни. От Солдат Полуночи, от некроформ, от созданий Прорывов.

Да и, чего там, рядовые мареманы и чистильщики друг друга уважали крепко. Также крепко, как лупили порой друг друга в кабаках на Портовой или Адмиралтейской, накидавшись не менее крепкого привозного пойла. Порой флотские даже выигрывали локальные схватки. Но, в целом, войну приезжим крутым перцам – проигрывали.

А так... парни и девушки Братства, не стоит врать, любили редкие поездки в Порты. За дорогуций, но такой настоящий и редкий комфорт настоящих гостиниц. За диковинные вещички и провизию, продающиеся только здесь за цену, что всеж таки доступна. За шумный многоголосый говор день напролет и толпы спокойных людей, снующих взад-вперед. Порты не спали, никогда. День равнялся ночи, а ночь переходила в день с легкостью рук карточного шулера. Также ловко и незаметно.

В Портах нужно смотреть и в оба и знать – кто здесь главный. Потому как обмишулить может любой прохожий. А главный здесь – его величество флот со своими людьми. Черно-белые строгие прямые фигуры и корабли. И не совсем ясно – кто главнее.

«Чистильщики пустошей: первая кровь» (Хроники Руин, потерянный том)-5

Село гомонило на сотни разных голосов. Заполошенно визжали бабы, в тон им подвывали молодки и совсем молоденькие девчонки. Угрюмо перебрасывались матюгами хозяева и тут же, поддакивая, вступали наемные работники и приживалы. Село густо наливалось гулом и воплями. Село смердело страхом и недавней смертью. А уж запах крови разлился по накатывающей дневной жаре так, что не уловить оказалось невозможно.

Ох, как косились на него, ох и косились. Ну, как же? Кто смог узнать и растрепать по селу чем Мэдмакс на жизнь зарабатывает? Да хрен его знает. Но кто-то определенно пронюхал и растрезвонил. Чего уж теперь, остается только ловить взгляды, слышать шепотки за спиной и ждать, когда кто-то решится первым качать права. А как еще? Припорол, наглый, оруженый, умелый и... и вот, снова трупы, снова кровищи размазано по земле. А он чево? Чаю пил у жида да спал. А? Каково, братки? А вот щас...

Щас... угу, вот прямо щас и будет. Сколько раз такое случалось? Сколько... столько, сколько нужно. Сами виноваты.

Это как с любой болезнью, разок решил, что само пройдет, на второй случай рукой махнул, а потом – доктор, доктор, обязательно из меня кусок вырезать?! Да, хотя можно это не делать, смотрите сами. Вариант, правда, не особо красивый, потому как помирать придется в гноище, агонии и соплях со слюнями. Ну, либо отрезаем. Не хотите без яиц жить? Варианты уже сказал, а на будущее, если есть сыновья, передайте им простую вещь – не пихай, куда попало.

Как можно терпеть рядом с собой убийцу? Убивающего или убивающую семьями? Трястись со страха, оставаясь на месте и ждать, ночью, не придет ли к ним? Как...

Мэдмакс вдруг сообразив, вздохнул и отправился в дом. Нечего ему тут ходить, искать и вынюхивать. С усталости вчера не понял, а старики, верно, побоялись сказать давно понятную им правду. Почему?

Не суть, разбираться в этом не его дело. У него оно иное, пахнущее порохом, сталью и кровью.

- Жертвы приносили? – он уставился на деда Стаха.

Тот мотнул головой, стараясь не глядеть в глаза молодому да раннему. Стыд в них плескался, понятное дело, офицер, наверняка боевой, сам себя гложет, что постарел и справиться никак не может. Или в чем еще дело?

- Да. Оставляли на площади каждую неделю. Мужиков специально отправляли на тракт, бродяг ловить, пока старый голова был. Этот недавно, пару месяцев и продержалась тварь, пока не начала в селе жрать. И ладно бы жрать, а то как наказывает, убивает больше, чем в нее влезло бы.

- Уверен?

Дед Стах пожал плечами.

- Не знаю я, кадет, что и как. Знаю, что меня как-то связывали и в холодную кидали, есть у нас тут избушка для выпивох забулдыжных. Да бока намяли, ладно, живым оставили и дом наш не спалили. И то, веришь-нет, все ж дело в Изиных шахер-махерах, без него селу в сев не выжить, они же за зиму вчистую подъедают все, даже семенную рожь жрут. И самогон курят из нее же, чтобы ночью было чего хлестать с горя-тоски. Привыкли, что как сеять, везут фурой на посев зерно. Твари, ненавижу.

- Ненавидеть мало. – Мэдмакс сплюнул. – Почему в город новый голова ничего не доложил? Альянс бы нас сам отправил, нанял бы от властей.

- Да потому как никто против них не пойдет.

- Против кого?

Дед Стах раздул орлиный нос, блеснул молодо-злыми глазами.

- Усадьба с дороги же не видна. Ложбинка идет у речки, вот там на берегу они и живут. Хозяева местные, знамо дело, Лисицыны. Лисами так и кличут, само собой. Не пойми кто и откуда, но документы честь по чести у них, в ратуше заверенные, с печатями и ярлыком. И появились же не сразу, приехали как село на ноги встало, вроде как старый дом восстанавливать. Довосстанавливались, как говорится, пиявками присосались, тянут и тянут себе.

- От усадьбы сюда ведет ход?

Дед Стах кивнул.

- А как еще-то? Ну, как, скажи на милость, сюда они попадают, коли все следы только тут и ведут к площади, ими же замощенной?

Мэдмакс почесал щетинистую щеку. Вот оно как, значит.

- Сегодня была не одна особь.

- Чего?!

- Зубы разные, те, что остались на расстрелянном и те, что на убитом мальчишке, разные. По размеру, по форме зубов, само собой. Я не эксперт, но это видно без специальных устройств с исследованиями.

- Вот так так... - дед Стах сел на лавку, хлопнув себя по коленям.

– Как плохо то оно выходит, аяй. Что думаешь, кадет?

Мэдмакс присев напротив него, подтачивал нож. Время есть – займись оружием, спасибо скажет.

- Мутант. Мой товарищ предложил называть таких высшими. Я не против. Вы против?

- Да мне...

- Хорошо. Почему мутант? Один караульный расстрелял другого, это же не просто так. Любой из двоих оказался под ментальным воздействием, и, скорее всего, застреленный. Не с чего тогда было бы убивать второго, разрывая ему глотку. Толку от такого не особо много, а создания некросферы не умеют поднимать миньонов так быстро. Единственный вопрос, имеющийся у меня – зачем им жертвы и вообще жрать плоть?

"Чистильщики пустошей: первая кровь" (Хроники Руин - потерянный том) - 6

Мэдмакс присев напротив него, подтачивал нож. Время есть – займись оружием, спасибо скажет.

- Мутант. Мой товарищ предложил называть таких высшими. Я не против. Вы против?

- Да мне...

- Хорошо. Почему мутант? Один караульный расстрелял другого, это же не просто так. Любой из двоих оказался под ментальным воздействием, и, скорее всего, застреленный. Не с чего тогда было бы убивать второго, разрывая ему глотку. Толку от такого не особо много, а создания некросферы не умеют поднимать миньонов так быстро. Единственный вопрос, имеющийся у меня – зачем им жертвы и вообще жрать плоть? Эти самые... Высшие, обычные люди со странными способностями, не более. Хотя, конечно, мало что мы знаем. Да и сумасшествие всегда имеет место быть, а когда убивает безумный мутант, то какая разница – какова причина. Надо останавливать и не более. Сколько Лисов?

Дед Стах закурил, задумавшись. А верно оно как выходит, вот ведь... И впрямь, как лисы в курятник, птицу душишь, так и эти в село шастают.

- Пятеро было, если ничего не случилось. Двое, нет, трое в обслуге. Кухарка, дворник-сторож и механик, что за кучера легко работает. А Лисы, так-то, семья семьей, отец с матерью, трое детей, сыновья и дочурка. Неужто все же они?

Мэдмакс ухмыльнулся. Паскудно и мерзко.

- Все вы знаете, думаю. Верить не желаете, и немного боитесь, и то из-за возраста с неуверенностью в себе. Так-то бы, полагаю, тварь уже валялась бы на площади с простреленной башкой и вся недолго. Штуцер у вас уж больно знатный, товарищ поручик.

- Почем знаешь, что я из краснолентников?

- По отношению к людям и разговору. – Мэдмакс убрал нож и достал второй, из-за голенища. – С простыми те ваши, которые господа, через губу так и говорят, пусть страну наизнанку вывернули, как шкуру спущенную.

Перед Полночью, как говорили старшие, страна почти сошлась в схватке, деля правду, свободу и саму жизнь. Война остановила, смешав все карты, стало не до того, но старые обиды с убеждениями долго жили с остатками прошлого. С людьми, жившими перед Полночью.

- На площади дом головы, трактир и церковь?

Дед Стах кивнул. И хитро прищурился.

- Понял куда ведешь. Кабак Лисы строили на месте старого, только и храм они поднимали. Тот с нуля, с фундамента и остального. Неужто...

Поручик помотал головой.

- Ну, не мож...

- Еще как может. – Мэдмакс кивнул ему. – Интересно только, как умудрялись люди терпеть такое, а? Совсем совесть потеряли, одичали тут, зверьем стали?

Дед Стах не ответил. Прошлый голова держал село железно, крутил как хотел земляками, да нашлась и на него напасть. Удиравший от жандармов наемный отряд прошелся рядом, хотел припасы пополнить. Понятно, баб бы так и так помяли, коров, голов три, зарезали и погреба разорили. Он сам тогда только из-за Изи и не полез в драку, просидев все время, что трое бойцов шарили по закромам хитрого старого еврея.

- Эти, Лисы, неужели никто их не держит на подозрении, все же?

- Они да Исаак, вот кто село спасал, говорю же. Да и хозяева. Люди скрытные, на людях почти не показываются, выбирают, так пропадают в степи, никто их не видит.

- Интересно.

Интересно ему, ишь каков.

- Ночью пойду. – Мэдмакс хмыкнул. – Как все спать начнут укладываться.

- А я с тобой.

- Нет. Я отвечать за вас не смогу.

- Ой, ты мне еще тут попыхни, мелочь... - дед Стах ухмыльнулся не хуже самого Мэдмакса, заострил усы. – Да я с генетическими

дрался, когда тебя и в помине не случилось. И даже против Прорыва стоял как-то. Указывать он мне тут вздумал. Ты лучше это, скорострелку свою не бери, а пошли со мной, покажу кое-чего.

Мимо кабака, гомонящего злыми пьяными людьми, они прошли быстро, кроясь в тени от домов. Круглая каменная площадка посреди обычного села смотрелась странно, никак не вписываясь, но сейчас Стах смотрел на нее иначе. Вот оно как, значит, повернулась щедрость Лисья, подлюки такой... эх.

Церковь, вернее, храм, в селе выстроили знатно. Поставили крестом, упрятав алтарь в дальний, короткий конец, в боковых пристроях разместили отца Петра и богадельную гостиницу, где останавливали переходящих добрых людей. Сложили здание из камня, вывозя тот из брошенных карьеров предгорий Камня. Его южные отроги проходили не особо далеко, Лис тогда нанимал немало вожов с быками, несколько месяцев доставляя бело-крапчатые валуны. Дед Стах даже радовался, заааживал к отцу Петру частенько, пусть и придерживался чуть другой веры. Казался ему тот не просто умным, чудился в немолодом пузанчике добрый и хороший человек, и ошибиться даже казалось обидным.

- Закрыто. – Мэдмакс вернулся от входа. – Даже не странно.

- У меня есть ключ от богадельни.

Мэдмакс скользнул в тень за храм, потянул за собой Стаха.

Патруль разжигал факелы, прошлой ночью никому не помогшие. Отпатруля остались рожки да ножки. Полторашка, трезвый как стекло Бредень и присоединившиеся трое батраков. Остальные заливали страх в трактире и по домам, стараясь не смотреть в окна. Приди сейчас со Степи кто из находников, так смерть селу, гореть в огне, а людям идти в рабство, или поливать землю своей собственной кровушкой, вот и все.

Ключ у деда Стаха образовался по просьбе самого отче Петра, как-то раз занемогшего и просившего его навещать. А назад тот его то ли забыл попросить, то ли еще чего, но если паренек с оружием прав, то сделал сельский батюшка изрядную ошибку. Если это, конечно, не ловушка.

Мэдмакс, впрямь оставив у Исаака винтовку, вооружился знатным обрезаом, закрепив тот в кобуре за спиной, на патронташе, сплошь утыканном патронами. Те оказались непростыми, старый хитрец давно

промышлял серебро, заставляя Стаха отливать из него картечь с жаканом. Ровно как начали на сельской площади жрать людей, так и повелось, регулярно покупать серебришко и делать из него оружие. Пригодилось, надо же.

Внутри парень вошел со своим дробовиком, на семь зарядов и автоматическим. Стах даже не спорил, откопав в собственных закромах короткий штурмовой пистолет-пулемет и для начала предложив тот Мэдмаксу. Но он отказался, мол, если уж решил идти со мной, то хотя бы обезопасься. Вот и пригодились две последних пачки сберегаемых патронов, заряженных в рожки.

Церкву строили по странному канону, такая подошла бы на родине Стаха, с врезанными стеклами, витражами и окошечком под самой крышей центрального входа. Через приоткрытую дверь комнатки, где останавливали гостей, Стах пока разглядел только сизоголубые полосы от луны, падавшие через проемы.

Дверь к Петру, в его небольшую конуру, темнела напротив.

- А какую ветвь Господней церкви тут держат? – поинтересовался Мэдмакс, на ухо и еле слышным шепотом. – Откуда скамейки?

Дед Стах пожал плечами. В эти дела он не совался и не думал, ходят селяне в церковь и ходят, ему какое дело?

- Эх и странности у вас тут. Хорошо, прикрывая мне спину, проведу схожу вашего попа.

Двигался паренек легко, хорошо так, как егеря в части самого Стаха. Половицы даже не скрипнули, когда тот оказался у нужной двери и, ничуть немедля, ворвался внутрь. Сдавленно крикнул Петр, Стах похромал в ту сторону, озлившись на самого себя и тело, вдруг решившее подвести в такую нужную пору.

Но он доскакал-дочилял, слыша, как пришедший охотник на нечисть уже начал свое дело. Отец Петр сдавленно мычал, так, как вопят от боли с кляпом во рту. Ох, верное ли дело они тут делают, а? Господь Бог все видит, чего уж, и достанется же потом старому висленскому поручику, конец жизни своей точно встретившего почти в киргиз-кайсацкой степи, ох, достанется.

Поп сидел на стуле у небольшого комода с откидной полкой, пользуемого им как письменный стол. Руки замотаны за спинкой, во рту кляп, глаза блестят в свете керосинки без колпака. И взопрел весь, пахло так, что Стах чуть не поперхнулся, залетая внутрь.

- Сейчас ему скажешь, на что ты мне башкой кивал, раб Божий. – Мэдмакс, убирая горячий, по запаху, нож в сторону, кивнул Петру на Стаха. – Так?

Петр замотал головой. Мэдмакс снял кляп, приставив нож обратно, к шее, где уже темнел вздувшийся ожог.

- Стах, прости уж меня, все верно, все так, я виноват, открывал демонам этим, запуская в село через храм. Господь накажет, он же все видит, Господи милосердный.

Стах, как стоял, так и сел, на узкую вдовью кровать попа. Вот оно как все обернулось, а ему переживалось, мысли в голове так и прыгали. Ошиблись, не ошиблись, безвинного вдруг заденут... Эх, ну как так?!

- Сволочь ты, Петр. Еще имя какое носишь, а такая гнида. Зачем оно им, ну?!

- Не знаю я, вот крест хоть поцелую, запугали, завели страхом к дьяволу. Слаба плоть, Стах, перепугался за себя, смерти боюсь.

- А чужой не боишься? – Стах задрожал пальцами, доставая сигаретку и прикуривая. – Когда отпевал их, бедных, ничего тебе не грезило от него?!

И уставился пальцем вверх, в потолок. Петр не ответил, застыдившись, лишь хлюпал носом, плакал, комкая мягкое и почти безбородое лицо.

- В алтаре ход? – Мэдмакс толкнул его в плечо. – Ну?

Поп закивал, перебегая глазами с одного на другого.

- Почему тварей две? Откуда взялась вторая?

- Так сука эта, мать Лисенков, видно дочку подвела под себя. С ней и выходила в последний раз, когда мальчишку та загрызла.

Мэдмакс кивнул, странно нахмурившись.

- А остальные?

- Нет, эти две только. Девчонка в возраст вошла, самая ведьмина подлая порода и полезла.

- Чушь. – Мэдмакс сплюнул, наплевав на божий дом. – Хотя...

И поманил Стаха наружу, в темноту церкви, поговорить.

- Латентный мутировавший ген?

Стах криво дернул лицом:

- Я ж не знаю, сынок, что ты... Нас просто учили – увидел не человека, сомневаешься, так стреляй, не время гуманизмом

заниматься.

- Хорошая практика. Надо идти. Может, один схожу?

- Их пятеро. Пусть две, как он говорит, те самые твои мутанты, верно. Но неужто трое мужиков своих баб в обиду дадут просто так?

- Верно. Хорошо.

Петра охотник сдернул рывком, перерезав веревку. Вывел к алтарным воротцам, кивнул на них.

- С нами пойдешь. Не обоссешься, отец святой?

Тот не ответил, косясь на него с явной злобой и прячущимся страхом. Плохой взгляд, Стах помнил такие у некоторых своих солдат, готовых всадить в спину из ствола или воткнуть нож под лопатку. Осторожнее надо с человеком, носившим крест с рясой, а по сути являвшегося привратником у самых настоящих бесов. Кем бы те не были с точки зрения официальной науки, почившей вместе со всеми Институтами ЕИВ.

- Веди.

Петр шагнул в алтарь, очень привычно подоткнув рукава и полы рясы. Видно, открывается не легко, а идти придется грязь месить. Хорошо, обул старые свои сапоги, не мягкие поршни, как думалось.

И не ошибся. В низком тоннеле, лишь кое-где выстланном досками, с бревнами крепей, то и гляди, задевающих за головы, под ногами чавкало и жидко перетекало. Река неподалеку, вспомнилось вдруг, оттуда, надо полагать как-то тянет, грунты здесь слабенькие, дырявые ровно сыр.

Усадьба началась каменюгами, оставшимися с храма и выстеленными тут понизу. Грязь пришлось счищать, иначе сам не заметишь, как поедешь аки корова на льду и все тут. Дверку, низкую и точно неприметную, Мэдмакс открыл сам, держа дробовик наготове.

Внутри хода запах Стаху не понравился, сырой и тяжелый. Но тут...

Тут пахло как у Белебея, в его молодость, после брошенных в мясорубку Прорыва двух батальонов плохо подготовленных мальчишек. Три дня на раскаленной сковороде под жарящим солнцем, три дня Стах пролежал в обнимку с Евгешей, умершим на второй. Когда его отыскивали санитары, сбросившие тяжелые странные трупы и вытащив товарища поручика наружу, воняло также. Смердом и тленом. Только там создания, выскочившие после разорвавшейся черно-

масляной язвы, покрошили два батальона человек. А тут... А тут жили всего пятеро, если не считать обслугу. Только воняло так же.

- Назад. – Мэдмакс поднял дробовик, отступая.

- Поздно. – вздохнул Петр и ударил Стаха резиново выгнувшейся рукой.

Снизу вверх, выпустив из пальцев длинные черные лезвия.

Дед Стах глухо булькнул, когда те вспороли брюхо, рассекли кишки и, скользнув по груди, распахали ему горло. Попросить прощения у Господа у него так и не сложилось.

Мэдмакс прыгнул вперед, чувствуя, как что-то рвется в щиколотке. Дробовик ударил ему за спину, неуклюже выставленный, но зацепивший тварь, прятавшуюся за лицом священника. Та уже скакала в сторону, визжа от ярости, расплескивая черную жижу, плескавшуюся внутри вместо крови.

Дробовик стрелял патронами, что Мэдмакс набивал лично, чередуя обычную картечь с серебром. Сработало, доказав две вещи: работать все надо не одному, чтобы стрелять наверняка и, самое обидное, собственную ошибку. Тварь оказалась не Высшим, тварь родилась в некросфере, никогда ранее не виданная и неизвестно, как с ней придется. Стах? Жаль деда, но сейчас важнее спасти себя.

Его спас первый выстрел, кажущийся очень умной скотине, которой полагалось тупо жрать и убивать, нелепым и невозможным. Но свои козыри он никому и никогда не раскрывал, как и особенности собственного организма. Потому и попал, потому и смог догнать почти улепетнувшее тело, скачущее к лестнице на второй этаж, прямым попаданием с третьего выстрела. Серебряная картечь никого не делает здоровее, а паскудам, рождающимся в темной слизи некросферы, она прямо показана. Как летальный метод, само собой.

Он всадил еще один прямо в жутко ворочавшуюся голову, развернувшуюся на сто восемьдесят и ворочавшую глазами. Размазал ее, раскидав кость с мозгом, добавил еще один драгоценный заряд, не оставляя даже намека на башку. Без нее ни одно порождение странного мрака, дотянувшегося до людей, возродиться не сумеет.

Хозяева мертвы, обслуга тоже, ясно по запаху. Народившаяся среди них вторая тварь, извлеченная первой из некросферы, сожрала их. Глупая и очень опасная, жаждущая плоти для своего роста, потому и пришлось старшей находить жертвы, одну за другой, рвать их и

потом нести плоть с внутренностями сюда, пока та не подрастет. Вчера, видно, выродок в первый раз выбрался на охоту.

Значит, надо его или ее и найти, прикон...

Светлое и бешено несшееся что-то, Мэдмакс заметил в последний момент перед тем, как сволочь прыгнула на него, оттолкнувшись от балок потолка. Времени хватило лишь попытаться откатиться в сторону и выстрелить. Но картечь ушла в пустоту, подарив твари время и место для маневра. А еще дробовик заклинило.

Выстрел и боль пришли почти одновременно, ведь Макс очень дорожил своей жизнью и постоянно тренировался выхватывать пистолет как можно быстрее. Вот совсем как сейчас, лупанув в упор, добавив еще и еще немножко. Чтобы наверняка.

Только вот бедро ему распахали, кривыми черными когтями, очень хорошо. И глубоко.

Он успел сделать главное: после собственного ремня, затянутого на ляжке, выпустил вверх все оставшиеся патроны, надеясь, что сельские все же не полностью сыкуны и засранцы.

"Чистильщики пустошей: первая кровь" (Хроники Руин - потерянный том) - 7

Живой-2

Камера смердела страхом и болью. Въевшимися в гладкие плитки пола, в камень стен, в нержавейку слива, идущего от поддона под креслом к стоку. От стока смердело еще гуще.

Кресло, вмурованное посреди поддона, воняло въевшейся, вовек не отмоешь, кровью. Бурые пятна пятнали полопавшуюся и аккуратно зашитую и вытертую кожу. Ремни на подлокотниках и на подножке добавляли оставшуюся навсегда густую ноту горячечного пота.

- Чаю хочешь? – поинтересовался Горпагон. – Не?

Человек в кресле сплюнул. Просто слюной, еще не красной. Или уже не красной, какая разница. Зуб не вылетел с плевком и то хорошо. Чай... от чая он бы не отказался, чего уж там. Да еще если бы тот сладкий...

- Хочет... - Горгона кивнула за него. – Распорядись, побалуем подопечного.

Интересно, кто им подбирал такие «мирские» имена-прозвища? Кто другой и повторить бы не смог. Человек в кресле таким умением мог похвастаться. На интеллект жаловаться не приходилось, как и на память. Интересовало одно: Горпагон из-за жадности? Или просто Горгона была первой и ему пришлось подыскивать что-то схожее?

Она села напротив, поставив стул спинкой вперед, оседлав его и положив руки на спинку. Ну, конечно, это же придает такой значимости во время допроса. Красивая сучка. Тут врать самому себе не приходилось.

Черные волосы, до плеч, прямые. Черные-черные, как вороново крыло. Колкие карие глаза, смотрящие кончиками игл, вгоняемых под ногти. Узкие губы вытянутого и чуть кривоватого рта. Бледные, почти неотличимые от кожи лица. Но и они нравились... было в них что эдакое... навевающее мысли о полной сдаче греху похоти. Тоненькая, в

талиии ладонями обхватить легко. Подвижная, гибкая, дерганая ртутными движениями.

Вот такая выпала дознавательница КВБ. И не знаешь, плакать или радоваться. Женскую красоту он ценил.

- Храбрый ты человек... - протянула Горгона. – Или дурак?

Он пожал плечами. Какой смысл отвечать? Ей хочется совсем других ответов. Тех, что ему говорить совершенно не хочется.

Света в камере хватало. Здесь электричества не жалели, здесь электричество не только светило. Здесь оно еще и причиняло боль. Но пока до него еще не добрались. Пока.

Сапоги Горгоне стачал хороший сапожник. Талантливый, рукастый и не чуравшийся красоты. Блеск гладкого, в еле заметные складки, голенища чуть ли не слепил. Надо полагать, чистили их с вечера, а глянец наводили поутру. И уж точно не сама женщина. Денщик, да-да. Этих в последнее время стало все больше и больше.

- Ко-б-ее-е-ль... - с уважением протянула Горгона, проследив его взгляд. – Кобелина.

Он снова не ответил. Кобель. А что ей хочется? Чтобы сейчас человек напротив госпожи дознавателя сидел и трясся? Нет-нет, не про этот случай. Ни за что. Ни при каких раскладах. Лучше думать про ее ноги, длинные, тонкие, красивые и гладкие ноги. Без обуви, без тонких шерстяных брюк, скроенных у хороших швей. Как эти самые ноги могут обхватить его бедра, как...

Голова качнулась от удара, зубы щелкнули друг о друга. Ха, пропустил удар. Мастер был бы им недоволен. Очень недоволен.

- Мне нужны ответы. – Горгона потрясла ладонь. – Пожалей себя. Неужели не дорога собственная лысая башка? А, бородатый?

Дорога не дорога, не твое дело.

Дверь мягко стукнула, закрываясь. Горпагон, толкнув ее ногой, аккуратно поставил на стол три стакана. Настоящих граненых, в подстаканниках, одуряюще пахнущих недавно сваренным чаем. Именно сваренным, себя и нюх не обманешь. Чай из караулки, принесенный со столовой. Сваренный с сахаром в баке и только потом разлитый по чайникам. После двух недель воды и сухарей – просто манна небесная.

- Дерзил? – поинтересовался Горпагон.

Дерзил-дерзил, вон, левая сторона наливается тяжелым. Скоро глаз заплывет.

- Скорее делал комплименты, как я поняла. – Горгона подула на чай и отхлебнула. – Но переборщил.

- Дурак, - посетовал Горпагон, - так же нельзя.

А этот удар он не пропустил. И подставил лоб, с радостью услышав хруст и чуть позже полную боли ругань. Посмеяться не пришлось. Ногу сломать никак бы не вышло...

В себя удалось прийти быстро. Прокашлявшись так, что чуть не вылетел тот самый единственный сухарь, скормленный ему утром.

Горгона, не оставшись в одиночестве, смотрела на него задумчиво и мечтательно. От ее фантазий поневоле вдоль хребта пробегали щекотные мурашки, мешаясь с холодным и погано пахнущим потом. От того самого страха, появившегося наконец.

В компанию к госпоже дознавателю добавили угрюмого детину со шрамом на половину лица. Тот пока сидел за столом, практически невидимый из-за ярко светившей лампы.

Горгона, задумчиво вертела в руках какую-то хитро выгнутую железяку. Кончики ее, острые и раздвоенные, заставляли нервничать и крепче вжиматься в спинку стула.

- Очнулся...

Он усмехнулся и сплюнул. Надеясь, что его бесконечные харчки выведут ее из себя и его просто изобьют. Задумка не удалась.

"Чистильщики пустошей: первая кровь" (Хроники Руин - потерянный том) - 8

Глава третья: дом и его обитатели.

Милый дом...

Мэдмакс подъехал к воротам, ведущим к кварталу с штаб-квартирой. На воротах стоял усиленный патруль. Сразу шестеро вооруженных, в касках и нагрудниках. Седьмой, мрачный и лысый, тощий капрал косился на усталого молодого парня и явно хотел мзды. Но память старого служаки, воевавшего в Великий набег, не подвела. Узнавание мелькнуло кислой гримасой, но то ли жадность пересилила, то ли бдительность выросла, и Мэдмакса все же остановили.

- Пропуск, - капрал покосился на мешки, висевшие на робомуле, - что везем?

Вот что с ними сделать? Ведь знает, что будет пропуск.

Так и вышло. И показывать груз Мэдмакс совершенно не собирался. Пусть корежит капрала от вида бляхи, полученной в ратуше. Его проблемы.

- Смотри...

Вьюк, влажно и тяжело, упал на столешницу. Плотная мешковина, заскорузлая от крови, пропустила несколько никак не засыхающих потеков.

Доцент, удивленно подняв брови, повернулся к Макс.

- И что тут за...?

Тот пожал плечами, устало прошаркав к умывальнику в дальнем углу подвала. Нogu тянуло болью, острой, кусающейся изнутри.

- Это вот он тебя зацепил? – Доцент покосился на него, одевая толстый вощенный передник. Добротная кожа закрывала подбородок, и даже порой отмывалась, хотя и не до конца. Бурые следы пятнали его повсюду.

- Она... - Макс покрутил вентиль. Засипело, зашкворчало, сердито плюнуло ржавыми каплями, но заработало. Вода пошла тугой сильной струей, чуть рассеиваясь понизу.

- Она?

- Да. – Мыла рядом с умывальником не оказалось. – Ты тут чем питался?

- Да как придется, - умело справившись с завязками, Доцент натягивал длиннющие, по плечи, перчатки. – А что?

- Ясно...

Мыло пришлось искать в собственной торбе. Кусок, завернутый в ткань, густо разлил жирным запахом по подвалу. Макс мылил ладони, шею, затылок, уставшее от пыли и ветра лицо. Разговор с Доцентом нужен... да толку? Не раз и не два обговаривали, а ему все равно. Наука, прочее. Придумать что серьезное, отремонтировать «ночные» очки – это Доцент легко и быстро. Спровоцировать пожрать или сделать бак под горячую воду – этим пусть кто еще занимается.

На столе захрустел заскорузлый брезент, разрезаемый Доцентом крайне нетерпеливо. Привезли дитю игрушку, теперь не оторвать пока всю не покровсает. О, добрался! Мэдмакс усмехнулся, услышав удивленный свист.

- Радуйся... - он вытерся мягким и вытертым полотенцем. – Все для тебя, лишь бы не скучно было.

Доцент внимания на ерничество не обратил. Не до того. Любоваться на художественную нарезку помершей твари Макс не стал. Чего он там не видел? Хотелось отдохнуть и отоспаться. Хотя, конечно, сперва надо отыскать Кошку и показать ей новую дырку на бедре. Новые шрамы, опять, да так глупо...

Кошка нашлась наверху, в бильярдной. Хозяин Берлоги, человек зажиточный, оставил хорошее наследство. Путь оно и приходило все больше и больше в негодность. Нет, стены, кровлю, полы, все это Братство ремонтировало и чинило. Но вот где взять денег на замену ковров? На заказ стекольщикам новых колпаков для ламп? А уж свинченное серебро, украшавшее буфет, давным-давно разошлось на картечь и пули для каждого из охотников.

Но кое-что еще держалось. Тот же самый бильярдный стол. Благородный, зелено-суконный и палисандро-начищенный. Хотя порой на нем играли вовсе даже и не в бильярд. А вот именно сейчас, подложив под голову подушку с кистями, на столе изволила отдыхать именно Кошка. Мэдмакс покачал головой. Сукно жаль из-за модных

острых клепок на поясе Кошки, а вот подушка... подушка-то от красивого дивана, стоявшего в огромной гостиной.

- Ба, кто это у нас вернулся? – томно и задумчиво мяукнула медик, кося на охотника зеленым глазом. – Никак мой очередной пациент? Чибис, как думаешь?

Чибис явно думал о другом. Ну, если судить по глазам, остановившимся точно на лодыжках Кошки. Мэдмакс понимающе хмыкнул. Лодыжки, что и говорить, хороши. Тонкие, крепкие и, как ни странно, изящные. На месте Чибиса и сам бы засмотрелся. Вот только он на своем месте.

- Доктор, а доктор... - кресло под ним тяжело вздохнуло пружинами.

- М-да, один из моих самых любимых пациентов? – промурлыкала медик, перекатываясь на мелькнувший крепкий и белый живот. – Никак поломался и надо починить?

- Ой, и надо... Просто очень.

- Ни минуты покоя. – Кошка покосилась на него. – Покурить, думаю, успею? Кровью ты не заливаешься, признаков колик или температуры незаметно. М?

Пришлось махнуть рукой. Ну, что с ней поделаешь? А еще врач. Кошка села по-турецки, достала из-за уха самокрутку. Долго искала спички, внимательно глядя на Мэдмакса.

- Ляжка?

Тот кивнул. Боль вернулась, кусая злее и больнее.

- Продырявили или подрали?

- Покромсали.

- Чем кромсали? Твою мать, да где ж они...

Чибис сидел с каменным лицом. Подметив это, Мэдмакс вздохнул. Видать, снова поцапались. Иначе давно дал бы прикурить.

- Подожди.

- А? – Кошка смешно посмотрела на него. Смешно, потому что именно в такие моменты превращалась в саму себя, восемнадцатилетнюю девчонку, смешливую и добрую. Какой была до нападения на ее караван солдат Полуночи.

- У меня для тебя подарок. Память по хорошему человеку. Хотя, думаю, ему не нравились курящие женщины.

Кошка прикусила темную губу, глядя на протянутые мундштук и зажигалку.

- Я ее заправил. Его звали Евстахием. Стахом. Хороший был дед. Офицер.

- Спасибо.

Она закурила, махнула Чибису в сторону операционной. Парнишка, явно недовольный, встал и отправился готовить необходимое. Кошка проводила его взглядом, странным, показавшимся Мэдмаксу разочарованным.

- Не зря ты его дразнишь постоянно?

- Ай, я тя умоляю... - она повернулась к нему. – Рассказывай. Все. Кто, чем, как давно, что сделал?

- Два дня. Не знаю кто именно, странная тварь. Думал мутант, но сейчас... сейчас не знаю. Отдал, что смог привезти, умнику. Вколол твой состав, прижег. Зашивала местная девчушка, училась у бабки-повитухи. Болит сильно, заражение... не уверен.

- Ясно. – Кошка неуловимо и мягко спрыгнула вниз. Засунула босые ноги в теплые войлочные тапки. – Быстро ко мне. Будем тебя ремонтировать, надеюсь, что справимся. А то звать слесаря по работе с гангренами сейчас неоткуда. Медсанбат Альянса уехал в пункт постоянной дислокации. А хирург из больницы в Стерле. Неделю кутит.

Мэдмакс двинул за ней. Мешок пришлось практически тащить, силы неожиданно испарялись секунда за секундой. А трость деда Стаха пришлась как нельзя лучше. Постукивала в ритм шагу, становящемуся все более рваным.

- Эй, ты это чего? – Кошка повернулась к нему. – Эй, Макс?! Г-о-о-о-ль!!!

Боль била со скоростью и силой пулеметных очередей. Он оперся об стену, подхваченный Кошкой, скрипнул неожиданно застучавшими зубами. Гул становился сильнее, сливался с шумом и грохотом. Грохотал Голем, бегущий на вопли Кошки. Прибежал он вовремя.

- Лежи, бестолочь, - Кошка мыла руки, одновременно куря, - лежи, говорю.

Мэдмакс покосился вниз. Крови натекло, как из поросенка. Размазанная по криво, явно наспех подстеленной клеенке, текла себе тонкими струйками на пол.

- Лежи... - Кошка села на кривой трехногий табурет. – Вот дурак-то, а?

- Что случилось?

Голос выходил наружу еле слышно, чуть подрагивая. Да и дышалось чаще привычного.

- Заражение. Странно, что ты сюда прихромал.

- Ходить буду?

Кошка пожала плечами.

- Белый поехал догонять медсанбат. В банке негодуют, он снял все накопления.

Мэдмакс кивнул. Накоплений-то у Братства было... ровно на покупку, наконец-то, большого транспорта. И вот, на тебе, пришлось все снимать. Но это ничего, ничего.

- Наклонись...

Кошка наклонилась.

- В мешке, за внутренним карманом, документы. Спрячь и чтобы ни одна душа. Слушай, милая...

- Да?

- Это нормально, что я как в колодец падаю?

Кошка пожала плечами. А вот это точно плохо. Но закончить мысль он не успел. Красная карусель перед глазами завертелась быстрее и накрыла собой весь мир. Полностью.

- Живой, бродяга?

Голос очень знакомый. Голос Белого, старшего их команды.

- Шутишь? – Макс открыл глаза. Да, точно, сидит, сверлит своими белесыми буркалами. – Конечно мертв. Или скоро стану, если поспать не дашь.

- Ага, - Белый лениво раскинувшись в стуле, вытянул длиннющую тощую ногу и пнул Мэдмакса. – Сядь.

- Я тяжело ранен, Белый... Время не терпит? Чего ты пинаешься?

Белый сплюнул. Достал из кармана длинного кителя трубку, быстро набил ее пальцами. Задымил, косясь на Макса то ли со злостью, то ли с огорчением.

- Ранен он, угу. Привыкать что ли к тому, что ты ранен? Сам виноват, тебе ляжку вспорола какая-то дохлая тварь без признака интеллекта.

Макс нахмурился. Что-то эта самая тварь никак не тянула на глупую. Если не сказать наоборот.

- Ты ошибаешься.

- Ошибаешься... Ладно. Скажи-ка мне, брат, с чем ты вернулся из поездки? Совершенно не обнаружил у твоем мешке ни червонцев, ни кредитных билетов Альянса, ни, что стоило ожидать, хотя бы какого-то количества серебряных рублей. Я вообще там ничего не нашел.

Мэдмакс пожал плечами.

- У них ничего не было. В смысле, из денег.

Белый вздохнул. Недавно отросшие волосы торчали смешным снежным ежиком. Разве что смеяться из-за этого как-то не тянуло. Белый вообще не любил шуток в свой адрес.

- Макс...

- Что?

- Зачем ты взялся за это дело? Ты же знаешь, нам очень необходимы деньги. Хорошо, крыша есть над головой. А еда? Нормальная вода? Медикаменты, в том числе и для тебя, братишка. Я же отдал практически все военным, лишь бы мне дали хирурга и несколько ампул антибиотиков. Блин!

Белый покосился на Мэдмакса. На неуловимый миг стал тем, кем и являлся без суровости, шрама поперек лица и отсутствующей левой кисти. Двухлетним парнем, пяток лет назад нашедшим самого Макса, умирающего в выжженных полях у Итиля.

- Чего скажешь?

Миг прошел и теперь напротив снова сидел старший их группы Братства. Непреклонный и строгий, жесткий и порой жестокий.

- Ну... Кошка молодец.

- Что? – Белый непонимающе посмотрел на него. Непонимание длилось недолго, секунд десять. А потом он развернулся, отодвинул шторку и выглянул в проход лазарета. И поманил кого-то пальцем. Хотя, почему кого-то? Как раз-таки и Кошку.

- Дай-ка мне, милая, вещи, отданные тебе на сохранение этим никак не сдохнувшим подонком.

Кошка заглянула за занавеску, сморщила брови, уставившись на Мэдмакса. Тот кивнул. Неси, сестренка, пришло время.

Белый аккуратно взял в руки кожаную укладку, развязал тесемки и... выдал такую руладу, что Кошка покраснела. На ладони альбиноса,

матово отсвечивая, лежал полупрозрачный пластиковый пакет с печатью особого отдела при Второй армии ЕИВ.

- Консерва? – Белый облизал губы. – Длительное хранение... чего?

Мэдмакс усмехнулся. Как легко поднять настроение товарищу, только-только горевавшему по почти полностью потерянными сбережениям.

- Скромная, на кадрированный батальон. Вроде как. Но...

- Ну?!

- Батальон тяжелой пехоты для борьбы с Прорывами. С техникой. Белый покачал головой, не веря ушам. Склад длительной консервации на батальон... Батальон!!! Это же...

- Кто еще знает?

Мэдмакс пожал плечами.

- Никто. Вроде как точно.

Белый вскочил, сухой, смахивающий на богомола.

Где искать то, чего нет? По знакомым проверенным торгашам. Или на рынке, ведь там порой чего только не найдешь. Иногда, такое случается, даже свою собственную судьбу.

Мэдмакс, чуть прихрамывая, опирался на трость. Порой ловил странные взгляды. Скорее всего, знатоки вполне понимали, что трость то офицерская. И у такого молодого ухаря она явно купленная или украденная. Не говоря о варианте похуже. Ну, так казалось, во всяком случае. Добрый взглядов как-то не ловилось. Да и какая разница? Вряд ли кто захочет что-то сказать... странную компанию, жившую в большом доме на Второй улице, знали хорошо. И побаивались, несмотря на возраст большинства ее участников и их малое количество.

- Пошли, братишка, - Ёж толкнул его в бок, - хорош пнем стоять. Тебе сказали – больше ходить, приходите в норму.

- Угу... - Мэдмакс оперся на трость и потопал в сторону кожаного ряда. – Пойдем.

Когда идешь в чертовой куме на блины, что важно? Верно, важнее всего до нее добраться. Причем, полагаясь на самого себя и собственные ноги. А ногам, это правильно, нужна хорошая обувь. А вот сапоги у него изрядно пообносились. И латали, и прошивали, меняли подметки, каблуки... в общем, умерли они, и вся недолга.

Хочешь-не хочешь, ищи замену. Хотя к вещам Макс привыкал накрепко, порой аж прикипая. Ну, сейчас этим никого не удивишь. И правильно, как еще-то? Заводов с фабриками нетути, да давно. А уж хорошие сапожники только-только появляться начали. Пришла беда, смекалка наружу и вылезла. Как мерку снимать, как колодку подбирать, как кроить, как клей варить. Да чего только после Полуночной войны не пришлось русскому человеку, да и не только русскому, заново вспоминать и учиться на собственных ошибках. И уж чему-чему, а будкам умельцев, тачающих обувь, Мэдмакс научился радоваться давно. Как только заработал на первые сапоги.

- Чего-то людей мало.

Кошка пожала плечами.

- Так и не с чего. Год как-бы снова не голодный выдался. Да и Итиль опять же...

Мэдмакс вопросительно уставился на нее. Когда он ушел, получив приказ Белого, никто про Итиль и не вспоминал.

- Нападения по всему фронтиру. – Кошка вздохнула. – Несколько деревень сожжено, людей увели. Осень же, урожай. Многие боятся выходить в дорогу, продовольствие везут караванами. Фермеры прижимают, на продажу еще и не выставили почти ничего. Торг слабый.

To be continued?..

Мэдмакс - 1

- Хочется жить? – Она провела черными острыми ногтями по рукаву, тут же расплзшемуся длинным разрезом. – А?

- Кому же не хочется-то? – Голова оставалась тяжелой, и жутко пересохло в горле.

- А не лез бы ко мне, все осталось бы как есть. Прожил бы себе долго и счастливо... возможно. Нашел бы себе бабу, завел бы детишек. Так нет, надо таким как ты обязательно пытаться жить другим.

- Я детей не ем. Наверное, поэтому ко мне и не лезет никто.

- Ну-ну... - движения было не уловить, тонкие и острые клыки щелкнули у уха, коснулись шеи рядом с пульсирующей под кожей кровью. – Страшно тебе, ой, да как сильно-то...

Страшно? Очень. Особенно, когда рядом такая, как она.

Смертельно опасная. Пахнущая чем-то сухим и резким. И кровью, вьевшейся в ее кожу, язык, губы и зубы. Сдается мне, что накачивающей паники могу даже и обоссаться.

Уловить ее движение в полутьме казалось практически нереальным. Даже такому засранцу, ослепленному природой и геномом, как я. Узкие щелочки зрачков совершенно неуловимо оказались прямо перед моим лицом. Пахнуло густой смесью из её рта, и сдержался только из нежелания показать твари свою слабость. Сблевануть, в смысле.

- Что, охотничек... - она фыркнула. – Дорога тебе твоя жизнь, а?

Жизнь...

Жизнь пошла такая, что порой и жить-то не хотелось. То ли дело совсем недавно, казалось бы, живи да радуйся. Вроде, вот-вот, наконец-то, что-то стало налаживаться, люди вздохнули, стали создавать что-то заново. Кто отстроился так, как хотел, скотину завел, семьи росли как на дрожжах. Дети по двору, шум да гам, а старики, помнящие Полночь, наконец-то отдохали. Кто-то даже начал работать на фабриках и заводах, в мастерских, которые потихоньку полегоньку стали появляться. И вот на тебе, все поменялось в плохую сторону, чуть ли не в одночасье. И сюрпризов в ней, в этой новой жизни, тех, что похуже, стало куда как больше чем еще с десяток лет назад.

Казалось бы — как такое возможно? А возможно, хоть и сдюжили, вытянули, смогли, скрипя зубами и стиснув их в жутчайших усилиях, что-то сохранить и восстановить. Но разве может беда являться в гости одна? Да ни за что, ни в коем случае. Одно, другое, третье. Прорывы эти, как нарывы на нищевроде, вновь вылезали не пойми откуда. Банды росли, как грибы после дождя. Народ в городах еще спокоен, а вдоль трактов, в глуши, на выселках?

- Эй, землячок, куравом не богат?

Надо же, табак ему подавай.

- Нет.

- А что ты такой дерзкий, сосунок?

- Да стой ты, Леший...

- Дерзкий у тебя в штанах. А я просто уверенный.

- Леший! Это ж...

... х-р-р-р, ткань серых брюк вспухла топорщащимися нитками.

... п-ш-ш-ш, а это уже кровь.

- А-а-а!!! — а это, как не сложно догадаться, крик пострадавшего. А что, любезный, ты полагал, что все так просто? Да и друг тебя останавливал.

- На! — и товарищ, старательно мотающий рукав собственный рубашки вокруг бедра, ловко поймал золотой. Молодец.

Хозяин? Да, да, он начал ссору первым. Спасибо. Так все ж уже почти затерли, ну? Ну, и что, что кровь? Кровь... кровь не вода.

В человеческом теле около пяти литров крови. Возможно больше, возможно меньше, люди-то разные. Ну как, например, может быть одинаковое количество литров у малыша и взрослого дядьки? Но факт остается фактом, без жидкости красного цвета не жить. Ее потеря превращается в смерть, это простейшая и понятнейшая аксиома.

Кровь проходит через наш организм по венам и артериям. По первым кровь возвращается в сердце, идя не под самым высоким давлением, по вторым, наоборот, кровь идет обогащенная кислородом, и давление неизмеримо выше. При повреждении бедренной, либо плечевой артерий, смерть от кровопотери наступает в течении двух минут. Если кровеносные сосуды раскурочены в хлам, то еще быстрее. Повредить артерии и вены не так-то просто, на самом деле. Если, конечно, рядом не происходит что-то страшное, или кто-то вдруг специально не решит помочь человеку потерять как можно больше

крови. Если желание присутствует, то всегда есть вариант, что тот, кто захочет ее выпустить побольше, умеет это делать. Либо обучен специально, либо умеет это делать по самой своей природе.

Экспансивная пистолетная пуля девятого калибра, входя в тело, разносит в клочья и труху мышечную и костную ткани, не оставляя возможности врачу помочь. Попадая внутрь человека - деформируется намного страшнее, чем пуля в полной латунной или медной оболочке. Все дело в плавкости и способности к деформации самого свинца, составляющего сердечник пули. Хотя, несомненно, не только. Дело и в самой форме пули, и, так-то, в первую очередь. Но и сердечник ... Любой, за исключением бронебойных или зажигательных. Но такими не стреляют по чему-либо живому, лишь в крайних случаях. Эти чудесные изделия стоят куда дороже.

Надпил в форме креста, сделанный надфилем, лишь добавляет убойного эффекта. Хотя, конечно, некоторые именно кресту животворящему придают куда больше значения. Ну, да и Яхве с ними, вместе с прочими своими коллегами и отражениями. Мы-то с вами знаем, что дело не только в форме, но и в содержании.

Проходя через ткань одежды и кожу, попадая в мышцы и остальные составляющие любого организма, такая пулька преобразуется еще сильнее. Надпиленная часть немедленно распускает свои лепесточки, разворачиваясь и разлетаясь в разные стороны, по совершенно непредсказуемой траектории, пролегающей через важнейшие жизненные органы, скрытые внутри грудной и брюшной полости.

При поражении конечностей она может, просто напросто, их оторвать. Суставные сумки, при прямом попадании, превращаются в крошево и смесь из мельчайших остатков костей, хрящей, соединительной ткани, разлетевшихся лохмотьев тонких здесь мышц и клочьев кожи. При попадании в голову стоит ожидать шикарного разбрызгивания мозгового вещества, крови и небольших фрагментов черепной коробки. Если забрызгает, то виноваты вы сами, стоило стоять чуть дальше.

Активные ионы жидкого коллоидного серебра убийственны для обычного человека. Но для создания Прорыва, или дитя некротосферы... оказываясь внутри такого тела, активное вещество вызывает полное удаление последствий некроза и уничтожают оставшиеся живые

клетки, ответственные за функциональность самого тела. Для человека серебро – слишком дорогое удовольствие в виде начинка патронов. Если вы видите человека, водящим надфилем по головкам револьверных патронов большого калибра с величайшей осторожностью, а стружка явно серебристая, это скажет только об одном.

Объект выстрелов — не живое существо. Какая взаимосвязь между тремя упомянутыми темами? Очень простая. Этот человек ищет и убивает тех, кого считают кровопийцами в самом прямом смысле. И в таком же прямом эти кровопийцы мертвы. И живы одновременно.

Кровь, сама по себе, не является питательной жидкостью, не продлевает жизнь до бесконечности и не наделяет своего потребителя, предпочитающего ее в качестве коктейля какими-то сверхъестественными способностями. Эта прекрасная и такая необходимая для любого живого организма жидкость попросту не имеет таких свойств. За некоторыми, возможно, немногочисленными исключениями из правил. И то, она лишь является связывающим звеном при передаче части дезоксирибонуклеиновой кислоты*, алкающим и жаждущим ее. Но, попробуй, объясни это обывателю, способному лишь пересказывать бабушкины сказки, услышанные еще в детстве. Фольклорный персонаж вампира давненько и прочно занял в них особую нишу, прямо таки специально отведенную для него фееричной и буйной человеческой фантазией.

Среднестатистического жителя города, деревни, поселка или, не приведи Господи, отдельно стоящего хутора, не волнуют многие вопросы, связанные именно с настоящей стороной жутких историй. Ему вовсе неинтересно знать о вампирах правду. О том, что кровососов из сказок нет. А есть бледно-серые порождения некросферы, убийцы заблудших путников, адские хищники, жрущих все, а не только пьющие кровь. И неинтересно про то, что серебро, драгоценное жидкое серебро, которое нельзя залить в патроны в кустарных мастерских, нужно именно для них. Что обычного волколака можно свалить и простым свинцом со сталью, лишь зная, куда стоит попасть. А убить кровопийцу, попав тому в голову, вряд ли.

Фермеру, работающему с утра до ночи, вовсе неинтересно знать про специфику работы по высшим мутантам, входящим в секту

«Нокто», для которых кровь есть церемониальный напиток, полагаемый к выпиванию в определенные фазы луны и точно известные даты. Что зачастую после этого украденных, а чаще всего купленных, женщин оставляют внутри секты для воспроизводства. Потому что каждый из их Домов может пополняться только под чутким медицинским контролем после оплодотворения. Что для уничтожения Высшего мутанта достаточно обычной крупной дроби... если ему полностью блокируют возможности ментальной атаки.

Обывателю на это наплевать. Он знает про нападения ночью. Про обескровленные трупы и залитую алой жидкостью землю вокруг. И какая разница, что тела не просто обескровлены, это и не странно, учитывая землю вокруг, а еще и разодраны в клочья. Найденные в редких случаях девушки и женщины зачастую убиваются самими отыскавшими их, потому что между ног у найденных все разворочено и кровоточит. Как же, оспадебожетымой, дьявольское семя внутри!

Обыватель не понимает, что этот самый его вурдалак просто не сможет совершить акта насилия над жертвой. Ведь согласно их же собственных легенд вурдалак мертв. А циркуляция крови у трупов отсутствует. Какая разница, бей упырячью подстилку! Колом ее, колом, на том свете еще и спасибо скажет. Ни прокусов, так любимых в шепоте рассказчика на шее, ни порезов. Ведь кровь берется с помощью обычных шприцов. Всего-навсего. А отодрали девчушку самые обычные дикие мутанты. Хотя хрен редьки не слаще.

Горожанину, весь день отработавшему на восстановленной фабрике, плевать на это. На улице вчера ночью пропал человек, утром его нашли, вернее половину его, в сточной канаве. Страх и ужас, это дыббук, соседи, иль того хуже - вампир. Здесь! На нашей улице! Кто поможет? Кто-кто... угадайте.

Что тут у вас? Где тела? Кто похоронил? Идиоты, какие вы идиоты, зачем же известью засыпать?! Какие укусы нашли на теле? Не было укусов... а что было? Понятно. Следы, где следы? Вот дерьмо...

Сколько у меня с собой серебряных пуль? Однако... м-да. Ладно, дожждаться бы ночи в полнолуние, а там посмотрим.

Нижний зал постоянного двора Кабира, освещался только масляным фонарем. Мне, сидящему здесь, этого вполне хватало.

На выскобленных досках стола лежала разложенная кожаная укладка, снабженная множеством карманов, кармашков и узких нашитых вкладышей. Пустых среди них не было, каждый занимал металлический предмет узконаправленного назначения. Служанка, плотная и невысокая девчушка с низким тазом, туго обтянутая в талии тесноватым застиранным передником, старалась оказываться рядом с моим углом пореже. Ей не нравился я, пришлый мужчина, не обращавший внимания ни на кого вокруг, подспудно она даже боялась. Иррациональный страх возник еще вчера, после драки, начатой одним из постоянных посетителей. Оно в чем-то, с ее точки зрения, понятно.

Мужчина, сейчас чистящий свое оружие, не дрался. Он убирал с дороги помехи, три высоких, сильных и мощных помехи, решившие что-то ему доказать. Всех троих увезли на тележке старого Горбатого, привозившего продукты из молочной лавки. Свалили кучей, живой, охающей и стонущей, и увезли. Вроде как в больницу, а может и к старцам. Кто его знает? Это ее мало интересовало и беспокоило. В отличие от мужчины в углу. То есть, меня.

Не самый высокий из виденных ею за жизнь. Худющий, кожа да кости. Коротко подстриженные волосы торчали неровно отрезанными лохмами. Лицо, гладко выбритое, не казалось молодым. И одновременно не было и старым. Станным оно смотрелось, лицо, отрешенным, с сеткой мелких шрамов, незаметных. Но тут же выскакивающих наружу, если присмотреться. И откуда ей знать про мой настоящий возраст?

Сильные длинные пальцы быстро мелькали над разложенными принадлежностями, патронами и самим оружием. Он делал свое дело, иногда вовсе не глядя, точными и верными движениями. Шомполом прочищал стволы обоих больших пистолетов, смазывал что-то, иногда брался за связку маленьких инструментов, подтягивал, постукивал. Несмотря на вечер и парку-жарку-варку на кухне, здесь, в углу, совсем не пахло едой. Вместо пригоревшего жира или завонявшего к вечеру лука, нарезанного впрок, в углу пахло тремя вещами. Оружейным маслом, выделанной кожей и металлом. Со стороны так оно и выглядит, наверное. Ну, так мне кажется, во всяком случае.

Волнение девушки меня интересовало очень мало. Какая разница? Сколько их было, сколько их будет? В таких дремучих медвежьих углах все привычно, это не центральные, густонаселенные области.

Каждый раз здесь одно и то же, постоянное ощущение собственной «-инности», неприятие обычными людьми. Стоит лишь заикнуться про то, кем являюсь и все, начали сторониться и оглядываться, перешептываться. Бу-бу-бу за спиной, и старые, и не очень. Лишь ребяшня всегда ведет себя, как и должна вести.

Лезут, постоянно клянчат подержать оружие, рассказывают сказки какие-то, норовят затеять рядом игру в лихих казаков-разбойников. Обязательно появляется клушка, которая начинает гнать детвору, как будто можно от меня заразиться чем-то опасным. Да, задевало, и сейчас тоже, бывает, задевает. Но что поделать? Есть указания нанимателей, не мне их подвергать сомнению до выполнения задачи. Сказали — узнать кто зверствует в Больших Зажопках, равно как и в Малых, найти и уничтожить злодея, значит уничтожим. Хотя сейчас-то, мне бы начхать на местные проблемы. Хорошо было бы начхать, только не вышло. А вышло совсем по-дурацки, глупо и непонятно. До злости на самого себя. Вот и сижу сейчас, стволы чищу, патроны проверяю. Пусть и не в Больших Зажопках.

А узнать, кто зверствует - обязательно узнаю, к гадалке не ходи. И найду, и убью, и сделаю работу хорошо, даже если этим вот, сидящим и косящимся, накласть на мою смерть... возможную смерть за-ради их жизней. Угу.

**Дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК) — один из двух типов нуклеиновых кислот, обеспечивающих сохранность, передачу из поколения в поколение и реализацию генетически заложенных программ живых организмов для их последующего развития и функционирования. Вмешательство в геном приводит к различным последствиям, в том числе и весьма печальным. Так любимые многими «мутанты», если рассматривать их серьезно, не являются именно спорадическими мутантами, тем более, способными к продолжению рода. Но ведь фантастика, а в ней возможно многое, включая выживших в эпицентре ядерного взрыва свиней, расплодившихся в геометрической прогрессии в метро. Прим. автора.*

** Доцент — один из основателей всей структуры отрядов чистильщиков. Ученый — самородок, воспользовавшийся результатами секретных исследований и опытов, проводимых в различных НИИ Его Императорского Величества (далее ЕИВ), для создания основы научного потенциала Базы. Немалую роль в*

последнем сыграли два похода «первых» в бывшую Столицу. Наряду с Мастером и Генералом (оставшимися в живых «первыми»), являлся главой Совета. Прим. автора.

Мэдмакс - 2

Больших Зажопках.

Зато, хоть кормят здесь не в пример лучше, чем в двух последних придорожных кабаках, оставшихся на тракте. Мне не надо проверять еду с помощью хитрой аппаратуры от недавнего знакомого, умника Доцента*, чтобы знать про нее все. Сколько положено мяса, а сколько синтезированного заменителя, сделанного в старой-старой ГМО-шке, что даже и не прячется в подсобке. Насколько суп с картошкой и кусочками мяса сварен из говядины, а насколько из крысятины, забитой в курятнике. И какая была коровка, из которой вышел такой навар — нормальной, или с шестью ногами. Такой вот у меня вложенный и весьма полезный талант, спасибо то ли папе, то ли маме, хорошо им отдохнуть в краю яблонь.

Сколько свернутых челюстей и носов осталось за плечами, после выловленных половником в котле хвостиков или найденных на заднем дворе остатков от синих, как васильки, коровьих шкур? И это по минимуму, не говоря про пару-тройку спаленных, и предварительно политых хозяйской кровью, совсем уж плохих гостиниц. Из тех, у которых в омшанике, на безграмотно устроенном леднике можно было найти совершенно другие деликатесы. Те, что до копчения могли разговаривать. А иногда только искать мягкими крохотными губешками мамкину титьку. Да-да, таких и сейчас не мало в Пустошах.

Девчонка, испуганно косясь на меня, шлепнула миску с горохом и двумя большими колбасками. Вместо хлеба здесь пекли тоненькие и прозрачные лепешки. Да еще и на настоящем тандыре Мягкие, пахнущие угольками и безумно вкусные. Хозяин-то из настоящих чистых кочевников, тот еще разбойник. Заметно и по роже, украшенной следами от мелких осколков, и по повадке работать ножом, хищно и уверенно.

Но мне оно без разницы. Зато порядок здесь, чистота и вкусно. Последнее без преувеличения, абсолютно честно. Ел вчера отварное, рассыпающееся в руках жирное мясо, пахнущее какой-то особой острой приправой и сразу несколькими травами, лежавшее на кусках

теста, готовящихся в густом бульоне. Зуб даю, уважаемые, редко когда было так вкусно.

Как я понял, вчерашний инцидент с тремя красношеими бугаями являлся исключением из правил. Хозяин, Кабир, держал свое заведение жестко и твердо. Сдается мне, что за исчезновение особо наглых и глупых клиентов его никто и не дергал. А уж поступал он с ними решительно и жестоко. В соответствии с именем*.

Поесть?.. Надо поесть, кто его знает, как оно сегодня ночью сложится. В таком деле наперед не загадаешь, как ни старайся. Вроде бы понятно все про тварей. Кто такие, сколько, где искать, но мало ли. Работать одному сложно. Если можно так сказать, конечно. Разбираться с некроидами в одиночку... не очень хочется. Совсем не хочется, до жути просто, и отвращения. А надо. Хотя вряд ли меня сейчас бы понял кто-то из редких коллег. Особенно зная про задачу. И светиться не стоит, и живым надо остаться. Только... А что только?

Мне не привыкать видеть разодранные и искалеченные до неузнаваемости тела, что людей, что животных. Но зацепило, ой и зацепило. Ехал куда надо, искал кого нужно. Трах-бах, попался по дороге паренек, бледный, как мукой обсыпанный, глаза по полтиннику, как не лопнули. Несется по дороге на полудохлом ишаке, и как он только так ногами перебирает. Остановил, узнал что такое, добрался до местных чигирей. Посмотрел на то, что осталось от пятерых ребят, решивших сходить по ягоды в местный лесок. Лесок-то так себе, откуда ему здесь больно взяться, до Камня еще пилить и пилить верхом. Вот там леса. Не то что здесь, где при желании не спрятаться. А детишкам хватило. И их родителям тоже. И мне, как оказалось. Потому сижу здесь столько времени, жду, чищу вот стволы и готовлюсь выйти за высокий частокол села, добраться до разоренного старого хуторка, и там на месте все и решить. До темноты, самое то.

Кто меня там ждет? Скорее всего обычные упыри, очень похожие на нас, только быстрее и сильнее большинства обычных людей. Да и упырями их больно не назовешь, жрут все, что догонят. Вероятно, тройка, плюс где-то, в подполе или в подвале, в хитром сплетении подземных ходов или даже глубоко обычном овраге, есть самка. Да, в придачу, готовая кладка, где разрослись вверх и в ширину плотные кожистые блямбы с зародышами, соединенными со своей зубастой мамкой толстыми кишками пищеводов. А рядом, жирная, безволосая,

раскинувшись на куче наваленного тряпья, найденного по домам муженьками, ОНА.

И в пределах досягаемости длинных корявых и когтистых лап, практически сожранные и обглоданные до костей, с зеленоватыми от разложения остатками мышечных тканей, трупки трех ребятишек из села. Двух сожрали самцы-охотники, перед тем, как впасть в спячку. Один на двоих и один для оставшегося бодрствовать. Вот его-то, ублюдка, мне и надо прижать первым, отыскать, убить, а потом заняться остальными. Не то здесь, под боком пограничной со Степью точки Альянса, пока не особо сильной, появится Гнездо. Выжечь под корень его будет сложнее.

Вот так и оно и проходит время. Таскаюсь себе взад-вперед по пустошам и Альянсу, одинокий и неприкаянный, наводящий страх и ужас, настоящий бирюк. Ага, как есть – больной и несоциализировавшийся волчара.

- Еще что-нибудь? – деваха застыла рядом. – А?

Что ж ты, милая, так трясешься-то? Не укушу же.

- Пива. Есть же вчерашнее?

Та только закивала и пропала. Вот дела, как сажа бела.

- Присяду?

Рядом, спокойно глядя на меня, стоял Кабир.

- Да. Хозяину разве откажешь?

Он сел. Вытащил вышитый дорогими синтетическими нитками кисет, вопросительно приподнял бровь. Я кивнул, соглашаясь. Выходить мне через несколько часов, обоняние восстановится.

Хозяин положил кисет на столешницу, достал привозную упаковку папиросной бумаги. Тракт, идущий от Портов, пока работал хорошо. Перебои случались, но позволить себе делать самокрутки Кабир мог.

Сухими темными пальцами он ловко сыпанул на развернутую маскотку ровную щёпоть сухого и жесткого, спрессованного жгутами табака. Скрутил, провел языком, склеил. Вставил ровнехонькую пахитоску в мундштук, вырезанный из гладкой красивой кости и прикурил от принесенного с собой подсвечника.

Сгорающая никотиана оказалась пересушенной, потрескивала и дымила чуть горче, чем при хорошем балансе влажности. Кабир поморщился, когда попало в глаз, и рукой разогнал плотные клубы.

- Не люди здесь в основном, кизяк. Того, что порезал, сам сколько раз бил.

Я только пожал плечами. Какое мне до этого дело? Хорошие, плохие, дерьмо или золото, все едино. Есть самое главный принцип: каждый из жителей этого Задрищенска человек. А раз так, то стоит выполнять слово, данное самому себе.

- Кизяк, м-м-м... - повторился Кабир, - но и нормальных хватает. В этом и вопрос.

- В соотношении кизяка и нормальных?

Кабир усмехнулся. Шрамы на подбородке заплясали, вторя ухмылке.

- Нет. Тому, что ты собираешься сделать.

Что сказать? Взял и раскусил меня, одним словом. Пришлось воспользоваться самым лучшим ответом – пожать плечами.

Кабер снова усмехнулся, показав крупные желтые зубы. Постучал себя по правой ноге. Та ответила с отзвуком металла.

- Ты такой не первый, парень. Мне повезло, попался отряд военных с полевой медицинской мастерской и двумя умниками, сумевшими сделать мне протез.

Ну, тут он не удивил. Заметить кибернетическую конечность, когда та сделана на совесть, тяжело. Но я заметил. Пусть и не сразу. И даже удивился. А причина, как оказалось, куда как интересная.

- К чему ведешь?

- Оно тебе точно надо? – в лоб спросил Кабир. – Мы были впятером. Я был даже моложе тебя, да и остальные тоже. Но сделали всего ничего, веришь, нет? Меня вытащил Гек, вытащил, и сам погиб чуть позже, когда выблевал легкие. А я остался один, и без ноги. Ты так сильно хочешь пойти в одиночку на тварей из тьмы?

Хороший вопрос. Я отложил шомпол, уставился в его темные глаза. Хочу? Да я жажду этого. Почему?

Потому что маленьким читал затертую и растрепанную смешную книгу о мальчике и его игрушечном медведе. Потому что видел нарисованный фильм про веселого бородача и его компанию, защищавшую детские сны. Потому что видел не один пустой дом, с колыбелью, залитой кровью. Потому что хочу, чтобы сон ребенка и его жизнь, любого малыша в округе, были добрыми и теплыми. Как не оказалось у меня.

- А, и так понятно, и не говори ничего. – Кабир затушил самокрутку. – Ну, как знаешь. Ты, думаю, завтра с утра пойдешь на охоту?

- Да нет. Сегодня ночью пойду. Чтобы их найти.

- Ночью? – Кабир почесал переносицу. – Да ты, парень, как посмотрю, совсем на всю голову ебан...ый.

- Не хочешь компанию составить?

Он махнул рукой и пошел к себе. Ну, вот, а я надеялся... Ладно, уж себе-то врать не стоит.

- Кабир!

Он повернулся, а я замолчал. Посоветовать запереться этой ночью на все засовы? Так вряд ли он поступает по-другому. А не скрывать от местных то, в чем уверен, не стоило. Порой по-другому никак.

- Спасибо за беседу.

Он не поверил. Но явно что-то понял, если судить по разом сдвинутым бровям и потяжелевшему взгляду.

Когда я двинул к себе, то меня точно провожало немало взглядов. Только вряд ли среди них нашлась хотя бы парочка добрых. Даже обидно.

Стрекотали сверчки. Стрекотали всерьез, вдохновенно и неумолчно. С прудов, что за околлицей и низким частоколом, доносилось романтическое кваканье. Где-то топили печь в бане, и явно парились, поддавая на камни квасом. Как и предполагалось, организм справился и полностью восстановил обоняние. Пастораль и идиллия, что сказать.

Пейзанскую красоту сегодняшней ночью мне довелось наблюдать с крепкого разлапистого клена. Сидеть между нескольких крепких ветвей, и терпеливо выжидать. А как еще? Да никак, что уж тут.

Чего жду? Того самого «дежурного по берлоге» упыря. Почему? Все не так уж и сложно, если это не в первый раз. У меня этот самый раз уже четвертый. Или нет, вру, пятый. Прямо круглая дата какая-то... или событие?

Оставшийся без краткосрочного летаргического сна упырь должен оголодать. Детишки пропали с неделю назад, и есть ему хочется. Несомненно, что в лесах, густо разрастающихся в округе, живности хоть одним местом ешь. И он так и поступает. Жрет себе всяких барсуков, хомяков, белок и птенчиков. Если сильно захочет, так и

поросенка сможет отбить у одинокой мамашки, и сожрать. Хотя с одинокими кабанчиками обычно дело швах. Таковые сейчас не выживают. А упырь, пусть он и не особо сообразителен, все же не враг сам себе. Стадо волосатых хрюкалок и его раздерет на части, стоит только сунуться. Но дело даже не в этом.

Некоторые органы живых организмов прекрасно подходят для их длительного употребления в пищу. Некоторые совершенно противопоказаны. А есть еще и такая вещь, как дикий и неумолимый голод, живущий в созданиях тьмы. Тот самый Доцент, хитрей и пройдоха, недавно встреченный в Сороке, рассказывал про нее, про тьму. И про некросферу. Про странную сущность, лежащую рядом с нами, наполненную темнотой под завязку и долго-предолго бывшую невидимой и незаметной. И заявившей о себе, криками ужаса и боли сразу после Полночи.

И не надо лично мне знать научное обоснование такой вот тяги не-мертвых к людям. Мне достаточно знать совсем немного. Про то, что упырь будет крутиться рядом с сельцом. Это плохо. И это хорошо.

Сверчки затрещали донельзя сильно, с прудов им вторили глубокими ритмичными уханьями. Свихнуться можно от звуков природы. И от запахов, само собой. Особенно с моим обонянием. Нет, я, очень рад его наличию, спасибо еще раз родителям и изменившемуся геному. Но порой приходится тяжело. Зато помогает.

Если упырь решит перебраться через частокол, то не заметить его не получится. Запах, свойственный им, выдаст с головой. А вот от меня не пахнет ничем. Кроме смеси самых обычных трав и листьев, тихонько бьющих в нос от пасты, нанесенной на тело. В Гае, разрастающемся городке в степи у Фронттира, мне попался знатный фармацевт. Говорят, уже второе поколение аптекарей, живущих в доме с вывеской «Под линдвурмом». Вот у него-то и заказал эту штуку, охотно раскупаемую тамошними погранцами, трапперами и прочим небезопасным людом.

Упырь придет. Прошла неделя. Сжигающее изнутри желание отведать человечинки приведет его сюда. Это мне известно из своего же опыта. И немного из чужого. От учившего меня всему Снега, погибшего в ночь, когда он забыл про это. Раз так, то остается ждать.

Терпеливо, не шевелясь и баюкая на руках пятнадцатизарядный «шершень»*. А как еще?

Мой враг слегка подслеповат, но зато видит в нескольких диапазонах. У него прекрасный слух и не самое лучшее обоняние. Он ловок, силен и быстр. И очень важно, чтобы бледнокожий вражина не просто не услышал меня. Самое важное, чтобы он сделал свое дело, и ушел в берлогу. И не услышал, и не почуял, как я пойду за ним. Потому что искать их убежище просто так – нелегко, да и времени у меня не хватало.

Сверчки чуть понизили и темп, и тональность. Квакушки же не сдавались. В крайнем доме к ним присоединилась какая-то парочка, оживленно постанывая и охая. Причем постанывал явно мужской голос, а вот низко охал как раз женский.

Из движения, волей-неволей, приходилось позволять себе достать из кармашка «сбруи» плотный шарик и отправить его в рот. Каждые два часа, и сон как рукой просто-напросто. Наследство старика Снега, земля ему пухом. Умер учитель, многого не передал. А пару таких катышков из оставшегося полтинника оставил Доценту. Интуитивно, доверяя ему как товарищу, которых не было. Умник сможет разобраться в смеси, а это и главное.

С некоторыми врагами без таких-то вот штук - хрен справишься. А и справишься, так околеешь через час, не больше.

** Доцент — один из основателей всей структуры отрядов чистильщиков. Ученый — самородок, воспользовавшийся результатами секретных исследований и опытов, проводимых в различных НИИ Его Императорского Величества (далее ЕИВ), для создания основы научного потенциала Базы. Немалую роль в последнем сыграли два похода «первых» в бывшую Столицу. Наряду с Мастером и Генералом (оставшимися в живых «первыми»), являлся главой Совета. Прим. автора.*

**Кабир — могила (тюрк.) Имена, фигурирующее в тексте есть ничто иное как публичные определения-«погонялы». Настоящее имя, даваемое при рождении или инициации, известно лишь нескольким людям. Изжиток и суеверие времени, пришедшегося на пару-тройку десятков лет после Полночной войны. Прим. автора.*

**«Шершень» - многозарядный автоматический дробовик, созданный для нужд специальных подразделений Корпуса жандармов.*

Использовался в городских операциях при штурме зданий. Широко разошелся после Полночи в связи с великолепными ТТХ и качеством изготовления, позволившим пережить годы упадка с минимальными усилиями по восстановлению и уходу. Прим. автора.

Мэдмакс - 3

Сиделось удобно. Давили ремни жилета, никак руки не доходили подогнать лучше, придумать прокладки какие-то. Но жилет он везде жилет. Даже в Минусинске, наверное. Его-то нашел в совершенно случайно обнаруженном пункте радиосвязи, если судить по приборам, времен Войны. Если не заводская упаковка, вряд ли бы сохранился для носки. А так, вот, получите, весь из себя боевитый профессионал, да со средством защиты. М-да...

Лишь бы хватило патронов и удачи, это всенепременно. Не хватит одного или другого, пиши-пропало. А пропадать мне не хотелось.

Листья тихо шелестели, старательно навевая сон. Катышек рассосался, оставив во рту сладковатый привкус и несколько липких нитей между зубами. Подействует скоро, а пока приходилось старательно увещевать себя самого и не спать. Тяжело... ой, тяжело.

Запах пришел с левой стороны, проник внутрь меня, закрутился спиралью, сразу заставив перестать зевать. Такой знакомый, резкий и суховатый, с примесью горечи, обильно сдобренный засохшей кровью. Дождался, угадал, и, что тут греха таить, не был этому рад.

Потому что в худшем случае упырь пройдет внутрь села и уйдет не с пустыми руками. Да и желудком, что уж тут. Ну, что у нас здесь?

Бледный крупный поганец затаился в кустах у воротной башни. Интересно. Там же всегда есть часовые, а упыри, пусть и не отличаются умом, но многое понимают. И разобраться в том, что у людей внутри сруба, оружие, явно получится. Хотя?

А, вот оно что... Интересно.

Запах козленка шел со стороны частокола давно, но не думал, что почему-то не блеющего животного оставили специально. Ошибался. Да-да, вон, мой бледный недруг уже пошел, пошел к задержавшейся бедной животине. А, никак замотали мордочку чем-то? Еще интересней, именно так. Отдариваются? Или?..

Оказалось, что «или». Упырь хватанул козленка так быстро, что мне оставалось только ускориться, пытаюсь не упустить запах твари. Пойти по следу смогу, но схватиться надо сразу. К моему удивлению за упырем из-за частокола двинулся кто-то еще. Явно не взрослый, судя

по юрким движениям и росту. Догнал я «или» быстро. Дать ему вспугнуть зверя мне совершенно не хотелось.

И, порадовался. Не ошибся в возрасте. На вид мальчишке было где-то четырнадцать, не больше. Что скажешь? В младшие братишки не годится, а вот в племянники, если нормальная разница с его родителями, само оно то.

- Пришел в себя? – Да, ударил, так, чтобы вырубить. Не хватало мне с ним объясняться, когда впереди, бесшумно и быстро, уходил упырь. – Орать не будешь? Точно?

Тот решительно замотал головой, мыча через тряпку.

- Просто умница. Снимаю. А ты быстро и красочно объясняй – зачем и как додумался?

Малец весь аж задержался, стараясь наврать быстро и относительно правдоподобно.

- Не ври.

Он вздохнул.

- Сестренку мою утащили, сволочи.

- Отомстить, что ли решил?

Парнишка мотнул головой. Д-а-а-а, герой, штаны с дырой. Хотя и упаковался вон, прямо воин, что и говорить.

Смех смехом, а вооружился недоросль неплохо. На поясе патронташ, за спиной вертикальная двустволка, ба, даже пистолет. В придачу юноша решил прицепить к поясу топор и немалых размеров нож. Одно слово – герой.

- Так... а как ты за ворота ушел незаметно?

Парнишка вздохнул.

- Не нужен никому, что ли?

От, дела. И как быть?

СТОП!!!

- А скажи-ка мне, дружище... - я покатал на языке вопрос, надеясь и одновременно совершенно не желая услышать нужный ответ. – Как ты увидел, что козленка твоего забрали?

Он шмыгнул носом.

- Я не увидел. Почуял.

Дела...

Мальчишка не прост. Он такой же, как и я. И это многое объясняет. Особенно то, что никому нет дела до его мести в одиночку.

- Что в патронах?

Теперь он засопел.

- Да говори, мне все равно, что и у кого ты украл.

- Медальон, мамин. Крест, его спер у священника. И несколько ложек... у старосты взял.

- Нарубил?

- Да. Выплавить не получилось.

Д-а-а-а... Вот же черт. И как теперь поступить?

- Хочешь, значит, отомстить?

Он кивнул, зыркнув совсем не детским взглядом.

- Упырь ушел вон туда. Есть там брошенные дома, мельница, пасека, еще что-то?

Мальчишка кивнул. Хорошо.

- Тогда пошли, покажешь. Но соваться за мной не стоит, рановато тебе. Это... как тебя кличут?

Он усмехнулся.

- Мастерком. Отец у меня каменщик... был. Научил работать.

- Ну, Мастерок, тогда пошли.

И мы, само собой, пошли.

Так и так мне бы пришлось сидеть, и ждать, когда упырь уйдет подальше. Запах этих тварей упустить тяжело, даже в лесу. Не говоря о том, что в лесу есть немалый поселок, со всеми вытекающими. Опыт, его не пропьешь.

Мастерок помог, выводя ровно туда, куда и было нужно. Да-да, вот оно, царство небольшого, но от того не менее мерзкого зла. Зла, питавшегося небольшой популяцией моих братьев. Хотя, что уж тут, не только ими. Только сейчас это не играло никакой роли.

Оплотом мрака и гнездом упырей оказался давно заброшенный хутор. Стоял он на отшибе от поселка, брошенный хозяевами как бы не сразу после Полуночи. Если не раньше.

Чернели просевший корявый дом и пристройки. Забор, сколоченный из когда-то крепких досок, торчал неровными частями, похожий на зубы древнего деда. Тут кусок, там остаток. Луна выбралась из-за туч, залила изумрудной зеленью вокруг, подсветила стены. Я поморщился, глядя на прогалы окон и дверей, ведущих внутрь. Если бы не страх местных, если бы не глупая ответственность

за их жизни, полез бы туда? Не знаю. Но деваться сейчас стало уже некуда. Все надо доводить до конца, если уж взялся.

- Так, Мастерок. – Парнишка, спрятавшийся за прогнившими остатками трактора, покосился на меня. – Слушай внимательно. Запоминай, мотай на не отросший ус и делай, что тебе старший говорит.

А сам тем временем достал из подсумка «ночной глаз». Спасибо тебе, мастер золотые руки по имени Доцент. Ну, да, не подарок. Плата, так сказать, за спасенную несколько месяцев назад его жизнь. И что? Отказаться стоило? Ага, нашли дурака, держите карман шире.

Плотный эластичный ремень обхватил голову, но саму хитрую конструкцию опускать не спешил. Не стоит, пока не окажусь в темноте развалин, мало ли? Мастерок смотрел, как показалось в темноте, со странной смесью недоверия и уважения. Эх, чудо-юдо, чего ж ты мне раньше не встретился, а?

- Если я не вернусь через пару минут после первых выстрелов, вали отсюда. Беги до поселка, и дождись утра. Меня упырям хватит, чтобы наесться как дураку на поминках. А ты, прямо со света, выбирайся до тракта, и двигай в Гай. Вот ключи, возьмешь мой драндулет. Ты умеешь водить?

Надо же, Мастерок кивнул. Хороший был у него папка, что и сказать.

- В Гае, на Пятой улице, найдешь Доцента. У него там небольшая мастерская. Расскажешь все про себя, ничего не скрывая. И про меня.

- Зачем мне сидеть здесь? – Мастерок поднял ружьецо. – Не понимаю.

Эхма, не понимает он.

- Внизу ты, скорее всего, погибнешь. Здесь же, оставшись, поможешь мне выбраться. Если все пойдет не так. Если я как-то выкарабкаюсь из дома. Две минуты, не больше. Ты понял?

Мастерок снова кивнул. Мне положительно нравился паренек. Молчаливый, сообразительный, да еще и не обделенный несколькими полезными качествами. Ну, прямо вылитый я. Да, жаль, не встретил его раньше.

«Ночник» со скрипом опустился на лицо, и темнота раскрылась мне всеми оттенками своей странной и страшной глубины.

Упыри твари неприятные. Это я об их внешнем виде. Серокожие, холодные, в бляшках и странных наростах. У них лобастые головы с выпирающими челюстями. Они падальщики и живоглоты, с ярко выраженными людоедскими наклонностями. Запах тухлого мяса и крови прет от каждой особи так, что не промахнешься.

Еще каждый из них прекрасно видит в темноте, и очень здорово пользуется обонянием. В общем и целом, если вдуматься, очень серьезные противники. Доцент, очень любящий умничать, пользуясь данными неизвестного происхождения, упрямо относил их к какой-то некросфере. И обзывал странноватым прозвищем «некроиды». А как по мне, то называй их как хочешь, сути не поменяешь.

Но, вот чего у них не отнять, так это осторожности. Добраться до гнезда тихо и спокойно выйдет вряд ли. Вас интересует вопрос караульного и остальных? Почему он один, и почему ушел? Все, как водится, просто до безобразия.

Упыри легко впадают в спячку, сохраняя остатки потраченной во время большой охоты энергии. Дохлые или чем-то зараженные скоты укладываются, прям маленькие детишки, клубочком и спят. Единственный караульный тихо сидит в укромном местечке и слушает, нюхает, наблюдает. Но, как водится, ему быстрее остальных хочется снова пожрать. И именно в такой момент упырь уходит, чуть разбудив товарищей. Те, находясь в дреме, дожидаются его прихода и впадают в еще больший сон. Вот тут-то их и бери. Пусть и не голыми руками.

Да уж... давно ли слушал поучения про серокожих? Да нет, и сколько нас осталось из десятка? Я один.

Внутри резко пахло сухой пылью. Немудрено, раз уж та покрывала каждый дюйм. И хорошо, и не особо. Наступаешь в мягкий ковер, взмывающий вверх крохотными облачками совершенно бесшумно. Только вот под ним, плотным и темным, ни хрена, простите, не видно. Совершенно.

Зеленоватые блики почти полной луны позволяли рассмотреть многое. И следы моего одинокого охотника за агнцами в том числе. Как бы ты, дружище, не осторожничал. Если знаешь, что искать, так найдешь всегда. Вон она, цепочка следов, ведущая к большой дыре, темнеющей в дальнем углу. Дерьмо. Гранат бы, хотя бы немного...

Хотя, давайте честно, толку от них? Что внизу – не знаю. Обрушится ли что-то? Тоже не знаю. Остается только идти вперед. Ну,

пошли.

Стрелять пришлось сразу же. Упырь охранник не подвел, услышав и дожидаясь меня. Спасло обоняние, выдав его. «Шершень» рывкнул, отбрасывая скотину, рывкнул вдогонку, размалывая картечью шишковатую голову в хлам. Знаете же, что давление крови в верхней части организма чудовищное? Ну, так это относится не только к людям.

Липкая мерзкая темная дрянь, бегущая по сосудам упырей фонтанирует ничуть не хуже крови человеческого тела. Черный взрыв, так хорошо заметный через «ночной глаз», смотрелся на мой взгляд безумно красиво. А то, как же, одним врагом меньше. Зато двумя проснувшимися больше.

Удар, нанесенный сзади, проворонил. Упыри врываются в землю как кроты. Такие большие, страхолюжные и злющие кроты. А уж наплодить ходов под заброшенным хутором... это, как водится, они запросто. Через один такой-то на меня и сиганул первый пробудившийся.

И хорошо, что решил сперва ударить, а потом прыгать. Толстый нагрудник с воротом, закрывающим мне и затылок, и лицо по самый нос, спас. Твердые изогнутые пластины в нем приняли удар на себя, не дав сломать мне позвонки. Шваркнуло на колени, приложив о трухлявые доски подпола, но это ерунда. Упырь не успел вцепиться когтями, не смог рвануть клыками плотную кожу куртки, подарив мне шанс, а себе смерть.

«Шершень», висящий поперек груди на ремне, я бы не вывернул к нему. Зато семизарядный барабанник выскочил из кобуры на бедре как собака по свисту. Вылетел, и дробно грохнул тремя подряд. Теми самыми патронами с надпиленными Священным крестом головками пуль. С серебром.

О-о-о, если бы не третий дружбан с клычищам длиной в половину моего большого пальца, не удержался бы и полюбовался на такую вот красоту. Ай, как корежило и разрывало на части серого некрасивого убийцу. Причем разрывало в прямом смысле. Куски мяса и кожи стекали по костям, отслаиваясь, отваливаясь темными влажными кусками, чавкая падающими вниз. А поделом, не хрен людей жрать. А если любишь человечинку, так не стоит удивляться живительным инъекциям в собственный организм, получаемым в качестве оплаты.

А вот плохо то, что «ночной глаз» от удара совсем расстроился. Мигнул напоследок и потух. Точно в то время, когда на меня налетел последний. Зараза...

Упырь прижал мне руку, хватанул зубами прямо рядом с носом. Пришлось толкнуть его вперед и скатиться вместе с ним в низ, в пустоту и темноту. Приземлиться мягко не вышло.

Хозяин у хуторка когда-то был хорошим. Таким... хозяйственным. Доски настелил по полу добротные, толстые. Они разве что хрустнули верхним, чуть подгнившим слоем, и радостно приняли мой правый бок. Ну и, вдобавок ко всему этому веселью, приложился головой, до звездочек в глазах, темноты и звона в ушах. Твою ж мать!

Прелая сырость и гниль погреба свивались в причудливый и знакомый запах. До печенок знакомый, что и говорить. Такой, знаете, родной, б....! А о чем говорит то, что я его ощущаю? Ни о чем хорошем, это точно. Живой? Да это беда, больше никак и не скажешь. Скоро меня станут жрать. Живьем.

Через пролом внутрь вливался зеленоватый лунный свет. И даже виднелись звезды. Неописуемая красота. Особенно если смотреть в последний раз. Так, что у нас? Руки притянуты за спину. Оружие? Если судить по весу, то ничего нет. Хреново.

Зубищи у упырей на самом деле с полпальца длиной. Как они не жрут сами себя изнутри, когда спят и скрипят зубами, непонятно. Но представить, как желтые, острые, покрытые тягучей слюной зубы впиваются в собственную твою плоть? Страшно.

Когда холодные скользкие пальцы отодвинут ворот жилета, прикоснутся к коже ослепительно ледяными червями, когда черный и склизкий язык пройдет вдоль сосудов, царапнув кожу шершавыми бугорками, когда, обдав смрадом, твоей шеи коснутся зубы, бросив по коже щекотку ожидания. Наверное, я заору. И, возможно, даже и обделаюсь. И мне совершенно не будет стыдно. Лишь бы быстрее, лишь бы это оказалось недолго.

Сбоку хрустнуло, зашелестело. Твою ж мать, чего ты тянешь?! Ну?!!

- А я не верила...

Пахнуло густым запахом спекшейся крови, чуть перебиваемым травяным ароматом. Хорошо, что не добавился мой запах. Коты и собаки специально метят заборы и дома, доказывая свою

состоятельность. А мне оно как-то кажется неприличным, описаться, да еще и при женщине. Женщине, надо же

Света стало заметно больше. Мягкого и зеленоватого. Ну, а как ещё-то? Гнилушки, воронье гнездо в качестве подсвечника и светляки, кружащие вокруг какой-то мерзко пахнувшей дряни. Такие вот светильники всегда есть в их берлогах. Я повернул голову, пытаюсь рассмотреть ЕЁ. Да и, чего врать, немного радуясь оставшимся секундам или, скорее, минутам, собственной жизни.

Да уж, интересно. Такого встречать еще не приходилось. На упыря она тянула с большой натяжкой. Тоненькая, никак не похожая на раздутых жаб с клыками, встреченных ранее. Это не считая того, что она со мной разговаривала. Разговаривала, надо же. И, получается. Что Доцент в чем-то прав. Если существует какая-то там некросфера, то она может обычных людей превращать в такое вот диво.

Тоненькая, невысокая, с темными, скорее всего черными волосами. Где-то до лопаток максимум. Внутри что-то напряглось. Я напрягся еще больше. Как-то странно лежать связанным в упырином логове и откровенно рассматривать... кого? Да ведь она же должна быть не живой, так? И чего ж на нее пялюсь как на самую обычную женщину.

Запах трав усилился. Горьковатый и сладкий одновременно, приторный, он душил, почему заставляя вздрагивать. Он шел из темноты за ее спиной. И там, ну точно, там тлели угли под чем-то широким и плоским.

- Почувствовал? – Она подошла ближе, села. Качнулась небольшая грудь. – В такое ты бы не поверил, не окажись здесь.

- В что?

Она резко, совершенно нечеловеческим движением, нагнулась. Пахнуло кровью, заставив вздрогнуть. Света хватало, и зрение полностью привыкло. Не «ночной глаз», но и своих способностей хватало. Да... лучше бы она не улыбалась. Улыбка ее портила. Красивая женщина, а оскал похуже волчьего.

- Я не верила в охотников вроде тебя. А ты явно не веришь и в свою жизнь сейчас и в то, что заставляю тебя думать не о смерти, а, скорее... о самом настоящем проявлении жизни.

Запах наплывал все сильнее. Хотелось отвернуться, уткнуться носом в собственную майку, втянуть пропахшее потом тело, лишь бы

не падать внутрь еле заметной пелены травяного тумана, дурманящего все сильнее. Да что там, больше всего хотелось просто надеть противогаз. Ну, или хотя бы респиратор.

- А что ты хотел? – она удивилась. – Ты бы как себя повел на моем месте? К тебе, нежданно-негаданно, сваливается в гости здоровый молодой мужчина. Если бы ты еще не хотел меня укокошить, так просто радовалась бы. Ну, а так, остается наслаждаться двумя возможностями. Тем, что смогу воспользоваться тобой из-за никак не уходящей тяги к плотским удовольствиям и тем, что теперь у нас есть запас еды. На время перехода в новое место.

Ударил она быстро и незаметно. Взмах практически не уловил. Ну и когти! Лицо резко обожгло, и черные когти заметил только когда она задержала руку прямо перед лицом. Черт... ну и когтищи.

Нет худа без добра. От удара в голове чуть прояснилось. С другой стороны это же и плохо. Как-то меня не порадовали ее слова о плотских удовольствиях. Нет, правда, в голове прямо прояснилось.

Она, судя по всему, это почувствовала. Во всяком случае то, что не пялился на ее сиськи, точно. Зашипела и отошла к углям и жаровне. Захотелось взвыть от бессилия.

На небе разошлись набежавшие тучи. Свет скользнул внутрь сильнее, подсветил зеленью погреб и ее. Надо же, дамочка оказалась не из деревенских. Деревенские татуировки не приветствуют. А у этой над лопаткой какая-то непонятная крякозябра.

Запах поплыл снова. Я прикусил язык, сильно, до крови. Наплевать на возможный сепсис, мне тут грозит помереть ужасной и мерзкой смертью. С не менее отвратительным к ней вступлением. Так что лучше вывести ее из себя и заставить укокошить побыстрее.

- И давно ты так не веришь в охотников?

- Да какая разница? – Она вернулась, цепко взяла за щеки, сжала, потянула к себе. – Хотя... последние три года. С тех пор как ушла из Челябинки в эту глушь. И не дошла. Но тебе оно все равно уже не нужно.

Ну да, можно и так сказать. Разве что... разве что теперь в моей патовой ситуации появились новые нюансы. Спасибо луне, спасибо удару по морде лица.

Оружие стоило убрать дальше, это во-первых. Рукоять револьвера я заметил не так и далеко. Во-вторых, после удара пришлось чуть откатиться и нащупать под спиной что-то жесткое, ребристое и явно

металлическое. А руки мне скрутили какой-то трухлявой ерундой навроде вожжей. Ну, скажите, пожалуйста, сколько продержатся вожжи вне крыши и сухого воздуха?

То-то и оно. Разве что двигаться сильно и резко у меня не получится. Ну, и ладно. Этой дохлой дамочке явно хочется поговорить. Дичь какая-то... Но на руку. Женщины, как известно, любят ушами. Вот и полюблю ее уши, точно.

Чертов дурман снова раскатился по подвалу. Но насколько наглая стервь, а? До села всего ничего, а она, потеряв двух слуг, плевать на это хотела. Хотя, чего уж там, селяне сами виноваты. Трусить все горазды, а вот как дело доходит до побороться за жизнь, то... амба. И ладно бы свою, взрослую, прожитую худо-бедно, но полно. Но дети же, дети!

Она замерла, смотря на меня. Наклонилась, неожиданно оскалившись. Вот так поворот, неужто чертова сука меня расхотела? Тучи вновь заслонили луну, в подвале стало хоть глаз выколи, как темно. Упыриха, только что стоявшая у своих гнилушек, размазалась еле заметной тенью. Я втянул воздух, стараясь уловить ее движения. Чем-то чиркнуло по руке, да так аккуратно, что мясо осталось целым. Хотя, почему чем-то?

- Хочется жить? – Она провела черными острыми ногтями по рукаву, тут же расплзшемуся длинным разрезом. – А?

- Кому же не хочется-то? – Голова оставалась тяжелой, и жутко пересохло в горле.

- А не лез бы ко мне, все осталось бы как есть. Прожил бы себе долго и счастливо... возможно. Нашел бы себе бабу, завел бы детишек. Так нет, надо таким как ты обязательно пытаться жить другим.

- Я детей не ем. Наверное, поэтому ко мне и не лезет никто.

- Ну-ну... - движения было не уловить, тонкие и острые клыки щелкнули у уха, коснулись шеи рядом с пульсирующей под кожей кровью. – Страшно тебе, ой, да как сильно-то...

Страшно? Очень. Особенно, когда рядом такая, как она.

Смертельно опасная. Пахнущая чем-то сухим и резким. И кровью, вьевшейся в ее кожу, язык, губы и зубы. Сдается мне, что накатывающей паники могу даже и обоссаться.

Уловить ее движение в полутьме сейчас казалось практически нереальным. Даже такому засранцу, ошастливленному природой и

геномом, как я. Луна чуть прорвалась сквозь тучи, дала хотя бы немного увидеть взвинченное чудовище.

Узкие щелочки зрачков совершенно неуловимо оказались прямо перед моим лицом. Пахнуло густой смесью из её рта, и сдержался только из нежелания показать твари свою слабость. Сблевануть, в смысле.

- Что, охотничек... - она фыркнула. – Дорога тебе твоя жизнь, а? Жизнь... А ты сама-то как думаешь, а?

За ее спиной мелькнула темная тень, а упыриха развернулась на месте, крепко приложив неугомонного дурня Мастерка прямо по голове. Куда ж ты полез, дурачок деревенский, наивный сельский юноша?

Тварь поддала ему ногой в живот, выколачивая воздух из легких. Мастерок согнулся в три погибели, корчась на досках, кашляя и опустошая желудок. Она схватила его за шею, подняла, легонько, как перышко, одной рукой, приблизив свое лицо к его.

Зеленоватый свет скользнул внутрь, освобожденная луна любопытно глянула вниз. Мастерок, побелевший и пахнувший собственной мочой, тоненько заскулил, увидев оскал собственной смерти. Хрустя хрящами и щелкая связками и самой нижней челюстью, пасть твари распахнулась до невероятных размеров. Я выдохнул, напоследок как следует проведя связанными руками по металлическому ребру за спиной. Лопнуло, и мне оставалось только попробовать успеть спасти парня. Или убить эту суку.

Нож, закрепленный на спине, чуть выше лопаток, лег в руку легко. Сталь свистнула, крутанулась в полете и звучно чмокнув вошла ей в глаз. Упыриха завопила, отшвыривая Мастерка и кинулась ко мне. А я, само собой, кинулся к своему револьверу. Вцепился в рубчатую рукоять, разворачиваясь к ней... но она успела первой. Когти ударили по многострадальной руке, совершенно уничтожая рукав куртки, наплевав на толстенную кожу специально нашитой манжеты. Больно, черт, очень больно!

Револьвер полетел в сторону, я в другую, тварь взлетела вверх и приземлилась прямо на мою спину. Ударил локтем назад, пытаюсь сделать хотя бы что-то, а взамен получил добрую плюху в голову, лбом впечатавшись в пол. А она снова заорала. Только теперь явно от боли. Дуплет ружья Мастерка грохнул просто оглушающе, перебивая визги.

Ее перекинуло через меня, бросив в угол к гнилушкам. К последнему маленькому тельцу, лежавшему там же.

А я схватил револьвер и начал стрелять. Все семь пуль в две точки. В голову, в голову, снова в голову и еще раз туда же. И еще три в грудь, в чертову мускулистую хрень, гоняющую ту черную дрянь, что питает чертовы организмы некроидов. Да-да. Доцент, теперь я тебе верю полностью.

Когда дым от сгоревшего пороха рассеялся, мне хватило ума и сил добраться до ребенка. Но, как и думал, все же оказалось не совсем поздно, но... Девочка спала мертвым ледяным сном. И кто проснется в ней? Этого я не знал.

Луна светила вовсю, радуясь разошедшимся тучам. Мастерок, белея повязкой на голове, старательно промывал мою руку. Ее еще жгло от уколов из ампул, купленных в Гае по рекомендации Доцента. Надо обеззаразить, да посильнее. Спирт жег рваные длинные куски мяса и кожи ничуть не меньше. Моя аптечка, не особо пострадавшая в переделке, радовала все сильнее. Часть спирта мы с этим азартным молодым человеком употребили до процедур медицинского свойства.

- Ты его как так тихо укотрупил? – кивнул на уже вонявшего все сильнее дохлого третьего упыря. – А, малец?

- Так топором же, - Мастерок виновато улыбнулся, - он вышел ничего не опасаясь. Ну, а топором же меня...

- Отец научил работать, как мог забыть, м-да. – Я довольно кивнул. – Слушай, паренек, а что ты здесь забыл после всего этого?

- Ты возьмешь меня с собой? – Ба, да он радуется, дурачок молодой. – Правда?

- Крест на сердце, ага...

- Чего?

- Возьму, говорю. Сам видел – один в поле если и воин, то когда есть огневая поддержка. Мастерок, вот ведь.

- Чего?!

- Говорю, будешь умницей, станешь Мастером.

- А тебя как звать-то?

Черт, ну как так? Он меня спас, не дал превратить в тушу, выпотрошенную, как на скотобойне, и все равно полон восторга и восхищения. Сельские нравы, простые и наивные, точно.

Треснув и полыхнув фейерверком, крыша, ее остатки, с грохотом ввалились внутрь, сложившись в странную, геометрическую фигуру. Малышка, оставленная внизу, прости меня... нас. Теперь уже нас. Нельзя позволить вернуться тебе назад в село. Пусть и населяют его одни трусливые паскуды. Никак нельзя.

- Так как?

Я посмотрел на него, неуверенно топчущегося рядом.

- Как, как... Мэдмакс меня зовут. Повторить по буквам?